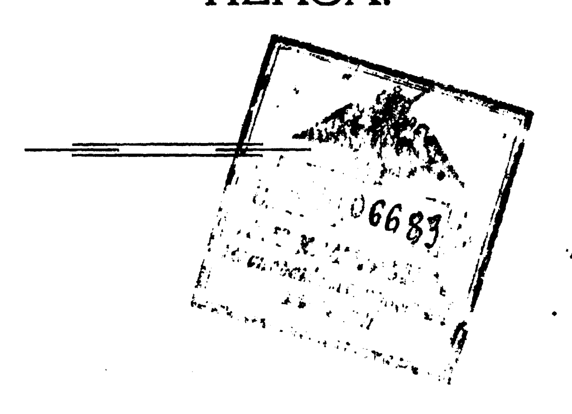
ВОСПОМИНАНІЯ ГУБЕРНАТОРА.

(1905—1914 г.).

НОВГОРОДЪ —
САМАРА —
ПЕНЗА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Дозволено военной цензурой. Петроградъ, 13 Августа 1916 г.

Типографія «Содружество». Гончарная, 22—24.

Пишу свои воспоминанія исключительно по памяти, не руководствуясь какими-либо записями или документами. Отсюда вытекаетъ нѣкоторая, можетъ быть, неточность датъ, забытыя имена, отступленія отъ хронологическаго порядка и т. п. Все, что въ свое время меня особенно волновало, и казалось мнѣ значительнымъ, постараюсь изложить здѣсь правдиво, просто, не задаваясь никакими литературными красотами.

О еще живущихъ людяхъ буду говорить лишь постольку, поскольку они имѣли отношенія къ описываемымъ мною событіямъ, не пытаясь давать имъ исчерпывающей характеристики.

Думается, что необычайность пережитыхъ Россіей за эти годы потрясеній и невзгодъ такъ велика, что освѣщеніе ихъ со стороны человѣка, стоявшаго въ это время въ провинціи у власти, а слѣдовательно и близко ихъ наблюдавшаго, представитъ читателю нѣкоторый интересъ, даже и въ томъ случаѣ, если это освѣщеніе въ литературномъ смыслѣ окажется слабымъ.

И. Ф. Кошко.

26 Марта 1914 г.

Осенью 1905 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ командировало меня въ Пензенскую губернію для постановки тамъ серьезной продовольственной компаніи по случаю почти полнаго неурожая озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ. Дѣло это мнѣ было хорошо знакомо, такъ какъ я тогда состоялъ непремѣннымъ членомъ Новгородскаго Губернскаго Присутствія, а начало девяностыхъ годовъ было крайне неблагопріятно для нашей губерніи въ смыслѣ урожая, такъ что Правительство принуждено было ассигновать болѣе 6 миллiоновъ рублей на сѣменную и продовольственную помощь и выполненіе работы оказанія помощи лежало на мнѣ.

Командировка въ Пензу была очень трудна. Дѣло было неправильно поставлено съ самаго начала. Губернское Присутствіе не пожелало взять въ свои руки заготовку хлѣба, а передало ее Уѣзднымъ Съѣздамъ. Такимъ образомъ, на рынкѣ вмѣсто одного покупателя отъ губерніи являлось цѣлыхъ 11, дѣйствовавшихъ не только безъ всякаго между собой соглашенія, а напротивъ того перебивавшихъ другъ у друга партіи зерна. Каждому хотѣлось, какъ можно скорѣе обезпечить свой уѣздъ и закончить хлопотливое дѣло развозки купленнаго хлѣба на мѣста, гдѣ уже ощущалась острая нужда. Никакого плана выполненія этой весьма сложной работы не было сдѣлано: не распредѣлено населеніе по станціямъ желѣзной дороги для получки зерна, не приготовлено помѣщеніе для храненія закупленныхъ запасовъ, не организована выставка подводъ и т. п. Отдѣльныя партіи, купленныя въ силу соревнованія по очень повышенной цѣнѣ, прибывали на станціи и только тогда принимались думать, что-же съ ними дѣлать, какъ ихъ приблизить къ населенію. Отсюда простой вагоновъ, несообразная плата за помѣщенія для храненія и вывозку, полная неосвѣдомленность Губернскаго Присутствія о томъ, что дѣлается на мѣстахъ. Такимъ образомъ, прежде всего надо было выработать планъ компаніи во всѣхъ подробностяхъ и взять всю заготовку въ одни руки самого Присутствія. Я выработалъ такой подробный планъ, посвятилъ въ него мѣстнаго непремѣннаго члена князя Кугушева и отъ нашего общаго имени внесъ его на разсмотрѣніе Губ. Прис. Признаюсь, я очень безпокоился, приметъ-ли его Присутствіе. Вѣдь этотъ мой докладъ представлялъ собою въ сущности осужденіе всего того, что Присутствіемъ уже было сдѣлано, и указывался совершенно иной путь. И предлагалось это не какимъ-либо авторитетомъ, съ которымъ спорить не приходится, а непремѣннымъ членомъ чужой губерніи, не обладающимъ рѣшающей властью. Сверхъ всякаго чаянія, планъ былъ принятъ полностью и не только не было сдѣлано возраженій,

а по окончаніи засѣданія членъ Губернской Земской Управы В. В. Вырубовъ, очень интересовавшійся дѣломъ помощи населенію, любезно заявилъ мнѣ: «мы никогда еще здѣсь не слышали такого обстоятельнаго доклада и не привыкли дѣйствовать по заранѣе продуманному плану».

Слѣдующей задачей явилось возможное исправленіе рынка. Безсистемная закупка страшно взвинтила цѣны и поставщики, конечно, стремились всячески удержать этотъ несуразный ихъ уровень. Еще въ Петроградѣ мнѣ говорилъ А. А. Павловъ, помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ по продовольственной части, что Пенза покупаетъ хлѣбъ неслыханно дорого и что это грозитъ общимъ поднятіемъ цѣнъ на рынкѣ. Если пока такая неумѣлая покупка широко не отразилась, то только благодаря тому, что Пензенское Присутствіе закупало рожь внутри губерніи и къ внѣшнимъ рынкамъ почти не обращалось. А потому я просилъ Павлова пріостановить телеграммой дальнѣйшую закупку впредь до моего пріѣзда въ Пензу, что имъ и было сейчасъ-же сдѣлано.

Мнѣ были извѣстны многіе поставщики хлѣба въ Москвѣ, Рыбинскѣ, Центральной Россіи. Еще изъ Петрограда я имъ телеграфировалъ предложеніе поставить хлѣбъ и назначить цѣны на него. Пріѣхавъ въ Пензу, я засталъ цѣлую кучу телеграммъ съ предложеніемъ зерна изъ разнообразныхъ районовъ Россіи, при чемъ эти предложенія исходили не только отъ лицъ, къ которымъ я обратился самъ, но и отъ цѣлаго ряда совершенно мнѣ не извѣстныхъ торговцевъ. Видимо, вѣсть о моей командировкѣ стала извѣстна въ кругу хлѣботорговцевъ, которые всегда были отлично освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ въ продовольственномъ отдѣлѣ и каковы тамъ предположенія.

Всѣ эти телеграммы назначали очень повышенныя цѣны. Пока вырабатывался планъ кампаніи, я рѣшилъ ничего не покупать и отвѣчалъ на телеграммы предложеніемъ цѣны, существовавшей до искусственнаго ея взвинчиванія. Я понималъ, что среди торговцевъ и комиссіонеровъ, преимущественно евреевъ, не могло быть твердой увѣренности, что имъ удастся сорвать несуразную цѣну: конкуренція для этого была вполнѣ достаточной. А съ другой стороны, перспектива лишиться поставки по выгодной цѣнѣ да къ тому-же за наличныя деньги, должна была заставлять спекулянтовъ призадуматься и ограничивать ихъ непомѣрные аппетиты. Надо было считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что совершенно невозможно скрыть условія покупки хлѣба. Сегодня вы купили партію и завтра, какъ-бы тщательно ни скрывалась цѣна, она становилась общимъ достояніемъ. Евреи удивительные мастера проникать въ такія тайны: они подкупаютъ писарей, биржевыхъ маклеровъ, служащихъ нотаріусовъ, а главное—телеграфистовъ. А вѣдь сдѣлка покупокъ производится почти исключительно по телеграфу. Понятно поэтому, какъ важно было выдержать характеръ и не уступать даже тогда, когда разница спроса и предложенія выражалась нѣсколькими копѣйками. Я не скупился на телеграммы и всѣмъ и каждому говорилъ, какую я предлагаю цѣну. Результаты такой выдержки немедленно сказались: Губернское Присутствіе и Съѣзды довели цѣну до 1 р. съ лишнимъ за пудъ ржи,

а черезъ недѣлю у меня уже были крупныя предложенія по 65—70 коп. Къ сожалѣнію, въ этомъ году рожь повсюду содержала большой % влажности, а слѣдовательно была низкой натуры. Въ смыслѣ продовольствія это небольшая бѣда: немножко труднѣе молоть зерно и хлѣбъ выходитъ чернѣе. Но когда ставится задача заготовить хлѣбъ до новаго урожая и приходится по этому хранить запасы и въ теплые мѣсяцы, являлась опасность, что сырая рожь можетъ загорѣться. Поэтому особенно важно было подумать о тщательномъ храненіи и провѣтриваніи. Въ то-же время мнѣ стало извѣстнымъ, что въ Сибири получился отличный урожай пшеницы и цѣны на нее стояли настолько низкія, что при льготномъ тарифѣ было возможно доставить въ Пензу по цѣнѣ не дороже ржи. Я рѣшилъ этимъ воспользоваться, заручившись согласіемъ земскаго отдѣла. Я вполнѣ былъ хозяиномъ всего дѣла. Мѣстный губернаторъ С. А. Хвостовъ, хотя и относившійся ко мнѣ нѣсколько сухо и, пожалуй, отчасти недоброжелательно, ему трудно было, конечно, забыть, что меня прислали исправить надѣланныя тутъ ошибки, но нисколько мнѣ не мѣшалъ и ходомъ дѣла мало интересовался.

Онъ былъ поглощенъ болѣе трудными задачами: броженіе среди крестьянъ, поддерживаемое открытой агитаціей, становилось все болѣе и болѣе грознымъ.

Всѣ противуправительственные элементы съ каждымъ днемъ дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе и не скрывали своего намѣренія произвести государственный переворотъ, поджигая въ деревняхъ—неудовольствіе противъ помѣщиковъ и стремясь довести крестьянъ до аграрныхъ насилій. А почва въ Пензенской губерніи была очень въ этомъ отношеніи благопріятна: надѣлы крестьянъ были крайне малы, сплошь и рядомъ мужики сидѣли на дарственныхъ надѣлахъ и могли существовать лишь, арендуя землю у помѣщиковъ и уплачивая очень высокую плату до 18 р. за десятину. Непремѣнный членъ Губернскаго Присутствія В. И. Потуловъ, очень умный и дѣльный человѣкъ, говорилъ мнѣ, что его считаютъ въ губерніи чуть не мечтателемъ-филантропомъ за то, что онъ не желаетъ своимъ мужикамъ повышать аренду свыше 12 руб. за десятину, когда могъ-бы получить и всѣ 18.

Съ этимъ наростающимъ броженіемъ приходилось бороться обычными ничтожными силами полиціи, ибо еще не была учреждена полицейская стража, а войскъ въ самой губерніи и въ смежныхъ съ нею не было вовсе. До присылки казаковъ, что случилось уже позднѣе, когда начались крестьянскіе погромы усадьбъ, борьба эта представлялась чрезвычайно трудной, и потому тѣмъ болѣе поглощала собою все вниманіе губернатора и страшно его нервировала. Ему было уже не до того, чтобы заниматься хозяйственными заботами.

Въ дальнѣйшемъ мнѣ уже не пришлось болѣе встрѣчаться съ С. А. Хвостовымъ, а потому здѣсь я разскажу со словъ его жены Анны Ивановны Хвостовой и пензяковъ о фатальной судьбѣ этого человѣка. Полиціймейстеромъ въ Пензѣ въ это время состоялъ, какъ говорили, дальній родственникъ Сергѣя Алексѣевича. фамилію его я забылъ. Это былъ бравый молодой человѣкъ, высо-

каго роста, широкоплечій, кажется, довольно храбрый, но не отесанный и грубый субъектъ. Повидимому, онъ искренно думалъ, что хорошій полиціймейстеръ, не баба, долженъ быть именно рѣзкимъ и грубымъ; а потому особенности эти проявлялъ съ сугубымъ стараньемъ. Его всѣ терпѣть не могли, а губернаторъ, цѣня въ немъ преданность себѣ и храбрость, не вѣрилъ доходящимъ до него жалобамъ и приписывалъ ихъ такъ распространенному тогда фрондерству противъ всякой проявляющей себя правительственной власти.

Такое отношеніе создало и самому С. А. Хвостову кучу враговъ, не только въ политиканствующемъ лагерѣ, но и среди людей спокойныхъ и уравновѣшенныхъ. На многочисленныхъ митингахъ про Хвостова и полиціймейстера разсказывали открыто самыя чудовищныя вещи, въ которыхъ, конечно, не было ни слова правды, но эти разсказы страшно взвинчивали молодежь и заставляли ее кипѣть пламенной ненавистью къ обоимъ.

Съ манифестомъ 17 октября митинги стали совершенно публичными. На одномъ изъ такихъ митинговъ, собранныхъ въ присутствіи чиновъ полиціи въ зимнемъ театрѣ, ораторы договорились прямо до открытой проповѣди ниспроверженія существующаго государственнаго строя. Когда губернатору объ этомъ доложили, онъ приказалъ закрыть собраніе. Исполняя это приказаніе, полиціймейстеръ, конечно, наткнулся на цѣлый рядъ враждебныхъ ему выходокъ до грубаго оскорбленія и прямого противодѣйствія толпою. Какъ упорно разсказывали потомъ въ Пензѣ, полиціймейстеръ пустилъ въ ходъ силу и этимъ своимъ распоряженіемъ принесъ общую ненависть къ себѣ и губернатуру довелъ до бѣлаго каленія. Посыпались телеграммы въ Петроградъ, городская дума выбрала особыхъ уполномоченныхъ, которыхъ послала жаловаться на губернатора председателю Совѣта Министровъ. Въ революціонныхъ же кружкахъ, въ которыхъ давали тонъ преимущественно неуравновѣшенные мальчишки, было рѣшено полиціймейстера и губернатора «предать смертной казни».

Общія условія такъ складывались, что повсюду въ Россіи участились террористическія покушенія, при чемъ сплошь и рядомъ авторы такихъ покушеній при подневольномъ укрывательствѣ смертельно запуганнаго мирнаго населенія ускользали изъ рукъ правосудія.

Разумѣется, такая безнаказанность страшно окрыляла всѣ преступные элементы, и вотъ убійство всякими способами становится совершенно ходовымъ средствомъ раздѣлаться съ людьми, которые имѣли несчастіе такъ или иначе не угодить гг. революціонерамъ. При этомъ роли распредѣлялись совершенно опредѣленно: «свѣтлыя личности», нерѣдко весьма почтеннаго возраста и общественнаго положенія, громили дѣятельность отдѣльныхъ чиновъ Правительственной власти въ расплодившихся повсюду «свободомыслящихъ» газетныхъ листкахъ, не останавливаясь часто передъ самой грубой клеветой и фантастическимъ измышленіемъ никогда не существовавшихъ фактовъ. Самое изложеніе велось такимъ пропитаннымъ страстной ненавистью тономъ, который захватывалъ и выводилъ изъ себя даже совершенно уравновѣшенныхъ

людей. Это называлось тогда «идейной борьбой», а на самомъ дѣлѣ было чистѣйшей, вполнѣ сознательный, какъ стали выражаться позднѣе, провокацiей убiйства. Зеленая молодежь, которая была прямо зачарована своей узурпирванной ролью «спасателей отечества», какъ губка, впитывала разлитый въ этихъ листкахъ ядъ, экзальтировалась до полной потери представленiя, что хорошо и что гнусно, и слѣпо шла на подвигъ «устраненiя» вредныхъ для народныхъ интересовъ людей.

Въ короткое время въ Пензѣ былъ убитъ генералъ Лисовскiй, совершено покушенiе на ректора семинарiи, тяжко раненъ на подъѣздѣ своей квартиры директоръ учительской семинарiи Остроумовъ. Газетка «Черноземный Край», которую позднѣе стали называть за ея гнусность «Навознымъ Краемъ» вела особенно сильную агитацiю противъ губернатора Хвостова и полицiймейстера. Прямымъ послѣдствiемъ этого было то, что экзальтированный юноша нѣкiй Васильевъ однажды въ самомъ центрѣ города у губернаторскаго дома выстрѣломъ изъ револьвера въ спину полицiймейстера, уложилъ его на мѣстѣ и въ губернаторскiй домъ былъ принесенъ уже мертвый человѣкъ. Самъ Васильевъ на глазахъ дежурящей у губернаторскаго дома полицiи бѣжалъ и былъ спрятанъ въ первой встрѣченной квартирѣ одного частнаго лица, совершенно ему незнакомаго, куда онъ чуть не силой ворвался. Впослѣдствiи при поддержкѣ «свѣтлыхъ личностей» Васильевъ бѣжалъ въ Швейцарiю и проживалъ тамъ до 1907 года, пока не былъ выслѣженъ и выданъ русскому Правительству въ силу конвенцiи о выдачѣ уголовныхъ преступниковъ. Всѣмъ памятны громы, которые расточались революцiонной и прогрессивной печатью на голову Швейцарскихъ властей по поводу предполагаемой выдачи. Эта газетная кампанiя возымѣла извѣстное дѣйствiе на Союзный Совѣтъ, который обусловилъ выдачу Васильева требованiемъ преданiя его обычному, а не чрезвычайному суду. Такъ была спасена голова неврастеника-убiйцы.

С. А. Хвостову приходилось опасаться такой-же участи какъ и полицiймейстеру.

Жандармскiя власти, освѣдомляемыя за деньги тѣми-же «спасателями отечества», прямо требовали, чтобы онъ не выходилъ изъ губернаторскаго дома, не ручаясь внѣ его за безопасность. Вся прекрасная губернаторская усадьба обратилась въ какой-то военный лагерь, гдѣ всюду были разставлены часовые, не спускавшiе глазъ съ Хвостова при выходѣ его погулять въ саду. Бѣдная жена его, вся отдавшаяся своей многочисленной семьѣ и беззавѣтно привязанная къ мужу, потеряла сонъ и всякое самообладанiе. Когда губернатору нужно было выйти изъ дому, съ ней, говорятъ, дѣлались продолжительные обмороки и истерики и она чуть-ли не на колѣняхъ умоляла мужа пожалѣть дѣтей и отказаться отъ своего намѣренiя. Все это, конечно, производило свое дѣйствiе и чуть-ли не полгода С. А. Хвостовъ просидѣлъ узникомъ въ губернаторскомъ домѣ. Понимая ненормальность такого положенiя, онъ сталъ хлопотать черезъ своихъ влiятельныхъ братьевъ о переводѣ въ Петроградъ въ Совѣтъ Министра. Когда, состоялся этотъ переводъ и С. А. Хвостовъ при строгихъ предосторожностяхъ сѣлъ въ поѣздъ и оставилъ Пензу, онъ и вся его семья облегченно вздохнули: на-

конецъ-то кончилась такъ долго удручавшая ихъ смертельная опасность, не дававшая ни минуты покоя. Пріѣхавъ въ Петроградъ, Сергѣй Алексѣевичъ взялъ заграничный отпускъ полѣчиться. Нанявъ квартиру и собираясь вечеромъ уѣхать съ поѣздомъ въ разрѣшенный отпускъ, онъ порѣшилъ откланяться министру П. А. Столыпину и надѣвъ мундиръ, поѣхалъ на министерскую дачу на Аптекарскомъ островѣ. Въ этотъ день произошло извѣстное покушеніе на Столыпина и С. А. Хвостова сталъ одной изъ многочисленныхъ жертвъ его, былъ перевезенъ въ ближайшую больницу, гдѣ черезъ два часа умеръ.

Видно такъ ему было на роду написано! Проживъ долго въ обстановкѣ, гдѣ отовсюду грозила ежеминутная опасность, онъ остался живъ и здоровъ. И только вырвавшись изъ этого ада и въ условіяхъ полнѣйшей безопасности, нежданно-негаданно гибнетъ жертвой покушенія, которое въ него совсѣмъ и не мѣтило.

Да, мудрено не стать фаталистомъ передъ этой грустной исторіей.

Между тѣмъ, покупка зерна вполнѣ наладилась, были обезпечены не только нужда текущая, но и сдѣланы запасы, покрывающіе значительную часть всей потребности, исчисленной вплоть до новаго урожая. Недостающее я полагалъ пополнить покупкой пшеницы въ Сибири.

Одновременно сдѣланы были распоряженія о выясненіи количеста недостающихъ яровыхъ сѣмянъ. Я счелъ необходимымъ лично объѣхать уѣзды наиболѣе трудные въ смыслѣ доставки хлѣба и убѣдился на мѣстѣ, что дѣло наладилось. При моемъ возвращеніи въ Пензу, на одной изъ станцій былъ только что полученъ манифестъ 17 октября.

За время моего пребыванія въ губерніи революція постепенно все разрасталась. Была объявлена желѣзнодорожная забостовка, которая къ общему величайшему изумленію явилась не частичной, а охватила рѣшительно всѣ дороги. Прибывшіе въ Пензу на очередное собраніе дворяне оказались отрѣзанными отъ своихъ усадьбъ и принуждены были возвращаться домой на лошадяхъ. Конечно, такимъ моментомъ воспользовались и цѣна на лошадей стала прямо сумасшедшей. Я слишкомъ былъ поглощенъ своей работой, а потому весьма мало былъ освѣдомленъ о томъ, что происходило. Кромѣ газетъ я зналъ кое-что изъ разговоровъ, но все это въ памяти моей не оставило опредѣленной картины, а лишь одно жуткое впечатлѣніе передъ организованностью смуты, сумѣвшей принудить сотни тысячъ людей отказаться отъ текущей работы, кормившей ихъ семьи, и жить въ полной неизвѣстности будущаго, ожидая, къ тому-же вполнѣ неизбѣжныхъ репресалій Правительства за эту забастовку съ вѣроятной потерею заработка. Посколько я могъ судить, подавляющее большинство забастовщиковъ, въ душѣ не вѣрило въ торжество революціи. Но главари движенія, а ихъ было до смѣшного мало, сумѣли такъ терроризовать подавляющее мирное большинство, что оно безропотно подчинилось ихъ велѣніямъ и бездѣятельно въ глубокой тревогѣ ожидало дальнѣйшаго хода событій. Почему-же удалась эта грандіозная забастовка? Въ чемъ была сила, этой таинственной кучки главарей, состоявшей

въ значительной своей части изъ всякихъ недоучившихся юнцовъ? Понять это, опираясь на законы логики, совершенно невозможно. Происходило что-то стихійное, предназначенное Россіи рокомъ.

Точно сумасшествіе овладѣло волею людей и толкало ихъ пренебречь своими кровными интересами во имя какой-то непонятной большинству химеры.

Видно всякій новый государственный строй, чтобы прочно укорениться въ странѣ, непремѣнно долженъ, предварительно пройти черезъ море человѣческихъ страданій.

Манифестъ 17 октября на меня лично произвелъ впечатлѣніе прежде всего своею недосказанностью. Имъ даровалось очень много благъ, но въ какихъ формахъ эти блага прольются въ дѣйствительную жизнь? Какъ они будутъ согласованы съ дѣйствующимъ законодательствомъ—указаній не было. Одно было ясно, что устанавливается представительный строй и ему сопутствуютъ свобода совѣсти, свобода слова и собраній. Но когда вступаетъ въ дѣйствіе дарованіе этихъ благъ? Со времени фактическаго осуществленія представительнаго строя или сейчасъ, немедленно? Въ этомъ была для меня существенная неясность.

Огромное большинство рѣшило, что свободы наступили съ минуты обнародованія манифеста. Въ Пензѣ это выразилось въ шумныхъ уличныхъ манифестаціяхъ, публичныхъ митингахъ, пренебрежительномъ игнорированіи правительственной власти, а вскорѣ затѣмъ и грозныхъ аграрныхъ безпорядкахъ. Своими глазами этихъ явленій я не видѣлъ, такъ какъ съ возстановленіемъ желѣзнодорожнаго движенія—сѣлъ въ первый сибирскій экспрессъ и выѣхалъ въ Омскъ, а потому о нихъ я упоминаю лишь вскользь.

Городъ Пенза мнѣ очень понравился. Расположенъ онъ на горѣ, круто спускающейся въ долину рѣки Суры, утопаетъ въ зелени. Со стороны казанской дороги видъ на городъ очарователенъ. Хорошихъ зданій, мостовыхъ и памятниковъ почти не имѣется, но это не лишаетъ городъ своеобразной улыбающейся уютности. Губернаторскій домъ стоитъ на Соборной площади и представляетъ собою обширную усадьбу, богато снабженную всякими хозяйственными постройками. Домъ трехэтажный: внизу помѣщается канцелярія губернатора, въ бельэтажѣ пріемныя комнаты, въ третьемъ этажѣ жилое помѣщеніе. Вездѣ много солнца и воздуха. Мнѣ такъ понравился этотъ домъ, что я помню, сказалъ какъ-то кому-то изъ своихъ знакомыхъ:

— Если мнѣ суждено когда нибудь получить губернаторство, то я очень желалъ-бы попасть въ Пензу.

Черезъ годъ это мое желаніе сбылось.

До сихъ поръ я никогда не бывалъ въ Сибири и мысленно представлялъ себѣ этотъ край, какъ что-то совершенно отличное отъ Европейской Россіи съ преобладаніемъ во всемъ тоновъ крайней суровости. Оказалось-же, что это такая-же Россія, съ безконечными по обѣ стороны желѣзной дороги засѣянными полями, изрѣдка перерѣзаемыми небольшими березовыми и осиновыми рощицами, ну совсѣмъ та же Новгородская губернія. Особенность заключается лишь въ одномъ, что жилье попадается очень рѣдко, а деревень я не видѣлъ. Дремучихъ лѣсовъ въ этой преимущественно

степной полосѣ и помину нѣтъ. Подъѣзжая къ Омску и переѣзжая Иртышъ получается впечатлѣніе чего-то громаднаго, пустыннаго, суроваго.

Прямо со станціи попадаешь въ какую-то безлюдную пустыню и совсѣмъ не подозрѣваешь, что вотъ тутъ поблизости начинается большой, довольно населенный городъ. Его какъ-то въ началѣ совсѣмъ не видно и не имѣется пригородовъ, обыкновенно сопровождающихъ въ Россіи крупныя поселенія. Самый городъ представляетъ двѣ или три порядочныхъ улицы съ хорошими зданіями, магазинами и мостовыми. Остальное имѣетъ видъ обширной деревни. Лучшая гостиница стоитъ на немощенной площади у базара. Номера очень чистые и прилычные.

Пріѣхавъ въ Омскъ, я обратился къ управляющему мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка, къ которому у меня было рекомендательное письмо, и просилъ указать мнѣ наиболѣе солидныхъ торговцевъ пшеницею. Онъ обѣщалъ прислать подходящихъ людей въ гостиницу. Затѣмъ я отправился на мѣстную биржу и абонировался на биржевые бюлетени, чтобы быть въ курсѣ мѣстныхъ цѣнъ.

На другой день ко мнѣ дѣйствительно явился молодой человѣкъ молоканинъ и предложилъ порядочную партію пшеницы въ Омскѣ и Петропавловскѣ. Цѣна оказалось въ концѣ переговоровъ подходящей, т. е. въ Пензѣ она будетъ стоить не дороже ржи, и мы заключили съ нимъ маклерское условіе. Вызвавъ по телеграфу изъ Пензы своего человѣка для присутствія при погрузкѣ зерна, я могъ считать дѣло свое поконченнымъ.

При мнѣ ни въ Омскѣ, ни на желѣзной дорогѣ никакихъ безпорядковъ не происходило, такъ какъ здѣсь уже проѣхалъ генералъ Мелеръ-Закомельскій, своими рѣшительными дѣйствіями положившій конецъ всякимъ безобразіямъ. Но поѣзда были переполнены возвращающимися съ войны запасными нижними чинами и офицерскимъ составомъ, такъ что получить мѣсто было рѣшительно невозможно и станціонное начальство предлагало мнѣ выждать нѣсколько дней, когда немного волна схлынетъ и, можетъ быть, явится возможность продавать билеты. Только предъявивъ открытый листъ Министра, которымъ предписывалось властямъ оказывать мнѣ всяческое содѣйствіе, я получилъ мѣсто въ переполненномъ вагонѣ 3-го класса и такимъ образомъ доѣхалъ до Челябинска, гдѣ уже удалось получить мѣсто 1-го класса до Пензы. По возвращеніи въ Пензу я занялся опредѣленіемъ количества нужныхъ яровыхъ сѣмянъ: по окончаніи этой работы мы возбудили ходатайство объ ассигнованіи средствъ на эту заготовку. О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ я подробно доносилъ Земскому Отдѣлу и получилъ одобреніе своихъ предположеній.

Когда зашла рѣчь объ яровыхъ сѣменахъ, мнѣ изъ Земскаго Отдѣла прислали заявленіе пермскаго земскаго начальника Кормилицына, который указывалъ, что въ Камышловскомъ, Шадринскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ можно купить неограниченное количество овса по баснословно дешевой цѣнѣ. Предложеніе это рисовалось такимъ заманчивымъ, что я счелъ необходимымъ его про-

вѣрить на мѣстѣ и вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Сибири выѣхалъ въ Екатеринбургъ.

Оказалось, что дѣйствительно тамъ овса было много, но онъ еще на рынокъ не вывозился и цѣны на него не установились. Не было смысла ждать подвоза, ибо на это могло уйти много времени въ зависимости отъ того, когда установится санный путь, а потому съ санкціи Земскаго Отдѣла я вошелъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ городскимъ головою г. Афиногеновымъ, который взялся быть нашимъ комисссіонеромъ и за скромное вознагражденіе закупить намъ солидную партію по тѣмъ цѣнамъ, которыя установятся на рынкѣ. Для контроля правильности этихъ цѣнъ могли служить биржевые бюлютени, но сверхъ того я—вошелъ въ сношеніе съ предсѣдателями уѣздныхъ съѣздовъ и просилъ ихъ еженедѣльно высылать въ Пензенское Губернское Присутствіе свѣдѣнія о мѣстныхъ базарныхъ цѣнахъ. Они любезно на это согласились.

Министерство признало, что дѣло въ Пензѣ наладилось и могло быть ведено далѣе мѣстными чинами, а потому отозвало меня обратно. Не могу не отмѣтить второго страннаго совпаденія. Съ городомъ Екатеринбургомъ мнѣ пришлось вторично встрѣтиться, когда я былъ назначенъ пермскимъ губернаторомъ. Такимъ образомъ, судьба познакомила меня и съ Пензой и съ Пермской губерней прежде, чѣмъ я появился въ нихъ начальникомъ губерніи.

Долженъ признаться, что моей командировкѣ въ Пензу на такое отвѣтственное дѣло я былъ ужасно радъ. Конечно, иногда тревожило опасеніе, удастся-ли мнѣ справиться съ поставленной задачей и чѣмъ было ближе къ дѣлу, тѣмъ болѣе росли и мучили эти сомнѣнія. Но съ другой стороны, это было случаемъ отличиться на глазахъ Министерства и добиться, наконецъ, назначенія на должность вице-губернатора, мечта о которой не оставляла меня современи ухода изъ военной службы, т. е. въ теченіи 15 лѣтъ. Служба моя сначала земскимъ начальникомъ, а потомъ непремѣннымъ членомъ Губернскаго Присутствія протекала очень удачно и я завоевалъ себѣ репутацію хорошаго работника, добросовѣстно относящагося къ дѣлу. Думою, что всѣ губернаторы, а ихъ было за мою службу трое: Мосоловъ, Штюрмеръ и графъ Медемъ, могли давать обо мнѣ только наилучшіе отзывы. Бывшій нашъ губернскій Предводитель Дворянства князь Б. А. Васильчиковъ мнѣ однажды сказалъ, что я имѣю всѣ права на такое назначеніе, такъ какъ моя дѣятельность получила извѣстность за предѣлами губерніи. И тѣмъ не менѣе, несмотря даже на то, что по моей дѣятельности непремѣннаго члена мнѣ пришлось однажды выполнить отвѣтственную срочную работу подъ непосредственнымъ руководствомъ товарища Министра А. С. Стишинскаго, лично, съ нимъ сноситься и исполнить свою задачу успѣшно, я оставался все тѣмъ-же непремѣннымъ членомъ, не двигаясь къ завѣтной цѣли, тогда какъ нѣкоторые мои товарищи какъ, напримѣръ, А. В. Муравьевъ и Н. Н. Качаловъ получили давнымъ давно высшее назначеніе. У нихъ была протекція, у меня-же ея не было. Конечно, протекція вполнѣ естественное, неизбѣжное явленіе, которое существуетъ и будетъ существовать при всякомъ государственномъ строѣ, а при представительномъ, вѣроятно, тѣмъ болѣе. Вѣдь выс-

шая власть, выбирая себѣ сотрудниковъ, рѣдко можетъ лично знать претендентовъ, и силою вещей принуждена считаться съ рекомендаціями людей, которымъ она или довѣряетъ, или съ которыми принуждена считаться. Какъ ни естественно значеніе связей, но оно не можетъ уменьшить все-таки въ васъ чувства горькой обиды, когда васъ обходятъ. Я исполнилъ въ Пензѣ порученіе самого министерства. Всѣ отчеты и донесенія о ходѣ дѣла я представлялъ такому выдающемуся работнику, какъ управлявшій тогда Земскимъ Отдѣломъ В. І. Гурко, который могъ изъ этихъ отчетовъ уже составить себѣ представленіе, поскольку я пригоденъ для работы и заслуживаю дальнѣйшаго движенія по службѣ. Вернувшись поэтому изъ Пензы въ Петербургъ, я былъ очень счастливъ услышать, что какъ В. І. Гурко, такъ и товарищъ Министра Э. А. Ватацци, по докладу перваго, остались очень довольны моею работой и составили себѣ обо мнѣ отличное мнѣніе. Казалось, поэтому было совершенно своевременно хлопотать о в.-губернаторствѣ. А.А. Павловъ, съ которымъ у меня установились пріятельскія отношенія, сказалъ мнѣ, что и Гурко и Ватацци знаютъ о моемъ желаніи получить вице-губернаторство и намекнулъ, что по его предположенію они оба поддержатъ мое ходатайство, если я его возбужу. Надо было для этого явиться Директору департамента Общихъ Дѣлъ А. Д. Арбузову и просить его о содѣйствіи. Арбузова не такъ давно занимавшаго постъ Директора департамента, я никогда до этого не видѣлъ и никто изъ моихъ знакомыхъ за меня его не просилъ, такъ что мнѣ предстояло ходатайствовать о повышеніи передъ человѣкомъ, котораго я совсѣмъ не зналъ, и который, какъ мнѣ казалось, можетъ быть, не подозрѣвалъ даже о моемъ существованіи, ибо крестьянское дѣло, у котораго я служилъ, было всецѣло въ вѣденіи Земскаго Отдѣла и никакой стороной не касалось непосредственно Общихъ Дѣлъ.

Признаться, мнѣ было ужасно стыдно выступать съ такимъ ходатайствомъ. Вѣдь предъявленіе таковаго, въ сущности, хотѣло сказать, что я такъ увѣренъ въ своихъ служебныхъ достоинствахъ, что считаю себя въ правѣ претендовать на столь видное повышеніе, т. е., что я самъ себѣ дѣлаю весьма лестную оцѣнку. Такая самоувѣренность совсѣмъ не въ моемъ характерѣ и я пошелъ на нее только потому, что, какъ мнѣ всѣ говорили, это былъ единственно возможный и всѣми практикуемый путь. Не могу сказать, чтобы я чувствовалъ себя хорошо въ пріемной г. Арбузова. Но корабли уже были сожжены и оставались только ждать очереди. Меня принялъ въ хорошо знакомомъ мнѣ кабинетѣ директора Департамента, обставленномъ прекрасной мебелью въ стилѣ Empire, господинъ невысокаго роста, въ пиджакѣ, съ привѣтливой улыбкой на лицѣ. Никакихъ слѣдовъ олимпійства; это очень меня подободрило и я, не слишкомъ несвязно изложилъ свою просьбу.

— Васъ очень хвалилъ Гурко, сказалъ мнѣ А. Д. Арбузовъ,— и думается мнѣ, что ваше назначеніе вице-губернаторомъ возможно. Но оно зависитъ исключительно отъ Министра и вамъ слѣдуетъ представиться ему и просить.—При этомъ Алексѣй Дмитріевичъ такъ участливо на меня смотрѣлъ, что я сразу воспылалъ къ нему симпатіей и совсѣмъ понемногу оправился. Попросивъ его оказать

мнѣ возможную поддержку, и поблагодаривъ за любезный пріемъ. я откланялся.

Великое дѣло—простое и любезное обращеніе. Оно, конечно, ни къ чему не обязываетъ, всякій это понимаетъ. Но сколько благожелателей оно приноситъ человѣку! Такое обращеніе особенно важно съ крестьянами. Одно ласковое слово, привѣтливый взглядъ—и вы сразу завоеваете человѣка, который, чѣмъ выше вы стоите, тѣмъ болѣе очаровывается такимъ обращеніемъ и пойдетъ васъ расхваливать на всѣхъ перекресткахъ, создавая вамъ почтенную репутацію. А какъ это важно для администратора! Русскій человѣкъ болѣзненнѣе всего реагируетъ на холодную, ледянящую вѣжливость. Такая вѣжливость какъ-бы говоритъ просителю объ его ничтожности и всей неумѣстности безпокоить чопорнаго олимпійца своими мелкими дѣлами и потребностями, нужды нѣтъ, что именно для этой цѣли и создана должность олимпійца и ему платятъ за это солидные оклады.

Если я боялся явиться съ просьбой къ директору департамента, то эта боязнь во много разъ усилилась передъ перспективой обратиться къ Министру, которымъ въ это время былъ П. Н. Дурново. Общій отзывъ рисовалъ Н. П. Дурново, какъ человѣка крутого, рѣзкаго, черстваго. У меня въ памяти еще ярко сохранилось воспоминаніе о пріемѣ у покойнаго В. К. Плеве, которому я представлялся не задолго до его трагической гибели тоже въ надеждѣ получить должность вице-губернатора. Пріемъ этотъ я помню во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Происходилъ онъ въ домѣ Министра у Цѣпного моста на Фонтанкѣ. Представлялось очень много народу: тутъ были и черные фраки, и мундиры разныхъ министерствъ, и придворные. Каждый записывался у чиновника особыхъ порученій, всѣмъ знакомаго Приселкова. Просителей поважнѣе Министръ принялъ отдѣльно въ кабинетѣ, а къ остальнымъ вышелъ въ пріемную, во всю длину которой стоялъ столъ, покрытый сукномъ; просители размѣстились по стѣнамъ вокругъ него. Я стоялъ близко у двери, изъ которой вышелъ Министръ, обходъ-же начался отъ оконъ и далѣе вокругъ стола, такъ, что я былъ изъ послѣднихъ и присутствовалъ въ теченіи всего пріема. Министръ говорилъ съ каждымъ очень немного; казалось, что онъ сильно торопится. Подойдя къ какому-то черному фраку и начавъ слушать его, Министръ рѣзко возвыселъ голосъ и сказалъ:

— Я совершенно безповоротно рѣшилъ уничтожить вашъ органъ. Теперешняя кара — это начало, говорю вамъ объ этомъ прямо.

Сказавъ эти слова, перешелъ къ слѣдующему. Когда онъ подошелъ къ какому-то господину въ придворномъ мундирѣ и тотъ сталъ ему что-то негромко докладывать, оживленно жестикулируя, Министръ сказалъ:

— Неужели-же вы воображаете, что у Министра Россійской Имперіи найдется время заниматься такими дѣлами!

И перешелъ къ слѣдующему.

Я совершенно былъ подавленъ и твердо рѣшилъ, что ни за что не обращусь съ просьбой, ибо очевидно, слѣдовало ожидать, что

Министръ меня оборветъ и скажетъ, что онъ самъ знаетъ, кого слѣдуетъ отличать и награждать.

Когда Плеве подошелъ ко мнѣ и я представился, онъ спросилъ:

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ?

Къ счастію, что я былъ въ Петербургѣ по дѣлу происходившей тогда въ нашей губерніи продовольственной кампаніи; я пріѣхалъ хлопотать передъ инж. Соханскимъ, строившимъ Сѣверную желѣзную дорогу, о пропускѣ вагоновъ съ хлѣбомъ для Тихвинскаго уѣзда черезъ Волховскій мостъ, въѣзды на которой еще не были сдѣланы, но ихъ возможно было устроить временно на штабеляхъ шпалъ.

Выслушавъ мой докладъ и ничего не сказавъ, Плеве перешелъ къ слѣдующему.

Какъ ошпаренный, вышелъ я изъ Министерскаго дома и далъ себѣ твердый зарокъ не попадать больше въ такое глупое положеніе.

И вотъ приходится отъ зарока отказываться, да еще въ ожиданіи пріема у человѣка по репутаціи рѣзкаго. Меня подбадривало лишь то, что я надѣялся, что милѣйшій Алексѣй Дмитріевичъ Арбузовъ обо мнѣ доложитъ заранѣе и мое появленіе не будетъ вполнѣ неожиданнымъ.

Дурново жилъ въ министерскомъ домѣ по Морской, близъ Поцѣлуева моста, гдѣ впослѣдствіи собирался совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Никакихъ предварительныхъ записей на пріемъ не полагалось и всякій, являясь въ пріемный день, записывался у чиновника особыхъ порученій, того же Приселкова, и ждалъ своей очереди. Я крайне былъ пораженъ, что никакихъ мѣръ предосторожности не принимается.

Терроръ уже разлился по Россіи и каждый день появлялись сообщенія о томъ или иномъ убійствѣ или покушеніи. Тѣмъ болѣе нужно было быть осторожнымъ Дурново, котораго газеты травили немилосердно, распуская на его счетъ небылицы.

Всѣ говорили, что имъ отдано распоряженіе губернаторамъ энергично подавлять всякія безчинства, не останавливаясь передъ самыми рѣшительными мѣрами, и уже нѣсколько нерѣшительныхъ губернаторовъ были смѣщены.

Въ обществѣ царила растерянность и полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, всѣ мирные люди какъ-то попрятались и повсюду господствовала съ каждымъ днемъ наглѣющая революціонная банда.

Дурново былъ, должно-быть, очень храбрый человѣкъ. Несмотря на то, что за нимъ была уже, вѣроятно, организована правильная охота, онъ всюду появлялся, ѣздилъ въ открытомъ экипажѣ, какъ-бы издѣваясь надъ опастностью.

Въ этотъ день явилось на пріемъ очень много народу, между ними нѣкоторые земскіе дѣятели, въ томъ числѣ князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель Тульской губернской управы. Я былъ знакомъ съ княземъ Львовымъ, участвуя съ нимъ въ продовольственныхъ совѣщаніяхъ, собиравшихся для обсужденія мѣропріятій по борьбѣ съ неурожаемъ, и встрѣчаясь съ нимъ у А. А. Пав-

лова. Онъ имѣлъ репутацію большого либерала и впослѣдствіи его причисляли къ кадетской партіи, что послужило поводомъ неутвержденія его Московскимъ городскимъ головою. Я не знаю, конечно, точно его политическихъ взглядовъ, но онъ былъ такъ не похожъ на кадета.

Человѣкъ большого ума, онъ не виталъ въ заоблачныхъ сферахъ, а всегда предлагалъ и поддерживалъ разумныя приктическія мѣры, отъ кого-бы онѣ ни исходили. Подходя къ людямъ, онъ считался съ тѣмъ, что эти люди высказывали, а не пытался читать въ сердцахъ или исходить изъ создавшейся репутаціи. Человѣка инако мыслящаго, онъ выслушивалъ внимательно и соглашался съ нимъ, если тотъ говорилъ дѣло. Словомъ—у него не было ни малѣйшаго слѣда партійной нетерпимости. Я никогда не слышалъ отъ него ненавистническихъ отзывовъ о противникѣ или очевидно несостоятельныхъ о людяхъ измышленій. Князь былъ принятъ Дурново однимъ изъ первыхъ. Я не знаю, по какому дѣлу онъ являлся, но пробылъ въ кабинетѣ Министра довольно долго. По окончаніи аудіенціи, я спросилъ Львова о впечатлѣніи. —Это человѣкъ большого ума и очень интересный,—отвѣчалъ князь.

Едва-ли найдется много кадетъ, способныхъ такъ отозваться о противникѣ, да еще о противникѣ опасномъ. Я выразилъ Приселкову свое удивленіе, что не принимается при пріемѣ никакихъ мѣръ предосторожности въ такое ужасное время. Онъ заявилъ, что имѣется за являющимися извѣстное наблюденіе и что это лежитъ на обязанности полицейскаго чиновника Ходкевича. Дѣйствительно, Ходкевичъ все время сновалъ между посѣтителями въ пріемной залѣ и каждаго пріѣзжающаго на пріемъ встрѣчалъ на лѣстницѣ. Я зналъ этого чиновника, такъ какъ одно время онъ служалъ у насъ въ Новгородѣ городскимъ приставомъ. Бѣдный Ходкевичъ погибъ при взрывѣ министерской дачи на Аптекарскомъ островѣ. Между прочимъ, Ходкевичъ мнѣ сказалъ, что на этомъ пріемѣ появилась подозрительная личность, называющая себя отставнымъ камеръ-юнкеромъ. Это былъ какой-то молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ. Подозрѣніе онъ возбудилъ тѣмъ, что фамилія его никому изъ находящихся въ залѣ не была извѣстна, а между тѣмъ тотъ-же Приселковъ зналъ рѣшительно всѣхъ сколько нибудь замѣтныхъ людей. А затѣмъ показалось страннымъ званіе «отставной камеръ-юнкеръ», такъ какъ люди, имѣющіе это придворное званіе, сохраняютъ его пожизненно или пока не получатъ чина дѣйствительно Статскаго Совѣтника. Отставка отъ придворнаго званія всегда вызывается какой-либо некрасивой исторіей, которая обычно всѣмъ извѣстна и служитъ предметомъ пересудовъ. Тутъ же о какой-бы то ни было исторіи не было слышно. По словамъ Ходкевича, этого молодого человѣка повели курить и въ разгарѣ разговора незамѣтно ощупали его карманы и ничего подозрительнаго въ нихъ не нащупали.

Принявъ нѣсколько лицъ въ кабинетѣ, Министръ вышелъ въ пріемный залъ и сталъ обходить являющихся, Это былъ человѣкъ маленькаго роста, съ небольшими бачками, одѣтый въ вице-мундирный фракъ. Говорилъ онъ со всѣми тихо, съ привѣтливымъ видомъ, такъ что разговоры объ его рѣзкости какъ будто были не-

основательны. Подойдя ко мнѣ и узнавъ мою фамилію, Министръ сказалъ:—Я много слышалъ хорошаго о вашей дѣятельности и надѣюсь, найду случай это припомнить. Затѣмъ онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о моей работѣ въ Пензѣ и, поклонившись, отошелъ къ слѣдующему.

Слова Министра меня очень порадовали, какъ тѣмъ, что дѣло мое стоитъ видимо хорошо, такъ и тѣмъ, что мнѣ не пришлось самому изложить своей просьбы. Министру очевидно уже было обо мнѣ доложено.

Радостно я вернулся въ Новгородъ и сталъ ждать своего назначенія. Это было въ концѣ Декабря, уѣхалъ же я въ Пензу въ концѣ Сентября. Такимъ образомъ наиболѣе тревожное время въ губерніи я пробылъ въ отсутствіи и лично не видѣлъ безпорядковъ.

А безпорядки были. Началось дѣло, по обычаю, съ зажигательныхъ рѣчей въ различныхъ народившихся незадолго до того обществахъ. Педагогическій кружокъ, основанный евреемъ докторомъ Рабиновичемъ, куда вошли предсѣдатель губернской земской управы А. М. Кулебякинъ, впослѣдствіи столь извѣстный кадетскій дѣятель, погибшій въ текущей войнѣ, А. М. Тютрюмовъ, управляющій Новгородскимъ Отдѣленіемъ Государственнаго Банка, Н. Н. Мясоѣдовъ, помощникъ предсѣдателя Окружнаго Суда, многіе другіе чиновники, учителя дамы и т. д., явился застрѣльщикомъ въ Новгородѣ освободительнаго движенія. Въ началѣ въ этомъ кружкѣ читались педагогическіе рефераты съ робкими тщательно замаскированными выпадами по адресу правительства; потомъ пошли литературныя темы съ болѣе яркимъ оппозиціоннымъ оттѣнкомъ, а затѣмъ тонъ сообщеній, а въ особенности дебатовъ, становился все болѣе и болѣе боевымъ, вращаясь почти исключительно въ области текущей политики. Допущеніе на собраніе учащихся, какъ студентовъ, такъ и гимназистовъ и гимназистокъ особенно подняло температуру и вызывало прямо скандалы, заставлявшіе опасаться за судьбу самого кружка. Вообще этотъ кружокъ сыгралъ не малую роль въ подготовкѣ дальнѣйшихъ безпорядковъ, сгрупировавъ у себя всѣ «освободительные» элементы.

Съ объявленіемъ манифеста 17-го Октября многолюдные митинги, съ преобладаніемъ на нихъ зеленой, легко загорающейся молодежи, стали собираться въ домѣ, гдѣ жилъ Тютрюмовъ и гдѣ нижній этажъ, занимаемый до того отдѣленіемъ Государственнаго Банка, освободился за переходомъ Банка въ другое помѣщеніе. Тутъ ужъ дѣло пошло на чистоту: говорились зажигательныя рѣчи на тему погибели самодержавія, достигнутаго торжества надъ спасовавшимъ правительствомъ, организовались публичныя манифистаціи. Особенно шумѣли учащіеся, перенеся свое возбужденіе и въ стѣны учебныхъ заведеній. Между прочимъ, въ мужской гимназіи одинъ изъ учениковъ перочиннымъ ножомъ изрѣзалъ въ актовомъ залѣ гимназіи портретъ Государя, но сдѣлалъ это совершенно по-мальчишески потихоньку, такъ что никто этого «геройскаго» подвига не видѣлъ, а самъ предполагаемый авторъ позднѣе отрицалъ свое участіе. Случай этотъ облетѣлъ Новгородъ и страшно возмутилъ простонародье, которое не могло стерпѣть такого над-

ругательства надъ Особой Государя. Конечно, струсившіе освободители объясняли впослѣдствіе это возмущеніе черносотенной агитаціей. Но всѣ безпристрастные люди въ одинъ голосъ говорятъ, что никакой организованной агитаціи не было и не могло быть по той простой причинѣ, что въ народѣ никакой организаціи не существовало. Мѣстный отдѣлъ Союза русскаго народа хотя и существовалъ въ Новгородѣ, но былъ крайне малочисленъ, не имѣлъ среди своихъ членовъ людей съ инициативой и самое его существованіе было извѣстно главнымъ образомъ только освободителямъ, для которыхъ оно было благодарной темой для громовыхъ филиппикъ. Когда толпа освободителей, состоявшая изъ учащейся молодежи, новгородскихъ евреевъ, служащихъ земства, при благосклонномъ участіи всѣхъ нашихъ видныхъ либераловъ двинулась съ криками «долой самодержавіе» по направленію къ городской думѣ, навстрѣчу ей направилась другая толпа изъ простонародья, которая стала кричать: «бить измѣнниковъ». Говорятъ, что особоводителей было куда больше, но вѣроятно, они заразились еврейской трусостью, а потому при первыхъ-же грозныхъ крикахъ черносотенцовъ, разсыпались въ разныя стороны и попрятались по домамъ. Оставшаяся на площади толпа, захвативъ изъ Думы портретъ Государя, съ пѣніемъ гимна пошла къ Московской улицѣ, у женской гимназіи пріостановилась и стала слушать разсказъ какого-то мѣщанина объ уничтоженіи гимназистами и гимназистками Царскаго Портрета. Разсказъ былъ встрѣченъ ревомъ негодованія и криками «бить гимназистокъ и гимназистовъ» и всѣ бросились въ зданіе женской гимназіи, выбили стекла, поломали и повыкидывали изъ оконъ на улицу мебель. Отъ женской гимназіи все увеличивающаяся толпа пошла къ мужской гимназіи, но была встрѣчена тамъ полиціей и въ зданіе гимназіи не допущена. Ограничившись выбитіемъ стеклъ, толпа пошла назадъ, при чемъ раздавались. крики «пойдемъ бить Кулебякина» и другихъ видныхъ либераловъ. Среди толпы, должно быть, не нашлось знающихъ адреса указанныхъ лицъ, или по какой либо другой причинѣ, но попытки разгрома квартиръ не было сдѣлано. Вѣроятнѣе все го, полиція успѣла собрать достаточныя силы и передъ этой силой безобразіе само собой улеглось.. Выкрики именъ страшно перепугали ихъ носителей. Всѣ они въ ужасѣ попрятались у людей спокойныхъ и извѣстныхъ своею консервативностью и при первой возможности бѣжали изъ Новгорода. Въ Петербургъ посыпались жалобы на губернатора и полицію, допустившихъ черносотенныя манифистаціи и, какъ начали тогда говорить, погромы, разумѣется, скромно умолчавъ о томъ, что эти погромы были только отвѣтомъ на дерзкія манифистаціи и возмутительныя выходки освободителей. Но въ это время уже установился твердый взглядъ на такія вещи: освободителямъ было все позволено, до убійства правительственныхъ чиновъ включительно и тутъ власть не смѣла вмѣшиваться. Но стоило оказать г. г. освободителямъ нѣкоторое противодѣйствіе, какъ поднимался истерическій крикъ о насиліяхъ и умышленно допущенныхъ погромахъ. Всѣ газеты были переполнены описаніями, содрагавшими робкія сердца обыкновенно не бывалыми ужасами и требовалось отъ министерства немедленное

вмѣшательство и жестокое покоранiе виновныхъ. Гвалтъ былъ такъ энергиченъ и единодушенъ, что производилъ на министерство впечатлѣнiе, и вотъ по Россiи летѣли члены Совѣта Министра производить дознанiе. Конечно, когда выяснилась вся обстановка и умышленно напускаемый газетами туманъ разсѣивался, дѣло кончалось обыкновенно ничѣмъ, развѣ губернатору давалось указанiе о необходимости прекращать безпорядки при самомъ ихъ возникновенiи. Въ Новгородъ былъ присланъ генералъ Томичъ и, насколько я знаю, его дознанiе не принесло мѣстнымъ властямъ никакихъ непрiятностей.

Вся эта исторiя имѣла одну хорошую сторону: въ Новгородѣ прекратились всякiя политическiя безчинства и сборища. Смута ушла въ подполье да въ газетные листки. Митинговъ уже не смѣли собирать въ самомъ городѣ, а назначали ихъ потихоньку, гдѣ-либо за городомъ. преимущественно у сельско-хозяйственной земской школы и учительской семинарiи.

Либеральныхъ главарей, состоявшихъ на Государственной службѣ, любезно попросили оставить службу, а одного изъ нихъ, сумѣвшаго доказать, якобы случайность свою участiя въ безобразiяхъ перевели въ Финляндiю, кажется, главнымъ образомъ щадя его отца, весьма почтеннаго и всѣми уважаемаго человѣка. Таково, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ лицъ, было теченiе въ Новгородѣ великой русской резолюцiи.

Я засталъ уже вполнѣ водворенный порядокъ, но дѣйствительнаго спокойствiя на душѣ не было ни у кого. Изумительный успѣхъ желѣзнодорожной забастовки, безнаказанныя уличныя демонстрацiи, газетныя сообщенiя о крестьянскихъ погромахъ въ Поволжьи и на югѣ и отчасти въ Центральныхъ губернiяхъ, непрекращающiяся убiйства должностныхъ лицъ среди бѣлаго дня на глазахъ у всѣхъ, все это страшно возбуждало нервы и повергало всѣхъ въ тревожное ожиданiе, какой-то неминуемой бѣды. Всѣ освободительные элементы подняли головы, предрекали на ближайшiе дни повторенiе великой французской революцiи, ко всѣмъ властямъ относились открыто пренебрежительно, совершенно съ ними не считаясь. Сами власти ходили какъ пришибленныя, стараясь какъ можно меньше заставлять о себѣ говорить. То, что какiе нибудь мѣсяца 2 назадъ, становилось предметомъ серьезнаго разслѣдованiя, теперь проходило какъ нѣчто обычное, не стоющее ни малѣйшаго вниманiя.

А въ Петербургѣ въ это время неудержимо разрасталось рабочее движенiе, начавшееся, какъ извѣстно, столкновенiемъ съ войсками 9 Января 1905 года.

10 Января этого года у насъ въ Новгородѣ назначено было губернское земское собранiе, въ которомъ я, какъ губернскiй гласный отъ Новгородскаго уѣзда, долженъ былъ принять участiе. Петербургскiй поѣздъ, уходя изъ столицы около 12 часовъ ночи, приходитъ въ Новгородъ въ 7 часовъ утра. Съ этимъ поѣздомъ изъ Петербурга прiѣхали многiе гласные, которые видѣли все происходившее тамъ 9 Января. Но такъ какъ рабочiе безпорядки были раскинуты на большой площади столицы, поэтому отдѣльныя лица видѣли лишь нѣкоторые эпизоды этого дня, а объ остальномъ су-

дили по слухамъ и разсказамъ, якобы, очевидцевъ, а потому, какъ это всегда бываетъ, все дѣйствительно происходившее разрасталось въ разсказахъ въ нѣчто кошмарное, чуть не съ нѣсколькими десятками тысячь убитыхъ.

Всѣ были страшно угнетены этими вѣстями, и замерли въ ожиданіи неизбѣжнаго, казалось, дальнѣйшаго развитія уже вооруженнаго возстанія.

Когда предсѣдатель князь П. П. Голицынъ объявилъ собраніе открытымъ, проситъ слово Боровичскій гласный Корсаковъ, нынѣ умершій. Г. Корсаковъ былъ очень богатый человѣкъ, собственникъ обширнаго винокуреннаго завода, дававшаго ему, говорятъ, около 50 тысячъ чистаго годового дохода. Принадлежалъ онъ къ либеральной партіи собранія и впослѣдствіи былъ однимъ изъ учредителей конституціонно-демократической, въ просторѣчьи, кадетской, партіи. Говорилъ онъ хоть гладко, но совершенно безъ всякаго темперамента, поэтому никогда не производилъ своими рѣчами впечатлѣнія.

— Вчера въ Петербургѣ,—сказалъ г. Корсаковъ, произошло на улицахъ города кровавое столкновеніе съ войсками; говорятъ, число жертвъ очень велико. А такъ какъ значительная часть новгородскаго населенія уходитъ въ столицу на заработки, то, вѣроятно, въ числѣ жертвъ находятся и наши земляки. Пока никто ничего опредѣленнаго не знаетъ. При такихъ условіяхъ едва-ли земское собраніе найдетъ въ себѣ силы заниматься текущими дѣлами и я предлагаю сейчасъ-же запросить по телеграфу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о происшедшемъ и до полученія отвѣта прервать наши занятія.

Кто-то повторилъ такое-же предложеніе.

Наступило замѣшательство. Въ виду общаго возбужденія слѣдовало ожидать бурныхъ преній, которыя, конечно, не удалось-бы удержать въ сколько-нибудь законныхъ рамкахъ. Съ другой стороны, нельзя было не согласиться, что едва-ли возможно спокойно заниматься дѣлами въ такую минуту. Князь Голицынъ, посовѣтовавшись въ полголоса кое съ кѣмъ изъ гласныхъ, нашелъ вполнѣ приличный выходъ и объявилъ:

— Въ виду серьезности минуты и сдѣланнаго И. А. Корсаковымъ предложенія, объявляю перерывъ и приглашаю г. г. гласныхъ въ библіотеку на частное совѣщаніе. Въ частномъ совѣщаніи при закрытыхъ дверяхъ можно было, конечно, говорить о чемъ угодно и это явилось поэтому громоотводомъ.

Начались страстныя рѣчи, говорили сразу по нѣсколько человѣкъ, такъ что трудно было уловить сущность каждаго предложенія. Въ концѣ концовъ пришли огромнымъ большинствомъ (противъ 7 голосовъ) къ заключенію, что въ наступившій грозный моментъ единственнымъ спасеніемъ являлось немедленное осуществленіе конституціоннаго строя, о чемъ и слѣдуетъ поручить предсѣдателю довести до свѣдѣнія правительства, запросивъ одновременно Министра о количествѣ пострадавшихъ 9 Января новгородцевъ. Я боюсь утверждать, что точно передаю сущность рѣшенія этого совѣщанія, какъ потому, что совѣщаніе это велось хаотично.

такъ и потому, что въ это время я былъ вызванъ телеграммой въ Петербургъ и скоро уѣхалъ. Мое вниманіе было поглощено этимъ вывозомъ и я не освѣдомлялся о ходѣ дальнѣйшихъ засѣданій губернскаго собранія, ни о судьбѣ постановленія частнаго совѣщанія. Наступившія вслѣдъ за нимъ событія отняли у этого постановленія всякое практическое значеніе, такъ что о немъ всѣ забыли.

Въ Новгородской губерніи аграрныхъ насилій въ это время не было, а если и возникали кое-какіе безпорядки подъ вліяніемъ агитаціи учителей и земскаго третьяго элемента, то это происходило преимущественно въ Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ, гдѣ издавна во главѣ мѣстныхъ земствъ стояли политиканствующіе элементы. Конечно, тогдашнее тамъ настроеніе только теперь, ретроспективно можно считать пустяками, особенно по сравненію съ тѣмъ, что происходило въ Поволжьи или въ Царствѣ Польскомъ. Но переживались они очень тревожно и никто, разумѣется, не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится это броженіе. Даже болѣе того, всѣ были настроены крайне пессимистически и всѣмъ рисовались картины кровавыхъ насилій; агитаторы, по крайней мѣрѣ, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы до этого дѣло дошло. Къ счастью, агитаторы оказались не изъ талантливыхъ, земельной тѣсноты въ губерніи не было, а во главѣ администраціи стоялъ губернаторъ графъ О. Л. Медемъ, человѣкъ крайне замѣчательный. Онъ былъ горячимъ русскимъ патріотомъ, ужасно любилъ и даже поэтизировалъ русское крестьянство, чувствуя въ немъ дѣйствительно высокія душевныя качества, которыя невольно умиляли всякаго, кто умѣлъ наблюдать и понимать народную душу. Графъ Медемъ долго жилъ въ деревнѣ и умѣлъ обращаться съ мужиками, которые ему вѣрили и инстиктомъ въ немъ чуяли дѣйствительнаго своего доброжелателя. Къ тому-же въ своихъ разговорахъ съ народомъ, особенно съ толпою, онъ обладалъ такимъ сверхестественнымъ терпѣніемъ, какое я никогда въ жизни моей не видѣлъ. Сто разъ повторить одно и то же все съ той-же не ослабѣвающей убѣдительностью, каждому отвѣтить на вопросъ, который тысячу разъ уже задавался и разрѣшался, и дѣлать эти безконечныя повторенія съ доброй, привѣтливой улыбкой—все это неизбѣжно зажигало мужиковъ симпатіями къ графу и предпринимаемыя имъ, якобы карательныя экспедиціи неизбѣжно кончались бурными въ честь его оваціями толпы. Храбрости графъ Медемъ былъ необычайной. Чѣмъ больше была опасность, тѣмъ меньше онъ принималъ предосторожностей и непремѣнно шелъ въ самую пасть опасности. На безпорядки онъ выѣзжалъ одинъ и ужасно сердился, если его сопровождала полиція. Въ какомъ-либо стареньккомъ дребежащемъ тарантасикѣ парой, безъ прислуги подъѣзжалъ онъ трусцой на мѣсто происшествія, входилъ въ самую середину толпы, раскланивался съ народомъ, вѣжливо и серьезно снимая фуражку и своимъ тихимъ голосомъ съ нѣмецкимъ акцентомъ приступалъ къ бесѣдѣ. Такіе небывалые пріемы, необычайная скромность, скорѣе даже бѣдность внѣшности, сразу ошеломляла толпу, ожидавшую пышности и грозы, поднимался какъ всегда, галдежъ, сразу начинали говорить десятки голосовъ, экзальтируясь сами и волнуя толпу своими страстно приподнятымъ тономъ. Но поне-

многу все какъ-то стихало и съ любопытствомъ, въ гробовомъ молчанiи начинали слушать одного графа.

О. Л. Медемъ меня почему-то не любилъ, хотя много помогъ въ моемъ столкновенiи съ Тульскимъ оружейнымъ заводомъ, гдѣ мнѣ грозило полное разоренiе на почвѣ выполненiя кустарями моего земскаго участка казеннаго подряда на ружейныя ложи, подряда, средства на веденiе котораго выдалъ мнѣ Государственный Банкъ на правахъ посредничества. Нелюбовь эта вытекала, мнѣ кажется, изъ того, что я не всегда соглашался съ его распоряженiями, какъ губернатора. Но какъ человѣка, я его глубоко уважалъ и цѣнилъ и не могу отказать себѣ въ удовольствiи привести здѣсь нѣсколько случаевъ, которыми лучше всего охарактеризуется эта дѣйствительно необыкновенная личность.

Въ девяностыхъ годахъ Волга въ нижнемъ теченiи была охвачена холерой. Графъ Медемъ былъ въ это время Хвалынскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Саратовской губернiи и проживалъ съ семьей въ своемъ имѣнiи въ верстахъ 50, кажется, отъ г. Хвалынска. Значительная холера у насъ въ Россiи почти всегда сопровождается народными бунтами, вызываемыми разказнями неизмѣнно о томъ, что господа и врачи будто-бы отравляютъ воду, хоронятъ живыхъ и т. п.. Такъ было и въ этомъ году. Чернь разбила въ Хвалынскѣ больницу, разогнала больныхъ и прислугу и захвативъ врача Молчанова, привела его на мощеную булыжникомъ площадь и стала бросать къ верху, роняя на камни, пока его всего обезображеннаго не убила. Бросивъ растерзанное тѣло на площади, бунтовщики подъ угрозой смерти не позволяли его убирать, пусть дескать такой народный врагъ сгнiетъ безъ погребенiя. Войска ни въ Хвалынскѣ ни въ окрестныхъ губернiяхъ не было, а потому въ городѣ водворилась паника; всѣ власти или бѣжали, куда глаза глядятъ, или крѣпко забарикадировались въ уѣздной тюрмѣ, не сообщаясь съ внѣшнимъ мiромъ, Когда графъ Медемъ узналъ обо всемъ этомъ, онъ рѣшилъ, что надо ѣхать въ Хвалынскъ и попытаться если не водворить порядокъ, то хотя-бы предотвратить грабежи и дальнѣйшая убiйства. Написавъ наскоро духовное завѣщанiе, захвативъ двухъ преданныхъ ему людей, онъ выѣхалъ въ городъ и къ вечеру туда прiѣхалъ. Первымъ дѣломъ онъ со своими людьми отправился на площадь и, не обращая вниманiя на раздававшiеся кое-гдѣ враждебные крики, подобралъ разстерзанное тѣло врача Молчанова и перенесъ его въ свою квартиру. Пока готовили гробъ и обмывали тѣло, графъ разыскалъ священника, притаившагося у себя дома, и уговорилъ его отслужить у тѣла панихиду. Во время панихиды у дома собралась огромная толпа, мрачно слушавшая священныя слова, не снимая шапокъ. Напряженiе было огромное, каждую минуту слѣдовало ожидать, что вся эта озлобленная масса бросится на домъ и разгромитъ его. По окончанiи панихиды, графъ вышелъ на крыльцо и обратившись къ толпѣ, спокойно пригласилъ ее слѣдовать за собой въ Уѣздную Управу, чтобы обсудить, какiя мѣры нужно принять для спокойствiя города и продовольствiя неимущихъ. Толпа нехотя, но за нимъ все-таки пошла и въ управѣ состоялось самое спокойное, дѣловое совѣщанiе. Объ убiйствѣ съ обѣихъ сторонъ не было сказано ни слова. На

другой день надо было доктора отпѣвать. Ни въ одной церкви не рѣшались этого сдѣлать, да и графъ, понимая опасность, на этомъ не настаивалъ, стараясь всячески не возбуждать толпу, такъ какъ ночью получилъ отвѣтъ на свою телеграмму, что войска прибудутъ въ Хволынскъ черезъ три дня. Тогда онъ рѣшаетъ перенести тѣло въ тюремную церковь, тамъ отпѣть и временно тамъ похоронить. Съ помощью своихъ людей графъ поднялъ гробъ и идя въ головахъ гроба вынесъ его изъ квартиры и, медленно ступая, направились къ тюрьмѣ. Нужно было пройти черезъ весь городъ. Улицы были заполнены народомъ, не снимавшимъ передъ процессіей шапокъ. Благополучно дошли до тюрьмы, гдѣ долго не хотѣли графа впускать, опасаясь вторженія издали слѣдовавшей за тѣломъ толпы. Но все, къ счастію, обошлось благополучно.

Слѣдующіе три дня графъ представлялъ собою въ Хвалынскѣ единолично всѣ власти, городское и земское самоуправленіе, пока, наконецъ, не прибыли войска и возстановилась нормальная жизнь.

Я передаю этотъ разсказъ со словъ самого графа Оттона Людвиговича. Онъ мнѣ врѣзался въ память. Если за давностью времени я не такъ передаю нѣкоторыя подробности, то самая сущность всего происшедшаго была именно такой.

Я рѣшаюсь передать еще одинъ случай изъ личной жизни графа Медема. Очень извиняюсь передъ нимъ, что позволяю себѣ касаться такого деликатнаго дѣла, но случай этотъ всѣмъ въ Новгородѣ былъ извѣстенъ и возбудилъ у насъ общій восторгъ. О немъ говорилось на всѣхъ перекресткахъ.

Умеръ въ Прибалтійскомъ краѣ какой-то родственникъ графа господинъ Л., оставившій вдову и двоихъ дѣтей. Господинъ Л. былъ женатъ на еврейкѣ и на основаніи курляндскихъ дворянскихъ матрикулъ, имѣющихъ силу закона, такой бракъ признавался «недостойнымъ», почему дѣти отъ этого брака не могли наслѣдовать маіоратныхъ имѣній г. Л., представлявшихъ собою милліонную цѣнность. Ближайшимъ законнымъ наслѣдникомъ этихъ имѣній являлся поэтому графъ Оттонъ Людвиговичъ Медемъ.

Графъ былъ убѣжденнымъ юдофобомъ и проводилъ эти убѣжденіи свои необычайно послѣдовательно. Онъ, напримѣръ, никогда ничего не покупалъ въ еврейскихъ магазинахъ и всегда укорялъ тѣхъ, кто этому правилу не слѣдовалъ.

На этотъ разъ графъ былъ непослѣдователенъ и наотрѣзъ отказался отъ наслѣдства, находя что г-жа Л., подъ вліяніемъ семьи мужа, совершенно утратила еврейскія особенности и что было-бы несправедливо лишать наслѣдства дѣтей этого брака. Правда такой отказъ ничего не измѣнялъ въ положеніи дѣтей и все равно они не могли наслѣдовать маіората, но эта практическая сторона не умаляла красоты отказа графа. Подъ обояніемъ такого человѣка Новгородскіе безпорядки обошлись безъ крови и безъ глубокихъ потрясеній жизни. Не говорю о нихъ подробнѣе потому, что живымъ свидѣтелемъ происшедшаго я не былъ, да и съ чужихъ словъ мало о нихъ знаю.

Пріѣхавъ по вызову въ Петербургъ, я узналъ, что министерство командируетъ меня въ Херсонскую губернію, гдѣ подъ вліяніемъ крестьянскаго броженія продовольственная по случаю не-

урожая кампанія протекала въ полномъ безпорядкѣ. Требованія населенія на ссуды, явно беззастѣнчиво преувеличенныя, принимались безъ всякой критики и министерство забрасывалось просьбами о такихъ колоссальныхъ суммахъ, которыхъ, очевидно, отпустить было нельзя. Продовольственный хлѣбъ покупался по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ и вся операція, видимо была непродумана и возбуждала много нареканій. Къ тому-же какъ разъ въ это время херсонской губернаторъ Левашовъ былъ переведенъ въ Рязанскую губернію, а пріемникъ его Малаевъ еще не былъ назначенъ.

Пріѣхавъ въ Одессу, я рѣшилъ прежде всего ознакомиться съ постановкой дѣла въ Одесскомъ уѣздѣ. Предводитель Дворянства Баронъ Рено самъ мало занимался продовольственнымъ вопросомъ и предоставилъ веденіе его земскому начальнику Колобову, бывшему офицеру и домовладѣльцу Одессы. Г. Колобовъ во всѣхъ подробностяхъ познакомилъ меня съ положеніемъ вещей въ уѣздѣ и принятыми уже мѣрами. Поставлено было дѣло великолѣпно, обосновано, во всемъ былъ видѣнъ прямо артистическій порядокъ. Очевидно, въ этомъ уѣздѣ для моего вмѣшательства не было почвы, а потому я ограничился лишь сборомъ въ уѣздной управѣ цифрового матеріала о посѣвной площади, количества пострадавшаго населенія и т. п., каковыя мнѣ были необходимы для обоснованія общихъ выводовъ по губерніи.

Въ Одесскомъ уѣздѣ и преимущественно въ участкѣ г. Колобова было очень много нѣмецкихъ колоній, такъ-же очень серьезно пострадавшихъ отъ неурожаевъ. Но, благодаря заботливости г. Колобова, сельскіе продовольственныя средства были такъ обильны. что для колоній министерской помощи почти не требовалось.

Г. Колобовъ вполнѣ заслуженно выдвинулся по службѣ и теперь занимаетъ постъ Екатеринославскаго губернатора. Въ этотъ пріѣздъ я пробылъ въ Одессѣ дня три и остановился въ старинной, но совершенно приличной «Петербургской» гост. на Николаевскомъ бульварѣ съ очаровательнымъ видомъ на море. Одесса мнѣ чрезвычайно понравилась. Это большой вполнѣ европейскій городъ съ прекрасными зданіями, отличными мостовыми, широкими. обсаженными бѣлыми акаціями и платанами тротуарами. Уличная жизнь кипитъ, множество богатыхъ, шикарныхъ, биткомъ набитыхъ публикой кафе. Одесскій театръ стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ противъ Городской Думы, окруженъ красивымъ скверомъ. Самое зданіе очень величественно, несравненно лучше петербургскихъ театровъ. Ивозчики парные съ прекрасными экипажами. Но лучшее украшеніе Одессы—это море съ его своеобразными мѣняющимися зеленоватыми отливами, какъ совершенно правдиво рисуетъ его Айвазовскій. Городъ стоитъ на высокомъ берегу, а въ низу расположены пристани, торговые склады, а за ними нижняя часть города. Съ Николаевскаго бульвара вы видите эту нижнюю часть, какъ на ладони. Бульваръ сообщается съ нею широкою огромною каменною лѣстницей. Весь рейдъ и безконечное море закрываютъ собою горизонтъ. На мой вкусъ, Одесса лучшій городъ Россіи: Варшава ей много уступаетъ. Когда вы выходите на улицу и вливаетесь въ толпу, вы чувствуете себя, къ сожалѣнію, совсѣмъ не въ

Россіи. Кругомъ черномазыя южныя физіономіи, еврейскій гвалтъ, русскій языкъ съ своеобразнымъ нерусскимъ выговоромъ, нѣсколько напоминающимъ польскую манеру говорить на нашемъ языкѣ. Толпа какъ-то суетливо подвижна. По улицамъ то и дѣло проѣзжаютъ длинныя телѣги съ бритыми лоснящимися нѣмецкими физіономіями. И невольно закрадывается въ сердце грусть, что такой благодатный край, такой роскошный городъ захваченъ чужими и только дивишься, какъ могло это случиться. Я понимаю, когда въ Варшавѣ все принадлежитъ полякамъ и они тамъ дѣлаютъ незамѣтной всякую иную народность. Этотъ край и городъ искони были польскими и созданы самими поляками. Но вѣдь Одессу создали русскіе, за счетъ русской казны. Какъ-же могла при этомъ условіи затеряться здѣсь русская народность? Это одна изъ нашихъ необъяснимыхъ странностей. Съ самой ранней нашей исторической поры русскій народъ неудержимо тянется къ теплу, солнцу, благодатному теплому морю. Много русской крови пролито за эти блага. А на повѣрку выходитъ, что эти блага принадлежатъ евреямъ, грекамъ, болгарамъ, итальянцамъ и главнымъ образомъ нѣмцамъ, только не русскимъ.

Мы переживаемъ теперь такую пору, что эта вопіющая въ отношеніи русскаго народа несправедливость можетъ быть заглажена. Правительство должно найти въ себѣ достаточно силы и энтузіазма это сдѣлать. Если и этотъ моментъ будетъ упущенъ, то русская обида, вѣроятно, навѣки останется неискупленной. Боюсь, но мнѣ кажется, что если эту задачу правительство широко не разрѣшитъ немедленно, будетъ созданъ серьезный поводъ къ глубокимъ народнымъ потрясеніямъ.

Если у насъ въ Новгородской губерніи, при сравнительномъ спокойствіи, повсюду чувствовалась тревога и неувѣренность, то здѣсь въ Одессѣ революція, казалось, уже восторжествовала окончательно. Еврейская наглость, такъ пышно расцвѣтающая при безнаказанности, давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Было совершенно невозможно, напримѣръ, получить въ городѣ правую газету, особенно «Новое Время». Когда вы спрашиваете эту газету въ уличномъ кіоскѣ, вамъ отвѣчаютъ на это дерзкими грубостями, а проходящая публика начинаетъ васъ высмѣивать и показывать на васъ пальцами. Первое время въ кіоскахъ держали правыя газеты. Но вотъ въ одно прекрасное утро толпа расхрабрившихся жидовъ осадила всѣ кіоски, захватила уличныхъ продавцовъ газетъ и на глазахъ полиціи безнаказанно разорвала всѣ номера стоящихъ за порядокъ газетъ. Это повторялось нѣсколько разъ и, конечно, кончилось полнымъ исчезновеніемъ правой печати изъ публичной продажи. На улицахъ среди бѣлаго дня евреи разстрѣливали русскихъ рабочихъ, которыхъ они заподозрѣвали во враждебности къ жидовству и къ ихъ нестерпимой наглости. Г. Колобовъ мнѣ разсказывалъ, что онъ видѣлъ своими глазами такую сцену съ балкона своей квартиры.

О самыхъ возмутительныхъ манифестаціяхъ и говорить ужъ нечего.

Русскіе благомыслящіе люди, по обыкновенію не сорганизованные, держались робко, уклоняясь подавать какія-либо призна-

ки жизни, терпѣливо переносили еврейскія издѣвательства и притѣсненія.

Такимъ образомъ, здѣсь русская революція выростила прежде всего полное порабощеніе всего русскаго, независимо ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній, и махровое торжество юдаизма. Трусливая, безпринципная по существу интеллигенція, особенно университетскіе круги, конечно, поступила къ евреямъ въ услуженіе и гнусно холопствовала, опасаясь прослыть недостаточно либеральной.

Простой народъ роптал, проклиналъ еврейство, но выступать открыто пока не рѣшался.

Въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей росла кипучая ненависть къ еврейству, что и подготовило почву къ полному повороту въ одесской жизни позднѣе и сдѣлало изъ нея цитадель крайне правыхъ организацій. Жить въ этихъ условіяхъ въ Одессѣ было ужасно грустно и тяжело. Я отводилъ душу только у себя въ гостиницѣ, гдѣ вся прислуга была русская и съ пѣной негодованія разсказывала о жидовскихъ гнусностяхъ и неистовствахъ. А потому, какъ только я справился съ дѣлами, сейчасъ-же сѣлъ на пароходъ и отправился въ Херсонъ.

Городъ этотъ по сравненію съ Одессой—уѣздное захолустье,отрѣзанное отъ міра; желѣзной дороги еще не было. Ужасно бросалось въ глаза несоотвѣтствіе между важностью этихъ двухъ пунктовъ и взаимнымъ между собою административнымъ отношеніемъ: Одессѣ совершенно неприлично считаться уѣзднымъ городомъ губерніи, гдѣ Херсонъ губернскій городъ; роли должны быть по закону логики обратныя.

По внѣшнему виду бросается прежде всего въ глаза преобладаніе невысокихъ длинныхъ домовъ, оштукатуренныхъ набѣло, точно малороссійскія избы. Могучій Днѣпръ какъ-то въ сторонѣ и отдѣляется отъ города грязными полузастроенными пустырями, замѣчательныхъ зданій нѣтъ. Гостиница—довольно сносная, но коридоры выходятъ прямо на улицу, прихожихъ или вестибюля не имѣется. При гостиницѣ весьма порядочный ресторанъ, посѣщаемый мѣстной знатью.

Первымъ дѣломъ ѣду къ губернатору Левашову, который мнѣ заявилъ, что управленіе губерніей онъ передалъ уже вице-губернатору князю Горчакову, къ которому мнѣ и слѣдуетъ обращаться.

Князь Горчаковъ, впослѣдствіи губернаторъ вятскій, а затѣмъ калужскій, оказался очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ мало былъ въ курсѣ продовольственнаго дѣла, а потому отъ него я отправился въ губернское присутствіе, гдѣ и познакомился съ непремѣнными членами. Продовольственнымъ дѣломъ завѣдывалъ г. А. человѣкъ мало знающій и неопытный. Онъ, кажется, не особенно старался уразумѣть дѣло, а потому все шло кое-какъ, во всемъ полагались на уѣздные съѣзды и не пробовали къ требованіямъ уѣздовъ прилагать критику. Какихъ-либо общихъ исчисленій потребности губерніи въ помощи не только не было сдѣлано, но даже не имѣлось рѣшительно никакихъ матеріаловъ, по которымъ объ этомъ можно было-бы судить. Представленія съѣздовъ были совершенно голословны, не обоснованы на какихъ-либо данныхъ,

просто указывались внушительныя цифры во много сотенъ тысячъ пудовъ и конецъ.

Заготовка хлѣба велась тоже безпорядочно: какихъ-лобо договоровъ, опредѣляющихъ условія поставки не имѣлось; въ какіе сроки хлѣбъ долженъ быть доставленъ на мѣста не опредѣлено; цѣны на купленное зерно были выше показанныхъ въ бюлютеняхъ одесской биржи.

Прежде все, пришлось вычислить хотя-бы приблизительную потребность въ ссудѣ. Необходимыя данныя о посѣвной площади, размѣрѣ неурожая, количествѣ населенія я получилъ въ Херсонской губернской земской управѣ и съ помощью этихъ данныхъ и съ зачетомъ наличныхъ у населенія запасовъ я высчиталъ размѣръ помощи, руководствуясь указаніями министерскихъ циркуляровъ. По этимъ даннымъ я составилъ подробный докладъ и внесъ его на разсмотрѣніе губернскаго присутствія. Возраженій въ присутствіи заявлено не было, видно, никто этимъ дѣломъ не интересовался.

Но такъ какъ высчитанныя мною цифры весьма существенно отличались отъ требованій Тираспольскаго, Ананьевскаго и Екатеринославскаго съѣздовъ, гдѣ размѣръ неурожая былъ особенно значителенъ, то я счелъ болѣе осторожнымъ выѣхать въ эти уѣзды и на мѣстѣ ознакомится съ собранными съѣздами данными.

Какъ и слѣдовало ожидать, данныя эти сводились къ поголовному требованію всѣмъ населеніемъ ссудъ, никакихъ сокращеній земскими начальниками за счетъ зажиточности отдѣльныхъ хозяйствъ не было сдѣлано. Конечно, въ виду броженія среди крестьянства и отсутствія сколько нибудь дѣйствительныхъ средствъ для поддержанія порядка, такое отношеніе было вполнѣ естественнымъ, но по существу совершенно неправильнымъ. Выходило, что мѣстныя власти хотѣли удержать населеніе отъ безпорядковъ путемъ совершенно ненужныхъ подачекъ казеннаго пайка. Едва-ли такой способъ могъ къ чему-либо привести. Броженіе среди крестьянъ истекало изъ причинъ болѣе глубокихъ. По мнѣнію многихъ мужиковъ, старательно поддерживаемаго агитаціей, наступило время, когда можно было наконецъ увеличить крестьянское землевладѣніе за счетъ господской земли. А такая цѣль такъ заманчива, что бороться съ ней возможно лишь серьезной открытой силой, и крайне наивно было воображать удержать населеніе отъ осуществленія многими поколѣніями лелеянной мечты явно несообразными подачками. Скорѣе такая завѣдомо неправильная уступчивость, подсказанная неувѣренностью въ правительственныхъ силахъ, только нагляднѣе могла сказать населенію, что надлежащій моментъ дѣйствительно пришелъ и надо дѣйствовать рѣшительнѣе.

По этимъ соображеніямъ, я не счелъ возможнымъ отступиться отъ своихъ исчисленій, правильность которыхъ не была рѣшительно ничѣмъ опорочена. Убѣдившись, что необходимое количество ссуднаго хлѣба можетъ быть куплено на мѣстахъ, установивъ цѣну примѣнительно къ биржѣ, я вернулся въ Херсонъ для доклада Губернскому Присутствію и предполагалъ, что послѣ этого мнѣ можно будетъ уѣхать въ Петербургъ. Пославъ подробное донесеніе въ земскій отдѣлъ, я просилъ извѣстить меня по телеграфу, можно-ли мнѣ считать свое порученіе оконеннымъ.

Какъ разъ въ это время разразилась почтово-телеграфная забастовка.

Отрѣзанность отъ Петербурга поставила насъ всѣхъ прямо въ критическое положеніе. Купленные присутствіемъ до моего пріѣзда запасы хлѣба уже были всюду розданы, а для покупки остального не открыты кредиты. Обыкновенно нужныя средства ассигнуются министерствомъ по телеграфнымъ требованіямъ телеграфными-же переводами на казначейство. Этотъ путь вдругъ оказался несуществующимъ и единственнымъ способомъ сношенія съ Петербургомъ являлась посылка нарочнаго съ донесеніемъ, если, конечно, желѣзныя дороги не забастуютъ, чего очень и очень всѣ опасались; въ этомъ направленіи велась усиленная агитація. Еще можно было надѣяться, что поставщики хлѣба обождутъ уплаты; но вѣдь существовалъ цѣлый рядъ другихъ расходовъ: какъ перевозка, мѣшки, желѣзнодорожный тарифъ, которые надо было платить немедленно, а средствъ на это не ассигновано. Какъ мы ни прикидывали—все не удавалось преодолѣть эти затрудненія. Если допустить населеніе до голодовки, то при тогдашнемъ настроеніи это повлекло-бы неисчислимыя, трагическія послѣдствія. Оставался только одинъ путь: наличные продовольственные капиталы сельскихъ обществъ, гдѣ они еще сохранились, употребить на оплату нужныхъ расходовъ, а мнѣ самому немедленно ѣхать въ Петербургъ, изложить положеніе и просить перевести нужныя суммы хотя-бы посылкой нарочнаго. Хотя такое употребленіе сельскихъ капиталовъ закономъ не разрѣшалось, но выбора не было; да и использованіе ихъ было-бы временнымъ, впредь до ассигнованія суммъ. Если-же при размѣнѣ процентныхъ бумагъ, а потомъ при возстановленіи ихъ покупкой были-бы понесены потери на курсѣ, то этотъ расходъ пришлось-бы отнести на накладные расходы по операціи. Такъ мы съ княземъ Горчаковымъ и условились и я рѣшилъ ѣхать, не ожидая на то разрѣшенія. Почтово-телеграфная забастовка произвела вообще гораздо меньшее впечатлѣніе, чѣмъ желѣзнодорожная. Объясняю это себѣ тѣмъ, что человѣческіе нервы имѣютъ свой предѣлъ воспріимчивости. Первый ударъ всегда чувствуется больнѣе. Со времени желѣзнодорожной забастовки повсюду воцарилась тревога и ожиданіе дальнѣйшихъ бѣдъ, такъ что когда и несчастные почтово-телеграфные чиновники, каторжный трудъ, которыхъ вознаграждался, какъ всѣмъ было извѣстно, прямо нищенски, стали бунтовать, требуя улучшенія своего положенія и лишь для виду пристегивая сюда политическія требованія, всѣ нашли это весьма естественнымъ. Жилось всѣмъ уже такъ отвратительно, что лишняя бѣда какъ-будто и не ощущалась.

Серьезно стало лишь положеніе властей: нужно было разсчитывать только на свои силы, внѣшняя помощь была отрѣзана. Къ этому присоединилась крайне тревожная неизвѣстность о томъ, что дѣлается въ остальной Россіи, а слухи распространялись чудовищные.

Какихъ-либо репрессій въ отношеніи почтовыхъ служащихъ не принималось, да и нельзя было принимать, такъ какъ, еслибы херсонскіе служащіе и стали на работу, то вѣдь, таковой все равно

почти-бы не было, ибо не дѣйствовали центръ и другіе звенья почтово-телеграфной сѣти. Поэтому и власти и публика безпомощно смотрѣли на все это безобразіе, пассивно выжидая, когда эта напасть сама собою кончится.

Единственный разъ князю Горчакову пришлось вмѣшаться въ эту забастовку. Вся почта, въ томъ числѣ и денежная, доставлялась въ Херсонъ исключительно на лошадяхъ, такъ какъ желѣзной дороги тогда еще не было, а пароходы прекратили рейсы. Когда забастовка уже дѣйствовала, многіе почтовые чины были въ дорогѣ съ почтой. Пріѣхавъ въ Херсонъ, они доставили почтовыя повозки къ губернскому правленію и не пожелали разгрузить фургоновъ, бросая цѣнности на дворѣ на произволъ судьбы. Тогда князь Горчаковъ энергично на нихъ насѣлъ, требуя подъ серьезной угрозой немедленнаго разбора фургоновъ и склада цѣнностей въ кладовыя. Всѣмъ было объявлено, что это требованіе въ случаѣ неповиновенія будетъ осуществлено силой и въ этомъ направленіи были приняты мѣры. Разумѣется, это энергично поставленное требованіе и было сейчасъ-же исполнено.

Возвращаться мнѣ нужно было черезъ Николаевъ, ближайшую желѣзнодорожную станцію. Но князь Горчаковъ не скрылъ отъ меня сообщенія полиціи, что въ губерніи неблагополучно и проѣздъ не безопасенъ. Однако ѣхать было нужно и выбора не было. Тогда князь предложилъ мнѣ взять съ собой вооруженнаго городового. Я отъ этого отказался, такъ какъ такой конвой, будучи весьма сомнительнымъ въ смыслѣ оказанія помощи, только напрасно привлекалъ-бы ко мнѣ вниманіе и своимъ однимъ присутствіемъ могъ-бы вызвать осложненія и непріятности. Я рѣшилъ ѣхать рано утромъ на лошадяхъ, разсчитывая попасть въ Николаевъ къ вечеру. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда, въ театрѣ я узналъ отъ князя Горчакова, что ночью отправляется въ Николаевъ казенный ледоколъ, который можетъ меня взять съ собою. Я съ радостью ухватился за этотъ случай и сейчасъ-же отправился на пристань. Мнѣ предоставили на ледоколѣ великолѣпную большую каюту, комфортабельно обставленную, такъ что совершенно неожиданно я совершилъ это путешествіе съ большими удобствами. Пріѣхавъ въ Одессу, я узналъ, что тамъ находится вновь назначенный херсонскій губернаторъ Малаевъ, котораго я рѣшилъ повидать и доложить ему о положеніи дѣла. Малаевъ жилъ въ Лондонской гостиницѣ по сосѣдству со мною и когда я къ нему пришелъ, онъ былъ дома и сейчасъ-же меня принялъ. Оказалось, что г. Малаевъ былъ уже въ курсѣ дѣла и знаетъ подробности моего пребыванія въ Ананьинѣ и Елизаветградѣ. Онъ очень возражалъ противъ предположеннаго мною уменьшенія требованій этихъ уѣздовъ, считая, что по переживаемому времени нельзя осложнять положеніе неудовольствіями за уменьшеніе, по его мнѣнію, достаточно обоснованныхъ исчисленій съѣздовъ. Я отстаивалъ свое прежнее мнѣніе, но, конечно, не убѣдилъ губернатора, который заявилъ, что онъ отъ себя лично напишетъ въ Министерство и будетъ просить объ увеличеніи исчисленной мною суммы. Г. Малаевъ былъ очень со мною любезенъ, познакомилъ меня со своей женой и пригласилъ позавтракать съ ними въ Лон-

донской гостиницѣ. Вечеромъ я выѣхалъ въ Петербургъ. Помѣстился я въ вагонѣ-салонѣ и былъ единственнымъ пассажиромъ перваго класса.

На станціи мнѣ сказали, что желѣзнодорожныя мастерскія волнуются и требуютъ прекращенія движенія поѣздовъ. А потому на паровозѣ поставлены солдаты съ ружьями и съ поѣздомъ ѣдетъ военная команда для огражденія желѣзнодорожной прислуги отъ насилій.

Поѣздъ уходилъ изъ Одессы, кажется, около 10 часовъ вечера.

Едва мы отъѣхали отъ станціи, я услышалъ какіе-то странные звуки, точно въ вагонъ бросали маленькими камешками. Вдругъ открывается дверь вагона и вбѣжалъ, низко согнувшись, кондукторъ, что-то, чего я не разслыхалъ, прокричавъ скороговоркой. Странные звуки продолжались, сопровождаемые иногда точно хлопаньемъ. Потомъ все затихло. Ничего не понимая, но чувствуя, что происходитъ что-то особенное, я продолжалъ недвижно сидѣть въ креслѣ, взявъ въ руки на всякій случай револьверъ.

Когда кондукторъ снова появился, я спросилъ, въ чемъ дѣло и что онъ прокричалъ? Оказалось, что поѣздъ нашъ у самыхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ былъ обстрѣлянъ изъ револьверовъ и пробѣгая, кондукторъ крикнулъ:—Ложитесь на полъ, стрѣляютъ.

Слава Богу все обошлось благополучно, никто въ поѣздѣ не пострадалъ.

На слѣдующее утро на одной изъ станцій я осмотрѣлъ свой вагонъ и увидѣлъ на немъ съ каждой стороны нѣсколько слѣдовъ пуль. Нѣкоторыя пули засѣли въ обшивкѣ и ясно были видны.

Вотъ, слѣдовательно, каково было положеніе въ Одессѣ. Въ самомъ городѣ, гдѣ власти разумѣется были уже предупреждены о стремленіи мастерскихъ устроить забастовку, поѣзда снабжались вооруженной охраной, цѣлая шайка рѣшается открыто обстрѣливать идущій поѣздъ. А что въ этомъ участвовала именно цѣлая шайка—свидѣтельствовали слѣды отъ выстрѣловъ почти на всѣхъ вагонахъ. Словомъ не хватало только возведенія баррикадъ. Дней за 10—15 до того въ Одессѣ многочисленная толпа прорвалась къ пристанямъ, гдѣ разгромила склады пароходной кампаніи и подожгла ихъ, причинивъ милліонные убытки. Объ этихъ ужасахъ ходили по Одессѣ цѣлыя легенды.

Путешествіе наше далѣе было вполнѣ благополучно. На станціяхъ много разсказывали о столкновеніи желѣзнодорожныхъ служащихъ съ властями, объ объявленіи, кажется, на станціи Жмерика Россійской республики, избіеніи жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, цѣломъ сраженіи съ войсками, присланными для водворенія порядка. По этимъ разсказамъ выходило, что войска дѣйствовали безпорядочно и неохотно и только одни казаки укрощали революціонеровъ и наводили на нихъ панику.

Конечно, слыша такіе разсказы, на душѣ становилось тоскливо, неувѣренно. Видимо, Россія неудержимо катилась въ какую-то темную пропасть. И съ каждымъ днемъ положеніе становилось все тревожнѣе и безотраднѣе. Не хотѣлось и думать о томъ, чѣмъ все это кончится. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я сейчасъ-же явился въ земскій отдѣлъ и разсказалъ А. А. Павлову о положеніи въ Херсонской губерніи и необходимости какъ можно скорѣе открыть кредиты на заготовку хлѣба. Забастовка уже кончалась, а потому затрудненій съ переводомъ не было. Такъ какъ мои донесенія и телеграммы изъ Херсона не были получены, поэтому нужно было написать подробный отчетъ о моихъ дѣйствіяхъ. А. А. Павловъ сказалъ, что отчетъ будетъ доложенъ имъ междувѣдомственному продовольственному совѣщанію подъ предсѣд. тов. Министра Э. А. Ватацци, въ засѣданіи котораго меня, вѣроятно, пригласятъ,—поэтому, чтобы я не уѣзжалъ изъ Петербурга.

Написавъ отчетъ и приложивъ къ нему копію журнала Херсонскаго Губернскаго Присутствія съ ходатайствомъ объ ассигнованіи, средствъ на дальнѣйшее веденіе продовольственной и сѣменой кампаніи, я остался ждать приглашенія въ засѣданіе, которое вскорѣ и получилъ.

Въ этомъ засѣданіи было доложено также и ходатайство губернатора Малаева объ ассигнованіи еще, кажется, 150 тысячъ рублей, дополнительно къ исчисленной въ моемъ докладѣ суммѣ. Хотя ходатайство это и не было подкрѣплено убѣдительными данными, но въ виду общаго тревожнаго положенія совѣщаніе нашло нужнымъ нѣсколько уменьшить мои предположенія о числѣ населенія, которое можетъ обойтись безъ ссуды, и увеличило предлагаемую мною цифру, кажется, на сто тысячъ рублей.

Мой докладъ, повидимому, произвелъ на совѣщаніе хорошее впечатлѣніе. Товарищъ Министра и управляющій земскимъ отдѣломъ благодарили меня и разрѣшили вернуться въ Новгородъ.

Вскорѣ предстояли выборы членовъ Госуд. Думы. Я принималъ въ нихъ участіе въ первой стадіи и лично въ губернскіе выборщики не попалъ. Время это какъ-то совершенно стушевалось изъ моей памяти, оно не сопровождалось у насъ сколько нибудь яркими явленіями и не выдвинуло ни талантливыхъ ораторовъ, ни людей крупной инициативы. Выбраны были въ члены люди уравновѣшенные, скорѣе по направленію своему правые, за исключеніемъ члена отъ крестьянъ и г. Румянцева, землевладѣльца Череповецкаго уѣзда, которые примыкали къ либеральнымъ фракціямъ. Наши депутаты въ первой Думѣ роли не играли и совершенно были не замѣтны.

Изъ переживаемыхъ за это время событій наибольее впечатлѣніе оставила исторія съ рабочими депутатами съ Носаремъ во главѣ. Я считаю этотъ эпизодъ кульминаціоннымъ пунктомъ нашей революціи. Всѣ террористическіе акты, обѣ забастовки были, конечно, явленіями ужасными, удручавшими всѣхъ спокойныхъ людей. Но правительство все-таки въ этихъ явленіяхъ видѣло бунтъ и въ той или другой степени съ ними боролось. Между тѣмъ, въ рабочихъ депутатахъ, до самой ликвидаціи ихъ дѣятельности, власть, казалась всѣмъ русскимъ людямъ, усматривала

нѣчто себѣ равное, предоставила имъ полную свободу дѣйствій, унижалась до переговоровъ съ вожаками. Это вѣдь было въ сущности официальнымъ признаніемъ ихъ могущества, а слѣдовательно являлось не менѣе официальной капитуляціей правительства передъ смутой. Съ этой минуты русская интеллигенція уже не сомнѣвалась въ торжествѣ революціи и все то, что по своему нравственному укладу и склонностямъ сочувствовало освободительному движенію или, будучи въ душѣ къ нему равнодушнымъ, разсчитывало выдвинуться изъ толпы въ этой передрягѣ, открыто перекинулось на ея сторону. Весьма многіе чины судебнаго вѣдомства, акциза, другихъ учрежденій министерства финансовъ вдругъ стали самыми ярыми хулителями правительственной власти и умилялись душой болѣе или менѣе искренно передъ все растущими успѣхами русской революціи. Правительство это знало, находило такой бунтъ своихъ чиновниковъ, должно быть, мало значущимъ и закрывало пока на него глаза. Не трудно себѣ представить, какимъ рѣшающимъ козыремъ явилось такое отношеніе въ глазахъ колеблющихся, все еще не рѣшавшихся такъ или иначе «самоопредѣлиться».

И вотъ создалось положеніе, что всѣ искренніе сторонники порядка, которымъ казалось позорнымъ идти подъ команду галдящихъ неучей и мальчишекъ, которые въ служебной присягѣ и вѣрности Государю видѣли свою священную обязанность, совершенно поникли головой, ходили какъ оплеванные, и въ душѣ уже видѣли себя обреченными на самую жестокую расправу бунтарей.

Цѣлый рядъ новыхъ назначеній губернаторовъ и вице-губернаторовъ уже состоялся, а я все еще оставался непремѣннымъ членомъ. Между прочимъ, нашъ уѣздный предводитель дворянства А. В. Болотовъ былъ назначенъ Пермскимъ губернаторомъ.

А. В. Болотовъ, мой большой пріятель, былъ много моложе меня и лѣтами и службой. Не такъ еще давно, состоя кандидатомъ земскихъ начальниковъ при нашемъ съѣздѣ, онъ замѣщалъ меня въ теченіе года по должности земскаго начальника, когда я велъ въ губерніи первую перепись, завѣдывая дѣлопроизводствомъ губернской переписной комиссіей и состоя помощникомъ лица, назначеннаго для объединенія переписныхъ дѣйствій. Назначеніе его состоялось, когда я былъ въ Херсонской губерніи и, вернувшись въ Новгородъ, я его уже не засталъ, онъ уѣхалъ въ Пермь.

Долженъ признаться, что не смотря на то, что я очень любилъ Болотова и считалъ его способнымъ человѣкомъ, вѣсть объ этомъ назначеніи повергла меня въ припадокъ такой острой зависти, какой я еще никогда не испытывалъ. Вотъ такой молодой человѣкъ, не имѣвшій за своими плечами многолѣтней отвѣтственной работы, получаетъ прямо губернаторство, а я все безплодно продолжаю мечтать о вице-губернаторствѣ, несмотря на свою, могу сказать прямо, выдающуюся служебную репутацію. Я не утаилъ отъ Болотова своей зависти и чистосердечно въ ней признался при первомъ нашемъ свиданіи. Онъ мнѣ говорилъ, что самъ никакъ не ожидалъ назначенія губернаторомъ и просилъ только московскаго губернскаго предводителя дворянства князя Трубец-

кого повліять на Витте, чтобы онъ его назначилъ вице-губернаторомъ. Но таково было значеніе въ глазахъ Витте замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей, что онъ дѣлалъ даже больше того, о чемъ они сами просили.

Вскорѣ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ назначенъ незабвенный П. А. Столыпинъ. Я его до того совершенно не зналъ, но въ бытность свою въ Пензѣ, смежной съ Саратовской губерніей. чрезвычайно много слышалъ объ его дѣятельности какъ Саратовскаго губернатора. Храбрость этого человѣка не знала предѣловъ, объ этомъ ходили тогда эпическіе разсказы. Между прочимъ, въ газетахъ былъ помѣщенъ весьма подробный пересказъ, какъ Петръ Аркадьевичъ спасъ въ Балашовѣ цѣлую армію освободителей, постыдно бѣжавшихъ при встрѣчѣ съ черносотенной демонстраціей.

Толпа участниковъ этой послѣдней осадила зданіе, гдѣ заперлись освободители, пыталась туда ворваться и угрожала всѣхъ ихъ перебить. Столыпинъ одинъ противостоялъ цѣлой разъяренной толпѣ, былъ слегка раненъ въ руку, но не допустилъ насилія.

Эта перемѣна правительства всѣ мои разсчеты на повышеніе сводила, мнѣ казалось, на нѣтъ. У всякаго министра непочатый край своихъ кандидатовъ на губернаторскія и вице-губернаторскія должности. А потому человѣку, котораго министръ лично не знаетъ и о дѣятельности котораго не освѣдомленъ, разсчитывать попасть въ число избранныхъ—прямо наивно.

Чтобы однако узнать точно, какъ стоятъ теперь мои дѣла, я поѣхалъ въ Петербургъ и явился къ А. Д. Арбузову, остовавшемуся и при новомъ Министрѣ Директоромъ Общихъ Дѣлъ.

Услышалъ я, конечно, самыя нерадостныя вѣсти:

— Ваше дѣло пропало,—сказалъ мнѣ Арбузовъ.—У насъ новый министръ и совсѣмъ новыя вѣянія. Думаю, что вамъ слѣдуетъ бросить надежду получить назначеніе.

Я такъ былъ увѣренъ въ близкомъ осуществленіи своей мечты, что эти слова меня совсѣмъ убили и привели въ мрачное уныніе. Оставалось слѣдовательно вернуться въ Новгородъ и тянуть снова прежнюю лямку, которая казалась тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше было надеждъ на другую дѣятельность.

Политическія событія развертывались между тѣмъ такъ, какъ, кажется, никто не ожидалъ.

Существенныя преимущества, предоставленныя крестьянамъ въ законѣ о Государственной Думѣ, основывались, вѣроятно, на томъ разсчетѣ, что русское крестьянство въ общемъ консервативно и душой предано монархическому принципу. Поэтому, казалось, весьма важно въ нашемъ представительствѣ отвести обезпеченную роль крестьянству, какъ твердому устою порядка.

Я лично, такъ долго прослужившій по крестьянскимъ учрежденіямъ и близко знакомый съ народнымъ бытомъ и воззрѣніями, держался также этого убѣжденія и глубоко надѣялся, что съ созывомъ Государственной Думы кончится, наконецъ, такъ мучавшая всѣхъ смута.

Увы, какъ горько пришлось разочароваться! Крестьянская группа дала Аладьина, Аникина, фракцію трудовиковъ и разныхъ

соціалистовъ, которые задачу Думы скомпрометировали и привели къ ея разгону и измѣненію избирательнаго закона.

Какъ же все это случилось и почему всѣ такъ ошиблись въ роли крестьянства?

Конечно, главную роль тутъ играла, мнѣ кажется, наша общая неподготовленность къ представительному строю. Мы, разумѣется, теоретически хорошо понимали эту идею, но практически совершенно не представляли себѣ, какъ надо осуществить ее, чтобы наименѣе уклониться отъ идеальнаго представленія и преодолѣть затрудненія, которыя неизбѣжно возникнутъ при проведеніи новаго порядка въ жизнь. Я не хочу сказать, что законъ о Государственной Думѣ написанъ неясно или несовершенно. Нѣтъ, мы просто не сумѣли по неопытности представить себѣ достаточно реально самый процессъ выборовъ, каковымъ онъ долженъ былъ оказаться при нашихъ привычкахъ и склонностяхъ, при нашемъ хозяйственномъ распорядкѣ. На самыхъ выборахъ мы учились и уже позднѣе, на основаніи горькаго опыта, путемъ Сенатскихъ разъясненій вносили разныя поправки, которыя однако была полная возможность впередъ предусмотрѣть и ввести въ практику, ну хотя-бы путемъ изданія особой инструкціи, предусмотрѣвъ, конечно, въ самомъ законѣ возможность изданія такой инструкціи.

Возьмемъ, напримѣръ, такой существенный вопросъ: кого слѣдуетъ разумѣть при крестьянскихъ выборахъ подъ словомъ выборщикъ? По совершенно очевидному намѣренію законодателя, имъ можетъ быть только такое лицо, которое по своему образу жизни и занятіямъ, а слѣдовательно и по міросозерцанію, представляетъ собою типъ русскаго крестьянина-землероба. Только исходя изъ такого представленія, законъ и предоставилъ крестьянскимъ выборщикамъ весьма существенныя преимущества, совершенно справедливо полагая, что интересы группы въ 130 милліоновъ человѣкъ должны быть особенно надежно представлены. Законъ безусловно ясенъ. Но посмотрите, какова практика: крестьянскимъ депутатомъ вдругъ является—изъ Лондона какой-то господинъ Аладьинъ, который съ крестьянствомъ не имѣетъ ничего общаго, міросозерцанія крестьянина совершенно не знаетъ и попадаетъ въ депутаты только на основаніи случайнаго признака, что по паспортной квалификаціи онъ числится крестьяниномъ. Вѣдь тутъ двухъ мнѣній быть не можетъ: законъ такимъ избраніемъ нарушенъ въ самой существенной своей части и тѣмъ не менѣе выборы эти не кассированы.

Возьмите далѣе многочисленныхъ сельскихъ учителей, волостныхъ писарей и т. п., тоже попавшихъ въ депутаты. Развѣ такой выборъ можетъ быть признанъ правильнымъ? Нѣтъ спора, эти господа живутъ въ деревнѣ, въ близкомъ общеніи съ крестьянствомъ, но они дѣлаютъ такое дѣло, котораго крестьянинъ не умѣетъ и не можетъ дѣлать. А вѣдь не секретъ, что люди разныхъ занятій, у которыхъ умъ, наблюдательность, вкусы идутъ по разнымъ дорогамъ, неизбѣжно вырабатываютъ въ себѣ разныя міросозерцанія, такъ часто между собою расходящіяся до полнаго другъ друга непониманія. Все это—очевидно, скажу болѣе—элементарно, и тѣмъ не менѣе никто не подумалъ своевременно, что имен-

но такое толкованіе закона можетъ оказаться на практикѣ и никто не позаботился своевременно устранить столь нелѣпое искаженіе.

Вторая причина, на мой взглядъ, заключается въ неугасающей въ глубинѣ души многихъ русскихъ крестьянъ, мечтѣ о черномъ передѣлѣ, т. е., чтобы земля принадлежала только тому, кто ее самъ обрабатываетъ. Извѣстно вѣдь, что всѣ серьезныя движенія среди крестьянства всегда происходили во имя этой идеи. Несомнѣнно, со временемъ, когда крестьянство разовьется, а особенно когда утвердится въ немъ единоличное землевладѣніе, оно пойметъ неосновательность такихъ вожделѣній. Но пока такая мечта существуетъ повсемѣстно въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ. Революціонеры учли такую особенность психологіи мужика и поманили его на эту удочку.

Когда на выборы выбощиковъ понаѣхали гг. Аладьины, они обратили на себя особенное вниманіе крестьянства посулами земли. Къ этому присоединились развязность языка, нерѣдко зажигательное краснорѣчіе и вотъ такіе господа и оказались выборщиками и крестьянскими депутатами. Разъ допущенную ошибку всегда потомъ трудно исправить. Рѣчи Аладьина, Аникина и др. слишкомъ были распространены по Россіи и имѣли настолько выдающійся успѣхъ, что создали собою, какъ бы рецептъ, по которому можно было улавливать крестьянскіе голоса. Естественно, что впослѣдствіи всѣ тѣ, которые хотѣли пройти въ Думу отъ крестьянъ, неизмѣнно пользовались этимъ рецептомъ, и часто достигали успѣха.

Открытіе Первой Государственной Думы, такъ страстно всѣми ожидаемое, наконецъ, состоялось.

Вмѣсто успокоенія, оно внесло въ страну еще больше нервности и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Самые дебаты въ Думѣ принимали все болѣе и болѣе страстный характеръ. Пышныя кадетскія деклараціи, блиставшія, якобы, конституціонной корректностью, неизбѣжно обращались въ демагогическіе выкрики и заставляли самихъ кадетъ постоянно терять чувство мѣры и тащиться за лѣвыми ослами по словамъ знаменитаго Милюкова, въ сторону невообразимыхъ крайностей. Были внесены въ дебаты совершенно нелѣпые пріемы, въ родѣ ссылокъ на крестьянскіе наказы, способъ фабрикаціи которыхъ былъ, конечно, всѣмъ хорошо понятенъ; но всѣ дѣлали видъ, что есть дѣйствительный голосъ крестьянства и этимъ наказамъ придавали цѣну неотразимыхъ аргументовъ. Наконецъ, своимъ отказомъ вотировать осужденіе террора, какъ политическаго средства борьбы. Дума эта сама вынесла себѣ приговоръ и показала всѣмъ русскимъ людямъ, еще не потерявшимъ головы, свою полную несостоятельность, какъ Государственнаго учрежденія. Она еще продолжала существовать, но съ ней уже перестали серьезно считаться и возлагать на нее какія бы то ни было надежды. Государственная Дума, къ сожалѣнію, открыто перестала заниматься страной и законодательствомъ и обратилась въ трескучій митингъ самыхъ неуравновѣшенныхъ элементовъ.

Все это, конечно, было на руку революціонерамъ; на почвѣ

думскихъ дебатовъ выросъ такой кровавый терроръ, въ сравненіи съ которымъ все доселѣ наблюдавшееся было дѣтской игрушкой. Во время этой же Думы пышно расцвѣло не наблюдавшееся до сего въ такомъ масштабѣ явленіе, окрещенное съ думской каѳедры словомъ «экспропріація». Прежде это называлось по-просту грабежомъ; но если грабитель изъ 100 награбленныхъ руб. отдавалъ 1 руб. въ пользу революціи, то такой поступокъ уже окрашивался нѣкоторымъ геройствомъ и получалъ почтенное въ глазахъ революціонеровъ и имъ сочувствующихъ названіе «экспропріаціи».

Что будетъ съ Россіей при такой анархіи, повидимому, объ этомъ въ Думѣ никто не думалъ, а если отдѣльныя лица и думали, то были безсильны что-либо сдѣлать.

Вѣдь вотъ что поразительно, что въ составѣ первой Думы было очень много, если не большинство, умныхъ и порядочныхъ людей, одухотворенныхъ глубокимъ патріотизмомъ. Какъ могли эти люди не оказать своего вліянія и не заставить другихъ слѣдовать за собой—совершенно не понятно. Точно они, не готовые къ своей новой роли законодателей, требовали нѣкотораго времени оріентироваться, а тутъ вдругъ были захвачены, какъ на сельскомъ сходѣ, крикунами и не сумѣли дать имъ надлежащаго отпора.

Занятія мои въ Губернскомъ Присутствіи въ это время шли своимъ чередомъ и заключались главнымъ образомъ въ заканчаніи счетовъ по предшествовавшимъ продовольственнымъ кампаніямъ. Срочнаго дѣла не было, а потому въ субботы у насъ занятій не производилось и я могъ въ пятницу послѣ занятій ѣхать къ себѣ въ деревню, гдѣ и оставался до вечера воскресенья. Семья моя въ это лѣто жила въ Старой Руссѣ, пользовалась тамъ ваннами.

Въ концѣ Мая примѣрно, когда я работалъ что-то въ цвѣтникѣ у себя въ деревнѣ, прислали мнѣ изъ Новгорода съ пароходомъ газеты и почту. Среди писемъ была телеграмма. Распечатываю и читаю: «поздравляю Самарскимъ вице-губернаторомъ. Болотовъ».

Я такъ и обмеръ. Мною овладѣло весьма сложное чувство. Съ одной стороны—потрясающая радость, что, наконецъ, мечты мои осуществились, а съ другой—сосущая тревога. Дѣло въ томъ, что Самарская губернія, какъ это было видно изъ газетъ, стала ареной особенно сильныхъ безпорядковъ. Тутъ происходили и убійства, и крестьянскіе погромы, объявлена была гдѣ-то республика, а въ самой Самарѣ революція создала себѣ цѣлую цитадель въ Пушкинскомъ Народномъ домѣ, съ которой очень долго приходилось носиться бывшему губернатору Засядко и все-таки кончить осадой ея войсками. Самъ Засядко, какъ говорили, за свою нерѣшительность долженъ былъ подать въ отставку. Еще такъ недавно, можетъ быть, мѣсяцъ или два тому назадъ туда былъ назначенъ вице-губернаторомъ нѣкто г. Михайловъ. И вотъ, значитъ, и онъ оставилъ уже службу, если меня туда назначили. Я не зналъ, какія причины были этой послѣдней отставки, но было очевидно, что она явилась результатомъ трудности положенія, такъ какъ по доброй волѣ мѣсто такъ скоро послѣ назначенія не оставляютъ.

Я зналъ, что тоже весьма недавно въ Самару былъ назначенъ послѣ Засядко губернаторомъ И. Л. Блокъ, бывшій до того Грод-

пенскимъ губернаторомъ. Хотя Блока я совершенно не зналъ и никогда не встрѣчалъ, но слышалъ, что это былъ хорошій губернаторъ и что въ Самару его послали, надѣясь, что онъ съ этой трудной губерніей справится.

И такъ, повидимому, судьба меня бросаетъ въ самое жерло безпорядковъ. Тутъ была и опасность для жизни, и опасность для служебной карьеры. А если я не найду въ себѣ достаточно мужества бороться съ революціей и позорно струшу и спасую? Кто-же можетъ предсказать, какъ будешь держать себя, когда встанетъ вопросъ о собственной шкурѣ. Мнѣ не приходилось, кажется, переживать случаевъ смертельной опасности, а потому я и не могъ быть увѣреннымъ, что достойно выдержу такое испытаніе. Я только внутренне чувствовалъ, что если бы мнѣ пришлось смалодушествовать и осрамиться, то все равно такого позора я не вынесу.

Я былъ также удивленъ самымъ способомъ своего назначенія. Конечно, въ Министерствѣ знали, что я ищу вице-губернаторства, но захочу-ли я идти въ Самару на такія трудности,—это было неизвѣстно. И меня тѣмъ не менѣе о согласіи на такое назначеніе не запросили. Слѣдовательно, надо полагать, министръ не признавалъ за мною права выбирать и мнѣ показалось это нѣсколько обиднымъ. Вѣдь человѣка со связями навѣрное бы спросили, а со мной вотъ не церемонятся.

Но долженъ признаться, что на фонѣ этихъ сомнѣній и опасеній всетаки господствовала радость и я чувствовалъ себя окрыленнымъ этой удачей. Если въ душѣ и возникало предположеніе, не разумнѣе-ли отказаться отъ такого труднаго назначенія, то оно было немедленно, безъ тѣни колебаній отвергнуто.

Чтобы порадовать свою семью, я сейчасъ же послалъ ей телеграмму, а самъ въ этотъ же день уѣхалъ въ Новгородъ собираться въ Петербургъ, чтобы узнать всѣ подробности, заказать форму, представиться Министру.

Болотовъ, очевидно, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Перми по службѣ и таскаясь, какъ это полагается, по министерствамъ, узналъ о моемъ назначеніи и порадовалъ меня телеграммой. Высочайшаго приказа еще не появилось.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я прежде всего пошелъ къ Арбузову. Алексѣй Дмитріевичъ встрѣтилъ меня улыбаясь и поздравилъ съ назначеніемъ. Когда я высказалъ, что назначеніе это было для меня полнымъ сюрпризомъ и что я уже послѣ когда-то имъ сказанныхъ словъ потерялъ всякую надежду получить его, онъ смѣясь, сказалъ:

— Я зналъ, что вы будете назначены, но не считалъ себя въ правѣ вамъ это сообщить.

Выяснивъ денежный вопросъ, я отправился заказать себѣ форму, чтобы затѣмъ уже представиться Министру.

Арбузовъ сказалъ, что Министръ требуетъ, чтобы я какъ можно скорѣй ѣхалъ къ мѣсту назначенія, а то въ Самарѣ губернатору такъ много дѣла, что онъ одинъ не въ силахъ справиться.

Въ ближайшую субботу, т. е. на той-же недѣлѣ, я поѣхалъ представиться П. А. Столыпину, жившему тогда на министерской

дачѣ на Аптекарскомъ островѣ, вскорѣ послѣ того взорванной революціонерами.

Былъ яркій солнечный день. Дача была залита солнцемъ. Большая пріемная выходила окнами въ садъ, на балконъ, установленный красивыми растеніями. Передъ балкономъ виднѣлся прелестный отлично содержимый цвѣтникъ.

Въ глубинѣ пріемной стоялъ столикъ, за которымъ сидѣли нѣсколько человѣкъ чиновниковъ особыхъ порученій. Между ними Приселковъ. Противъ этого стола направо была дверь въ кабинетъ Министра.

Записавшись у чиновниковъ, я сѣлъ, ожидая своей очереди. Въ пріемной было нѣсколько человѣкъ губернаторовъ, все мнѣ незнакомые, и членовъ Государственной Думы, между ними орловскій депутатъ Ветчининъ, котораго я встрѣчалъ у Павлова.

Члены Государственной Думы принимались въ первую очередь, затѣмъ шли губернаторы, а потомъ остальные. Вотъ пришла и моя очередь. Вхожу въ кабинетъ и на встрѣчу мнѣ поднимается у стола у окна очень высокаго роста стройный широкоплечій господинъ, одѣтый въ темно-синій лѣтній костюмъ, элегантно на немъ сидящій. Внимательно на меня смотря, П. А. Столыпинъ подаетъ руку и приглашаетъ сѣсть. Обращаетъ вниманіе на себя эта рука: она какъ-то особенно закругленно отдѣляется отъ тѣла и ладонь какъ будто-бы не сгибается. Потомъ узнаю, что правая рука у него нѣсколько парализована и хотя онъ ею пишетъ, но принужденъ держать кисть вытянутой, придерживая бумагу прессомъ.

Всматриваюсь въ это лицо. Оно нахмурено, брови сдвинуты, выраженіе лица можно было бы назвать суровымъ и, пожалуй даже, надменнымъ, если бы глаза по временамъ слегка не улыбались, становясь ласковыми. Цвѣтъ лица чрезвычайно свѣжій, съ румянцемъ. Голова, на лбу оголенная, коротко острижена. Усы подвиты колечками, небольшая ровная борода. Губы какъ будто нѣсколько вывернуты наружу, что нисколько ихъ не безобразитъ, но звукъ голоса дѣлаетъ сочнымъ, чуть-чуть какъ бы сюсюкающимъ. Говоритъ, откинувшись въ кресло, гордо приподнявъ голову, не спуская съ васъ глазъ. Сразу чувствуется, что имѣешь дѣло съ чуткимъ человѣкомъ, отлично улавливающимъ затаенныя намѣренія твоихъ словъ, взгляда, жестовъ. Увѣренъ, что при первомъ же свиданіи онъ составляетъ себѣ совершенно правильное общее представленіе о человѣкѣ.

Жизнь много разъ сталкивала меня съ Петромъ Аркадьевичемъ и я наблюдалъ его и на службѣ, и у себя дома. Хотя онъ никогда не велъ со мной сколько нибудь значительныхъ частныхъ бесѣдъ и не высказывался откровенно, какъ человѣкъ, но мнѣ, кажется, я внутреннимъ чутьемъ угадывалъ эту натуру и составилъ себѣ о его государственной дѣятельности совершенно ясное представленіе. По крайней мѣрѣ въ многочисленныхъ моихъ сношеніяхъ съ нимъ по службѣ я, кажется, ни разу не ошибался въ своихъ предположеніяхъ, какъ взглянетъ онъ на тотъ или другой фактъ, какъ отнесется къ тому или иному распоряженію. А потому я всегда высказывалъ ему свою мысль до конца, простымъ

языкомъ, не запираясь въ уклончивыя и безличныя офиціально почтительныя формы. И никогда мнѣ въ этомъ не приходилось раскаяваться.

П. А. Столыпинъ, мнѣ кажется, прежде всего великій энтузіастъ. Извѣстная идея, правильность и необходимость которой онъ постигъ своимъ свѣтлымъ умомъ, его захватывала всего и для ея осуществленія онъ ни передъ чѣмъ не останавливался. Личный интересъ, интересы нѣжно любимой семьи—все отходило на задній планъ, все безъ колебаній приносилось въ жертву, если это было нужно. Этотъ энтузіазмъ дѣлалъ его очень сильнымъ въ борьбѣ: онъ его вдохновлялъ и окрылялъ преодолѣвать такія препятствія, передъ которыми бы всякій спокойный, холодный умъ отступилъ, не пытаясь даже бороться. Согрѣтый энтузіазмомъ, онъ находилъ въ себѣ такія слова, такую захватывающую всѣхъ игру голоса, что сразу былъ признанъ всѣми выдающимся ораторомъ. И замѣчательнѣе всего, что онъ самъ, повидимому, не подозрѣвалъ своихъ ораторскихъ способностей и онѣ въ немъ неожиданно для самого себя проснулись въ минуту великой, грозной борьбы. Я знавалъ многихъ лицъ, которыя видѣли Петра Аркадьевича еще на скромной аренѣ дѣятельности, и на всѣхъ онъ производилъ тогда совершенно безцвѣтное впечатлѣніе скромнаго, неглупаго человѣка. Если бы онъ зналъ о своемъ ораторскомъ талантѣ, онъ навѣрное бы не удержался отъ возможности имъ блеснуть, какъ это дѣлаютъ всѣ хорошо говорящіе и сознающія эту свою способность люди.

По природѣ это былъ благородный, всей душой преданный Россіи патріотъ. И когда судьба его выдвинула на виднѣйшій постъ государственной дѣятельности, онъ всей душой отдался служенію Россіи не ради того, что оно давало ему матеріальныя блага, льстило самолюбію, а потому что онъ сумѣлъ свои личные интересы слить нераздѣльно съ интересами Государства, онъ иначе жить не умѣлъ и не могъ. Вѣдь, что такое была личная жизнь Столыпина за время его министерства? Это была, съ точки зрѣнія обывателя, тягчайшая каторга: ни одной минуты, даже въ глубинѣ своего жилища, онъ не могъ считать себя въ безопасности отъ угрозы смерти; непрекращающаяся злобная травля не только со стороны революціонеровъ, но и крайнихъ правыхъ, травля, не останавливающаяся передъ полнымъ искаженіемъ его намѣреній и стремленій; постоянная интрига завистниковъ, не прощавшихъ ему чрезвычайно быстраго возвышенія,—все это должно было бы сломить обыкновеннаго человѣка, лишить его жизнерадостности и омрачить умъ. Но сознаніе, что онъ дѣлаетъ то, что полезно и нужно Россіи, давало ему такое радостное самоудовлетвореніе, передъ которымъ тяжкія невзгоды его личнаго положенія совершенно блѣднѣли, и это спасало Столыпина отъ малодушныхъ, искажавшихъ его задачи компромиссовъ.

Я глубоко убѣжденъ, что настоящимъ государственнымъ дѣятелемъ можетъ быть только энтузіастъ. Холодный эгоистическій умъ, ни минуты не забывающій о своей личной пользѣ, о прочности своей карьеры, всегда преувеличиваетъ трудности заданія, трусливо преуменьшаетъ шансы успѣха, а потому такой умъ при

всей своей глубинѣ неспособенъ ни на широкій размахъ, ни на героическія рѣшенія.

Возьмите величайше дѣло Столыпина—крестьянскую земельную реформу. Вѣдь понять правильность основной ея идеи—необходимости крестьянину перейти къ единоличному владѣнію землей, отдѣльнымъ кускомъ безъ черезполосицы—не трудно; за необходимость такой реформы говоритъ опытъ всего человѣчества и возражать противъ нея можетъ лишь страстная близорукая партійность. Но какъ мучительно трудно было рѣшиться осуществить это дѣло, да еще въ такое время, какъ сдѣлалъ это Столыпинъ.

Взбаломученное русское крестьянство, еще не вполнѣ отказавшееся отъ вѣры въ возможность насильственнаго захвата частновладѣльческихъ земель, ставилось передъ крайне болѣзненной ломкой своего хозяйственнаго уклада, необходимость которой большинству была непонятной. Какъ естественно было опасаться, что такая мѣра неизбѣжно вызоветъ новый еще горшій взрывъ народнаго возмущенія. Но Столыпинъ вѣрилъ въ здравый смыслъ крестьянства, понималъ, что только эта дорога выведетъ мужика изъ нищеты, и смѣло пошелъ на такой рискъ, увлекая за собой все правительство.

Развѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было возможно осуществить безъ горячаго энтузіазма? Конечно нѣтъ и именно поэтому, что не нашлось энтузіаста, такое освобожденіе не произошло въ царствованіе Николая Павловича и ранѣе.

Въ публику проникъ слухъ, что въ послѣднее время передъ своей трагической гибелью, Столыпинъ думалъ о націонализаціи государственнаго кредита. И не подлежитъ, мнѣ кажется, сомнѣнію, что продли Господь дни его жизни, онъ непремѣнно этого бы добился. Боже, сколько громовъ посыпалось на эту бѣдную голову за такое еретическое намѣреніе.

А вотъ въ наши дни, благодаря встряскѣ великой войны, самая популярная идея—это освобожденіе русской промышленности отъ нѣмецкаго ига и полное закрытіе нѣмцамъ русскаго рынка. Развѣ это не есть частичное осуществленіе идеи Столыпина, еще до войны ясно видѣвшаго нездоровое подавленіе русской торговой иниціативы враждебными намъ народностями и стремившагося уничтожить это зло закрытіемъ этимъ врагамъ кредита.

П. А. Столыпинъ былъ властная натура. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, всегда простыхъ, а къ знакомымъ ему даже привѣтливыхъ, онъ умѣлъ не переходить нѣкоторой границы, за которой безцеремонность убиваетъ авторитетность. Благодаря этой способности, ему такъ легко удавалось своихъ сослуживцевъ по кабинету заставлять идти нужной ему дорогой. Люди за глаза роптали, загорались, можетъ быть, враждой, а всетаки противодѣйствовать не рѣшались.

Иногда властность Столыпина принимала излишне рѣзкія, подчеркнутыя формы. Объясняется это, мнѣ кажется, тѣмъ, что онъ хотѣлъ какъ можно нагляднѣе опровергнуть брошенный ему съ каѳедры Государственной Думы упрекъ, что у него нѣтъ дѣйствительной власти, а таковую узурпировали «безотвѣтственные элементы».

Но эта властность не доходила, кажется, никогда до сумасбродства, когда человѣкъ остается глухимъ ко всякимъ доводамъ разума. Мнѣ лично приходилось, напримѣръ, нѣсколько разъ разубѣждать Петра Аркадьевича въ неправильно имъ составленныхъ себѣ представленіяхъ о людяхъ и ихъ поступкахъ. И несмотря на огромную разницу въ нашемъ служебномъ положеніи, сдѣлать это было вовсе не трудно. Нужно было только спокойно выслушать все то, что Столыпинъ имѣлъ сказать, а затѣмъ уже изложить свои возраженія.

Матеріальныя блага жизни мало, повидимому, привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ былъ чрезвычайно простъ и умѣренъ въ своихъ вкусахъ и привычкахъ, что не мѣшало ему устраивать у себя пріемы, полные блеска, приличествовавшаго первому Сановнику Россійской Имперіи. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось быть на такихъ пріемахъ и долженъ признаться, что нигдѣ я не видѣлъ столько изящнаго вкуса.

Мнѣ особенно памятенъ тотъ обѣдъ у Петра Аркадьевича, когда я былъ къ нему приглашенъ впервые. Дѣло было какъ-то зимой, когда Столыпинъ уже переѣхалъ изъ Зимняго Дворца въ министерскій домъ на Фонтанкѣ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ этомъ домѣ, но не далѣе пріемныхъ и кабинета министра въ нижнемъ этажѣ; въ парадныхъ же апартаментахъ въ бель-этажѣ бывать до сихъ поръ не приходилось.

Изъ вестибюля ведетъ наверхъ великолѣпная лѣстница, уставленная дивной работы канделябрами. У начала лѣстницы, а также на площадкахъ ея и у дверей стояли лакеи въ бѣлыхъ чулкахъ, красныхъ ливреяхъ, треугольныхъ шляпахъ съ бѣлыми страусовыми перьями. Въ числѣ этихъ лакеевъ я узналъ одного изъ швейцаровъ департамента полиціи, очень красиваго молодого человѣка, бывшаго преображенскаго солдада. Значитъ, для этого случая были набраны люди изъ министерскихъ служащихъ и курьеровъ. А ливреи были взяты, вѣроятно, изъ какого нибудь дворца. Внизу встрѣчали чиновники особыхъ порученій и кажкаго изъ гостей снабжали планомъ столовой, гдѣ были указаны за столомъ мѣста каждаго изъ приглашенныхъ, при чемъ фамилія лица, которому вручалась карточка съ планомъ, была подчеркнута красными чернилами, такъ что вы находили свое мѣсто съ перваго взгляда.

Я сидѣлъ на одномъ изъ концовъ стола, слѣва отъ меня помѣщался Ярославскій губернаторъ графъ Татищевъ, справа Самарскій—Якунинъ.

Прямо съ лѣстницы входишь въ малиновую гостиную, а за нею въ бѣлый залъ, гдѣ Петръ Аркадьевичъ съ женою встрѣчалъ своихъ гостей. Въ этомъ залѣ глазъ останавливается прежде всего на очень красивыхъ хрустальныхъ люстрахъ: лампы помѣщаются внутри конуса, заканчивающагося полушаріемъ, образуемыхъ хрустальными красиво изогнутыми нитями и лампъ этихъ совсѣмъ не видно, такъ что получается сплошной ослѣпительный блескъ хрусталя. За заломъ расположен, столовая, представляющая изъ себя миніатюрную копію Грановитый Палаты въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ. Столовая

эта, сравнительно не велика, а потому обѣденный столъ былъ накрытъ не въ ней, а въ слѣдующей за ней продолговатой залѣ.

Убранство стола замѣчательно: нѣсколько вазъ, разставленныхъ по серединѣ стола заполнены букетами одной золотистой мимозы, отъ этихъ вазъ къ краямъ стола тянутся лучи изъ тѣхъ же цвѣтовъ. Впечатлѣніе отъ такой однотонности получилось замѣчательно изящное. Обиліе цвѣтовъ наполняло залъ нѣжнымъ тонкимъ ароматомъ мимозы.

Къ этому обѣду были приглашены товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, директора департаментовъ, нѣсколько человѣкъ генералъ-губернаторовъ и человѣкъ 15 губернаторовъ. Такое обиліе провинціальныхъ властей дало поводъ Петру Аркадьевичу сказать:

— У меня сегодня столько генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. что съ ними вполнѣ было бы возможно произвести государственный переворотъ.

Были на обѣдѣ и нѣсколько дамъ, которыхъ вели къ столу старшіе въ чинѣ.

Шампанское начали подавать съ перваго же блюда, что не мѣшало впрочемъ предлагать въ свое время и другія вина.

Тостовъ не производилось.

Конечно, на такомъ официальномъ обѣдѣ не могло быть весело. А потому, какъ только обѣдъ кончился, такъ приглашенные стали откланиваться и уѣзжать.

Помню этотъ обѣдъ былъ данъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петроградъ покойнаго Бухарскаго Эмира, такъ что высшіе чины министерства явились украшенными бухарскимъ орденомъ Искандера. У меня есть золотая бухарская звѣзда, пожалованная мнѣ въ бытность мою самарскимъ вице-губернаторомъ, но этотъ орденъ совсѣмъ блѣднѣетъ передъ Исканеромъ. Послѣдній имѣетъ видъ не звѣзды, а значка, усыпаннаго крупными бриллiантами. Товарищъ министра Курловъ тоже получилъ его и тутъ увѣрялъ, что настоящіе бриллiанты вынулъ и сдѣлалъ изъ нихъ женѣ брошку, а въ орденъ приказалъ вставить стразы.

Былъ ли Столыпинъ искреннимъ сторонникомъ Государственной Думы? Судя по тѣмъ словамъ, которыя я самъ отъ него слышалъ, думаю, что да. Онъ, напримѣръ, высоко цѣнилъ контроль Государственной Думы въ области финансовъ и считалъ этотъ контроль единственнымъ способомъ для цѣлесообразнаго и по назначенію расходованія сбираемыхъ съ народа средствъ. Даже контроль надъ дѣятельностью администраціи онъ считалъ необходимымъ, особенно у насъ, гдѣ чувство законности еще такъ поверхностно; но онъ боролся противъ злоупотребленія этимъ правомъ, когда оно дѣлалось средствомъ для партійной расправы съ противникомъ и когда факты извращались.

Ему пришлось съ головой окунуться въ борьбу партій въ Государственной Думѣ, и, можетъ быть, въ послѣднее время въ ущербъ своей министерской по внутреннимъ дѣламъ работѣ. Но вѣдь это было единственнымъ средствомъ производительно рабо-

тать, а не тратиться на изнурительную, безплодную борьбу ради борьбы.

Работникъ Петръ Аркадьевичъ былъ изумительный. Онъ былъ до мельчайшихъ подробностей въ курсѣ вопросовъ управленія, всюду вносилъ свое личное направленіе. И въ то же время работалъ самымъ пристальнымъ образомъ въ сферѣ подготовки законодательства и такъ много времени удѣлялъ на думскіе дебаты.

Въ личномъ благородствѣ его никто не сомнѣвался, даже самые страстные его враги. Это во многомъ способствовало тому обаянію, которымъ онъ пользовался въ Государственной Думѣ.

Смерть Петра Аркадьевича искренно оплакивалась всею Россіей. Въ какіе нибудь 3—4 мѣсяца были собраны на памятникъ ему такія большія средства, что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ осталось свободныхъ денегъ около ста тысячъ рублей.

— Я слышалъ очень хорошіе отзывы о Вашей дѣятельности, — сказалъ мнѣ при представленіи Столыпинъ — и назначилъ Васъ, не скрываю, въ очень трудную губернію. Тамъ неспокойно и администраціи нужно быть твердой и мужественно бороться съ безпорядками. Губернаторъ въ Самарѣ дѣльный и, я надѣюсь, съ нимъ у Васъ работа наладится. Мнѣ также съ очень хорошей стороны извѣстенъ тамъ въ Покровской слободѣ Земскій Начальникъ Европеусъ, который во время безпорядковъ держалъ себя отлично и возстановилъ тамъ спокойствіе. Покровская Слобода лежитъ противъ Саратова на другой сторонѣ Волги и хотя это другая губернія, но Европеусъ совершенно правильно обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ и я помогъ ему, какъ могъ. Имѣйте Европеуса въ виду. Прошу Васъ не мѣшкать съ отправленіемъ на мѣсто, губернатору одному трудно. Надѣюсь, что я не ошибся, избравъ Васъ на это мѣсто и что Вы съ честью выйдете изъ такого испытанія.

Я отвѣтилъ, что приложу всѣ старанія добросовѣстно исполнить свое дѣло. Но теперь такое трудное время, что, конечно, я боюсь сказать, окажусь-ли для такой задачи пригоднымъ.

Давъ еще кое-какія указанія, какъ о предстоящей мнѣ работѣ, такъ и объ особенностяхъ губерніи, Столыпинъ меня отпустилъ, пожелавъ успѣха.

Мнѣ показалось, что моя неувѣренность въ томъ, какъ удастся мнѣ справиться съ новой работой, произвела на Столыпина хорошее впечатлѣніе. Онъ, видимо, не очень-то цѣнилъ самоувѣренность.

Изъ Петербурга я поѣхалъ въ Старую Руссу, гдѣ и условился съ своей семьей, что я поѣду въ Самару пока одинъ, а они останутся въ Новгородѣ. Причинъ такого рѣшенія было двѣ: во-первыхъ, мои дѣти еще не кончили образованіе въ гимназіи и корпусѣ, а мѣнять учебныя заведенія передъ самымъ концомъ всегда очень затруднительно, а во-вторыхъ, въ Самарѣ положеніе было такъ серьезно, что, конечно, слѣдовало предвидѣть худшее и Богъ же знаетъ, уцѣлѣю-ли я еще. А если меня убьютъ, то каково будетъ положеніе семьи среди незнакомыхъ чужихъ людей, такъ далеко отъ родины. Если, Богъ дастъ, все успокоится, тогда и видно будетъ, какъ устроиться.

Время стояло жаркое. Это было около середины іюня. Ѣхать желѣзной дорогой въ душныхъ вагонахъ было прямо нестерпимо. А потому я рѣшилъ отправиться пароходомъ изъ Рыбинска. Разница во времени была ужъ не такъ велика, да мнѣ хотѣлось посмотрѣть на Волгу, по которой я не ѣздилъ далѣе Ярославля.

Въ Рыбинскѣ я взялъ билетъ на одномъ изъ пароходовъ компаніи «Надежда», который хотя и ходилъ нѣсколько медленнѣе «Кавказъ и Меркурія», но зато тамъ было не такъ много пассажировъ, а слѣдовательно и ѣхать удобнѣе. Пароходъ шелъ кажется до Астрахани, такъ что пересадокъ по пути не предстояло.

На этомъ-же пароходѣ, оказалось, ѣхалъ до Саратова А. М. Кулебакинъ, бывшій нашъ предсѣдатель Губернской Земской Управы, уволенный отъ службы за свои митинговыя рѣчи въ Новгородѣ. Я давно зналъ Кулебакина, какъ новгородскаго дворянина и губернскаго гласнаго и хотя не былъ его единомышленникомъ, но отношенія у насъ были вполнѣ приличныя. По наружности это былъ красивый, симпатичный молодой человѣкъ. Говорилъ онъ хорошо, но въ рѣчахъ, по крайней мѣрѣ, въ Губернскомъ Земскомъ Собраніи, не было ничего увлекательнаго. Онѣ были часто задорныя, непремѣнно съ яркимъ оппозиціоннымъ оттѣнкомъ, но особенной глубины мысли въ нихъ не было, скорѣй, онѣ казались даже трафаретными. Впослѣдствіи въ Государственной Думѣ Кулебакина считали ораторомъ съ темпераментомъ. Я его тамъ не слышалъ и судить не могу. Возможно, что увлеченіе политической борьбой и выработало въ немъ нѣкоторый темпераментъ.

По его разсказамъ, онъ состоитъ теперь разъѣзднымъ ораторомъ Конституціонно-демократической партіи, путешествуетъ по большимъ городамъ и пропагандируетъ партійную программу, получая за это 300 р. въ мѣсяцъ и суточныя деньги, кажется, по 7 р. въ день. Откуда партія беретъ деньги на свои значительные агитаціонные расходы—Кулебакинъ мнѣ не сказалъ, отдѣлавшись общими фразами.

Въ Саратовѣ онъ произнесъ свою рѣчь, за которую былъ впослѣдствіи осужденъ, потерявъ избирательныя права. Узнавъ, что онъ предполагаетъ посѣтить и другіе Волжскіе города, я шутя просилъ его миновать Самару, чтобы мнѣ не пришлось по своей должности принимать въ отношеніи его какихъ-либо принудительныхъ мѣръ.

— Ну, хорошо. Такъ и быть—не поѣду къ вамъ—отвѣчалъ онъ смѣясь.

И дѣйствительно онъ въ Самару почему то не пріѣзжалъ. Кулебакинъ былъ по своему прошлому гвардейскимъ офицеромъ и служилъ въ очень хорошемъ полку. Меня всегда нѣсколько поражало, какими судьбами онъ попалъ въ лагерь если не явныхъ революціонеровъ, то во всякомъ случаѣ ультра-либеральный. Я помню время, когда онъ искалъ должности Земскаго Начальника въ Устюженскомъ уѣздѣ и былъ, кажется, тамъ одно время кандидатомъ при Уѣздномъ Съѣздѣ. Вѣроятно, его перетянулъ въ свой лагерь Родичевъ, съ которымъ Кулебакинъ былъ сосѣдомъ, а къ этому присоединилась способность порядочно говорить, ну,

съ такой способностью, конечно, можно было больше блеснуть на почвѣ либеральной.

Какъ извѣстно, онъ доблестно палъ въ текущую войну, поступивъ въ войска, какъ говорятъ, добровольцемъ. Этой кончиной онъ, конечно, искупилъ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. Да будетъ ему легка земля!

Путешествіе мое на пароходѣ до Самары продолжалось цѣлыхъ 7 дней. Несмотря на всѣ удобства, стало ужасно скучно, не знаешь, что съ собой дѣлать. Общества не было почти никакого, Кулебакинъ сидѣлъ все время съ женой въ каютѣ и рѣдко показывался внѣ ея.

Виды по Волгѣ въ плесѣ между Ярославлемъ и Костромой прямо очаровательны. Я нахожу это лучшимъ мѣстомъ на протяженіи всей рѣки. Знаменитые Жигули, конечно, довольно красивы, но очень однообразны и не скрашены растительностью.

Наконецъ, къ вечеру на 7 день стали мы приближаться къ Самарѣ. Издали видъ на городъ довольно красивъ но все общее впечатлѣніе портится совершенно неустроенной набережной.

Признаться, съ очень тяжелымъ сердцемъ подъѣзжалъ я къ мѣсту своего назначенія. Все думалось, какъ-то я тутъ справлюсь въ этомъ водоворотѣ и удастся-ли мнѣ выбраться изъ него благополучно. Знакомыхъ здѣсь у меня былъ только одинъ А. П. Алабинъ, мой товарищъ по академіи генеральнаго штаба, который оставилъ военную службу и жилъ въ Самарѣ безъ дѣла. Его отецъ не такъ давно служилъ здѣсь городскимъ головою и пользовался большою извѣстностью даже въ Петербургѣ. Алабинъ, прочитавъ приказъ о моемъ назначеніи, написалъ мнѣ весьма любезное привѣтственное письмо, полученное мною еще въ Новгородѣ. Я былъ очень радъ найти здѣсь лицо, съ которымъ меня связывали воспоминанія молодости. Мы не видѣлись лѣтъ 18, а всетаки я зналъ, что встрѣчу въ немъ близкаго человѣка, съ которымъ можно будетъ, вѣроятно, подѣлиться мыслею и тревогами.

Какъ только пароходъ присталъ къ пристани, на него вошелъ высокій господинъ въ полицейской формѣ и сталъ о чемъ-то разспрашивать пароходныхъ матросовъ. Тѣ указали ему въ мою сторону и онъ быстро ко мнѣ приблизился. Оказалось, что это Самарскій полиціймейстеръ Критскій, пріѣхавшій меня встрѣтить. Я очень удивился, откуда онъ узналъ о моемъ путешествіи на этомъ пароходѣ, такъ какъ я объ этомъ Губернатору не писалъ, сообщивъ лишь, что расчитываю прибыть въ Самару примѣрно черезъ недѣлю. Оказалось, что ему объ этомъ телеграфировалъ Рыбинскій Полиціймейстеръ, котораго я даже въ Рыбинскѣ и не видѣлъ.

Лицо Критскаго мнѣ показалось чрезвычайно знакомымъ. Это былъ очень представительный господинъ съ безукоризненными манерами. Несомнѣнно, я его гдѣ-то встрѣчалъ. На мой вопросъ поэтому поводу, онъ сказалъ, что много лѣтъ служилъ адъютантомъ у бывшаго военнаго министра Ванновскаго, часто его сопровождалъ, а потому я его, вѣроятно, гдѣ нибудь и видѣлъ. Признаться, я былъ пораженъ такой метаморфозой: изъ адъютантовъ военнаго министра вдругъ очутиться провинціальнымъ по-

лиціймейстеромъ! Очевидно, тутъ имѣло мѣсто какая либо катастрофа. Конечно, я не сталъ его разспрашивать, но позднѣе узналъ, что послѣ своей отставки Ванновскій устроилъ Критскаго на службу въ Удѣлахъ — онъ былъ назначенъ управляющимъ крупнаго удѣльнаго имѣнія въ Самарской губерніи. Запутавшись денежно, онъ долженъ былъ оставить службу въ удѣлахъ и знавшій его губернаторъ Засядко въ эту трудную минуту предложилъ ему должность полиціймейстера, порядочно оплачиваемую. Критскій принялъ.

За кратковременное мое пребываніе въ Самарской губерніи, Критскій все время былъ полиціймейстеромъ. Онъ былъ очень милый человѣкъ, со всѣми городскими властями и городомъ ладилъ, что давало, видимо, поводъ нѣкоторымъ лицамъ упрекать его въ послабленіи революціонерамъ. За мое время я такой двойственной игры съ его стороны не видѣлъ, а между тѣмъ, если-бы такая игра вызывалась трусливостью, то было очень много весьма серьезныхъ поводовъ ее проявить, но при мнѣ этого ни разу не случилось. Въ личной жизни это былъ баринъ, вѣроятно, порядочно запутанный въ долгахъ. Но онъ такъ умѣлъ вести свои дѣлѣ, что по этому поводу никакихъ неудовольствій съ чьей-бы то ни было стороны до начальства не доходило.

Критскій посовѣтовалъ мнѣ остановиться въ новой гостиницѣ Бристоль на главной Дворянской улицѣ. Я такъ и сдѣлалъ.

Ѣхать сейчасъ къ губернатору было уже поздно, а потому явку свою я отложилъ до утра.

Ночь эта, какъ впрочемъ и всѣ лѣтнія ночи въ Самарѣ, была удушающе жаркая. Съ непривычки спалось отвратительно, несмотря на открытыя окна. Стоило головой прислониться къ подушкѣ, какъ наволочка становилась мокрой. Ночь не давала ни малѣйшаго отдыха, встаешь бывало весь разбитый, съ тяжелой головой. Только и спасенія было—устроишь такой сквознякъ, что со стола летѣли всѣ бумаги.

Подхожу къ окну, выходящему на Дворянскую и съ любопытствомъ смотрю на новый городъ, куда судьба меня забросила. Долженъ сказать, что названія нѣкоторыхъ городовъ въ Россіи, которыхъ я никогда не видѣлъ, еще съ дѣтства какъ-то особенно останавливали на себѣ мое вниманіе. Стоило произнести его, какъ воображеніе начинало работать и я старался мысленно представить себѣ эти мѣста, исходя, конечно, изъ того часто совершенно случайнаго, что я о нихъ зналъ или слышалъ. Въ числѣ этихъ городовъ были Варшава, Пенза, Самара. Всѣ они впослѣдствіи играли ту или другую роль въ моей жизни. Такъ съ именемъ Самары у меня прежде всего возникало представленіе о той лукѣ, которую у нея дѣлаетъ Волга, и мнѣ казалось, что Самара должна представлять собою что-то вродѣ полуострова, омываемаго Волгой. Я понималъ, конечно, что воображеніе прилагаетъ несоотвѣтствующій масштабъ и что у города нельзя, вѣроятно, схватить глазами эту излучину. Но представленіе всетаки оставалось такимъ.

Я всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ предопредѣленія судьбы и безъ колебаній вѣрилъ, что малѣйшія событія въ жизни человѣка заранѣе ему преуготовлены, а потому гордую идею, что че-

ловѣкъ самъ дѣлаетъ свою судьбу, всегда считалъ близорукимъ самомнѣніемъ. Теперь на склонѣ лѣтъ, когда въ жизни моей было пережито столько событій и перемѣнъ, которыя предсказать хотя-бы съ крошечнымъ приближеніемъ къ дѣйствительности не могъ-бы самый глубокій анализъ, эта вѣра во мнѣ непоколебима.

Кромѣ того я глубоко вѣрю въ предчувствіе. Бывали случаи въ моей жизни, когда я почти полностью предвидѣлъ потрясавшія мою жизнь событія, хотя для совершенія ихъ какъ-будто-бы не было логическихъ основаній. Это случалось очень рѣдко, но было во истину изумительно.

И такія предчувствія распространялись на отдѣльныя событія, мѣста, лица.

И такъ я давно предчувствовалъ, что Самара какъ-то будетъ связана съ моей судьбой.

Дворянская улица, залитая асфальтомъ, съ широкими тротуарами, порядочными домами и роскошными магазинами, показалась мнѣ городомъ большого масштаба, не то, что нашъ Богоспасаемый скромный Новгородъ.

Тротуары были полны публикой, но эта публика казалась какой-то странной: огромное количество черныхъ блузъ съ широкими поясами, костюмъ, принятый Ея Величествомъ-революціей, все какіе-то мальчишки, развязно болтавшіеся толпами. Людей, прилично одѣтыхъ, почти не было. Я думалъ, что такой видъ толпы объясняется сравнительно раннимъ часомъ, было часовъ 10 утра; но нѣтъ, позднѣе я убѣдился, что Самара вообще по толпящейся по улицамъ публикѣ—имѣла нѣсколько «хулиганскій» что-ли видъ.

Вдали показалась большая команда арестантовъ, конвоируемая солдатами, она что-то пѣла. Я ушамъ своимъ не повѣрилъ, когда это шествіе поровнялось съ моими окнами, и оказалось, что арестанты довольно мощнымъ хоромъ пѣли революціонный гимнъ «Вставай, поднимайся Русскій Народъ». Конвоирующіе солдаты маршировали со спокойными, дѣловыми лицами, говорящими, что все молъ въ порядкѣ. Черныя блузы на тротуарахъ тоже мало обращали на это вниманія и разсѣянно, не останавливаясь, озирали арестантовъ. Поставленный у гостиницы, очевидно, въ виду моего пріѣзда, гордовой перекидывался словами со швейцаромъ и нисколько казалось не былъ удивленъ такимъ концертомъ.

Вотъ характерный штрихъ! Значитъ въ Самарѣ революція сдѣлала такіе успѣхи, что съ подобной непозволительной демонстраціей, да еще со стороны лишенныхъ свободы людей, подлежавшихъ строгому ограничительному режиму, никто даже не считается. Съ чѣмъ-же тогда здѣсь считаются?

Нельзя сказать, чтобы это первое впечатлѣніе подѣйствовало на меня ободряюще.

Приказавъ нанять себѣ извозчика, который-бы меня постоянно возилъ, я сталъ одѣваться, чтобы ѣхать представиться губернатору и вступить въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей.

Извозчикъ попался мнѣ очень симпатичный молодой человѣкъ, но ужасно молчаливый, хотя нисколько не приниженный. Онъ отвѣчалъ только на вопросы. поглядывая на васъ привѣтли-

выми, ласковыми глазами, но самъ рѣчи не заводилъ, а мнѣ этого такъ хотѣлось.

Публика съ тротуаровъ, видя меня въ формѣ, очевидно, знала, что я новый вице-губернаторъ. Черныя рубашки нахально смотрѣли мнѣ прямо въ глаза, между собою перекидывались на мой счетъ словами и вызывающе смѣялись. Я не умѣю передать, сколько въ ихъ поведеніи было умышленной дерзости. Я закипалъ въ душѣ отъ злости, но дѣлалъ, конечно, видъ, что не обращаю никакого вниманія. Очевидно, не стоило заводить скандала.

Губернаторъ жилъ на Казанской улицѣ, совсѣмъ на отлетѣ отъ центра города, въ наемномъ съ внѣшней стороны очень нарядномъ двухэтажномъ особнякѣ, принадлежавшемъ когда-то извѣстному богачу-купцу Субботину, разорившемуся и трагически покончившему съ жизнью самоубійствомъ. Внутри домъ этотъ былъ полонъ аляповатой, но дорогой купеческой роскоши. Лѣстница бѣлаго мрамора, залъ въ два свѣта съ хорами, стѣны подъ мраморъ и расписаны медаліонами съ «цвѣтами похожими на птицъ и птицами, похожими на цвѣты». Окна вездѣ зеркальныя, монументальныя рѣзныя двери.

Дворъ небольшой, ограниченный конюшнями и сараями. Сада не было, не видно нигдѣ ни деревца ни кустика. Улица въ этомъ мѣстѣ ужасно пыльная и безпокойная. Съ утра до глубокаго вечера громыхаютъ безконечные ломовики.

Вхожу. Въ швейцарской—швейцаръ и курьеръ. Приглашаютъ меня наверхъ. Внизу помѣщается пріемная для сѣрой публики, канцелярія и квартира правителя канцеляріи, которымъ въ это время состоялъ Барковъ, пріѣхавшій въ губернію вмѣстѣ съ Блокомъ. Наверху меня встрѣтилъ чиновникъ особыхъ порученій Балясный, не смѣняемый при всѣхъ губернаторахъ. Онъ пошелъ доложить губернатору, который сейчасъ-же меня принялъ.

Иванъ Львовичъ Блокъ, человѣкъ лѣтъ подъ 50, со свѣжимъ лицомъ, обрамленнымъ порядочно сѣдой бородой. Волосы тоже съ сѣдиной, сѣраго цвѣта, зачесанные назадъ, шевелюра обильная, никакого признака лысины. Одѣтъ онъ былъ въ кителѣ суровой англійской рогожки, съ орденомъ на шеѣ. Замѣчались выхоленныя руки съ тщательно блиставшими розовыми слегка заостренными ногтями. Впечатлѣніе очень симпатичное, хотя лицо усталое и неподвижно серьезное.

Видимо, очень радуясь моему пріѣзду, И. Л. Блокъ сказалъ, что каждый день что-либо въ губерніи случается, требующее выѣзда на мѣсто губернатора и едва-ли часто намъ придется вмѣстѣ находиться въ Самарѣ. Мы условились, что съ выѣздами на происшествія будемъ чередоваться.

По его словамъ положеніе въ губерніи до такой степени серьезно, что, не будучи вовсе пессимистомъ, онъ совсѣмъ не видитъ никакого просвѣта. Чѣмъ все это кончится — совершенно нельзя было предвидѣть. Въ особенности удручающе дѣйствовали на публику отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы, гдѣ правительство все время фигурировало даже не въ роли обвиняемаго, а прямо тяжкаго заранѣе осужденнаго уголовнаго преступника. Это безповоротно роняло престижъ власти, къ которой здѣсь от-

носятся въ лучшемъ случаѣ—иронически. Каждое дѣйствіе критикуется, осуждается, постоянно бросаются въ лицо угрозы пожаловаться Думѣ. Нужно много терпѣнія, чтобы не потерять самообладанія и не надѣлать ошибокъ. А бороться приходится. Мѣстная печать разнуздана невообразимо. Она прямо подстрекаетъ на убійства, грабежи, аграрныя насилія. И средство борьбы лишь одно—судебное преслѣдованіе, осуществляемое въ лучшемъ случаѣ черезъ полгода, когда, разумѣется, самая статья уже позабылась, принеся въ свое время ожидаемые плоды. При этомъ судъ назначаетъ несообразно ничтожныя наказанія, какъ-бы выражая тѣмъ свое несочувствіе борьбѣ съ печатнымъ словомъ.

Такъ какъ наблюденіе за мѣстной повременной печатью лежитъ на обязанности вице-губернатора, поэтому Иванъ Львовичъ обращалъ мое особое вниманіе на это дѣло. На основаніи временныхъ правилъ о печати законъ разрѣшалъ конфискацію отдѣльнаго номера газеты, если въ немъ появлялась запрещаемая правилами статья; но издатели газетъ, заранѣе зная что такая участь грозитъ номеру, устраивали такъ, что черезъ полчаса по отсылкѣ въ Губернское Правленіе вышедшаго номера, а это бывало около 6 ч. утра, всѣ номера для розничной продажи уже оказывались яко-бы распроданными, а на самомъ дѣлѣ разобранными заблаговременно призванными разносчиками газетъ, и дѣйствительно выпущенными изъ типографіи. Арестъ по этому настигалъ лишь номера, сданные на почту и случайно отобранные экземпляры у зазѣвавшихся продавцовъ газетъ. Такая потеря обыкновенно возмѣщалась усиленнымъ выпускомъ розничной продажи. Разносчики газетъ на такое соглашеніе шли очень охотно, такъ какъ выпущенный номеръ продавался по повышенной цѣнѣ. Закрыть-же газету въ порядкѣ административномъ было нельзя, такъ какъ Самарская губернія тогда не состояла на положеніи усиленной охраны.

Иванъ Львовичъ не скрылъ отъ меня, что онъ очень недоволенъ прокурорскимъ надзоромъ и жандармами. Прокурора тогда не было, а обязанности его исполнялъ одинъ изъ товарищей, котораго общее мнѣніе считало чуть-ли не соціалъ-демократомъ. Этотъ господинъ на каждомъ шагу, гдѣ только могъ, ставилъ палки въ колеса администраціи. Онъ, напримѣръ, совершенно не допускалъ въ отношеніи подслѣдственныхъ политическихъ обвиняемыхъ ареста, какъ мѣры пресѣченія уклониться отъ суда. И лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ преступленіе никакъ нельзя было изъять изъ подъ статьи прямо указывающей такую мѣру, не возражалъ противъ ареста. Обыкновенно поэтому весьма серьезно скомпрометированные люди выпускались подъ залогъ или поручительство и невозбранно продолжали свое дѣло, издѣваясь открыто надъ губернаторомъ. Иванъ Львовичъ принужденъ былъ представить о такомъ отношеніи къ дѣлу Столыпину, но результатовъ этого представленія пока не было.

Неудовлетворительно также стоялъ въ губерніи жандармскій надзоръ. Во главѣ его находился генералъ, уже уставшій и болѣзненный; нѣкоторые-же помощники его по уѣздамъ были, должно быть, запуганы торжествующей революціей, а потому бездѣйство-

вали и дѣлали видъ, что были мало освѣдомлены, и пробавлялись ничего не стоющими дознаніями. Блокъ и объ этомъ написалъ министру.

Какъ видитъ читатель, картина получилась изъ неутѣшительныхъ и мнѣ стало теперь понятнымъ, почему у Блока такое измученное лицо.

Отъ Губернатора я поѣхалъ въ Губернское Правленіе, составляющее собственно основную арену дѣятельности вице-губернатора, какъ таковаго. Помѣщалось оно на Дворянской улицѣ у самой площади, гдѣ памятникъ Императору Александру II, во второмъ этажѣ. Внизу находились различные магазины. Это помѣщеніе не такъ давно еще служило квартирой Губернатору. Но при Засядко стали ходить слухи, что Губернатора взорвутъ изъ этихъ магазиновъ и тогда наняли особый домъ. Здѣсь я познакомился со всѣми начальниками отдѣльныхъ отраслей Губернскаго Правленія, обошелъ всѣхъ чиновниковъ и съ этой минуты сталъ считаться вступившимъ въ должность.

Въ тотъ же день я сталъ дѣлать визиты и эта церемонія заняла всѣ мои свободные послѣ занятій часы въ теченіе цѣлой недѣли съ лишкомъ.

Жандармскій генералъ, узнавъ, что я буду жить безъ семьи и предполагаю обосноваться въ гостиницѣ, не на шутку переполошился и горячо сталъ меня отговаривать отъ такого намѣренія. Онъ видимо опасался за мою безопасность, охранять которую, конечно, лежало на его обязанности. Полиціймейстеръ говорилъ то же. Какъ это было ни неудобно, пришлось нанять квартиру, завести прислугу, а для веденія хозяйства выписать няньку моихъ дѣтей, которая у насъ жила въ домѣ уже болѣе 12 лѣтъ. Кое-какъ все это наладилось и я поселился на Воскресенской улицѣ — рядомъ съ ночлежнымъ домомъ. Впрочемъ этотъ домъ, въ который входъ былъ съ другой улицы, меня нисколько не стѣснялъ.

Пріѣхалъ я въ Самару 25 Іюня, 26 вступилъ въ должность, а 27 утромъ по телефону меня пригласилъ къ себѣ Губернаторъ.

Оказалось, что въ одномъ изъ крупныхъ селеній, кажется, Ставропольскаго уѣзда, названіе котораго у меня не сохранилось въ памяти, произошло слѣдующее:

Крестьяне этого селенія рѣшили завладѣть покосами сосѣдней экономіи. Когда рабочіе экономіи пришли косить, толпа мужиковъ ихъ стала гнать прочь, угрожая избить, если кто примется за работу. Приказчикъ экономіи вызвалъ живущаго въ селѣ урядника и просилъ его обуздать своевольство. Когда урядникъ явился на покосъ и сталъ мужиковъ уговаривать бросить насиліе, поднялся гвалтъ, крики «продажная душа, пьетъ нашу кровь и пр.». Кончилось тѣмъ, что урядника избили и прогнали вмѣстѣ со всѣми экономическими служащими.

Сейчасъ-же объ этомъ случаѣ было сообщено исправнику и становому приставу, которые немедленно съ командой въ 10 ч. стражниковъ выѣхали на мѣсто. Разстояніе отъ становой квартиры до селенія было довольно значительно, такъ что полиція стала подъѣзжать къ селенію поздно вечеромъ, когда стемнѣло. Исправникъ хотѣлъ переночевать въ экономіи и выѣхать въ селеніе

для производства дознанія съ утра. Но приставъ просилъ отпустить его туда впередъ въ томъ расчетѣ, что ночью до пріѣзда исправника онъ соберетъ свѣдѣнія о виновныхъ и дознаніе утромъ пойдетъ скорѣе. Исправникъ согласился и повернулъ въ экономію, а приставъ съ командой стражниковъ—направился въ селеніе.

Слѣдовали такъ: впереди стражники верхомъ по три въ рядъ, а за ними сейчасъ-же ѣхалъ приставъ въ тарантасѣ. Было порядочно темно и трудно было видѣть, что дѣлается впереди. Очевидно, полиція не ожидала ничего серьезнаго и двигалась, спокойно разговаривая, не обращая вниманія по сторонамъ.

Только что кортежъ этотъ въѣхалъ въ прогонъ, какъ сбоковъ его выскочила толпа людей съ дикими криками, и бросаясь камнями, побѣжала на встрѣчу полиціи. Лошади шарахнулись въ сторону, сталкиваясь другъ съ другомъ, повернули назадъ и понеслись въ безпорядкѣ обратно. Ямщикъ пристава тоже хотѣлъ повернуть, но въ замѣшательствѣ не успѣлъ этого сдѣлать и толпа схватила лошадей подъ уздцы, вытащила изъ тарантаса пристава и ямщика и тутъ-же обоихъ варварски убила, бросивъ тѣла на самой дорогѣ. Лошади вырвались и ускакали съ тарантасомъ за стражниками. Послѣдніе, справившись съ испуганными лошадьми, снявъ ружья, повернули обратно но уже опоздали. Толпа разбѣжалась. Стражники дали залпъ по бѣгущимъ, но безъ всякихъ результатовъ. Подобравъ тѣла убитыхъ, пріѣхали въ экономію къ исправнику и обо всемъ доложили. Исправникъ послалъ телеграмму губернатору, прося прислать войска.

Иванъ Львовичъ уже сдѣлалъ распоряженіе командировать въ село роту солдатъ и самъ туда отправлялся, вызвавъ меня для передачи управленія губерніей. И вотъ на 3-й день своего пріѣзда я сталъ управлять губерніей, совершенно еще не освоившись съ дѣломъ. Работа управленія въ обычное время заключалась въ томъ, что утромъ я пріѣзжалъ въ домъ губернатора, принималъ просителей, распечатывалъ текущую почту, подписывалъ бумаги, а когда были какія нибудь засѣданія—предсѣдательствовалъ въ нихъ. Рапортъ полиціймейстера я принималъ у себя дома. Хотя я порядочно зналъ дѣло и имѣлъ довольно широкій служебный опытъ, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя очень неувѣренно. Все мнѣ казалось, что просители могутъ обратиться ко мнѣ съ такимъ вопросомъ, котораго я не сумѣю по незнанію закона разрѣшить тутъ-же и придется публично признать свою неподготовленность и обратиться за помощью къ правителю канцеляріи, а это казалось мнѣ ужасно стыднымъ. Затѣмъ по текущему времени я опасался возможности, что явится какой-нибудь типъ съ намѣреніемъ меня убить. Хотя я еще ни чѣмъ не проявилъ своей дѣятельности и не могъ возбудить къ себѣ личной ненависти, но, какъ показала практика, личной ненависти для этого вовсе не требовалось, терроръ распространялся на всѣхъ должностныхъ лицъ, совершенно не зависимо отъ личныхъ качествъ. Убили-же въ Саратовѣ генерала Сахарова, добрѣйшаго и корректнѣйшаго человѣка, никому не сдѣлавшаго да и не имѣвшаго возможности сдѣлать зла только за то, что онъ былъ Царскимъ Посланцемъ и уговаривалъ крестьянъ

помнить присягу и исполнять вѣрноподданнѣйшій долгъ. Да примѣровъ такихъ было сколько угодно: графъ Игнатьевъ, губернаторы Слѣпцовъ, Богдановичъ и многіе другіе.

Къ тому-же я еще въ опасности не обтерпѣлся, а потому воображеніе особенно бурно работало, конечно, преувеличивало самую опасность. Но, разумѣется, мнѣ и въ голову не приходило уклониться отъ исполненія обязанностей и я бы умеръ отъ позора, если бы словомъ или жестомъ высказалъ свою тревогу. Напротивъ того, я напустилъ на себя совершенно спокойный видъ, все время посмѣивался и шутилъ съ приходившими ко мнѣ чиновниками, а для своего успокоенія въ душѣ рѣшилъ подходить къ каждому просителю вплотную, пристально слѣдить за каждымъ его движеніемъ и въ случаѣ надобности схватить подозрительнаго человѣка въ охапку и не дать ему возможности пошелохнуться, пока не придетъ на выручку помощь. Въ карманѣ у меня лежалъ заряженный браунингъ, поставленный на «feu» и съ патрономъ въ каналѣ. Браунингъ меня не покидалъ ни на одну минуту, когда я бывалъ внѣ дома.

Этотъ пріемъ подходить вплотную и слѣдить за движеніями собесѣдника спасъ между прочимъ, ярославскаго губернатора Римскаго-Корсакова. Когда явившійся къ нему въ кабинетъ молодой человѣкъ полѣзъ за револьверомъ и сталъ его вытаскивать, г. Римскій-Корсаковъ навалился на убійцу, повалилъ его и скрутилъ, пока не прибѣжали курьеры.

Конечно, я понимаю, что на общихъ пріемахъ этотъ способъ недѣйствителенъ, потому что, пока вы говорите съ однимъ, другой можетъ васъ въ это время ухлопать, пользуясь тѣмъ, что на него не смотрятъ. Но на это лѣкарства не было, какъ не было его противъ бомбы, и приходилось съ этимъ мириться.

Наибольшую сенсацію на пріемѣ производило появленіе всякихъ уволенныхъ за агитацію народныхъ учительницъ. Эти дамы являлись обыкновенно съ сумочками, а что тамъ у нея въ сумочкѣ—неизвѣстно. Къ тому же онѣ держали себя крайне вызывающе.

Мои тревоги, слава Богу, на первыхъ порахъ оказались напрасными. Не пришлось мнѣ сконфузиться своимъ незнаніемъ дѣла, скорѣй даже напротивъ, я блеснулъ дѣйствительно основательнымъ знакомствомъ съ крестьянскимъ Положеніемъ и умѣніемъ говорить и понимать крестьянъ, что не замедлили мнѣ засвидѣтельствовать правитель канцеляріи и дежурный чиновникъ особыхъ порученій. Съ остальными просителями я старался быть, какъ можно привѣтливѣе, искренно хотѣлъ проникнуться ихъ нуждами и, гдѣ было возможно, удовлетворялъ ихъ просьбы тутъ же незамедлительно, не заставляя являться второй разъ. Можетъ быть, канцелярія была и не совсѣмъ довольна такой спѣшкой и полагала вполнѣ возможнымъ отложить исполненіе до другого раза, но я имѣлъ характеръ любезно, но твердо на своемъ настоять.

Словомъ все было хорошо. Особенно дерзкихъ просителей, которые заставили бы меня потерять хоть немного терпѣніе, тоже не было.

Блокъ вернулся въ Петровъ день 29 Іюня, рано утромъ. Наиболѣе виновные въ убійствѣ и подстрекательствѣ на него были выяснены, арестованы и отправлены въ уѣздную тюрьму, а дѣло поступило къ слѣдователю. Собравъ сходъ, Иванъ Львовичъ говорилъ съ крестьянами, указалъ имъ печальныя послѣдствія ихъ преступленія, строжайше воспретивъ дальнѣйшія насилія надъ экономіей. Все прошло чинно, крестьяне чувствовали себя подавленными совершеннымъ злодѣяніемъ и очень были испуганы произведенными арестами.

Въ Петровъ день меня пригласилъ обѣдать мой товарищъ А. П. Алабинъ, желая познакомить меня съ своей сестрой и ея мужемъ, епархіальнымъ архитекторомъ.

Алабинъ, человѣкъ холостой, жилъ въ своемъ домѣ, занимая порядочную квартиру. Обстановка была прямо прекрасная, вещи отличной работы, большого вкуса. Самъ онъ одѣвался очень элегантно, по послѣдней модѣ, въ петличкѣ всегда носилъ цвѣтокъ. Онъ ничего не дѣлалъ и, какъ говорится, прожигалъ жизнь. Послѣ родителей ему достались очень хорошія средства, которыя къ этому времени значительно были растранжирены широкой жизнью и игрой въ карты.

Обѣдъ былъ рѣдкостный, сервировка — заглядѣнье. Видимо, хозяину хотѣлось блеснуть во всю, а можетъ быть, и оказать мнѣ вниманіе. Въ провинціи очень цѣнятся порядочныя отношенія къ губернатору и вице-губернатору; все-таки это представители высшей власти, такъ сказать, сановники; знакомствомъ съ ними даже кичатся, какъ бы патентомъ на принадлежность свою къ высшему слою общества. Да и житейски дружить съ ними полезно, мало ли когда бываетъ очень нужна поддержка придержащей власти.

Конечно, у Алабина едва ли были какія-либо практическія соображенія для такого ухаживанья, онъ былъ, какъ мнѣ казалось тогда, слишкомъ далекъ отъ дѣловой сферы. Имъ, можетъ быть, руководило просто доброе желаніе радушнѣе принять стараго пріятеля и товарища, съ которымъ было столько общихъ воспоминаній веселой молодости.

Вечеромъ мы условились отправиться въ театръ всей компаніей.

Самарскій театръ былъ очень хорошъ. Обширный зрительный залъ, три яруса ложъ,—элегантная отдѣлка, нѣсколько напоминавшая Малый театръ Суворина,—все это не такъ часто имѣется въ губернскихъ городахъ и Самара гордилась своимъ театромъ. Губернаторская ложа, крайняя въ бенуарѣ у оркестра съ лѣвой стороны, была обширна, изъ нея хорошо видна сцена, при ложѣ имѣлась довольно большая, хорошо обставленная гостиная.

Такъ какъ губернаторъ былъ въ городѣ, то я ложей этой воспользоваться не могъ, не имѣя на то приглашенія. А потому мы купили ложу въ бенуарѣ.

Едва прошелъ первый актъ, какъ подходитъ полицiймейстеръ и передаетъ, что губернаторъ меня проситъ къ себѣ. Очевидно, что-нибудь случилось и, вѣроятно, придется выѣхать. Простившись съ своей компаніей, я поѣхалъ.

Губернаторъ далъ мнѣ прочесть слѣдующую телеграмму Бу-

гурусланскаго исправника: «Сегодня день храмового праздника Кинель-Черкасахъ пятитысячная толпа напала меня и избила. Выручившіе меня стражники отступили своей казармѣ, были забросаны каменьями, стрѣляли, убивъ двоихъ. Настроеніе тревожное».

И. Л. Блокъ разсказалъ мнѣ, что Кинель-Черкассы, огромное село въ 13 тысячъ жителей, расположено близъ станціи Толкай, Самаро-Златоустовской дороги, часахъ 2—3 ѣзды отъ Самары. Населеніе села издавна отличается крайне буйнымъ поведеніемъ и во всѣ тревожныя времена здѣсь всегда происходили серьезные безпорядки. Неоднократно въ царствованіе Александра II тамъ производились жестокія экзекуціи, но это не перемѣнило безпокойный духъ тамошнихъ мужиковъ. Убійства, драки и всякія хулиганства никогда у нихъ не переводились.

А потому губернаторъ рѣшилъ отправить туда роту солдатъ Эстляндскаго полка и просилъ меня выѣхать и принять необходимыя мѣры для водворенія порядка. Какъ слѣдуетъ дѣйствовать—мнѣ не было дано инструкцій, а спросить ихъ самому было неловко.

Въ Самарѣ въ это время стояло много войскъ: запасный пѣхотный батальонъ, вскорѣ развернутый въ полкъ, артиллерійская бригада, Эстляндскій пѣхотный полкъ и 2 сотни Уральскихъ казаковъ. . . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Эстляндскій полкъ, подъ командой Н. И. Мачуговскаго, офицера Генеральнаго Штаба, служившаго ранѣе въ Л.-Гв. Волынскомъ полку, былъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мочуговскій лично вникалъ во всѣ самыя ничтожныя мелочи полковой жизни, оберегалъ полкъ, какъ зеницу ока, отъ тлетворнаго воздѣйствія политической агитаціи и это ему блистательно удава-

лось. Революціонеры его страстно ненавидѣли и, конечно, за нимъ охотились, но, слава Богу, неудачно. Солдаты и офицеры къ нему были прямо привязаны и слѣпо его слушались. Казармы Эстляндскаго полка были расположены отдѣльно отъ всего гарнизона и проникнуть туда постороннему было физически невозможно.

Когда я пріѣхалъ къ Мочуговскому съ визитомъ, а онъ жилъ въ казармахъ, меня даже на дворъ не пустили, а вызвали вѣстового командира къ воротамъ, которому я и передалъ свою карточку и только, получивъ отъ самого командира полка разрѣшеніе, я былъ допущенъ въ казармы. Мачуговскій мнѣ разсказывалъ, сколько труда ему стоило наладить такую тщательную службу и сколько разъ ему приходилось ловить всякихъ подозрительныхъ субъектовъ, пытавшихся проникнуть въ полкъ черезъ заборы.

Эстляндскій полкъ да казаки только и были опорою порядка. Остальныя части своимъ квартированіемъ въ губерніи лишь серьезно осложняли положеніе. Первыя части были присланы въ губернію спеціально для содѣйствія гражданскимъ властямъ при поддержаніи порядка. Подчинены онѣ были особому генералу, который назывался Начальникомъ охраннаго района. Такимъ Начальникомъ въ мое время былъ артиллерійскій генералъ Сташевскій. Небольшого роста, съ симпатичнымъ открытымъ лицомъ, это былъ беззавѣтно храбрый и рѣшительный человѣкъ. Про него разсказывали такой случай. До производства въ генералы, онъ командовалъ казачьей артиллерійской батареей и стоялъ, кажется, въ Челябинскѣ. Революціонная мѣстная газета писала объ его части и о немъ самомъ самыя гнусныя вещи, въ которыхъ не было ни слова правды. Это былъ вѣдь, тогда излюбленный пріемъ революціонеровъ въ отношеніи всѣхъ казачьихъ частей. Много разъ Сташевскій писалъ всякія опроверженія, но преслѣдованіе все продолжалось. Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, онъ является къ редактору и совершенно спокойно ему объявляетъ, что если эта недостойная травля не прекратится, то онъ собственноручно застрѣлитъ редактора. На другой день въ газетѣ появляется еще пущая гадость, тогда Сташевскій пришелъ въ редакцію и дѣйствительно убилъ редактора. Конечно, его судили и онъ былъ присужденъ къ содержанію въ крѣпости.

Мнѣ пришлось съ нимъ ближе познакомиться и о немъ придется еще не разъ упомянуть въ этихъ запискахъ. Бѣдный Мочуговскій уже въ чинѣ генерала доблестно палъ въ текущую войну. Армія потеряла въ немъ способнаго образованнаго генерала, а Россія—горячаго патріота.

Рота была отправлена въ Кинель-Черкассы ночью, а рано утромъ выѣхалъ и я съ поѣздомъ.

И такъ вотъ я ѣду на безпорядки, да еще въ такое каторжное село! Разумѣется, никакой увѣренности въ томъ, чѣмъ этотъ выѣздъ кончится, у меня не было. Приходилось много разъ имѣть дѣло съ толпой и я хорошо зналъ, что послѣ совершенія преступленія толпа сразу охладѣвала, голосъ благоразумія начиналъ торжествовать и еще такъ недавно рокочущая стихія, способная на самые звѣрскіе выпады, становилась приниженной, робкой, боязливо ожидающей жестокаго возмездія. Вожаки, наводившіе

ужасъ на мирные уравновѣшенные слои, и заставлявшіе ихъ этимъ ужасомъ не хотя, но покорно за собою слѣдовать, проваливались, какъ бы сквозь землю, прятались въ щели, становились жалкими трусами. Все это я зналъ и много разъ видѣлъ. Но такъ бываетъ, когда толпа ведется своими же. живущими среди нея элементами.

Но когда массовые безпорядки вызваны постороннимъ воздѣйствіемъ, агитаціей организованной клики, дѣйствующей продуманной системой и получающей директивы и средства отъ какихъ-то таинственныхъ, неуловимыхъ центровъ, когда такая клика обнаглѣла отъ безнаказанности и стала потому способна на поступки неслыханной дерзости. слѣдовало ожидать совсѣмъ другого. Естественное раскаяніе совершившей преступленіе толпы можетъ быть, въ самомъ началѣ подавлено бахвальствомъ и завѣреніями въ безнаказанности со стороны агитаторовъ и купленныхъ ими преступныхъ элементовъ самой толпы. Совершонное преступленіе, можетъ быть, осложнено новымъ дѣломъ, хотя и со стороны отдѣльныхъ субъектовъ и безъ дѣйствительнаго участія массы, но въ такъ искусно подстроенной обстановкѣ, что видимая отвѣтственность самой толпой принимается на себя. И вотъ такая толпа покатится по наклонной плоскости,—все равно, молъ, «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». и гдѣ она остановится — предсказать нельзя. Такую толпу можно остановить лишь нещаднымъ дѣйствіемъ открытой силы.

Такая сила у меня, конечно. была въ распоряженіи въ лицѣ стойкой, прекрасно дисциплинированной Эстляндской роты. Но Боже мой, какъ должно сдѣлаться тяжко на душѣ, какое неизгладимое на всю жизнь содрогающее воспоминаніе должно оставить это ваше распоряженіе, за которымъ послѣдуетъ гибель людей, уже ничѣмъ и никогда но вознаградимая! Помимо нравственной пытки, такое распоряженіе естественно влечетъ за собой и суровую отвѣтственность передъ закономъ. Если вы погорячитесь, дали волю своему воображенію, не исчерпали средствъ увѣщанія, преувеличили опасность—вы рискуете, если не быть покараннымъ судомъ, всегда сурово относящимся къ такого рода винѣ, то навѣки обезславить свое доброе имя кличкой убійцы, палача.

Сидя въ вагонѣ и переживая эти думы, я, конечно, не зналъ, какъ придется дѣйствовать, все вѣдь зависитъ отъ обстоятельствъ. Я давалъ себѣ лишь слово быть спокойнымъ, заглушать немедленно всякое увлеченіе, всякую взвинчинность, строго обдумывать каждый свой поступокъ, но дѣйствовать непреклонно, во чтобы то ни стало водворить порядокъ, если онъ продолжаетъ нарушаться.

Будучи погруженнымъ въ эти невеселыя размышленія, я все-таки замѣтилъ при остановкѣ поѣзда на станціи молодого каменотеса, работавшаго при устройствѣ платформы подъ наблюденіемъ дорожнаго мастера; рабочій этотъ въ виду стоящаго поѣзда. переполненнаго публикой, а можетъ быть и начальствомъ, громко пѣлъ какую-то революціонную пѣсню самаго возмутительнаго содержанія. Никто на это не обращалъ вниманія. Я хотѣлъ было позвать жандарма и приказать этого рабочаго арестовать, но потомъ мах-

нулъ рукой, подумавъ, что нельзя дѣйствительно въ такое время отвлекать власти маловажными проступками и переполнять безъ крайней надобности арестантскія.

Пріѣхавъ на станцію Толкай, лежащую въ 1½ верстахъ отъ Кинель-Черкассъ, я былъ встрѣченъ помощникомъ исправника и командой верховыхъ стражниковъ съ вооруженіемъ, которые назначались конвоировать мой экипажъ. Мнѣ было крайне непріятно ѣхать съ конвоемъ, точно въ непріятельской странѣ, но не зная положенія, я не протестовалъ противъ такой предосторожности, разсудивъ, что полиціи лучше знать, какъ должно быть въ данныхъ условіяхъ.

Кинель-Черкассы расположены въ степи почти на ровномъ мѣстѣ. Улицы очень широкія, ихъ нѣсколько. Каждая тянется чуть не до предѣловъ видимаго горизонта, такъ что село очень велико. Посрединѣ села большая площадь, обрамленная солидными хлѣбными амбарами. Попадаются хорошіе дома, городской отдѣлки. Когда я въѣхалъ въ село съ гарцовавшими вокругъ экипажа стражниками, на улицахъ почти не было народу. Кое когда покажется баба или мужикъ и дѣловито направляется, должно быть, по хозяйству. Встрѣчаемые, искоса посматривая на экипажъ, осторожно сторонятся отъ стражниковъ, но шапки не снимаютъ и не кланяются. Въ общемъ все-таки—видъ вполнѣ мирнаго населенія.

Меня подвезли къ дому мѣстнаго купца, уѣхавшаго въ Нижній; тамъ была отведена квартира. Напротивъ стояла пустая школа, въ которой готовили помѣщеніе для полуроты. Солдаты уже были въ селѣ и пока расположились на окраинѣ въ гумнахъ. На дворѣ школы складывали временную печурку для солдатскаго котла.

На другой улицѣ почти рядомъ съ моимъ домомъ, расположены казармы и конюшни стражниковъ. Ихъ было здѣсь сосредоточено человѣкъ 15. Квартира моя оказалась очень хорошей съ городской обстановкой. Тутъ же мнѣ и готовили.

Жара стояла расслабляющая, а домъ былъ на самомъ солнцепекѣ.

Я здѣсь засталъ помощника начальника губернскаго жандармскаго управленія, ротмистра, фамиліи котораго не помню. Онъ уже былъ въ курсѣ дѣла, получивъ докладъ отъ живущаго въ Черкассахъ жандармскаго унтеръ-офицера.

Ротмистръ меня предупредилъ, что несмотря на внѣшній мирный видъ села, нужно быть очень осторожнымъ, такъ какъ сорганизовалась большая революціонная шайка изъ головорѣзовъ, способныхъ на всякую пакость. На ея сторонѣ не только всѣ крестьяне, но и персоналъ мѣстной земской больницы съ докторами во главѣ. равно какъ и содержатель мѣстной сельской аптеки еврей. Духовенство запугано и всячески будетъ уклоняться отъ общенія съ начальствомъ и, конечно, не дастъ правдивыхъ показаній о томъ, что случилось 29 іюня. Вообще, по его словамъ, населеніе не стоитъ и пытаться опрашивать, все равно ничего не скажутъ и упорно будутъ отъ всего отрекаться.

По окончаніи моего дознанія, я пришелъ къ заключенію, что ротмистръ нѣсколько сгущаетъ краски и что, такъ называемая

революціонная организація, просто хулиганская сплоченность, безъ всякаго постояннаго руководства со стороны, и что тутъ дѣйствовала лишь странствующая, а не укоренившаяся на мѣстѣ агитація. Послѣдовавшія послѣ того событія показали, какъ я былъ не правъ.

Вотъ, что случилось въ Петровъ день, согласно полученнымъ при моемъ дознаніи показаніямъ.

Когда народъ послѣ обѣдни выходилъ изъ церкви, нѣкоторые крестьяне стали созывать его на площадь у амбаровъ, гдѣ молъ должна состояться сходка. Скопилось здѣсь человѣкъ 500, изъ нихъ много молодежи.

У одного изъ амбаровъ съ боковой узкой его стороны, обращенной къ площади, имѣлась лѣстница къ верхней двери. У самой двери лѣстница образовала небольшой балконъ, который и былъ избранъ «ораторемъ». какъ выражались крестьяне, каѳедрой для произнесенія рѣчи. Отсюда ораторъ господствовалъ надъ толпой, всѣмъ его было видно и слышно. Съ рѣчью выступилъ молодой человѣкъ, когда-то учительствовавшій въ окрестностяхъ Кинель-Черкассовъ, котораго населеніе нѣсколько знало. Но чѣмъ онъ теперь занимался и гдѣ жилъ—точно никому не было извѣстно. Говорили, что онъ явился сюда изъ Самары. Чрезвычайно трудно было установить, въ чемъ же заключалась его рѣчь. Объясняется это, конечно, глупѣйшей привычкой революціонеровъ говорить высокопарно, уснащая свое изложеніе множествомъ иностранныхъ словъ, которыя простой человѣкъ или совсѣмъ не понимаетъ, или толкуетъ ихъ такъ неожиданно, что бросаетъ въ жаръ самого автора.

Но, кажется, рѣчь эта была очень ловко составлена и заключалась въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ. Государственная, молъ, Дума вырабатываетъ законъ, по которому всѣ казенныя, удѣльныя и помѣщичьи земли будутъ отданы крестьянамъ съ растущимъ на нихъ урожаемъ. Кстати сказать, въ этомъ году въ губерніи былъ сильнѣйшій неурожай. Крестьянскія поля представляли собою лишь море лебеды. У помѣщиковъ, гдѣ обработка земли тщательнѣе, хоть тоже было плохо, но все-таки кое-что родилось.

Законъ этотъ будетъ обнародованъ очень скоро и немедленно войдетъ въ силу. Слѣдовательно, крестьяне могутъ находящійся въ поляхъ урожай считать своимъ. Но такъ какъ обнародованіе такого закона въ дальней Самарской губерніи можетъ задержаться, да и начальство, слѣдуетъ думать, держа руку помѣщиковъ, сдѣлаетъ все возможное для временнаго хотя бы скрытія этого закона, чтобы помѣщики успѣли убрать, обмолотить и продать зерно, поэтому крестьянамъ слѣдуетъ немедленно же принять мѣры. Какія же рекомендовались мѣры? А вотъ какія.—Государственная Дума еще не успѣла смѣнить старое начальство, но непремѣнно, молъ, это сдѣлаетъ, какъ только удосужиться, потому что старое начальство все воры, грабятъ народъ и пьютъ его кровь. Надо такому начальству всячески сопротивляться и не бояться, что за это что-либо будетъ. Вѣдь вы же сами читали, молъ, въ газетахъ, какъ въ Думѣ ругаютъ въ глаза всѣхъ Министровъ, такъ мыслимо ли, чтобы такое начальство было оставлено въ силѣ.

Народу слѣдуетъ вооружиться, кто чѣмъ можетъ, да и добрые люди помогутъ достать оружіе, и въ случаѣ начальство станетъ способствовать помѣщикамъ снять урожай, то такое начальство надо смѣнить силой и начальствовать поставить своихъ выборныхъ.

Вотъ таково приблизительно было содержаніе этой рѣчи.

По случаю храмового праздника и обычно сопровождающихъ его скандаловъ и дракъ, въ Кинель-Черкассы въ этотъ день пріѣхалъ самъ исправникъ. Наличный составъ стражи за исключеніемъ человѣкъ 5, разъѣзжалъ по селенію для поддержанія порядка.

Когда начался митингъ, сейчасъ же дали знать исправнику, явившемуся тотчасъ же съ оставшимися стражниками въ пѣшемъ строю, но при ружьяхъ.

Вскорѣ послѣ начала рѣчи агитатора въ тарантасѣ подъѣхалъ къ толпѣ мѣстный докторъ, вышелъ изъ экипажа и затерялся въ народѣ. Это было очень показательно. Значитъ эта рѣчь не явилась импровизированной, а все было заранѣе подготовлено и мѣстные интеллигенты были объ ней предупреждены.

Исправникъ, должно быть, сначала оставался безучастнымъ слушателемъ. Но когда ораторъ сталъ призывать къ вооруженію, онъ въ сопровожденіи стражниковъ протискался къ лѣстницѣ и потребовалъ прекращенія рѣчи и удаленія агитатора. Тотъ не подчинился этому требованію и продолжалъ свои будоражащіе толпу возгласы.

Исправникъ взобрался тогда на лѣстницу и при помощи стражниковъ сталъ сводить съ балкона смутьяна, рѣшивъ его арестовать. Поднялись крики: «не выдавать, бить полицію». Ближайшіе къ лѣстницѣ слушатели набросились на исправника и стражниковъ, обезоружили ихъ, утащивъ куда-то ружья, оборвали на нихъ одежду и стали наносить побои. Вырвавшійся агитаторъ скрылся въ толпѣ и куда-то безслѣдно исчезъ. Стражники, сколько могли, отбивались, но ихъ повалили на землю, стали топтать и все далѣе и далѣе отбрасывали отъ исправника. Одинъ изъ стражниковъ, подобравшись подъ амбаръ, выскочилъ съ противоположной его стороны и побѣжалъ за помощью.

Толпа, между тѣмъ, трепала и била исправника, таща его на середину площади.

Побѣжавшій за помощью собралъ человѣкъ 10 конныхъ стражниковъ и пошелъ съ ними на выручку исправнику. Конные стражники, расчищая себѣ дорогу нагайками, кое-какъ пробились къ исправнику, отбили его отъ толпы и окруживъ со всѣхъ сторонъ, повели къ своей казармѣ. Къ нимъ вскорѣ присоединилась и остальная стража и стала всѣмъ отрядомъ отступать передъ насѣдавшей на нихъ толпою. Вдругъ на церковной колокольнѣ ударили въ набатъ и къ мѣсту происшествія сталъ сбѣгаться народъ со всѣхъ сторонъ. Гулъ бѣгущихъ людей, изступленные крики «бей кровопійцевъ», визгъ бабъ и дѣтей—все смѣшалось въ хаосѣ. Стража отъ казармъ оказалась отрѣзанной, а потому она направилась къ школѣ, дворъ которой былъ обнесенъ кругомъ невысокимъ заборомъ заняла ее и спѣшившись, отведя лошадей за зданіе школы, выстроилась съ ружьями на-готовѣ. Вдругъ толпа, достиг-

шая въ самое непродолжительное время тысячъ до пяти человѣкъ, стала бомбардировать стражу камнями. Когда одному стражнику была разбита голова и онъ упалъ, остальные дали по толпѣ залпъ.

Какъ это всегда бываетъ, куда дѣлось возбужденіе! Все вдругъ бросилось врассыпную, падая, давя другъ друга и черезъ минуту отъ толпы и слѣда не осталось. Близъ воротъ лежалъ убитый человѣкъ. Говорятъ, что кромѣ того нѣсколько человѣкъ было ранено, но они скрылись и о раненіи не заявили. Докторъ говорилъ, что за помощью къ нему никто не обращался, но было очень и очень сомнительно,—правда ли это.

Когда раненаго стражника повели въ больницу на перевязку, докторъ все медлилъ ее дѣлать, враждебно поглядывая и не скрывая своей неохоты оказать помощь, такъ что становой приставъ пригрозилъ ему о такомъ отношеніи телеграфировать губернатору.

Удивительно дѣйствіе на людей церковнаго набата, особенно въ деревняхъ. Онъ до такой степени взвинчиваетъ нервы, обдаетъ человѣка какой-то особой лихорадкой, заставляющей васъ бѣжать невѣдомо куда, искать людей, вмѣшаться въ ихъ толпу, что самый спокойный человѣкъ не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Толпа подъ вліяніемъ его мгновенно охватывается безуміемъ и какого-нибудь отдѣльнаго крика совершенно достаточно, чтобы она, ничего не разбирая, самымъ звѣрскимъ образомъ умертвила человѣка, бросила его въ огонь и т. п. Вотъ почему при всякихъ народныхъ замѣшательствахъ первое дѣло устранить возможность набата, охраняя колокольни. Эта мѣра всегда предупреждаетъ многія осложненія.

Сорванныя со стражниковъ ружья возвращены не были и поступили, какъ это оказалось позже, въ оружейный складъ мѣстныхъ революціонеровъ.

Стражники, да и самъ исправникъ, были какъ будто бы сконфужены, что стрѣляли и убили человѣка, а между тѣмъ не сдѣлай они этого, конечно, все кончилось бы гораздо печальнѣе и можетъ быть вся команда была бы перебита.

Дознаніе мое установило безспорную виновность человѣкъ 15. Сюда вошелъ также и мужикъ, звонившій въ набатъ. Исправникъ, къ счастію, отдѣлался легко. Хотя онъ былъ весь окровавленъ, но кромѣ ссадинъ и внѣшнихъ кровоподтековъ серьезныхъ повреждений не получилъ.

Конечно, онъ былъ страшно потрясенъ этими событіями, но черезъ нѣсколько дней совершенно оправился. Стражникъ, которому разбили голову камнемъ, также недолго болѣлъ.

Убитый оказался крестьяниномъ изъ Кинель-Черкассы, извѣстнымъ пьяницей и буяномъ.

Мнѣ пришлось пробыть въ селѣ три дня. Два дня я производилъ опросы и старался выяснить во всѣхъ подробностяхъ все, что происходило здѣсь 29 іюля.

Я не считалъ возможнымъ ограничиться однимъ дознаніемъ и приказалъ на третій день утромъ у волостного правленія собрать сельскій сходъ. Нужно было выяснить мужикамъ, какая серьезная отвѣтственность предстоитъ за содѣянное. По закону, вѣдь, за оскорбленіе дѣйствіемъ должностного лица установлены

каторжныя работы до 15 лѣтъ. Кромѣ того, слѣдовало имъ разъяснить, что агитаторы ихъ обманываютъ, толкуя о безнаказанности, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ мой пріѣздъ на мѣсто съ войсками и предстоящіе аресты виновныхъ.

Жандармскій ротмистръ не совѣтовалъ мнѣ этого дѣлать. Вѣдь Кинельскій сходъ состоялъ что-то изъ 900 домохозяевъ. Если и не всѣ явятся, то все-таки образуется большая толпа, въ которой, конечно, найдутся и подстрекатели, способные на самыя дерзкія и преступныя выходки. Къ тому же, по его заслуживающимъ полнаго довѣрія свѣдѣніямъ, тутъ, какъ онъ уже говорилъ, сорганизовался обширный революціонный союзъ. Кто можетъ поручиться, что этотъ союзъ не воспользуется случаемъ и не захочетъ по совѣту митинговаго оратора сразу упразднить все начальство.

Не могу сказать, чтобы эти слова на меня не произвели впечатлѣнія, но я не могъ не докончить, какъ мнѣ казалось, лежащихъ на мнѣ обязанностей и рѣшилъ сходъ все-таки собрать.

На всякій случай я приказалъ только, чтобы перешедшая въ школу полурота, была въ сборѣ и стояла внутри помѣщенія съ ружьями, готовая къ выступленію по первому знаку; а стражниковъ съ ружьями такъ размѣстить на улицахъ, чтобы имъ было все видно и чтобы они могли незамедлительно вызвать войска, если бы это потребовалось.

Когда старшина доложилъ, что сходъ собранъ и ожидаетъ, я въ сопровожденіи помощника исправника, жандармскаго ротмистра и пристава отправился къ волостному правленію.

Признаюсь, было ужасно страшно. Внутри тебя все какъ-то особенно напряглось, во рту сухость, руки влажныя. Но наружно я шелъ рѣшительно, громко разговаривая со спутниками, старался смѣяться, но дѣлать все это заставлялъ себя несуетливо, чтобы не выдать, что я играю комедію спокойствія.

Я сталъ на крыльцѣ волостного правленія со всѣми своими спутниками и двумя или тремя стражниками, пролагавшими мнѣ черезъ толпу дорогу. Толпа была передъ мной. Въ головѣ проносится мысль, что въ случаѣ опасности всѣмъ намъ можно будетъ запереться въ волостное правленіе и отстрѣливаться имѣющимся при насъ оружіемъ, пока не подойдутъ войска. Мысль эта сразу меня совершенно успокоила и я сталъ говорить громко, строго, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Видѣлись мнѣ въ заднихъ рядахъ физіономіи не крестьянъ, даже я замѣтилъ какого-то еврея, какъ оказалось потомъ, мѣстнаго аптекаря. Они, должно быть, явились сюда изъ любопытства, безъ какихъ либо зловредныхъ намѣреній, такъ какъ стояли смирно, не переговаривались и не напускали даже на себя усмѣшекъ.

Сходъ сошелъ совершенно спокойно, я бы сказалъ, даже подавленно. Только нѣсколько человѣкъ пытались оправдывать поведеніе села, говоря, что они сбѣжались по звону набата, сами не знал, что происходитъ и ничего не видѣли изъ происшедшаго.

Приставъ доложилъ мнѣ потомъ, что среди сходочныхъ усиленно шла молва о томъ, что будетъ порка, какъ ъэто уже было испытано селомъ въ прежніе годы при пріѣздахъ губернскихъ

властей. А потому въ душѣ они должно быть трепетали и боялись Хотя все было въ селѣ спокойно, а по поведенію схода даже населеніе было какъ будто напугано, я все-таки рѣшилъ оставить роту въ Кинель-Черкассахъ на нѣкоторое время. Въ этомъ рѣшеніи играли не послѣднюю роль увѣренія ротмистра, хотя въ душѣ я относился къ нимъ очень скептически.

Теперь я могъ бы вернуться въ Самару, но рѣшилъ выждать производства ареста установленныхъ моими дознаніями виновныхъ. Аресты эти во избѣжаніе осложненій я велѣлъ произвести ночью, съ такимъ разсчетомъ, чтобы арестованныхъ сейчасъ же отправить на вокзалъ и отвезти ночнымъ же поѣздомъ въ Самару. Если аресты пройдутъ спокойно, я рѣшилъ выѣхать утреннимъ поѣздомъ.

Такъ все и было выполнено.

Съ какимъ наслажденіемъ я вернулся домой, почувствовавъ себя внѣ всякихъ случайностей. Къ этому прибавлялась радость, что данное мнѣ порученіе было выполнено, не вызвавъ никакихъ грустныхъ осложненій. Вѣдь я не могъ разсматривать произведенные аресты какъ что-то печальное, ибо въ справедливости ихъ я убѣдился трехдневнымъ внимательнымъ разслѣдованіемъ дѣла и эти аресты явились только заслуженнымъ возмездіемъ за содѣянное и должны были служить въ будущемъ гарантіей сохраненія порядка. Часовъ въ 11 утра я поѣхалъ къ губернатору и повезъ ему свое дознаніе. Всѣ сдѣланныя мною распоряженія губернаторъ одобрилъ и сказалъ, что сегодня же пошлетъ подробное донесеніе министру.

Блокъ пригласилъ меня завтракать и познакомилъ съ своей семьей.

Жена его, пожилая дама, показалась мнѣ старше самого Ивана Львовича. Это былъ типъ женщины средняго круга, мало, повидимому, заботившейся о своей внѣшности и цѣликомъ, должно быть, ушедшей въ семейныя обязанности и хозяйство. Никакихъ слѣдовъ свѣтскости. Она совсѣмъ не соотвѣтствовала тому представленію, которое имѣешь обыкновенно о губернаторшѣ, какъ первой дамѣ въ высшемъ губернскомъ кругу. Она, должно быть, была очень нервнымъ человѣкомъ и это во всемъ проглядывало. Встрѣтила она меня просто и привѣтливо.

Семья состояла изъ двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая была замужемъ за офицеромъ и въ Самарѣ не жила, младшая же, кажется, въ этотъ годъ кончала гимназію и была подросточкомъ лѣтъ 16. Эта весьма недурненькая барышня была очень кокетлива и, пожалуй, немножко неестественна. Кромѣ того, у Блоковъ было два мальчика, одинъ лѣтъ 14, другой 12, учились въ Самарской гимназіи. Мальчики показались мнѣ застѣнчивыми и очень симпатичными.

Обстановка жизни была скромная, но вполнѣ приличная. Меблировка квартиры, какъ это бываетъ въ большинствѣ губернаторскихъ домовъ, была сборная. Рядомъ съ порядочными вещами попадается рыночная грубая работа. Мебели было недостаточно. такъ что нѣкоторыя комнаты стояли полупустыми. Своей мебели у Блюковъ, кажется, совсѣмъ не было.

Семья губернатора жила еще въ городѣ, но собиралась уѣхать на дачу въ ближайшія окрестности Самары. Существовала губернаторская дача, помѣщавшаяся въ Струковскомъ саду. Когда-то это мѣсто было, вѣроятно, внѣ города, теперь же оно оказалось самымъ центромъ разросшейся Самары и было лучше квартиры лишь потому, что все-таки окружалось растительностью. Дача эта принадлежала городу и городской голова имѣлъ безтактность такъ подчеркнуть права на нее городской думы, что деликатный Иванъ Львовичъ не счелъ возможнымъ ею воспользоваться и категорически отказался туда переѣхать.

Понемногу я сталъ привыкать къ своимъ обязанностямъ. Для меня новинкою было лишь полицейское дѣло, у котораго я никогда не стоялъ, хотя, конечно, практически хорошо зналъ организацію этой службы. Познакомиться съ службой было не трудно и недѣли черезъ двѣ я уже совершенно свободно тутъ разбирался.

Тюремное дѣло касалось меня весьма мало и хотя оно составляетъ особое отдѣленіе губернскаго правленія, но съ введеніемъ тюремной инспекціи оно стало совершенно, такъ сказать, автономнымъ и руководилось самимъ губернаторомъ. Тюремнымъ инспекторомъ состоялъ пожилой человѣкъ—по профессіи бывшій земскій врачъ. Это былъ очень нерѣшительный господинъ и страшно боялся революціи, а потому тюремные порядки при немъ были никуда не годны. Не тюремная администрація была тамъ хозяиномъ, а политическіе арестанты, которые дѣлали рѣшительно все, что имъ было нужно. Тюрьма энергично сносилась съ внѣшнимъ міромъ и въ революціонной газетѣ, передъ которой инспекторъ трепеталъ, завели даже особую постоянную рубрику о тюремной жизни, гдѣ сообщались всѣ малѣйшія подробности происходящаго въ тюрьмѣ, давалась съ революціонной точки зрѣнія оцѣнка служебнаго персонала. Камеры политическихъ арестантовъ оставались все время открытыми, а потому они находились какъ между собою, такъ и съ другими заключенными въ свободномъ общеніи. Если не было массовыхъ побѣговъ изъ этой тюрьмы, то это благодаря исключительно тому, что тюремное зданіе было новое и къ нему примѣнены всѣ указанныя опытомъ предосторожности.

Со своими сослуживцами по губернскому правленію я держалъ себя просто и хотя мы ежедневно въ 12 часовъ собирались въ большой залѣ пить чай, бесѣдовали и дѣлились тогдашними такими яркими впечатлѣніями, отношенія все-таки оставались нѣсколько натянутыми и никакой интимности не устанавливалось и такъ до конца и не установились. Отчасти это произошло потому, что въ числѣ ихъ не было людей, которые бы меня къ себѣ привлекали, главнымъ-же образомъ потому, что Иванъ Львовичъ поручилъ мнѣ вести продовольственное дѣло, хорошо мнѣ знакомое, требовавшее большого вниманія и заботливости по огромнымъ размѣрамъ текущей продовольственной кампаніи, такъ что главная моя работа сосредоточилась въ губернскомъ присутствіи среди непремѣнныхъ членовъ его.

Среди нихъ было много интересныхъ и симпатичныхъ людей, какъ Д. Я. Слободчиковъ, нынѣшній директоръ департамента земледѣлія, Шишковъ, Черносвитовъ, Чембулатовъ. Съ этими ли-

цами, особенно съ двумя послѣдними у меня установились совершенно товарищескія отношенія. Помимо личныхъ достоинствъ этихъ лицъ, этому способствовало, конечно, и то, что я самъ былъ еще такъ недавно непремѣннымъ членомъ, такъ что у насъ было очень много точекъ соприкосновенія.

Къ этой нашей компаніи присоединился и предсѣдатель губернской земской управы А. А. Ушаковъ. Хотя, какъ земскій дѣятель, онъ причислялъ себя, разумѣется, къ либераламъ, но въ дѣйствительности онъ былъ совершенно равнодушенъ къ вопросамъ политики и отлично со мною ладилъ и даже прямо подружился. Это былъ очень неглупый человѣкъ, широко гостепріимный, хорошо понималъ практическую сторону жизни. Домъ его сталъ для меня наиболѣе близкимъ и я чуть-ли не ежедневно тамъ бывалъ.

Семья у Ушаковыхъ была огромная, начиная отъ сына студента, до маленькой прехорошенькой дѣвочки. За столъ у нихъ садилось человѣкъ 15, по крайней мѣрѣ. Гости бывали чуть-ли не ежедневно и пріемы устраивались почти роскошные. Я полагалъ, судя по такой жизни, что средства у нихъ хорошія, ибо на 4 тысячи, которыя Ушаковъ получалъ по службѣ, такъ жить съ большой семьей было рѣшительно невозможно.

И представьте мое глубокое изумленіе, когда, будучи уже въ Пензѣ, я прочиталъ въ газетахъ, что А. А. Ушаковъ растратилъ земскія суммы и преданъ суду. Растрата велась уже много лѣтъ, такъ что и въ мою бытность въ Самарѣ она уже имѣла мѣсто.

Если-бы мнѣ это сказали тогда, я-бы ни за что не повѣрилъ, что это правда. Вѣдь, если имѣешь большую семью, еще не пристроенную къ жизни, и знаешь за собой такой грѣхъ, казалось бы не мыслимо сохранить жизнерадостность; такая жизнь подъ Дамокловымъ мечомъ должна-бы, казалось, человѣка совершенно измучить, истрепать ему всѣ нервы. А между тѣмъ у Ушакова не только не замѣчалось никакой подавленности, а напротивъ того онъ былъ всегда въ отличномъ расположеніи духа, беззаботно острилъ, много бывалъ въ обществѣ. Объясняю себѣ это только однимъ, что по легкомыслію своему онъ не давалъ себѣ труда выяснить свое положеніе и считалъ его не серьезнымъ, полагая возможнымъ пополнить растрату въ любой моментъ путемъ займа. Откладывая со дня на день подсчетъ растраты и не имѣя характера удержаться отъ дальнѣйшихъ позаимствованій, онъ, наконецъ, зашелъ такъ далеко, что катастрофа стала неминуемой и, наконецъ, разразилась.

Я совершенно не знаю подробностей раскрытія этой растраты. Слышалъ только, что тутъ были замѣшаны и другія лица и изъ разсказовъ, какъ будто-бы, выходило, что Ушакова утопили люди, которымъ онъ, якобы, довѣрился.

Бѣднаго Ушакова посадили въ тюрьму, гдѣ онъ долго содержался и, наконецъ, осудили.

Жалѣю его отъ души и всетаки сохраняю о своемъ съ нимъ знакомствѣ самую теплую память.

Вскорѣ по возвращенiи изъ Кинель-Черкассы мнѣ пришлось выѣхать на безпорядки въ Богульминскомъ уѣздѣ.

Татарское село, тысячъ въ 10 человѣкъ, расположено было рядомъ съ большой экономiей богатаго купца, въ верстахъ 40 отъ Бугульмы. У этого купца въ чертѣ его владѣнiй имѣлась обширная лѣсная дача въ нѣсколько тысячъ десятинъ, которая для населенiя, не имѣвшаго своего лѣса, представляла большой соблазнъ. Лѣсъ хорошо охранялся, порубщики усердно ловились, накладываемыя судомъ взысканiя за порубки болѣе или менѣе приводились въ исполненiе. Такое обереганiе добра отъ расхищенiя создало экономiи крайне обостренныя отношенiя съ татарами.

Когда стала распространяться агитацiей молва, что помѣщичьи земли Государственная Дума отдастъ вскорѣ крестьянамъ, татары рѣшились воспользоваться моментомъ. Такъ какъ все-таки была нѣкоторая неувѣренность въ скоромъ появленiи такого закона, то населенiе рѣшило создать совершившiйся фактъ и захватить лѣсъ немедленно, а тамъ—будь, что будетъ.

И вотъ въ одно прекрасное утро тысячъ пять народу на подводахъ съ топорами являются въ лѣсъ, рубятъ крупныя деревья и срубленныя увозятъ немедленно домой. Въ одинъ день было вырублено, говорятъ, десятинъ 50. Нѣкоторые изъ порубщиковъ захватили съ собой ружья и вилы и угрожали прогнать лѣсную стражу.

Сейчасъ же экономiя послала къ исправнику за помощью и на утро къ лѣсной дачѣ прибылъ помощникъ исправника съ 30 конными стражниками. Порубка шла еще болѣе широкимъ темпомъ. Когда появилась полицiя, рѣшено было ее прогнать силой въ той укоренившейся у населенiя твердой надеждѣ, что стрѣлять не посмѣютъ, а нагайки 30 человѣкъ противъ толпы въ нѣсколько тысячъ едва-ли что либо подѣлаютъ. Веденiе нападенiя на полицiю взяли на себя запасные солдаты, рѣшивъ къ атакѣ примѣнить японскiй способъ обхода фланговъ; съ этой цѣлью послали отрядъ вправо и условились напасть одновременно по сигналу.

За фронтальной атакой по военному построеннаго отряда, вооруженнаго то вилами, то кольями, а кое-гдѣ и охотничьими ружьями, слѣдовала безпорядочная толпа остальныхъ порубщиковъ, неистово галдѣвшая. Получилась весьма внушительная угроза, способная навести серьезную тревогу и на неробкое сердце.

Помощникъ исправника, тоже верхомъ, скомандовавъ стражѣ взять на изготовку, выѣхалъ впередъ и не доѣзжая до атакующаго отряда шаговъ на сто, приказалъ ему остановиться и бросить на землю оружiе. Въ отвѣтъ послышались лишь гвалтъ и улюлюканiе и толпа продолжала наступать. Трижды предупредивъ, что будетъ стрѣлять, если не остановятся и замѣтивъ подходящiй справа новый отрядъ, который грозилъ серьезно осложнить и безъ того почти безвыходное положенiе стражи, помощникъ исправника полетѣлъ къ отряду, предупредилъ людей, что ихъ спасенiе лишь въ стрѣльбѣ безъ промаха и скомандовалъ зычнымъ голосомъ залпъ.

Едва разсѣялся дымъ выстрѣловъ, толпы уже передъ отрядомъ не было. Татары, какъ сумасшедшіе, понеслись къ лошадямъ, гдѣ были наложены бревна, посбросали ихъ и во всѣ стороны, безъ дорогъ помчались куда глаза глядятъ. За лошадьми неслись пѣшіе. Картина получилась—изумительная.

Передъ фронтомъ лежало 6 человѣкъ, изъ нихъ 4 убитыхъ на мѣстѣ.

Сейчасъ-же телеграфировали губернатору, который просилъ меня выѣхать на мѣсто. Войскъ туда за дальностью разстоянія не посылали и мы рѣшили ограничиться стражей, собравъ ее со всего уѣзда, если-бы это потребовалось. Но мы оба почти были увѣрены, что полученный урокъ самъ возстановитъ полное спокойствіе.

Въ Бугульму дорога отъ Бугуруслана идетъ по почтовому тракту на протяженіи 110 верстъ. Такимъ образомъ, мнѣ предстояло перерѣзать на лошадяхъ внутренность губерніи на довольно значительномъ разстояніи и личнымъ наблюденіемъ, можетъ быть, убѣдиться, насколько губернія охвачена революціей и какъ велики размѣры неурожая.

Губернаторъ совѣтовалъ мнѣ на всякій случай взять эскортъ стражи. Но такъ какъ по донесеніямъ полиціи въ Бугульминскомъ уѣздѣ особо повышеннаго настроенія не наблюдалось и происшествіе, вызвавшее мою поѣздку, было пока единичнымъ, я рѣшилъ отъ этой мѣры, какъ крайне стѣснительной, отказаться. Скакать за экипажемъ на протяженіи 110 верстъ, разумѣется, утомительно, ибо почтовыя лошади возятъ скоро, и пришлось бы мѣнять эскортъ черезъ каждыя 10 верстъ, т. е. занять такимъ конвоированіемъ чуть не всю стражу уѣзда. Да мнѣ было и жалко лошадей стражниковъ, которыхъ эти люди покупаютъ за свой счетъ, слѣдовательно не Богъ знаетъ какой доброты, такъ что скакать въ удушающую жару десять верстъ не всякой лошади будетъ подъ силу. А я всегда былъ особенно жалостливъ къ животнымъ, прямо физически страдалъ, смотря на напряженіе лошади при быстрой ѣздѣ, ея раздувающіеся отъ ускореннаго дыханія бока и трепещущія ноздри. Будучи губернаторомъ, я прямо бранился съ ямщиками, когда они норовили пускать лошадей вскачь, чтобъ шикарно прокатить начальство, и строжайше это воспрещалъ. Надо мной всегда за это смѣялись и приписывали, мою обычно тихую ѣзду, трусости.

Къ тому-же дороги были до того пыльны, что даже движеніе одного человѣка подымало цѣлое облако и скрывало собою пѣшехода. А несущаяся тройка, да скачущіе вокругъ нея всадники подняли-бы цѣлый адъ, въ которомъ пришлось-бы отъ пыли задохнуться.

Черноземная пыль прямо нестерпима: она такъ мелка, что проникаетъ вамъ въ носъ, глаза, ротъ, за воротникъ. Единственное отъ нея спасеніе—брезентовый балахонъ съ капюшономъ, наглухо застегнутый. Можете представить себѣ это удовольствіе при пятидесятиградусной жарѣ.

Только что мы выѣхали изъ Богураслана, по обѣимъ сто-

ронамъ тракта потянулись безконечныя поля, имѣвшія какой-то зеленовато-сѣрый оттѣнокъ. То было сплошное море колеблющейся довольно рѣдкой лебеды: рѣшительно ни одной другой травки, только у канавъ дороги—пышно разросшіеся репейники. Ближе къ Бугульмѣ по низкимъ мѣстамъ еще попадались полоски проса. Но что это было за уродливое просо: рѣдкое, еле поднимающееся отъ земли, метелка начиналась чуть-ли не у корня. Кое-гдѣ среди лебедоваго ковра виднѣлись квадратики ярко-бѣлой гречи съ красными стеблями. Греча хоть была невысока, но густа, обдавала васъ издали своеобразнымъ медовымъ ароматомъ и чрезвычайно красиво переливалась своими бѣлокрасными волнами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка.

Если-бы не эти квадратики гречи, общая картина была бы чрезвычайно зловѣщей; казалось, надъ землей пронеслась какая-то разрушающая сила, унесшая все живое при своемъ движеніи и придавшая всему видъ кладбищенскаго запустѣнія.

Сердце горестно сжималось, какъ при видѣ самой тяжкой катастрофы. Мысленно воображаешь себѣ, что - же должны переживать люди, вложившіе въ эти безконечныя поля свой тяжелый трудъ, бросившіе въ пересохшую землю на уничтоженіе сѣмена, поставленные передъ роковымъ вопросомъ, какъ-же прожить годъ буквально безъ всякихъ средствъ продовольствія. Даешь себѣ слово сдѣлать все возможное, чтобы сюда полилась широкой струей правительственная помощь, которая только и можетъ вырвать эти милліоны людей изъ когтей голода.

Когда подъѣзжаешь къ селеніямъ и видишь, что люди смѣются, полуголыя ребятишки играютъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, звонко перекликаясь своими голосами, становится какъ-то жутко и оскорбительно, точно увидѣлъ разухабистую пляску въ комнатѣ, гдѣ лежитъ дорогой тебѣ покойникъ. Такова сила человѣческой выносливости. Можетъ быть, у этихъ людей сердце болѣзненно сжимается, когда промелькнетъ сознаніе постигшаго ужаснаго бѣдствія, но это бываетъ, очевидно, мимолетно, сейчасъ-же эта мысль куда-то отгоняется и въ права вступаютъ настроенія болѣе радостныя.

По пути исключительно мордовскія и татарскія села. Въ первыхъ вы на каждомъ шагу видите красныя пятна женскихъ уборовъ, у вторыхъ одинъ безнадежный сонный сѣрый фонъ.

Внимательно всматриваюсь въ попадающіяся лица: ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-бы то ни было озлобленія при видѣ человѣка въ формѣ. Замѣчаешь любопытство, безучастность, иногда шаловливость дѣтей. Какая ощутимая нервами разница! Въ Самарѣ—эта повсюду разлитая къ вамъ враждебность прямо удручаетъ, отгоняетъ всякое сколько-нибудь радостное настроеніе. Тутъ слѣда нѣтъ ничего подобнаго, значитъ революція не успѣла еще отравить людскія сердца ядомъ ненависти и грызущей зависти. Слава Богу! И таково впечатлѣніе до самой Бугульмы.

Мнѣ никогда не приходилось бывать въ татарскихъ селахъ.

Видъ своеобразный: запечатлѣвается мечеть съ тонкимъ стрѣльчатымъ минаретомъ, а кругомъ безпорядочно разбросан-

ные низкіе сѣрые дома. Чувствуется безпорядочная бѣдность, грязь, отсутствіе всякихъ сколько-нибудь культурныхъ потребностей. Какая во всемъ поразительная разница съ русскими, тоже не блещущими богатствомъ, деревнями: въ размѣрахъ и устройствѣ избъ, правильности улицъ, прозрачности оконныхъ стеколъ, одеждѣ. Словомъ—бѣдность безнадежно корявая и подавляющая и бѣдность — улыбающаяся, полная бодрости духа, искрящагося юмора.

Въ Бугульму я пріѣхалъ и остановился въ домѣ городского головы. Исправникъ доложилъ, что въ бунтовавшемъ селѣ спокойствіе безусловное, татары смертельно перетрусили и ждутъ жестокой расправы. Приказавъ послать туда отрядъ стражи человѣкъ въ 50, я рѣшилъ выѣхать на слѣдующее утро.

Бугульма небольшой городокъ съ татарскимъ колоритомъ, виднѣется нѣсколько мечетей, на улицахъ пропасть татаръ. Замѣчательнаго въ немъ нѣтъ ничего.

На утро я выѣхалъ въ село вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ, встрѣтившимъ меня въ городѣ. Этотъ земскій начальникъ завѣдывалъ также и продовольственной частью въ уѣздѣ, такъ что я могъ получить всѣ нужныя мнѣ свѣдѣнія.

Дорога изъ Бугульмы въ село (кажется, оно называлось Карабулакъ) очень живописна. Идетъ она по холмистой мѣстности, заполненной отрогами Урала. Попадаются лѣса. Все это совсѣмъ не похоже на самарскія степи и напоминаетъ скорѣй Уфимскую губернію, съ которой Бугульминскій уѣздъ впрочемъ и соприкасается.

При въѣздѣ въ село насъ встрѣтилъ приставъ, доложившій, что сельскій сходъ собранъ на площади и тамъ-же въ сторонѣ выстроенъ отрядъ стражи.

Издали показалось море головъ. Былъ собранъ, очевидно, не только сходъ, а къ нему присоединились и остальные жители, влекомые, конечно, любопытствомъ.

Выйдя изъ экипажа, я направился къ толпѣ. Она стояла двумя группами: слѣва выстроились правильными шеренгами человѣкъ 100, направо огромная толпа сходочныхъ. Между обѣими группами стояло человѣкъ 8 муллъ въ зеленыхъ чалмахъ и бѣлыхъ одеждахъ. Старшій мулла, сопровождаемый остальными, привѣтствовалъ меня и поднесъ на деревянномъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Узнавъ, что хлѣбъ-соль подносится отъ всего населенія, я ее не принялъ, сказавъ, что долгъ службы не позволяетъ мнѣ принимать подношеніе отъ бунтовщиковъ. Мулла что-то возражалъ, но я не сталъ его слушать и пошелъ къ сходочнымъ. Едва я съ ними поравнялся, какъ вся многотысячная толпа на всей площади упала колѣни и поднимая руки къ верху взмолилась: «прости, прости».

Я былъ ошеломленъ такимъ проявленіемъ покорности. Никто не могъ ожидать подобной сцены отъ людей, еще три дня тому назадъ атаковавшихъ полицію по японскому рецепту—и не будь рѣшительности помощника исправника, конечно, растерзавшихъ бы весь отрядъ.

Вотъ что значитъ стадное начало: куда пойдетъ вожакъ, туда устремляется и все стадо, совершенно не соображая, гдѣ придется остановиться.

Я не нашелъ въ тонѣ своего голоса ноты суровости, съ которой готовился обратиться къ народу, а спокойно сталъ имъ излагать, какая кара ждетъ виновныхъ, какъ безнадежны всякія попытки осуществлять свои мнимыя права силой, жертвой какого наглаго обмана со стороны агитаторовъ они сдѣлались. Опять всѣ падаютъ на колѣни и кричатъ: «прости, прости, дадимъ приговоръ, что больше никогда не будетъ у насъ своевольства, дадимъ приговоръ по татарски».

Послѣдняя фраза очень выразительна: значитъ они считаютъ приговоръ настоящимъ только тогда, когда писанъ онъ по татарски, а слѣдовательно приговоры по-русски — это такъ, декорація, способъ отвязаться отъ приставанья начальства и во всякомъ случаѣ нѣчто, нисколько нравственно не связывающее.

Слѣдуетъ чинамъ правительства въ татарскихъ краяхъ это очень и очень имѣть въ виду.

Приказавъ встать, я объявилъ, что повѣрю искренности ихъ раскаянія только тогда, когда они мнѣ выдадутъ, во-первыхъ, зачинщиковъ бунта, а во-вторыхъ, дѣйствительно обяжутся татарскимъ приговоромъ не производить болѣе никогда порубокъ въ экономическомъ лѣсу и вообще не своевольничать во владѣніяхъ имѣнія, и въ третьихъ, если они обяжутся сегодня-же въ моемъ присутствіи отвезти въ экономію до послѣдняго бревна весь тотъ лѣсъ, что они нарубили за два дня бунта.

Раздались крики: «Согласны, на все согласны, зачинщиковъ мы сами вонъ впереди выстроили!»

Оказывается, что шеренга налѣво—это и были зачинщики. Положеніе крайне затруднительное: что-же я буду дѣлать съ этими 100 человѣками. нельзя же ихъ всѣхъ сажать въ тюрьму. Ужъ если само общество помѣстило каждаго изъ нихъ въ число зачинщиковъ, значитъ дѣйствительно каждый игралъ, во всякомъ случаѣ, активную роль въ этомъ траги-комическомъ происшествіи. Но все-таки эта сотня не представляетъ собою истинныхъ творцовъ инцидента хотя-бы уже потому, что ихъ было для этого слишкомъ много. Какъ-же тутъ быть?

На выручку выступилъ становой приставъ и сказалъ:

— Ваше превосходительство, общество всѣхъ ихъ считаетъ зачинщиками потому, что все это запасные солдаты, сговорившіеся атаковать полицію по-японски во флангъ. Настоящіе-же зачинщики, которые подбили другихъ на рубку лѣса и нападеніе уже извѣстны, мое дознаніе ихъ выяснило и они сами не отрицаютъ своей вины. Дознаніе я вамъ представлю.

Обратившись къ зачинщикамъ, я имъ сказалъ, что ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ вдвойнѣ преступно, ибо они, отбывшіе уже службу, не могутъ не понимать, что совершаютъ преступленіе и нарушаютъ присягу; что преступленіе ихъ будетъ судомъ покарано очень строго и что главныхъ зачинщиковъ, какъ только я познакомлюсь съ полицейскимъ дознаніемъ, прикажу немедленно арестовать и

отправлю въ тюрьму. На всякій случай, я приказалъ составить себѣ списокъ всѣхъ выстроившихся зачинщиковъ; таковой оказался уже составленнымъ до моего пріѣзда и былъ мнѣ тутъ-же врученъ.

Затѣмъ приступили въ моемъ присутствіи къ составленію татарскаго приговора. Когда онъ былъ готовъ и подписанъ, я просилъ подносившаго мнѣ хлѣбъ-соль муллу перевести по-русски. Онъ былъ составленъ въ очень трогательныхъ выраженіяхъ. Приказавъ занести текстъ по-русски въ книгу приговоровъ, я подлинный приговоръ съ переводомъ пріобщилъ къ дознанію.

Я сказалъ сходу, что теперь вижу чистосердчность ихъ раскаянія, а потому и принимаю поднесенную хлѣбъ-соль.

Послѣ этого всѣ разошлись для отвозки нарубленнаго лѣса а я принялъ приглашеніе муллы выпить у него чаю. Мнѣ было интересно взглянуть, какъ муллы живутъ.

Домъ оказался довольно большимъ, въ нѣсколько горницъ. Меня привели, видимо, въ парадную, гдѣ находился столъ, покрытый скатертью, поставленный передъ огромнымъ сундукомъ, прикрытымъ ковромъ домашняго, вовсе не важнаго производства По стѣнамъ стояли такіе-же сундуки съ цѣлою горою перинъ и подушекъ въ яркихъ матерчатыхъ наволочкахъ. Было чисто и, главное, совершенно отсутствовалъ тяжелый запахъ крестьянскаго жилья. На видъ мулла былъ такой-же крестьянинъ, только, вѣроятно, изъ старинной отъ вѣка зажиточной семьи. Какихъ-либо особенностей, чего-либо рѣзко отличнаго отъ того, что видишь въ жильѣ русскихъ людей, не замѣчалось. Можетъ быть, эти особенности были въ другихъ горницахъ—не знаю.

Я хотя и слабо, но все-таки надѣялся, что мулла мнѣ дастъ кое-какія разъясненія о происшедшемъ. Увы, онъ былъ совершенно непроницаемъ, укоризненно только покачивалъ головой, соболѣзнующе цокалъ, но сколько нибудь опредѣленнаго слова не промолвилъ.

Конечно, это совершенно естественно: онъ выбирается на должность муллы сходомъ, существуетъ платою за требы, да еще и живетъ хозяйствомъ среди тѣхъ-же людей. Ну, какъ тутъ не воздержаться отъ излишней откровенности, которая могла такъ серьезно ему повредить.

Мулла меня нѣсколько разъ какъ-то особенно торжественно завѣрялъ, что теперь, когда согласились составить татарскій приговоръ, безпорядки никогда болѣе не повторятся.

Отъ муллы я поѣхалъ въ экономію, гдѣ жилъ только приказчикъ. Тамъ меня накормили сытнымъ обѣдомъ, послѣ котораго я приступилъ къ производству дознанія, рѣшивъ опросить лишь тѣхъ лицъ, которыя рисовались по дознанію пристава главными зачинщиками. Такихъ оказалось всего человѣкъ 10, въ томъ и двое убитыхъ.

Когда часа черезъ четыре я кончилъ съ дознаніемъ и пошелъ по-по словамъ пристава, раны были не очень серьезныя.

Когда часа черезъ четыре я кончилъ съ дознаніемъ и пошелъ посмотрѣть, какъ свозятъ нарубленный лѣсъ, оказлось, что его

навозили уже цѣлую гору, образовалась настоящая лѣсная биржа.

Я не счелъ нужнымъ ждать окончанія вывозки, такъ-какъ теперь сами татары, ну изъ чувства зависти что-ли, никому не позволятъ укрыть нарубленное, и отправился обратно въ Бугульму.

Въ мое отсутствіе, оказывается, губернаторъ тоже принужденъ былъ выѣхать на безпорядки. Я не помню теперь, гдѣ это было и въ чемъ заключалось дѣло, но вотъ эпизодъ этого выѣзда, запечатлѣвшійся въ памяти.

Когда Иванъ Львовичъ сталъ говорить со сходомъ по поводу совершенныхъ насилій, онъ сталъ замѣчать, что мрачно слушавшая его толпа все ближе и ближе на него надвигается, все больше и больше сжимаетъ его своимъ кольцомъ. Войскъ тутъ не было, а нѣсколько человѣкъ стражи стояли верхомъ въ сторонѣ. Нервами почувствовавъ опасность, онъ наскоро окончилъ свою рѣчь и спокойно съ виду, но похолодѣвъ внутри, двинулся къ своему экипажу. Толпа силой его не удерживала, сопротивленіе еще не созрѣло, но разступались неохотно.

Блокъ громовымъ голосомъ крикнулъ: «дайте дорогу Русскому губернатору» и двинулся рѣшительно впередъ. Подъ этотъ окрикъ толпа въ нерѣшительности разступилась и пропустила его. Но едва онъ сѣлъ въ экипажъ и лошади съ мѣста двинулись крупной рысью, какъ раздался взрывъ гвалта и вдогонку экипажу посыпались комья грязи. Конечно, Блокъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этой неслыханной дерзости и уѣхалъ.

Нужно знать обычное обаяніе губернаторской власти на крестьянскую толпу, чтобы понять чрезвычайную симптоматичность, такъ сказать, этого эпизода. Ужъ если и представитель власти Государя, по закону въ чрезвычайныхъ случаяхъ облеченный неограниченными полномочіями, ставится въ ничто и толпа на волосокъ была отъ того, чтобы совершить надъ нимъ жесточайшее насиліе, можетъ быть, даже растерзать его, такъ куда-же дальше идти, чего-же оставалось ждать въ будущемъ!

Иванъ Львовичъ Блокъ былъ выдержанный человѣкъ. По характеру своему онъ былъ удивительно разсудительнымъ, въ немъ тѣни не было сангвиническаго темперамента, зажигающагося отъ воображенія. А потому, ужъ если ему положеніе показалось опаснымъ, то оно дѣйствительно такимъ было, я въ этомъ глубоко убѣжденъ.

Когда я изложилъ ему свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ Бугульминскій уѣздъ, а онъ разсказалъ мнѣ выше описанный эпизодъ, на душѣ у насъ стало очень тяжело. Ну, что-же, вотъ мы бьемся какъ бѣлка въ колесѣ, летимъ тушить пожаръ въ одномъ концѣ губерніи, а въ десяти другихъ мѣстахъ въ то же время появляется зарево. Получалось какое-то толченіе воды въ ступѣ. Ну, какихъ можно было ожидать результатовъ отъ такой полной опасностей борьбы, когда съ одной стороны мы стараемся образумить людей, показать имъ всю призрачность обѣщаній революціонной агитаціи, всю безнравственность разожженныхъ аграрныхъ

аппетитовъ, а въ это-же врмя въ Государственной Думѣ эти аппетиты не только поощряются, а наиболѣе спокойная группа депутатовъ съ серьезнымъ видомъ носится со своимъ законопроектомъ о принудительномъ отчужденіи земли! Мы изъ силъ выбиваемся, чтобы поддержать престижъ государственной власти, а въ Государственной Думѣ съ каѳедры министры величаются ворами и насильниками. Мы старамся горсточкой пока еще вѣрной присягѣ вооруженной силы охранить жизнь людей и ихъ имущество отъ разграбленія пьяной толпы, а господинъ Герценштейнъ съ чудовищнымъ бездушіемъ и перешедшимъ всякую границу терпѣнія цинизмомъ эту мрачную русскую драму находитъ только веселенькой картинкой, въ аграрныхъ холодящихъ кровь ужасахъ усматриваетъ увеселяющую его сердце иллюминацію.

Прошло уже почти десять лѣтъ съ той поры, а я не могу вспомнить этихъ словъ и этой злорадно насмѣшливой фигуры безъ того, чтобы въ крови не зажигался огонь негодованія. Герценштейнъ погибъ, но эта его смерть не искупила его цинизма, его дерзкаго издѣвательства надъ слезами и кровью Россіи!

При такомъ глубокомъ антагонизмѣ между правительствомъ и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ Имперіи, машина управленія двигаться физически не можетъ. Одно изъ двухъ: или эту Думу, какъ погрѣшившую передъ Богомъ и Россіей нужно разогнать, или правительство должно капитулировать и передать власть въ руки кадетъ. Другого выбора не было, это стало всѣмъ до очевидности понятно.

Каждый день отсрочки разрѣшенія этой дилеммы приносилъ государству потоки безполезно проливаемой крови, уничтоженіе вѣками накопленныхъ цѣнностей, а главное деморализацію народнаго сознанія.

Да, пока еще были вѣрныя порядку вооруженныя силы. Но вѣдь эти силы состоятъ изъ тѣхъ-же русскихъ людей, которые по самой своей природѣ не могутъ не отразить господствующихъ въ народѣ настроеній. Если эта сила еще кажется неколеблющейся, то вѣдь это только иллюзія. Напротивъ того, въ душѣ ея обязательно должны были происходить глубокія броженія и только инерція не позволяла имъ вылиться наружу. Но вѣдь инерція при наличности возбудителей фатально должна ослабѣвать и при этомъ въ головокружительной прогрессіи.

Оба мы все это видѣли и понимали. Не знаю, излагалъ-ли И. Л. Блокъ эти соображенія въ своихъ донесеніяхъ министру. На его мѣстѣ я-бы счелъ долгомъ это сдѣлать. Вѣдь намъ тутъ на мѣстѣ видна русская жизнь, а обязанность губернатора и состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы освѣдомлять центральное правительство о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Не обошлось дѣло безъ устройства митинговъ и въ самой Самарѣ. Какъ-то въ праздничный день на Соборной площади собралась толпа преимущественно молодежи, откуда-то раздобыли бочку и вотъ на эту импровизированную каѳедру взобрался какой-то «оратель» и полились страстные, заученные выкрики. Появленіе въ ближайшей улицѣ взвода казаковъ заставило толпу сейчасъ-

же разсыпаться. Въ этомъ мѣстѣ былъ поставленъ постъ городового и дальнѣйшія попытки прекратились.

Для митинговъ тогда избрали противоположный Самарѣ берегъ Волги. Такъ какъ тамъ уже была Симбирская губернія, то революціонеры считали себя внѣ воздѣйствія самарской полиціи. Потому ли, что ей было дѣла по-горло и въ предѣлахъ города, полиція дѣйствительно не обращала на противоположный берегъ никакого вниманія. И вотъ установился такой обычай. Въ каждый праздникъ многочисленная свобомыслящая и поддѣлывающаяся къ ней публика садилась на лодки и ѣхала на ту сторону. Переѣхавъ средину Волги, на лодкахъ выкидывали красные флаги и запѣвали революціонныя пѣсни. На берегу на полянѣ между кустарниками открывался митингъ и протекалъ безъ всякой помѣхи. По окончаніи митинга всѣ возвращались въ Самару. Жандармскіе чины, конечно, бывали переодѣтыми на этихъ сборищахъ и, разумѣется, знали все, что тамъ происходило. Такой способъ давалъ даже извѣстныя удобства наблюденію за революціей; можетъ быть, въ этомъ и заключалось объясненіе, почему на митинги не обращалось вниманія.

Понемногу я познакомился и съ остальнымъ обществомъ Самары.

Губернскимъ предводителемъ дворянства, какъ и теперь, состоялъ А. Н. Наумовъ. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, высокаго роста, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. По женѣ онъ былъ очень богатъ, имѣлъ въ Самарѣ чудный, недавно построенный домъ противъ Струковскаго сада. Домъ этотъ былъ отлично меблированъ и предназначался, очевидно, для широкихъ пріемовъ. Мнѣ пришлось въ немъ провести какъ-то вечеръ позднѣе, уже при губернаторѣ Якунинѣ. Я, вѣроятно, скажу объ этомъ ниже. Я видѣлъ Наумова въ двухъ или трехъ засѣданіяхъ, произвелъ онъ пріятное впечатлѣніе, но познакомиться съ нимъ ближе не пришлось.

Съ женой его я совершенно не знакомъ, такъ какъ она въ это лѣто жила съ дѣтьми гдѣ-то во Франціи, кажется, въ Аркашонѣ, куда ѣздилъ постоянно и самъ предводитель, лишь изрѣдка показываясь въ Самарѣ.

По словамъ мѣстнаго общества, г-жа Наумова была добрѣйшей, деликатнѣйшей женщиной, которую всѣ любили.

Съ глубокимъ чувствомъ почтенія вспоминаю я покойную нынѣ графиню Вѣру Львовну Толстую. Ея пасынокъ графъ Александръ Николаевичъ Толстой былъ самарскимъ предводителемъ дворянства. Графиня Вѣра Львовна была совершенно особеннымъ человѣкомъ. Безконечно добрая, участливая, она такъ привѣтливо подходила къ каждому, имѣвшему честь бывать въ ея домѣ, что человѣкъ сразу загорался къ ней глубочайшей симпатіей, сразу у нея освоивался и чувствовалъ себя непринужденно. Проста она была необыкновенно. Говорятъ, она была не особенно счастлива съ супружествѣ, но своихъ пасынковъ, изъ которыхъ второй при мнѣ состоялъ помощникомъ Бугурусланскаго предводителя, такъ любовно воспитала, что они оба были къ ней привя-

заны, какъ къ родной матери. Познакомился я съ графиней у губернатора, съ семьей котораго она была, кажется, въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Очень замѣтной дамой въ Самарѣ была г-жа Батюшкова, сестра камскаго пароходчика Мѣшкова, съ которымъ я познакомился позднѣе въ Перми. Мужъ ея былъ представителемъ дѣла Мѣшкова въ Самарѣ и получалъ крупное содержаніе. Госпожа Батюшкова, очень интеллигентная и милая особа, была первой въ городѣ благотворительницей, участвовала рѣшительно во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ, хлопотала о снабженіи ихъ средствами. Ни одинъ благотворительный концертъ не обходился безъ ея участія. Она всѣхъ знала, всѣ ее уважали, а потому участіе г-жи Батюшковой заранѣе обезпечивало успѣхъ всякой благотворительной затѣи.

Семья Батюшковыхъ была очень большая. Нѣкоторыхъ дѣтей я видѣлъ у Блока. Самъ Батюшковъ, по разсказамъ, былъ человѣкъ крайне лѣвыхъ убѣжденій. Я его почти не зналъ, такъ какъ онъ въ мою бытность въ Самарѣ гдѣ-то путешествовалъ за-границей. Жена его совсѣмъ была не причастна къ политикѣ и принималась очень радушно въ домѣ губернатора.

Совершенно неожиданно я встрѣтилъ стараго знакомаго своей молодости Я. Я. Кетчера. Онъ служилъ прежде въ Уланскомъ полку, а затѣмъ женился и перешелъ на службу въ Удѣлы, гдѣ теперь управлялъ самарскимъ удѣльнымъ округомъ. Это былъ когда-то весельчакъ, славный товарищъ, любившій кутнуть. Лѣтомъ Кетчеры жили на дачѣ въ верстахъ 6 отъ Самары. Въ одно изъ воскресеній я поѣхалъ къ нимъ съ визитомъ и засталъ дома. Приняли меня очень радушно, мы много вспоминали дни нашей молодости.

Я. Я. Кетчеръ, когда-то очень элегантный гвардейскій офицеръ, сильно измѣнился. Онъ, должно быть, мало обращалъ вниманія на свою внѣшность, статское платье, какъ это бываетъ съ долго служившими военными, носить не умѣлъ, а потому всегда ходилъ въ удѣльной формѣ. Постарѣлъ онъ очень, правда и времени ушло много съ послѣдняго нашего свиданія. Онъ остался такимъ-же милѣйшимъ человѣкомъ, жилъ довольно замкнуто въ кругу своихъ подчиненныхъ, съ городскимъ обществомъ мало общался.

Домъ Кетчеровъ сдѣлался для меня самымъ близкимъ, я часто бывалъ и отводилъ у нихъ душу въ эти трудныя минуты своей жизни.

Районъ управленія Кетчера былъ очень обширенъ и заключалъ въ себѣ громадныя имѣнія съ искусственными насажденіями лѣса, сахарнымъ заводомъ, интенсивнымъ хозяйствомъ. Поставлено все это было, кажется, очень хорошо. Революція значительно взбудоражила управленіе, дѣлались попытки къ аграрнымъ насиліямъ, но Кетчеръ сумѣлъ организовать охрану, пригласилъ на службу ингушей и такъ ихъ поставилъ, что безпокойные элементы потеряли всякую охоту соваться въ Удѣлы. Среди служащихъ были неблагонадежные люди, пытавшіеся подыгры-

ваться къ революціи. Кетчеръ самымъ рѣшительнымъ образомъ вышвырнулъ ихъ вонъ со службы и все стало тихо и покойно.

Сошелся я и съ управляющимъ казенной палаты Хроновскимъ. Это былъ еще совершенно молодой человѣкъ, очень неглупый, хорошій работникъ. Но онъ, кажется, былъ либераломъ, хотя никогда не выходилъ изъ рамокъ строгой коректности. Лично я не имѣлъ случая убѣдиться въ его свободомысліи и всякія его выступленія по службѣ казались мнѣ и цѣлесообразными и разумными, но такова у него была репутація. Можетъ быть, благодаря ей, онъ и не двигался по службѣ.

Съ удовольствіемъ также вспоминаю свои хорошія отношенія съ управляющимъ акцизными сборами Шабунинымъ. Я бывалъ у него въ домѣ и мы взаимно другъ другу симпатизировали. Онъ еще недавно появился въ Самарѣ и, какъ мнѣ разсказывали, замѣнилъ собою лицо, открыто стоявшее на сторонѣ революціи. Шабунинъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ порядка, такъ что при немъ акцизное вѣдомство сторонилось политики и если и были среди чиновниковъ люди сомнительные, то они притаились и не смѣли выступать открыто. Жизнь текла по прежнему тревожно. Губернаторъ почти все время былъ въ отсутствіи, такъ что мы съ нимъ, въ сущности, совсѣмъ другъ друга не знали. Съ семьей его тоже какъ-то не успѣли наладиться отношенія, конечно, прежде всего потому, что и мнѣ приходилось летать по губерніи и не было времени взаимно освоиться.

Но служебныя впечатлѣнія отъ губернатора у мени остались наилучшія. Блокъ былъ серьезный, хорошій человѣкъ. Онъ всегда относился къ людямъ участливо, былъ мягокъ въ обращеніи. Какой-либо суровости въ исполненіи служебныхъ обязанностей у него и тѣни не было. Въ Гроднѣ его очень любили, о чемъ свидѣтельствовали многочисленные поднесенные ему при уходѣ оттуда адресы. Былъ даже благодарственный адресъ отъ евреевъ. А вѣдь время было такое, что губернаторовъ не очень-то баловали общественнымъ вниманіемъ.

Всѣ его распоряженія въ области революціоннаго движенія были строго законны и спокойны. Какой-либо жестокости, неумѣстнаго для представителя власти издѣвательства онъ никогда не проявлялъ. Будучи лично мужественнымъ человѣкомъ, честно исполнявшимъ свой долгъ, онъ требовалъ того-же отъ подчиненныхъ и глубоко презиралъ всякое виляніе.

— Если ты не одобряешь дѣйствія правительства, — говорилъ онъ всегда—такъ выходи въ отставку и дѣлай и думай, что тебѣ угодно. А состоя на службѣ, получая жалованье и перекидываясь на сторону враговъ, человѣкъ совершаетъ гнусную измѣну, которая претитъ всякому сколько-нибудь порядочному человѣку.

Вѣчная опасность, постоянная взвинченность нервовъ, ни на чемъ не основанное недоброжелательство со стороны населенія—все это его ужасно угнетало. Я никогда, кажется, не видѣлъ на этомъ лицѣ улыбки.

Если между нами не установилось близости, то отношенія наши были всетаки вполнѣ хорошими. Ни разу, кажется, не произошло ничего такого, что могло бы вызвать неудовольствіе или взаимное осужденіе.

Вскорѣ послѣ моего перваго туда выѣзда, Кинель-Черкасы опять дали о себѣ знать и на этотъ разъ много серьезнѣе. Какъ-то земскій начальникъ, жившій на окраинѣ села, ѣхалъ домой на земскихъ лошадяхъ вмѣстѣ со становымъ приставомъ. Дорога шла въ одномъ мѣстѣ поблизости крестьянскихъ гуменъ, передъ которыми до самой дороги растянулись посѣвы конопли. Не смотря на засуху, конопля достигла большой высоты, почти прикрывала человѣка во весь ростъ. За гумнами начинался кустарникъ, тянувшійся сплошной полосой до края видимаго горизонта.

Едва экипажъ поравнялся съ гумнами, раздался выстрѣлъ и ямщикъ опрокинулся мертвымъ на сѣдоковъ. Приставъ сейчасъ-же вызвалъ поставленную мною въ селѣ роту, которая и подходила сейчасъ-же за вызовомъ, такъ какъ все время содержала дежурную часть въ полной боевой готовности. Едва показалась рота, какъ изъ конопли раздался залпъ. Никто, къ счастію, раненъ не былъ. Ротный командиръ разсыпалъ солдатъ въ цѣпь и направилъ ихъ охватить отъ дороги поле коноплей. Во все время выполненія этого охвата, велась живая перестрѣлка между войсками и какимъ-то невидимымъ въ конопляхъ врагомъ, который по числу выстрѣловъ былъ видимо въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ.

Перестрѣлка велась довольно долго, а потомъ со стороны непріятеля стала ослабѣвать и, наконецъ, замолкла. Когда солдаты прошли конопли и достигли гуменъ, уже никого на мѣстѣ не было: лежало три трупа и 18 побросанныхъ винтовокъ. Вся опушка конопли была усѣяна стрѣлянными гильзами патроновъ, которыхъ насчитали до 800 штукъ. Какъ видите, было дано цѣлое сраженіе. Между брошенными винтовками оказались отобранныя 29 іюня у стражниковъ. Было нѣсколько штукъ малокалиберныхъ солдатскихъ винтовокъ, неизвѣстно, какими судьбами попавшихъ въ руки революціонеровъ. Въ гумнѣ оказался цѣлый арсеналъ: много ящиковъ патроновъ и для берданки, и для малокалиберной винтовки, револьверы съ патронами, нѣсколько шашекъ динамита и ящики флаконовъ съ разными химическими веществами. Сражавшіеся убѣжали въ кусты. Хотя вскорѣ приставъ послалъ туда конныхъ стражниковъ ловить участниковъ этого дѣла, но никого не нашли.

Убитые оказались мѣстными парнями.

Въ войскахъ рѣшительно никто не пострадалъ, даже не получилъ царапины.

Помимо дерзости все это преступленіе поражаетъ съ перваго взгляда какъ будто-бы непроходимой безсмысленностью. Для чего все это было устроено, какихъ плодовъ ожидали революціонеры? Вѣдь о наличности войскъ имъ было извѣстно, это не составляло секрета. Бороться кучкѣ человѣкъ въ 20, необу-

ченныхъ какъ слѣдуетъ стрѣльбѣ, противъ роты образцово поставленнаго полка, не приходится. Какъ демонстрація, окончившаяся 3 убитыми, потерянными ружьями и боевыми запасами и позорнымъ бѣгствомъ въ кусты, это оказалось совсѣмъ не выигрышнымъ. Въ чемъ-же дѣло? Тутъ возможны только предположенія. Въ мое время это преступленіе еще не было раскрыто и не было даже точно извѣстно, кто въ немъ участвовалъ. Оно получало, однако, смыслъ, если допустить, что вожаками было въ этотъ день собрано какое-то особенно важное совѣщаніе. Такія совѣщанія всегда охраняются выставленными наблюдательными постами. Можетъ быть, въ числѣ вожаковъ были лица, которыхъ революція берегла пуще глаза и которыхъ никакъ нельзя было показывать полиціи, а потому наблюдательнымъ постамъ могло быть приказано при приближеніи полиціи стрѣлять и ни въ коемъ случаѣ не допустить ее до гуменъ. Представьте, что въ это время въ гумнѣ засѣдалъ центральный поволжскій комитетъ. Такое предположеніе вполнѣ возможно, если свѣдѣнія жандармскаго ротмистра объ образованіи въ Кинель-Черкасахъ серьезной группы революціонеровъ были справедливы. А къ сожалѣнію, они оказались дѣствительно вѣрными. Во всякомъ случаѣ въ этомъ дѣлѣ участвовали и постороннія Кинель-Черкасамъ лица, которыя доставили сюда такіе предметы, которыхъ въ самомъ селѣ быть не могло.

Наблюдательные посты увидѣли пристава. Онъ ѣхалъ просто въ гости къ земскому начальнику, но вѣдь революціонеры этого не знали и могли вообразить, что онъ ѣдетъ ихъ ловить. Въ него стрѣляютъ. Чтобы могли незамѣтно улизнуть важныя лица, нужно было приковать къ себѣ и войска, и полицію и чѣмъ дольше власти будутъ заняты у гумна, тѣмъ надежнѣе могутъ они скрыться. При такомъ предположеніи все становится понятнымъ и цѣлесообразнымъ. Такъ оно, вѣроятно, и было.

Это происшествіе на остальномъ населеніи совсѣмъ не отразилось. Нужно было выяснить, кто-же въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и каковы были намѣренія дѣйствовавшихъ лицъ. Это можно, было установить лишь секретной работой жандармской полиціи, а губернатору пока дѣлать тутъ было нечего. Тѣмъ не менѣе Иванъ Львовичъ просилъ меня туда съѣздить и собрать самый подробный матеріалъ для представленія министру.

Черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ, собралъ что было можно и вечеромъ предполагалъ вернуться обратно, какъ вдругъ мнѣ приносятъ шифрованную отъ губернатора телеграмму: „Государственная Дума распущена, ожидаются безпорядки, сдѣлайте все возможное поддержанія спокойствія.“ Я еще не успѣлъ расшифровать этой телеграммы, какъ приходитъ помощникъ исправника и докладываетъ, что на станціи идутъ разговоры о роспускѣ Государственной Думы. Очевидно, эта новость сообщена телеграфистами изъ Самары.

Я хоть и считалъ такой роспускъ Думы совершенно неизбѣжнымъ, тѣмъ не менѣе былъ очень пораженъ вѣстью. Какъ-то

приметъ населеніе такую мѣру? Вѣдь Дума не дала еще ожидаемаго закона о землѣ. Самый разгонъ Думы естественнѣе всего было объяснять намѣреніемъ ея дать земельный законъ. Поэтому въ глазахъ крестьянскаго населенія настоящее событіе должно было рисоваться полнымъ крушеніемъ его страстныхъ ожиданій, столь энергично подогрѣтыхъ предшествовавшей агитаціей. Останется-ли крестьянство спокойнымъ или воскреснутъ времена Стеньки Разина и Пугачева? Послѣднее было очень и очень возможно, особенно въ нашей изнервничавшейся въ конецъ губерніи.

Моя задача въ Кинель-Черкасахъ въ виду наличности надежной воинской части и отряда стражи была совершенно проста. Предупредивъ ротнаго командира быть начеку и немедленно выступить по первому сигналу выстрѣломъ, я разослалъ изъ стражи патрули по улицамъ, воспретивъ допускать скопленіе толпы. У церковной колокольни, внутри ея, поставленъ стражникъ. Жандармскому унтеръ-офицеру приказано было наблюдать, чтобы и внутри домовъ не допускались собранія. Вотъ и все.

Принявъ эти мѣры, оставалось выжидать событій. Въ этотъ же день все село знало о роспускѣ, но отнеслось къ этой вѣсти какъ-то совершенно безучастно. Ни малѣйшихъ попытокъ къ обсужденію этого событія хотя-бы кучками.

Конечно, не слѣдовало полагаться очень на такое видимое спокойствіе, а смотрѣть во всю. Появленіе какого нибудь смѣлаго агитатора могло моментально зажечь мужиковъ и привести къ столкновенію съ вооруженной силой.

На другой день—тоже полное спокойствіе и безучастность. Очевидно, мнѣ здѣсь дѣлать было нечего.

Указавъ мѣстному становому приставу, что вся его задача будетъ заключаться въ своевременномъ недопущеніи какихъ-бы то ни было сборищъ, я на третье утро выѣхалъ въ Самару.

Къ величайшему моему изумленію я узналъ отъ губернатора, что вся губернія оставалась совершенно безучастной къ роспуску Думы. Даже въ городахъ нигдѣ не было сдѣлано ни малѣйшихъ попытокъ къ какимъ-либо демонстраціямъ или инымъ безпорядкамъ. Всѣ какъ будто бы замерли въ ожиданіи того, что будетъ. Видимо вожаки революціи какъ будто-бы не ожидали, что правительство рѣшится на разгонъ. Если принять во вниманіе, какъ это стало извѣстнымъ впослѣдствіи, что Витте незадолго до того велъ какіе-то переговоры объ образованіи правительства изъ общественныхъ дѣятелей, такая неподготовительность совершенно понятна. Революція имѣла полное основаніе считать свое торжество надъ правительствомъ уже обезпеченнымъ и только шла торговля объ условіяхъ капитуляціи. Гдѣ же тутъ было предполагать, что это, какъ будто-бы ослабѣвшее, правительство найдетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобъ ликвидировать главнѣйшій источникъ смуты.

Вѣроятно, центральный революціонный комитетъ въ виду такой самоувѣренности и не разослалъ по мѣстамъ директивъ,

какъ слѣдуетъ дѣйствовать. А убогіе мѣстные освободители не посмѣли взять иниціативу въ свои руки и пропустили самый подходящій моментъ, когда мѣстная власть еще была подъ гипнозомъ думскихъ выкриковъ, а слѣдовательно и не была готова къ энергичному отпору.

Нѣсколько дней спокойствія положеніе измѣнили радикально. Правительство приняло свои мѣры, а при такихъ условіяхъ отдѣльныя попытки къ безпорядкамъ должны были разбиться совершенно безплодно.

Знаменитое выборгское сборище съ кадетскимъ воззваніемъ позорно опоздало и доказало лишь всѣмъ полную растерянность и неспособность революціонеровъ предвидѣть событія. Сами кадеты признали свое воззваніе ошибкой увлеченія. Оно явилось пышнымъ жестомъ, больно ударившимъ прежде всего самое кадетскую партію и заставившимъ отшатнутся отъ нея общественныя симпатіи, одно время очень склонныя стать на ея сторону. Съ этой минуты значеніе кадетской партіи все болѣе и болѣе падаетъ и постепенно приводитъ ее къ роли покорнаго слуги воинствующаго еврейства.

Конечно, Выборгское воззваніе причинило Россіи много горя и повлекло за собой много жертвъ, но оно болѣе чѣмъ что-либо другое способствовало разгрому революціи, возстановленію авторитета Правительства и успокоенію страны.

Правда, съ этой минуты терроръ и аграрныя насилія вспыхиваютъ новой силой и продолжаются еще болѣе года Но эта тактика выходитъ уже изъ подполья, не смѣя выйти на свѣтъ; торжествующее открытое шествіе революціи отошло окончательно въ область воспоминаній. Наилучшей иллюстраціей этого служитъ тогдашнее поведеніе крамольныхъ чиновниковъ.

Куда дѣлась ихъ прежняя аррогантность, демонстративное подчеркиваніе неодобренія дѣйствій Правительства. Они позорно струсили и бросились спасать свое положеніе, перекидываясь въ лагерь преданныхъ слугъ порядка. Многимъ удалось этимъ путемъ спасти свою шкуру, но очень многихъ повыгоняли изъ службы.

Если положеніе Правительства въ общей совокупности существенно измѣнилось къ лучшему и стало устойчивымъ, то провинціальной администраціи, особенно губернаторамъ, пришлось пережить еще безконечно тяжелый годъ, много тяжелѣе всего того, что было уже пережито.

Въ это, примѣрно, время сталъ очень выдѣляться у насъ своей чрезвычайной смѣлой дѣятельностью поволжскій революціонный комитетъ. Онъ широкой сѣтью своихъ организацій охватилъ губерніи Саратовскую, Самарскую, Казанскую, Симбирскую, позднѣе Пензенскую. Были основанія полагать, что комитетъ имѣлъ мѣстомъ своего пребыванія Самарскую губернію, гдѣ въ то время еще не была введена усиленная охрана. Несмотря на свою неслыханную смѣлость, онъ былъ совершенно неуловимъ, широко распространялъ свои прокламаціи, издавалъ смертные приговоры направо и налѣво и навелъ такой ужасъ

на обывателей, что населеніе изъ опасенія мести самымъ тщательнымъ образомъ покрывало его самыя злодѣйскія преступленія.

Комитетъ этотъ обрекъ на смерть всѣхъ губернаторовъ названныхъ губерній и торжественно о томъ заявилъ въ расклеенныхъ по городамъ прокламаціяхъ.

Одновременно усилили тонъ и революціонныя газеты и въ этомъ отношеніи потеряли всякій стыдъ, всякое чувство мѣры.

Такъ въ Самарской газетѣ, названія которой я теперь не помню, вскорѣ послѣ второго моего возвращенія изъ Кинель-Черкасовъ, появилась слѣдующая корреспонденція. Разумѣется, я передаю содержаніе ея своими словами, но тонъ и смыслъ сохраняю точнымъ,—

„Вчера въ Кинель-Черкасахъ кучка молодежи, собравшаяся для обсужденія своихъ дѣлъ, подверглась обстрѣлу со стороны войска. Были убитые. Конная стража, вслѣдъ за залпомъ, бросилась въ нагайки на оторопѣвшихъ людей, избила ихъ до полусмерти и поволекла передъ ясныя очи прибывшаго въ село вице-губернатора Кошко, который приказалъ въ своемъ присутствіи этихъ полуживыхъ людей нещадно пороть розгами. Послѣ экзекуціи наказанные замертво были отнесены въ больницу“.

Вотъ передача событій, о которыхъ я писалъ выше.

Цѣль тутъ совершенно очевидна: надо было поджечь негодованіе противъ меня и заставить какого-нибудь взвинченнаго юношу ухлопать меня при первой къ тому возможности.

Личность моя тутъ, конечно, была совершенно не при чемъ. Но убійство вице-губернатора могло красиво оттѣнить могущество революціоннаго комитета, которымъ, вѣроятно, статья эта и была внушена

Я послалъ въ редакцію оффиціальное опроверженіе и настоялъ, чтобы оно было помѣщено въ слѣдующемъ номерѣ, но все равно, нужное впечатлѣніе было уже произведено. Противъ редактора возбудилось уголовное преслѣдованіе и въ декабрѣ, кажется, его присудили къ 30 р. штрафа.

Не помню, по какому поводу, но пришлось еще разъ побывать въ Кинель-Черкасахъ и вернулся я оттуда въ Самару рано утромъ 23 іюля.

У себя въ домѣ я засталъ А. А. Павлова, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга. Министерство прислало его познакомиться съ нашей постановкой продовольственнаго дѣла. Я уже какъ-то упоминалъ, что съ Павловымъ у меня установились пріятельскія отношенія и въ свои неоднократные пріѣзды въ Самару, онъ всегда у меня останавливался.

А. А. Павловъ былъ незамѣнимый компаніонъ. Всегда жизнерадостный, острякъ, онъ удивительно умѣлъ поднять у васъ настроеніе, заставить васъ хохотать до упаду, хотя за минуту передъ тѣмъ вы были совсѣмъ подавлены духомъ. Я его очень полюбилъ и всегда былъ особенно радъ его обществу. На этотъ разъ его привела къ намъ сама судьба.

Помывшись, мы оба отправились къ губернатору: я, чтобы

дать отчетъ о своей поѣздкѣ, Павловъ — чтобы представиться и просить собрать продовольственное засѣданіе губернскаго присутствія.

Иванъ Львовичъ, между прочимъ, разсказалъ, что въ мое отсутствіе на томъ берегу Волги, гдѣ бываютъ митинги, днемъ какъ-то вдругъ раздался страшной силы взрывъ.

— Это они, вѣрно, пробовали на меня бомбу, — сказалъ Блокъ.

Мы съ Павловымъ какъ-то совсѣмъ не обратили вниманія на эти слова, они были такъ обычны при тогдашнемъ общемъ настроеніи.

Губернское присутствіе было собрано въ 11 час. въ большомъ залѣ губернскаго правленія. Оно продолжалось довольно долго, такъ какъ Павлову нужно было познакомиться и со способами исчисленія нужды, и съ тѣмъ, какъ она удовлетворялась.

Тогда продовольственный хлѣбъ покупало само губернское присутствіе. Всѣ закупки на Волгѣ въ предѣлахъ губерніи и на сосѣднихъ пристаняхъ поручено было производить земскому начальнику Покровской слободы Европеусу, котораго мнѣ такъ рекомендовалъ П. А. Столыпинъ. Европеусъ еженедѣльно присылалъ свои донесенія и съ этими донесеніями ознакомили и Павлова. Послѣдній намъ заявилъ, что на будущее время всю заготовку возьметъ въ свои руки Министерство, такъ какъ на на рынкѣ, благодаря соперничеству между многими пострадавшими въ тотъ годъ отъ неурожая губерніями, замѣчается непомѣрное возростаніе цѣнъ на хлѣбъ. Мы были, конечно, рады такому рѣшенію, только просили позаботиться прежде всего о своевременномъ удовлетвореніи нашихъ требованій, ибо всякая тутъ задержка могла быть чревата крупными осложненіями.

Эта министерская заготовка, благодаря лѣвой печати и обманутымъ аппетитамъ спекулянтовъ, выросла впослѣдствіи въ шумное дѣло Лидваля, гдѣ совершенно правильныя и тонко продуманныя мѣропріятіи Гурко обрушились такъ неожиданно на его голову, повлекли за собой преданіе суду и крушеніе всей карьеры очень талантливаго и работящаго человѣка.

Я смѣю такъ рѣшительно говорить объ этомъ потому, что былъ въ курсѣ всѣхъ министерскихъ распоряженій и, какъ знающій самое дѣло, понималъ ихъ правильность.

Въ коммерческомъ дѣлѣ не возможно обойтись безъ нѣкотораго риска. Гурко рискнулъ выдать Лидвалю авансъ въ 800 тысячъ рублей потому, что этимъ путемъ. онъ видѣлъ, можно было сберечь для казны много милліоновъ рублей, потушивъ разгорѣвшуюся у поставки спекуляцію и по часамъ растущее повышеніе цѣнъ. И еслибъ не вмѣшалась газетная травля, Лидваль, разумѣется, выполнилъ бы свои обязательства, какъ онъ выполнялъ ихъ ранѣе, хотя и въ болѣе скромномъ масштабѣ. Газеты сдѣлали все возможное, чтобы утопить Лидваля, подорвали его кредитъ, разрушили всѣ его коммерческія связи, что-жъ мудренаго, что онъ былъ припертъ наконецъ къ стѣнѣ и погибъ. Спекуляціи это-то и нужно было.

Очень интересно было-бы подсчитать, какую сумму переплатила казна, когда Лидваль погибъ, а спекуляція этимъ воспользовалась и необычайно подняла цѣны. Эти цыфры, мнѣ кажется лучшій матеріалъ для освѣщенія дѣятельности и намѣреній В. І. Гурко.

Засѣданіе у насъ кончилось около 3 часовъ дня. И. Л. Блокъ сказалъ, что онъ сейчасъ изъ присутствія поѣдетъ куда-то въ городъ, а потомъ заѣдетъ ко мнѣ отдать визитъ Павлову. Мы отправились домой.

Такъ какъ въ этотъ день мы не успѣли позавтракать, то обѣдъ былъ назначенъ пораньше къ тремъ часамъ. Все уже было готово, но мы не садились за столъ, поджидая Блока.

Наконецъ и онъ пріѣхалъ.

Иванъ Львовичъ въ этотъ день былъ какъ-то особенно мрачно настроенъ. Разсказывая Павлову о томъ, что происходитъ въ губерніи, о своей неустанной борьбѣ, требующей такъ много нервной силы и не дающей никакихъ результатовъ, онъ съ особенной горечью подчеркивалъ отношеніе къ своей тяжкой работѣ мѣстнаго общества.

— Рискуешь жизнью, треплешь до изнеможенія нервы для поддержанія спокойствія, чтобы люди могли жить по человѣчески и что-же повсюду встрѣчаешь? Не только нѣтъ тебѣ никакой поддержки, а на каждомъ шагу до тебя доходитъ одно осужденіе; ѣдешь по городу и ловишь взгляды, полные ненависти, точно ты какой-нибудь извергъ, пьющій человѣческую кровь, какъ любятъ выражаться распропагандированные мужики.

Будущее ему рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Онъ, видимо, переоцѣнивалъ мощь смуты и скептически относился къ возможности ее раздавить.

Такой скептицизмъ былъ такъ понятенъ въ тогдашней удручающей обстановкѣ губерніи и всѣ мало-мальски прикосновенные къ дѣлу водворенія порядка, въ томъ числѣ и я самъ, были тоже въ немъ повинны.

Пробывъ у насъ довольно долго, минутъ 40, Иванъ Львовичъ сталъ прощаться. Провожая его въ прихожую, Павловъ сказалъ:

— Да, за это время губернаторамъ много грѣховъ простится на томъ свѣтѣ.

Блокъ вышелъ изъ подъѣзда, сѣлъ въ свою пролетку и уѣхалъ домой.

Мы переодѣлись въ пиджаки и сѣли за столъ. Прислуживала намъ вѣдавшая моимъ хозяйствомъ наша нянька. Только что она принесла суповую чашку и поставила на столъ, ее вызвалъ знаками дежурившій у меня въ квартирѣ городовой и сталъ съ ней о чемъ-то шептаться. Она вскрикнула, бѣгомъ вернулась въ столовую и прокричала:

— Баринъ, сейчасъ губернатору голову оторвало бомбой.

Мы съ Павловымъ такъ и застыли и не хотѣли понимать, что она сказала. Вѣдь губернаторъ только что тутъ былъ и

вдругъ ему оторвало голову, а мы даже звука взрыва не слышали. Впрочемъ, тутъ что нибудь не такъ, какое-либо преувеличенiе уличной молвы. Городовой не могъ сообщить никакихъ подробностей, сказавъ, что услышалъ это изъ устъ бѣгущихъ по улицѣ людей. Выглянувъ въ окно, мы дѣйствительно видѣли, что изъ воротъ, изъ подъѣздовъ выбѣгаютъ люди и устремлялись всѣ въ одну сторону по направленiю къ губернаторскому дому.

Очевидно, произошло что-то необыкновенное. Уславъ городового за извозчикомъ, я наскоро переодѣлся въ форменное платье и вышелъ на улицу. Извозчиковъ не было ни одного. Люди сломя голову бѣжали и по тротуарамъ и по мостовой. Меня это увлекло и я тоже побѣжалъ и бѣжалъ покуда хватало духу.

Въ третьемъ кварталѣ отъ меня, на углу моей улицы и Вознесенской, кажется, виднѣлась огромная толпа народу противъ большего трехъэтажнаго дома, гдѣ помѣщалось управленiе желѣзной дороги.

Дойдя, наконецъ, до толпы, мнѣ стоило неимовѣрнаго труда протискаться, такъ какъ полицiи около меня не было, а каждый лѣзъ впередъ, работая руками и ногами, чтобы поближе посмотрѣть на что-то лежавшее въ свободномъ отъ народа пространствѣ. Слышались всхлипыванiя, соболѣзнованiя, ругань и угрозы по чьему-то адресу. Я все не хотѣлъ вѣрить въ то, что случилось и нервно стремился пробиться скорѣй впередъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности того, что уже и для меня стало яснымъ.

Добравшись, наконецъ, до свободнаго пространства, я съ недоумѣнiемъ уставился на что-то черное, окровавленное, лежавшее въ огромной лужѣ крови у самаго закругленiя рельсовъ конки, поварачивающей тутъ на Вознесенскую улицу. Но что это такое было, я все никакъ не могъ понять. Понемногу я сталъ улавливать нѣкоторыя части человѣческаго тѣла, но не различалъ, гдѣ голова, гдѣ ноги и вообще никакъ не могъ понять позы этого лежащаго тѣла. Толпа такъ стала на меня насѣдать, что я чуть не наступилъ на убитаго и коснулся ногой лужи крови. Вокругъ было нѣсколько городовыхъ, которые не могли справиться съ насѣдавшими сзади. Я бросилъ смотрѣть и громко сталъ увѣщевать толпу не напирать, приказавъ прiѣхавшему почти одновременно со мной полицiймейстеру по телефону вызвать сюда полусотню казаковъ верхомъ. Казаки такъ скоро прискакали, что я даже не замѣтилъ почти этого промежутка между вызовомъ и ихъ появленiемъ. Казаки сплошнымъ кольцомъ окружили тѣло и все время принуждены были строжить лошадей, чтобы заставить толпу не напирать. Полицiймейстеръ доложилъ, что послалъ за прокуроромъ и пригласилъ причтъ ближайшей церкви отслужить на мѣстѣ убiйства панихиду. По собраннымъ имъ наскоро свѣдѣнiямъ преступленiе совершилось такъ: едва Блокъ сталъ поворачивать съ Воскресенской на Вознесенскую съ праваго тротуара отъ группы трехъ лицъ, двигавшихся по улицѣ, отдѣлился моло-

дой человѣкъ, сошелъ съ тротуара и направился къ экипажу. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ, онъ бросилъ бомбу, послѣдовалъ страшный взрывъ, пролетку разбило, лошадь убило, а губернаторъ и кучеръ упали на мостовую. Губернатору совершенно оторвало голову, а кучеру нанесено очень много ранъ, но онъ пока живъ и отвезенъ въ больницу.

Самъ убійца былъ тоже пораненъ, у него въ крови все лицо, но, вѣроятно, раны были не серьезны, такъ какъ онъ бросился удирать по Воскресенской улицѣ и, вѣроятно, ему удалось-бы въ суматохѣ скрыться, еслибъ не стоящій на углу извозчикъ, который за нимъ поскакалъ и при помощи прохожихъ задержалъ. Убійца отправленъ въ часть и находится подъ сильнымъ карауломъ. Два другіе типа, которые сопровождали убійцу до самаго момента, когда онъ сошелъ съ тротуара, незамѣтно скрылись и никто ихъ не разсмотрѣлъ и не могъ сообщить примѣтъ. Такое сопровожденіе до послѣдней минуты обычный пріемъ террористовъ, которые понимаютъ, что человѣкъ въ послѣднюю минуту можетъ ослабѣть и не совершить порученнаго ему убійства. Вотъ провожатые и должны своимъ присутствіемъ и рѣчами укрѣплять духъ убійцы, не допускать его до колебаній. Такая роль очень не легка и сопряжена съ огромной опасностью быть захваченнымъ вмѣстѣ съ убійцей; но единомышленники, съ своей стороны, принимаютъ всѣ возможныя мѣры, чтобы дать имъ способъ въ суматохѣ улизнуть.

Между тѣмъ къ мѣсту убійства явилось духовенство съ пѣвчими и стали служить надъ растерзаннымъ трупомъ торжественную панихиду соборне. Народу вокругъ собралось цѣлое волнующееся море, тысячъ 15 по крайней мѣрѣ. Задніе не могли пробиться впередъ, чтобы удовлетворить свое жадное любопытство, взволнованно распрашивали ранѣе прибывшихъ, какъ было дѣло и что осталось отъ только что живого человѣка, такъ что шелъ тихій гулъ во все время службы.

Во время панихиды я стоялъ у самаго трупа и, наконецъ, могъ разсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ печальные останки. Голова была оторвана такъ, что осталась лишь часть нижней челюсти съ клокомъ бороды. Вокругъ не видно было кусковъ костей или мозга, все было разнесено въ воздухѣ, обращено въ брызги, усѣявшія сосѣднія крыши и верхніе этажи домовъ. На крышѣ дома управленія желѣзной дороги нашли вырванный глазъ. Черный форменный сюртукъ обращенъ въ клочья, погоны сорваны и исчезли. Съ передней стороны шеи и со всей груди сорвана только кожа, органы не повреждены, такъ что были видны открытые, но совершенно цѣлые дыхательное горло и пищеводъ. Удивительно своеобразное дѣйствіе газовъ: на шеѣ золотая цѣпочка съ довольно большимъ золотымъ образкомъ осталась неприкосновенной и образокъ лежалъ на груди, лишенной кожи. Кисть руки и ступня одной ноги оторваны и тоже исчезли безслѣдно.

Я былъ глубоко потрясенъ этой ужасной картиной: во мнѣ все какъ-то сжалось и онѣмѣло, одна мысль работала особенно

ярко. Я все не могъ отогнать отъ себя какого-то страннаго сомнѣнія, что тутъ лежитъ тѣло бѣднаго Ивана Львовича, только что со мной бесѣдовавшаго и въ то-же время сознавалъ нелѣпость такого сомнѣнія. Внезапность глубокой перемѣны какъ-то не усваивалась сознаніемъ и все казалось, что это что-то не настоящее, кошмарное. Но какъ мы не слышали звука взрыва такой всеуничтожающей силы въ столь близкомъ отъ моего дома разстояніи? Это было прямо удивительно. Потомъ говорили, что взрывъ былъ слышенъ далеко за городомъ. Должно быть движеніе звуковой волны направилось въ противоположную сторону, а колебанія воздуха по направленію къ намъ задержались высокимъ домомъ.

Ну, вотъ Ивана Львовича убили, теперь очередь за мной. Можетъ быть, въ этой самой окружающей насъ сплошнымъ кольцомъ толпѣ, притаился и мой убійца и только поджидаетъ удобнаго момента. Мысль эта меня нисколько не волновала, было какъ-то совершенно безразлично. Проносится въ головѣ соображеніе, что смерть Ивана Львовича была, очевидно, совершенно безболѣзненна: мгновеніе и органъ сознанія обратился въ брызги. Замѣтилъ ли онъ приближеніе къ себѣ убійцы со столь очевиднымъ намѣреніемъ? Можетъ быть это чувство ужаса ожиданія удара и было послѣднимъ его ощущеніемъ? Узнала ли о катастрофѣ бѣдная семья Блока, жившая въ это время на дачѣ? Дали-ли ей знать и въ какихъ выраженіяхъ?

Когда стали пѣть „Со святыми упокой", нервы всколыхнулись, по спинѣ пробѣжали мурашки, изъ глазъ потекли слезы. Вся толпа и всѣ мы опустились благоговѣйно на колѣни и каждый взволнованно отъ всего сердца помолился объ успокоеніи души усопшаго.

Между тѣмъ прошло уже больше часа съ минуты убійства, а судебныя власти не являлись. Товарищъ прокурора, исполнявшій обязанности прокурора, хотя и былъ въ городѣ, а все не приходилъ, убрать же тѣло до его прибытія было нельзя: карета скорой помощи Краснаго Креста давно уже пріѣхала и у тѣла стояли вынутыя изъ нея носилки.

Толпа все росла и росла, казаки изъ силъ выбивались, осаживая ее. Начали раздаваться крики: „это все жиды, бить ихъ надо". Вотъ еще произойдетъ погромъ евреевъ, а у меня не сдѣлано распоряженіе. Наскоро приказываю полиціймейстеру распорядиться по телефону выслать по городу патрули стражи и приказать казакамъ и эстляндскому полку быть наготовѣ немедленно по сигналу выступить.

А прокурора все нѣтъ. Тогда, опасаясь, что казакамъ толпы не сдержать, приказываю поднять тѣло на носилки, положить въ карету и везти въ губернаторскій домъ. Когда положили тѣло на носилки, они наполнились кровью. Носилки были холщевыя, такъ что кровь могла просачиваться. Мелькаетъ представленіе, что когда понесутъ тѣло въ домъ, бѣлая мраморная лѣстница и зала могутъ быть обрызганы кровью. Каково это будетъ видѣть семьѣ? А потому, приказавъ поста-

вить носилки въ карету, рѣшаю ѣхать впередъ приказать въ домѣ услать путь слѣдованія тѣла какими-либо половиками. Въ этотъ моментъ пріѣхалъ прокуроръ и видя насѣданіе толпы, не сталъ возражать противъ увоза тѣла. Огромную лужу крови у рельсовъ засыпали опилками, собрали ихъ, но черное влажное пятно на мостовой осталось и было видно болѣе недѣли. Пятно это очень долго постоянно было окружено любопытными, вѣроятно, этимъ созерцаніемъ пытавшимися представить себѣ картину убійства.

Тѣло повезли шагомъ, а потому я пріѣхалъ въ губернаторскій домъ заблаговременно. У подъѣзда, опершись головой о колонку подъѣздного зонта стоялъ одинъ изъ мальчиковъ Блока и горько плакалъ. Мнѣ стало его до боли жалко и я самъ заплакалъ. Нѣжно приласкавъ бѣднаго мальчика, я повелъ его въ подъѣздъ, гдѣ мнѣ сказали, что вся семья только что пріѣхала съ дачи и уже все знаетъ. Приказавъ въ большой залѣ поставить столъ, заславъ его простыней, а по пути разослать половики, я вошелъ въ столовую, гдѣ, мнѣ сказали, находилась madame Блокъ. Едва я вошелъ, она растерзанная, истерично плача, вцѣпилась въ мою руку и стала прерывисто спрашивать „какъ это было?“ Я сталъ разсказывать, но она меня не слушала и все повторяла свой вопросъ. Очевидно, она понимать не могла и разсказывать было безполезно. Двѣ дочери тутъ-же горько плакали и по моей просьбѣ оторвали отъ моей руки мать, усадили ее на диванъ и стали поить водой. Я пошелъ распорядиться.

Тѣло привезли, поставили на носилкахъ на столъ. Въ это время собралось въ залѣ очень много народу; всѣ власти и доктора были на лицо. Нужно было рѣшить, какъ быть дальше. Тѣло было такъ растерзано, представляло такой содрогающій видъ, что мнѣ казалось необходимымъ уложить его въ цинковый гробъ, сейчасъ-же запаять и отпѣвать въ закрытомъ гробѣ. Доктора и другіе присутствующіе вполнѣ съ этимъ согласились.

Я пошелъ получать на такое рѣшеніе согласіе семьи, но m-me Блокъ и слышать объ этомъ не хотѣла.

— Какъ! Положить тѣло не обмытымъ, растерзаннымъ... Ни за что не позволю.

Сколько я не уговаривалъ, она стояла на своемъ. Дѣлать было нечего. Я велѣлъ отнести носилки съ тѣломъ въ столовую; куда отправились доктора, слѣдователь и прокуроръ.

Покончивъ съ этимъ, я пригласилъ въ кабинетъ губернатора начальника губернскаго жандармскаго управленія и полиціймейстера, чтобы съ ними посовѣтоваться. Надо было телеграфировать министру о происшедшемъ и принятыхъ мѣрахъ. Мнѣ хотѣлось раньше отправки телеграммы рѣшить, нужно ли просить министра о введеніи въ губерніи усиленной охраны или нѣтъ. Я пробылъ въ должности вице-губернатора еще менѣе мѣсяца, а потому на свой взглядъ, почти исключительно теоретическій, не полагался. Мнѣ казалось, что законъ

объ усиленной охранѣ едва ли можетъ существенно помочь въ переживаемомъ губерніей положеніи, такъ какъ административныя взысканія на газеты, высылка отдѣльныхъ неблагонадежныхъ лицъ изъ губерніи—все это были слишкомъ слабыя средства, когда революція обнаглѣла до послѣдней крайности, а мирное населеніе изъ чувства страха старательно укрываетъ политическихъ преступниковъ, такъ что они были совершенно неуловимы. Если же кого-либо и удавалось поймать, то это было обыкновенно при наличности совершенія такого преступленія, которое и по суду влекло за собою изъятіе преступника изъ общества и заключеніе его въ тюрьму до суда, и самая судебная кара представлялась тяжкой. Получивъ впослѣдствіи достаточный опытъ, я совершенно измѣнилъ этотъ взглядъ и теперь въ усиленной охранѣ вижу могущественное оружіе для борьбы съ самымъ серьезнымъ политическимъ броженіемъ.

Оба мои совѣтника совершенно раздѣлили изложенныя выше сомнѣнія и высказались за ненужность усиленной охраны. Грѣшный человѣкъ, припоминая теперь это маленькое совѣщаніе, не могу отдѣлаться отъ мысли, что заключеніе обоихъ были продиктованы не столько соображеніями по существу, сколько малодушной боязнью передъ революціонерами: вѣдь исполнять и примѣнять административныя мѣры борьбы пришлось бы при ихъ благосклонномъ участіи, а они, пожалуй, не прочь были отклонить отъ себя этотъ чрезвычайно раздражающій неблагонадежные элементы путь. Послѣ этого я составилъ министру подробную телеграмму и поручилъ правителю канцеляріи ее зашифровать.

Выйдя въ залъ, мы увидѣли, что тѣло Ивана Львовича уже снова лежало на столѣ, облеченное въ губернаторскій мундиръ. Но, Боже, что это было за ужасное зрѣлище! Вмѣсто головы, привязанъ огромный бѣлый шаръ изъ ваты, обернутый въ полотенце, одна рука съ сохранившейся ладонью лежала на груди, покрывая пустой, заткнутый чѣмъ-то обшлагъ другого рукава. Изъ бѣлыхъ панталонъ глядѣли сапоги, при чемъ лѣвый на три четверти аршина лежалъ выше праваго, очевидно надѣтый на оборванную взрывами ногу. Я прямо не могъ смотрѣть безъ содроганія и мнѣ очень хотѣлось воспользоваться своей властью и насильно заставить уложить тѣло въ гробъ и немедленно его запаять. Но залъ былъ полонъ народу, ужасное впечатлѣніе уже произведено, поэтому стало какъ будто-бы безцѣльно вызывать неизбѣжныя осложненія со вдовой, которыми только причинишь ей и семьѣ лишнее горе.

Мѣстный великолѣпный фотографъ былъ допущенъ въ залу и снялъ лежащее на столѣ въ этомъ видѣ тѣло. Въ его витринѣ былъ потомъ выставленъ очень большого размѣра снимокъ. Несмотря на то, что я съ особымъ интересомъ сохраняю фотографіи, иллюстрирующія отдѣльные эпизоды моей жизни, я не захотѣлъ купить этого снимка, такъ какъ мнѣ было тяжело на него смотрѣть.

Когда я вышелъ изъ кабинета, m-me Блокъ прислала мнѣ

18 сторублевыхъ бумажекъ, найденныхъ на тѣлѣ. Онѣ были обращены въ какое-то кружево; видно бомба была начинена мелкими гвоздями или чѣмъ либо въ этомъ родѣ, и эти предметы прорѣшетили бумажникъ и деньги. Она просила обмѣнять деньги въ отдѣленіи Государственнаго Банка.

На тѣлѣ оказались также золотые часы съ цѣпочкой въ полной исправности; часы даже не остановились.

Вслѣдъ за моимъ выходомъ началась панихида, которую пѣли пріютскіе питомцы.

Было уже около 11 часовъ вечера, а еще мнѣ предстояло много неотложнаго дѣла.

Я цѣлый день буквально ничего не ѣлъ, но не ощущалъ ни малѣйшаго голода. Если бы мнѣ и принесли чего-либо поѣсть, я бы не въ состояніи былъ этимъ воспользоваться. За то жажда мучила меня жестоко и курьеръ еле поспѣвалъ мѣнять сифоны съ содовой водой.

Жара стояла невыносимая.

У меня не было совершенно времени побывать у задержаннаго преступника и его отвезли въ тюрьму. Я рѣшилъ повидать его на другой день.

Мнѣ доложили, что это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 18, по виду типъ деревенскаго учителя, по происхожденію крестьянинъ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи. У него сорвалось съ языка, гдѣ онъ жилъ въ Самарѣ и это дало слѣдъ къ очень важнымъ открытіямъ. Раны его оказались пустыми царапинами.

Кучеръ получилъ около 80 ранъ, но не серьезныхъ. Струя взрыва его, очевидно, не коснулось. Если не будетъ зараженія крови, онъ скоро оправится безъ всякаго вреда для здоровья.

И дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ онъ явился ко мнѣ и предложилъ свои услуги, какъ кучера. Это былъ молодой польскій крестьянинъ, привезенный Блокомъ изъ Гродны. Я не предполагалъ держать лошадей, а потому и не могъ воспользоваться его услугами.

— Скажи, пожалуйста, а ты не боишься снова поступить на службу къ губернатору? Вѣдь и меня могутъ также убить.

— Да чтожъ, ваше превосходительство, видно мнѣ не судьба быть убитымъ. Вѣдь вотъ остался же цѣлъ. Такъ, что-жъ бояться.

Послѣ панихиды я снова пригласилъ къ себѣ начальника жандармскаго управленія; надо было условиться, что же нужно дѣлать. Указаніе убійцы на то, гдѣ онъ жилъ, слѣдовало широко использовать.

Мы условились, что въ эту ночь будутъ произведены обыски какъ въ указанной квартирѣ, такъ и у всѣхъ скомпрометированныхъ политически лицъ, извѣстныхъ жандарской полиціи. Обыски распредѣлили между всѣми наличными жандармскими офицерами и взяли также нѣкоторыхъ городскихъ приставовъ.

Затѣмъ я распорядился выслать и завтра на улицы поли-

цейскіе патрули, а командировъ войскъ держать наготовѣ дежурныя части.

Столъ губернатора въ кабинетѣ я опечаталъ, разборку его содержимаго въ присутствіи вдовы отложилъ до другого раза.

Правителю канцеляріи я назначилъ часъ доклада и объявилъ, что по службѣ буду ежедневно принимать въ губернаторскомъ домѣ.

Полиціймейстеръ очень просилъ меня для безопасности переѣхать совсѣмъ жить сюда, тѣмъ болѣе, что на верху имѣлись совершенно свободныя комнаты. Его очень смущало опредѣленно установленное время, когда я буду выходить изъ дому ѣхать на пріемъ. Такая опредѣленность, широко всѣмъ извѣстная, конечно, могла облегчить совершеніе покушенія на мою жизнь, если бы революціонерамъ это вздумалось.

Но губернаторскій домъ мнѣ ужасно не нравился, да и былъ онъ, видимо, несчастливымъ: бывшій хозяинъ покончилъ съ собой, а тутъ теперь эта катастрофа съ Иваномъ Львовичемъ. Я всегда былъ очень суевѣренъ, а потому не захотѣлъ сюда переѣзжать и остался у себя на квартирѣ.

Пріѣхалъ домой поздно ночью и такъ былъ радъ, что у меня А. А. Павловъ и что я не одинъ. Мы долго разговаривали обо всемъ происшедшемъ и дѣлились впечатлѣніями. Я дивился своему совершенному спокойствію. Какъ только легъ въ постель, какъ моментально уснулъ, какъ убитый.

На утреннемъ рапортѣ полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что сегодня около 12 часовъ утра пріѣзжаетъ въ Самару командующій войсками казанскаго военнаго округа генералъ Карасъ.

Надо было ѣхать его встрѣчать.

Ночные обыски дали серьезные результаты: было задержано нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ именовавшій себя «товарищемъ Вадимомъ». По найденной у него перепискѣ, отобраннымъ прокламаціямъ и, кажется, начиненнымъ бомбамъ, это оказался истиннымъ руководителемъ убійства Блока. Утромъ были сорваны полиціей на телеграфныхъ столбахъ прокламаціи такого содержанія: «Вчера, 23 іюля, по приговору поволжскаго революціоннаго комитета казненъ Самарскій губернаторъ Иванъ Блокъ». Выразительно и кратко, совершенно правительственное сообщеніе. Вотъ такія прокламаціи были найдены и у товарища Вадима.

Держалъ онъ себя въ минуту ареста удивительно вызывающе, ни малѣйшихъ признаковъ смущенія или испуга, насмѣшливая улыбка не сходила съ губъ. Когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ отведенъ какъ-то въ церковь къ обѣднѣ, онъ кощунственно закурилъ въ церкви папироску. Я приказалъ посадить его въ карцеръ, при чемъ товарищъ Вадимъ заявилъ тюремному начальнику, что своевременно мнѣ будетъ за это надлежащее возмездіе. И все поведеніе этого человѣка все время было такимъ. Я приказалъ его держать въ одиночной камерѣ подъ особо строгимъ надзоромъ. Такъ же содержался и убійца.

Около 12 часовъ я поѣхалъ на пароходную пристань. Когда пароходъ подошелъ, я вошелъ на него и былъ принятъ командующимъ войсками въ салонѣ. Оказывается, онъ еще ничего не зналъ объ убійствѣ губернатора. Услышавъ отъ меня это извѣстіе, онъ ужасно взволновался, даже нижняя челюсть затряслась. Генералъ съ парохода не сходилъ и съ нимъ же уѣхалъ. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Самару, я такъ и не узналъ.

Генералъ Карасъ не утвердилъ ни одного смертнаго приговора надъ революціонерами. Какъ говорятъ, мотивировалъ онъ это тѣмъ, что не хотѣлъ на старости лѣтъ обагрять себя человѣческой кровью. Къ сожалѣнію, онъ упустилъ при этомъ изъ вида только одно, что благодаря такой добродѣтельной жалостливости, польется зато обильно кровь вѣрныхъ слугъ Государя.

Проводивъ командующаго войсками, я вернулся въ губернаторскій домъ заняться текущими дѣлами. Только что я пріѣхалъ, докладываютъ, что ко мнѣ явился по срочному дѣлу приставъ той части, гдѣ я жилъ.

Приставъ поражаетъ меня такой фразой:

— Ваше превосходительство, у васъ дома не благополучно.

Ну, думаю себѣ, взорвали мою квартиру. Воображеніе могло работать въ это время только въ эту сторону.

Дѣло оказалось менѣе страшнымъ. — Я привезъ съ собой, изъ Новгородской губерніи казачка для комнатныхъ услугъ. Мальчикъ этотъ былъ очень шаловливъ, а нянька его распустила, все дѣлалъ кое-какъ, лишь бы скорѣе побѣжать на улицу. Убирая мою спальню, гдѣ на ночномъ столикѣ всегда лежалъ браунингъ въ боевой готовности, онъ, якобы, нечаянно его уронилъ, раздался выстрѣлъ и пуля пробила ему икру ноги, повыше ступни. Едва ли это было такъ: если бы выстрѣлъ произошелъ отъ паденія, то была бы ранена ступня, а не мѣсто, на полъаршина выше пола.

Скорѣе всего онъ сталъ шалить съ револьверомъ и, не умѣя съ нимъ обращаться, причинилъ себѣ рану. Его сейчасъ-же отправили въ больницу, гдѣ сдѣлали перевязку. Къ счастью, кость была не тронута и все кончилось сравнительными пустяками, такъ что изъ больницы мальчикъ прибѣжалъ домой пѣшкомъ.

Ночные аресты, захватившіе главнѣйшихъ авторовъ убійства Блока, еще болѣе подбодрили меня. Ну, точно ничего не произошло! Временами я даже упрекалъ себя въ такой безчувственности. Лишь изрѣдка засосетъ сердце, съ ужасомъ смотришь въ будущее, но это ощущеніе такъ мимолетно, что оно не отравляло самочувствія.

Милѣйшій Александръ Алексѣевичъ Павловъ, очевидно, сознавая тревожность моихъ переживаній, не оставлялъ меня ни на минуту, все время болталъ, острилъ. Онъ пріѣхалъ за мной въ губернаторскій домъ къ концу занятій и мы вмѣстѣ поѣхали домой.

Вечеромъ Павловъ потащилъ меня въ лѣтнее помѣщеніе коммерческаго клуба въ Струковомъ саду и мы сѣли на верандѣ

играть въ винтъ на самомъ виду у двигающейся по аллѣе сплошной толпы. Толпа эта, какъ я уже упоминалъ, была ужасно вульгарна: безконечныя черныя рубахи съ широкимъ поясомъ, ухарски развязныя дѣвицы, громкій разговоръ и хохотъ, раздаваемыя направо и налѣво толчки, въ видѣ миленькой шуточки, все это напоминало деревенское гулянье подвыпившихъ парней въ дни мѣстныхъ праздниковъ. Болѣе интеллигентная публика сюда, должно быть, не ходила.

Мы смотрѣли на эту толпу совершенно спокойно, даже пожалуй, съ нѣкоторымъ интересомъ. Вѣдь это была публика всякихъ митинговъ и уличныхъ демонстрацій. Вѣроятно, среди нея было не мало дѣятелей революціи, своими дѣяніями уже заслуживших каторгу, если не смертную казнь.

На верандѣ стояло много карточныхъ столиковъ, такъ что мы нисколько не выдѣлялись и на насъ никто не обращалъ вниманія. Лишь при нашемъ появленіи, когда пришлось со всѣми здороваться, произошло нѣкоторое не совсѣмъ обычное движеніе.

Послѣ картъ мы сѣли ужинать, а потомъ вмѣстѣ съ Алабинымъ спустились къ Волгѣ, сѣли тамъ на скамейкахъ надъ самой водой и любовались суетой на рѣкѣ.

На завтра предстояло отпѣваніе тѣла Ивана Львовича въ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ, а послѣ слѣдованіе на желѣзную дорогу для погребенія по желанію семьи въ г. Уфѣ.

Наканунѣ я сдѣлалъ распоряженіе выставить по пути кортежа войска. Впереди процессіи должна была слѣдовать коннымъ строемъ полицейская стража. Одна казачья сотня была распредѣлена небольшими отрядами преимущественно на перекресткахъ улицъ, а вторая на всякій случай поставлена на дворѣ полицейской части въ полномъ вооруженіи, совсѣмъ готовая къ дѣйствію. Унтеръ-офицеры жандармскаго управленія разставлены по перекресткамъ.

Архіереемъ въ это время въ Самарѣ состоялъ преосвященный Константинъ, нынѣ епископъ могилевскій. Это былъ еще молодой человѣкъ, чрезвычайно симпатичной наружности, очень хорошій сердечный человѣкъ. Жилъ онъ со своею старушкой-матерью, которую я тоже зналъ. Преосвященный отличался необыкновенной простотой и доступностью. По убѣжденіямъ своимъ онъ былъ твердый сторонникъ порядка, но никакой страстности и боевого задору въ немъ не было. Служилъ онъ просто, безъ всякой театральности, но проникновенно. Я съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю свое мимолетное знакомство съ этимъ пастыремъ.

А. А. Павловъ уѣзжалъ изъ Самары въ Пензу рано утромъ въ день похоронъ.

Одѣвшись въ мундиръ, я пришелъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ своимъ въ губернаторскій домъ.

Александръ Алексѣевичъ, со смѣющимися глазами, простился со мной, перекрестилъ меня и выпалилъ:

— Ну, прощай. Тебя, вѣроятно, сегодня убьютъ, а потому мы больше не увидимся.

Онъ хорошо зналъ, какъ дѣйствуютъ на меня его выходки. Чувствуя, что я волнуюсь, не могу отдѣлаться отъ мысли объ опасности, онъ и пустилъ такую буффонаду, которая заставила меня расхохотаться.

Пріѣхалъ я въ губернаторскій домъ передъ самымъ выносомъ Здѣсь уже собрались всѣ власти, представители общества и города. Улицы были запружены народомъ. Я думаю стояло вдоль шествія не менѣе 100 тысячъ человѣкъ.

Было яркое солнечное утро; несмотря на ранній часъ, стояла обжигающая жара, на солнцѣ не меньше 40 градусовъ.

Гробъ поставили на колесницу и процессія двинулась. Впереди всѣхъ ѣхалъ верхомъ генералъ Сташевскій со своей неразлучной казацкой нагайкой въ рукѣ, сзади него отрядъ стражи, а потомъ процессія. Я шелъ за гробомъ вмѣстѣ съ семьею Блока.

Отъ губернаторскаго дома до собора нужно было пройти около 3 верстъ.

Когда процессія была близь площади, гдѣ памятникъ Александру II, она проходила мимо строющагося съ правой стороны каменнаго дома, покрытаго лѣсами. Всѣ площадки лѣсовъ были наполнены сплошной стѣной зрителей. Только что колесница поравнялась съ домомъ, одна изъ досокъ подмостокъ не выдержала тяжести и съ трескомъ сломалась. Вся окружающая толпа громко ахнула и процессія на секунду остановилась. Генералъ Сташевскій, бывшій уже на площади, быстро повернулъ лошадь и подскакалъ къ колесницѣ, полагая, вѣроятно, что что-то необыкновенное случилось. Къ счастью, зрители на лѣсахъ не пострадали и все обошлось благополучно.

Этотъ громкій «ахъ!» толпы до сихъ поръ стоитъ у меня въ ушахъ. Очевидно, всѣ участники и зрители церемоніи присутствовали на ней съ взвинченными нервами, съ затаеннымъ острымъ безпокойствомъ въ душѣ. Это было то настроеніе, которое при самомъ ничтожномъ поводѣ готово повести за собой безумную панику.

У всѣхъ еще было въ памяти севастопольское преступленіе. когда при выходѣ изъ собора революціонеры бросили бомбу, разорвавшую 100 человѣкъ. Каждый про себя думалъ, что сегодняшній день, можетъ быть, кончится также, и все-таки это опасеніе никого не удержало отъ соблазна посмотрѣть процессію.

Я забылъ сказать, что когда колесница, поравнялась съ мѣстомъ убіенія, процессія остановилась, чтобы отслужить литію.

Дѣти Блока стали на колѣни у оставленнаго его кровью пятна на мостовой, припали къ нему лицомъ и горько стали плакать. Всѣ видѣвшіе эту тяжелую сцену были глубоко потрясены и не могли удержать слезъ.

Конечно, и этотъ случай сыгралъ не послѣднюю роль въ истерическомъ вскрикѣ толпы при сломавшихся лѣсахъ.

Когда мы вступили на Дворянскую улицу, асфальтъ отъ жары размягчился и нога въ немъ утопала; просто было мученіе идти, точно ходишь по раскаленной плитѣ.

Наконецъ, послѣ часового шествія подошли мы къ собору.

Пока отвязывали гробъ отъ катафалка, я поднялся на первую площадку паперти и ожидалъ, чтобы принять гробъ на свои руки и внести въ церковь. Передо мной растилалось море людей съ обнаженными головами. Вдругъ я замѣтилъ въ толпѣ какое-то движенie, кто-то сквозь толпу пробирался по направленiю ко мнѣ. Опустивъ руку на браунингъ въ карманѣ, я сталъ смотрѣть. Кое-какъ изъ толпы выбился почталiонъ, подошелъ ко мнѣ и передалъ письмо.

На конвертѣ такая надпись: «крайне важное. Самарскому вице-губернатору въ собственныя руки. Доставить безъ малѣйшаго замедленiя». Очевидно общее тревожное состоянiе заставило обратить вниманiе на такую настойчивость корреспондента, а потому и письмо было доставлено столь необычнымъ способомъ—не по мѣсту моего жительства или службы, а прямо къ собору.

Вскрываю и читаю: «Вчера на томъ берегу Волги я совершенно случайно подслушалъ разговоръ, что сегодня во время погребальнаго шествiя съ тѣломъ губернатора будетъ брошена бомба. Умоляю васъ повѣрить этому письму и прiостановиться съ похоронами».

Тонъ письма мнѣ показался искреннимъ, такъ что я отбросилъ всякое предположенiе о мистификацiи и повѣрилъ въ правдивость сообщенiя. Но что-же однако дѣлать? Остановить перевозку тѣла на вокзалъ и оставить его на ночь въ соборѣ? Но, вѣдь, наступитъ-же когда-нибудь время его везти; не сегодня—такъ завтра, а все-таки перевезти придется. Сдѣлать перевозку ночью, украдкой — было, конечно, невозможно. Это значило-бы публично признаться, что власть боится революцiи и передъ ней спасовала. Это было-бы такимъ позоромъ, котораго мнѣ порядочные люди никогда-бы не простили. Да я и самъ былъ-бы не въ состоянiи его перенести. Оставалось, слѣдовательно, скрыть ото всѣхъ содержанiе письма и совершенно съ нимъ не считаться. А тамъ будь, что будетъ. Принять какiя-либо дополнительныя мѣры предосторожности было невозможно: на всѣхъ перекресткахъ и безъ того поставлены казаки и жандармскiе унтеръ-офицеры и каждый изъ нихъ изъ побужденiя личной безопасности, разумѣется, будетъ по возможности слѣдить за появленiемъ подозрительныхъ лицъ и въ случаѣ чего не допустить до совершенiя преступленiя. Вѣдь, бросанiе бомбы третьяго дня у всѣхъ еще передъ глазами и каждый склоненъ ожидать повторенiя именно чего-нибудь въ этомъ родѣ и будетъ, разумѣется, начеку. Правда соображенiя эти мало давали увѣренности, но дѣлать было нечего.

Я такъ и рѣшилъ, письмо положилъ въ карманъ и никому не сказалъ ни слова. Кстати, едва-ли, кто-либо изъ провожавшихъ тѣло замѣтилъ необычное полученiе этого письма, всѣ такъ были заняты гробомъ.

Внесли гробъ въ соборъ, поставили на катафалкъ, обложили вѣнками.

Началась обѣдня. Я до такой степени былъ истомленъ жарой, такъ усталъ отъ этого часового перехода, что рѣшительно былъ не въ силахъ простоять всю длинную службу. А потому, улучивъ — моментъ, я незамѣтно вышелъ изъ собора и рѣшилъ пойти къ Ала-

бину, который жилъ тутъ не далеко напротивъ. Полицiймейстера я попросилъ дать мнѣ знать, когда обѣдня будетъ отходить.

Придя къ Алабину, котораго засталъ еще въ постели, я съ наслажденiемъ раздѣлся, перемѣнилъ все бѣлье и сталъ пить съ хозяиномъ чай. О письмѣ я ему, разумѣется, ничего не сказалъ.

Состоянiе блаженства чувствовать себя сухимъ и защищеннымъ отъ пекла было такъ велико, что я успѣшно отгонялъ отъ себя всякую мысль о томъ, что будетъ послѣ отпѣванiя.

Часа черезъ полтора, совершенно отдышавшись, я рѣшилъ отправиться въ соборъ, чтобы захватить хоть часть обѣдни. Семейство Блокъ могло замѣтить мое отсутствiе и приписать его равнодушiю къ ихъ горю. Дѣлать нечего, нужно идти опять на страду.

Я пришелъ, какъ помню, къ пѣнiю «Отче нашъ».

Послѣ обѣдни преосвященный сказалъ прочувствованное краткое слово. Началась торжественная панихида. Прекрасный архiерейскiй хоръ пѣлъ какъ-то особенно волнующе. Всѣ плакали, семья громко рыдала.

Но вотъ конченъ священный обрядъ. Епископъ переодѣлся проводить тѣло до паперти, провожающее духовенство съ пѣвчими вышло изъ собора, мы всѣ вынесли гробъ и передали его для установки на колесницу.

Войска, занимавшiя улицы отъ губернаторскаго дома до собора, перешли на новыя мѣста, такъ что растянулись почти до самой товарной станцiи. Народу, кажется, прибыло еще больше и онъ стоялъ сплошной стѣной за войсками по обѣимъ сторонамъ улицы.

Процессiя двинулась. Я иду у гроба сбоку, стараясь быть какъ можно дальше отъ семьи Блока. Вѣдь, Богъ-же знаетъ, что будетъ. Все-таки я, вѣроятно, представляю собою болѣе желанную цѣль революцiонерамъ, чѣмъ ставшая частными людьми семья губернатора, такъ что, нужно думать, бомбу бросятъ въ меня; чѣмъ больше будетъ между нами разстоянiе, тѣмъ для семьи безопаснѣе.

Мнѣ все казалось, что покушенiе будетъ произведено гдѣ-либо на перекресткѣ улицъ. Вѣдь тутъ все-таки былъ маленькiй шансъ для преступника въ суматохѣ скрыться.

Какъ подходимъ къ перекрестку, я пытливо всматриваюсь въ лица публики, стараясь угадать бомбометателя. Противуположная сторона мнѣ не видна, а потому я прибавляю шагу и смотрю черезъ промежутокъ между колесницей и лошадьми.

Проходимъ одинъ перекрестокъ, другой, третiй, доходимъ до товарной станцiи, входимъ въ ворота товарнаго двора, куда народъ не пускаютъ, и сразу становится легче. Ну, слава Богу, ничего пока не случилось. На платформѣ у вагона отслужили литiю и вагонъ опломбировали.

Семья и провожающiе размѣщаются въ экипажахъ и уѣзжаютъ. Мой извозчикъ тоже тутъ стоитъ. Тогда я рѣшаюсь на нѣкоторую хитрость, чтобы избѣжать обратнаго проѣзда тѣмъ-же путемъ. Прошу полицiймейстера провести меня на пассажирскую станцiю подъ предлогомъ, что мнѣ страшно хочется ѣсть, извозчика своего отпускаю домой.

Въ буфетѣ мы выпили съ полицiймейстеромъ по рюмкѣ водки, чѣмъ-то закусили и оба радостные, что избѣжали опасности для

меня казавшейся неизбѣжной, а для него—предполагаемой, поѣхали домой, каждый въ свою сторону. Полиціймейстеръ хотѣлъ-было меня провожать, но я рѣшительно отъ этого отказался.

Я велѣлъ ѣхать извозчику не обычной дорогой, а мы свернули въ бокъ, проѣхали около какого-то сада и дальше по улицѣ, не такъ далеко отъ моей Воскресенской.

Домой я пріѣхалъ благополучно, тотчасъ-же приказалъ приготовить себѣ холодную ванну и просидѣлъ въ ней часа два.

Освѣжившись, я пообѣдалъ и сейчасъ-же легъ спать, проспавъ до утра.

На другой день при утреннемъ рапортѣ полиціймейстеръ доложилъ, что вчера поздно вечеромъ въ уединенной аллеѣ Струковскаго сада нашли застрѣлившагося молодого человѣка. Какихъ-либо данныхъ, указывавшихъ на то, кто онъ и что послужило причиной смерти, при немъ не найдено. Я далъ полиціймейстеру прочитать полученное мною вчера у собора письмо и разсказалъ, какъ оно было вручено. Мы оба, не сговариваясь, пришли къ заключенію, что это самоубійство находится въ связи съ письмомъ.

Я чувствовалъ нервами, что самоубійца долженъ былъ по рѣшенію революціоннаго комитета бросить вчера бомбу. Онъ, можетъ быть, и былъ съ этой цѣлью въ толпѣ. Но когда увидѣлъ, что взрывъ перебьетъ сотни людей, изъ которыхъ большинство не имѣло никакого отношенія къ «преступному» правительству, у него не хватило духу совершить такое звѣрское преступленіе. Съ виду самоубійца былъ русскій человѣкъ, а потому его сердце не устояло и спасовало Ну, а разъ онъ не выполнилъ вердикта революціонеровъ, то, конечно, судьба его уже была рѣшена.

Вѣдь бунтъ никогда не прощаетъ такихъ ослушаній. Вотъ онъ и предпочелъ лично съ собою покончить.

Я долго хранилъ это письмо, какъ воспоминаніе о чрезвычайно тяжеломъ эпизодѣ моей жизни. Но, когда сталъ во главѣ Самарскаго губернскаго жандармскаго управленія, талантливый полковникъ Бобровъ, сразу принявшійся разматывать въ сущности, какъ оказалось, совсѣмъ несложный клубокъ революціонныхъ преступленій, я отдалъ его ему въ цѣляхъ выясненія личности самоубійцы и его роли въ этомъ дѣлѣ. Полковникъ мнѣ говорилъ потомъ уже въ Пензѣ, что я угадалъ эту роль совершенно вѣрно.

Семья Блока уже собралась совсѣмъ уѣзжать, какъ слѣдователю сталъ извѣстнымъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто за три дня до убійства губернатора.

Какъ-то утромъ M-me Блокъ, выйдя изъ своей спальни въ полутемный корридоръ, соединяющій жилыя комнаты губернаторскаго дома, наткнулись тамъ на какого-то молодого человѣка, очевидно вошедшаго сюда со двора чернымъ ходомъ. Человѣкъ этотъ оглядывался во всѣ стороны, точно стараясь оріентироваться.

— Что вы тутъ дѣлаете, что вамъ нужно?—спросила она.

— Мнѣ нужно управленіе желѣзной дороги,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Какое тамъ управленіе желѣзной дороги, тутъ губернаторскій домъ. Какъ это вы лѣзете, не спросясь? — говоритъ M-me Блокъ.

Молодой человѣкъ все продолжалъ осматриваться и не думалъ уходить. M-me Блокъ подошла къ звонку и позвонила. Тогда тотъ нехотя повернулся, вышелъ и пошелъ черезъ дворъ къ подъѣзду къ губернатору на пріемъ. Уже объ управленіи дороги рѣчи не было. Въ этотъ день случайно пріема не было.

Этотъ случай вспомнился M-me Блокъ, послѣ совершенія убійства мужа и ей показалось, что онъ имѣетъ связь съ дѣломъ.

Слѣдственныя власти нашли необходимымъ дать очную ставку г-жѣ Блокъ и убійцѣ. Я ни за что не соглашался выводить послѣдняго изъ тюрьмы, а потому мы просили г-жу Блокъ съѣздить въ тюрьму и посмотрѣть тамъ преступника.

Какъ и слѣдовало ожидать, преступникъ и молодой человѣкъ, приходившій въ домъ, оказались однимъ и тѣмъ - же лицомъ. Онъ признался, что приходилъ въ домъ застрѣлить губернатора изъ револьвера. Ему былъ данъ подробный планъ дома и указана спальня Ивана Львовича. Совершенно случайно, какъ видите, покушеніе это не удалось. Тогда-то и было рѣшено бросить бомбу.

M-me Блокъ спросила убійцу:

— За что вы убили моего мужа?

Тотъ сталъ горько плакать и всхлипывая проговорилъ:

— На меня палъ жребій. Еслибъ я не убилъ вашего мужа, то партія меня самого убила-бы. Выбора не было.

Когда его судили, онъ совершенно иначе держался: задрапировался въ тогу героя, жертвовавшаго жизнью во имя блага народа.

Военный судъ присудилъ его къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Какъ я слышалъ, изъ очень достовѣрнаго источника, ему не была назначена смертная казнь потому, что было извѣстно, что командующій войсками все равно казнь замѣнитъ. Вѣроятно, этотъ убійца теперь уже бѣжалъ съ каторги и гдѣ-нибудь за границей наслаждается жизнью и своимъ ореоломъ «героя».

И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія, я управляю губерніей вполнѣ самостоятельно. Сколько радости и удовлетворенной гордости принесло-бы мнѣ это въ иныя спокойныя времена.

Конечно, и тогда была бы нѣкоторая доля сомнѣнія въ своихъ силахъ справиться съ этой задачей, какъ это бываетъ со мною всегда, когда начинаешь дѣлать неиспытанное, новое дѣло.

Но эти сомнѣнія давали-бы лишь минутныя тревоги, которыя сейчасъ-же бы разсѣявались и совершенно тускнѣли подъ напоромъ радостныхъ ощущеній удовлетвореннаго самолюбія.

Совершенно не то было теперь. Управленіе Самарскою губерніей въ моемъ сознаніи было все время тяжкимъ, угнетающимъ бременемъ. Я, человѣкъ вообще жизнерадостный, до сихъ поръ умѣлъ находить въ себѣ утѣшающія мысли, твердую надежду на благополучный исходъ въ самыхъ трудныхъ минутахъ своей жизни.

А когда такой надежды не было, я старался мысленно разувѣрить себя, что даже въ худшемъ случаѣ ничего въ сущности катастрофическаго не произойдетъ и все-таки можно будетъ жить ужъ не такъ плохо. Теперь эта способность подбадривать себя какъ-то совершенно меня оставила. Мнѣ все казалось такимъ сѣрымъ, безнадежнымъ, унылымъ. Мнѣ было 47 лѣтъ, физически я былъ совершенно здоровъ и это отсутствіе жизнерадостности было тѣмъ не

выносимѣе, чѣмъ меньше его было въ предшествовавшей моей жизни. Чувство страха находило на меня иногда, но даже оно казалось лучше унылаго равнодушія; все-таки это чувство волновало, заставляло съ собою бороться. Да я и нашелъ скоро вполнѣ дѣйствительное средство для безошибочнаго его подавленія.

Когда ужасъ мною овладѣлъ и воображеніе видѣло опасность даже тамъ, гдѣ ея быть не могло, я заставлялъ себя надѣвать форменное платье, отправлялся пѣшкомъ гулять въ самыя людныя мѣста, заранѣе назначая себѣ мѣсто, до котораго я непремѣнно дойду. Въ тѣ времена такія прогулки губернатора были дѣйствительно величайшей неосторожностью, такъ какъ за ними все время охотились.

Какъ теперь помню такой смѣшной случай. Гуляю я по Дворянской улицѣ, конечно, всматриваясь невольно во всѣ мелочи и отыскивая въ нихъ опасность, и вдругъ вижу на меня летитъ какой-то велосипедистъ въ черной рубахѣ, держа на рулѣ велосипеда круглый, завернутый въ бумагу свертокъ. Тротуаръ былъ обсаженъ деревцами, защищенными высоко стоящими оплетенными кольями. Ну, думаю, пришелъ мой смертный часъ. Судорожно сжимаю браунингъ, но иду съ виду спокойно, не измѣняя аллюра. Внутри все похолодѣло. Велосипедистъ подъѣхалъ къ деревцу, соскочилъ близъ меня на тротуаръ, положилъ на землю свертокъ и сталъ осматривать свой прислоненный къ кольямъ велосипедъ, вѣрно, что-нибудь испортилось. Долженъ признаться, къ стыду своему, что такіе случаи смертельнаго перепуга случались со мной не разъ. Ужъ, должно быть, очень я изнервничался. Приходишь благополучно домой, послѣ такой прогулки—и страха какъ не бывало.

Я постоянно прибѣгалъ къ этому способу и здѣсь, и въ Пензѣ къ великому неудовольствію полиціймейстера и жандармскихъ властей.

Первая задача, которую, казалось мнѣ, необходимо было разрѣшить, во что бы то ни стало безъ всякаго промедленія,—это прекращеніе творящихся на симбирскомъ берегу Волги безобразій.

Вѣдь нельзя-же было болѣе терпѣть этихъ открытыхъ митинговъ, пробы бомбъ и т. п. Я приказалъ заготовить бумагу Симбирскому губернатору въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не препятствовалъ самарской полиціи имѣть тамъ за порядкомъ наблюденіе и принимать нужныя мѣры. Я еще не подписалъ этой бумаги, какъ полиціймейстеръ мнѣ доложилъ, что въ настоящій моментъ симбирскій губернаторъ находится въ Самарѣ на пароходѣ. Я рѣшилъ тогда лично съ нимъ повидаться и обо всемъ условиться.

Симбирскимъ губернаторомъ въ это время былъ К. С. Старынкевичъ.

Съ этимъ человѣкомъ судьба меня нѣсколько разъ сталкивала очень для меня памятно. Неговоря уже о томъ, что къ отцу его генералу Сократу Старынкевичу, когда онъ былъ президентомъ города Варшавы, у меня было рекомендательное письмо отъ общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, съ Константиномъ Сократовичемъ я поступилъ въ одинъ годъ въ академію генеральнаго штаба. Онъ былъ въ это время офицеромъ гвардейской конной артиллеріи, уже окончившимъ артиллерійскую академію.

Пробылъ онъ со мною въ академіи годъ и при переходѣ на старшій курсъ ушелъ. Мы весьма мало были знакомы, зная только свои фамиліи. Лѣтъ черезъ десять мы встрѣтились въ обстановкѣ не совсѣмъ обыкновенной. Я уже говорилъ, что кустари моего земскаго участка получили при моемъ посредствѣ подрядъ на ложевыя болванки Тульскому оружейному заводу. Во время перевооруженія арміи новыми ружьями меня, какъ представителя кустарей, принимали съ распростертыми объятіями и дѣлали намъ всяческія льготы. Такъ мы работали лѣтъ 5. По окончаніи перевооруженія нужда въ насъ прошла и пріемщики стали относиться къ поставляемому нами матеріалу предирчиво строго, безцеремонно переходя требованія кондицій. Въ одно прекрасное утро они набраковали на 20 слишкомъ тысячъ рублей, что для меня, какъ отвѣтчика за оборотныя средства изъ Государственнаго Банка, представляло положительное разореніе. Дѣло это, какъ опытъ болѣе или менѣе раціональной постановки труда кустарей, было извѣстно Министерству Земледѣлія и въ частности кустарному комитету. Конечно, въ своихъ жалобахъ на Тульскій заводъ, я искалъ заступничества и этого комитета, такъ что приключившаяся съ нами, вѣрнѣе со мной лично, бѣда получила огласку. Членъ Государственнаго Совѣта Ѳ. Г. Тернеръ, знакомый и ранѣе съ моей работой въ области мелкаго кредита и помощи кустарямъ, написалъ мнѣ какъ-то письмо, что онъ слышалъ отъ артиллерійскаго генерала о крушеніи нашей поставки вслѣдствіе недоброкачественности матеріала и просилъ подробно ему написать, какъ было дѣло. Я съ радостью, конечно, исполнилъ это желаніе и съ полной откровенностью изложилъ ему все дѣло, подробно коснувшись бытовой стороны казенныхъ поставокъ въ Тульскомъ заводѣ и допущенныхъ въ отношеніи насъ неправильностей.

Я тогда былъ чрезвычайно раздраженъ этой исторіей, а потому въ выраженіяхъ своихъ былъ очень опредѣлененъ. Описанные мною порядки возмутили Ѳедора Густавовича и онъ, желая мнѣ помочь, взялъ и передалъ мое письмо генералъ-адъютанту Гессе, прося его подѣйствовать на военное начальство для производства безпристрастнаго разслѣдованія. Гессе передалъ письмо генералу Куропаткину, которому я самъ ранѣе того уже жаловался и онъ обѣщалъ мнѣ назначить разслѣдованіе. Письмо это очень не понравилось Куропаткину и онъ усмотрѣлъ въ немъ оскорбленіе артиллерійскаго вѣдомства съ моей стороны и личное, какъ-бы, недовѣріе къ данному имъ мнѣ обѣщанію. Я ничего не зналъ о передачѣ этого письма до самаго начала разслѣдованія и никакъ не подозрѣвалъ, что оно находится въ рукахъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Разслѣдованіе было поставлено дѣйствительно чрезвычайно. Во главѣ Слѣдственной Комиссіи былъ назначенъ Генералъ Аникѣевъ, предсѣдатель Московскаго Военно-Окружнаго Суда; въ составъ его вошли: помощникъ военнаго прокурора Римскій-Корсаковъ, нынѣшній директоръ 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, представитель государственнаго контроля, кажется, Г. Скипетровъ, представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ штабъ-офицеръ при Министрѣ полковникъ К. С. Старынкевичъ, артиллерійскій генералъ Коробковъ и два техника-офицера отъ Главнаго Артиллерійскаго Упра-

вленія. Какъ видите, дѣло было поставлено серьезно и дѣйствительно со всѣми гарантіями на безпристрастность. Слѣдственной комиссіи было предписано допустить меня присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. Я чрезвычайно былъ счастливъ такимъ оборотомъ и надѣялся установить всю правду. Пріѣхалъ я въ Тулу по вызову комиссіи и пробылъ тамъ около мѣсяца, участвуя во всѣхъ допросахъ, осмотрахъ, экспертизахъ.

Когда началось разслѣдованіе и комиссія пожелала выслушать меня въ первую очередь, я узналъ, что въ ея рукахъ мое письмо къ Ѳ. Г. Тернеру. Я заявилъ протестъ противъ включенія этого письма въ производство, такъ какъ это было частное письмо, вовсе не предназначенное для оглашенія и оно передано комиссіи безъ моего вѣдома.

Генералъ Коробковъ, державшій себя открыто враждебно въ отношеніи меня, заявилъ, что письмо изъ дѣла исключено не будетъ, что цѣль своего присутствія въ комиссіи онъ видитъ главнымъ образомъ въ оправданіи артиллерійскаго вѣдомства отъ брошенныхъ ему мною обвиненій, и если я не докажу своихъ обвиненій, то въ отношеніи меня будетъ возбуждено уголовное преслѣдованіе.

Однако, письмо это было изъ Петербурга затребовано обратно.

Артиллерійскіе техники смотрѣли на дѣло, видимо, также какъ и Коробковъ.

Старынкевичъ, тогда полковникъ артиллеріи, встрѣтился со мной вполнѣ корректно, какъ знакомый человѣкъ. Хотя онъ не высказывался, но все время держался группы артиллеристовъ и только съ ними дѣлился въ полголоса впечатлѣніями, такъ что, казалось мнѣ, симпатіи его были не на моей сторонѣ.

Слѣдствіе это дало весьма любопытный матеріалъ. Каково было заключеніе комиссіи—я не знаю, не рѣшался спросить у членовъ. Экспертизу производили артиллеристы, но такъ неправильно, что я подалъ въ Главное Военно-Судное Управленіе цѣлую записку съ возраженіями. Въ концѣ концовъ, дѣло было направлено къ производству слѣдствія, а затѣмъ какимъ-то распоряженіемъ, мнѣ неизвѣстнымъ, было прекращено, хотя я на слѣдствіе пріѣзжалъ и слѣдователь полковникъ Востросаблинъ, даже снялъ съ меня показаніе. Я нашелъ позднее года черезъ два почти полное удовлетвореніе нанесенной мнѣ обиды черезъ Комиссію Прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Эта исторія, тянувшаяся года 4, очень потрепала мои нервы. Я съ глубочайшею благодарностью вспоминаю благородное поведеніе въ этомъ дѣлѣ генерала Аникѣева, г. Скипетрева и особенно г. Римскаго-Корсакова.

Каково было заключеніе Старынкевича, представленное Министру Внутреннихъ Дѣлъ—я не знаю. Министерство не написало мнѣ объ этомъ ни одного слова. Но черезъ свояка Старынкевича, нашего новгородскаго помѣщика, я слышалъ, что оно было не въ мою пользу.

У меня не осталось ни малѣйшей тѣни укора въ отношеніи его и мы снова встрѣтились на пароходѣ въ Самарѣ вполнѣ прилично, какъ люди давно другъ друга знающіе.

Старынкевичъ съ удовольствіемъ согласился на мою просьбу, просилъ берегъ Симбирскій считать въ вѣдѣніи Самарской полиціи и обѣщалъ написать о томъ своему исправнику сейчасъ-же по возвращеніи въ Симбирскъ.

Тутъ будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей трагической судьбѣ Константина Сократовича.

Вскорѣ послѣ убійства Блока, въ іюлѣ или первыхъ числахъ августа получена была мною телеграмма, что при выходѣ К. С. Старынкевича изъ губернаторскаго дома, чтобы идти въ Губернское Присутствіе, тутъ-же поблизости помѣщающееся, въ него была брошена у самаго подъѣзда бомба. Старынкевичъ упалъ и былъ перенесенъ въ домъ выбѣжавшими людьми. Его на носилкахъ поставили въ залѣ и тутъ-же доктора должны были осмотрѣть раны и сдѣлать перевязки. Носилки стояли подъ самой почти люстрой. Вѣроятно, отъ сотрясенія при взрывѣ, болтъ, на которомъ висѣла люстра, расшатался, выпалъ и люстра упала на полъ, на какой-нибудь, какъ мнѣ разсказывалъ Н. П. Алферьевъ, свидѣтель всего происшедшаго, вершокъ отъ носилокъ. Такъ что бѣдный Константинъ Сократовичъ чуть вторично не пострадалъ.

Осмотръ не установилъ смертельныхъ пораненій, было лишь число ихъ очень велико, болѣе 100, такъ, что врачи надѣялись, что жизнь будетъ сохранена. Такое утѣшительное извѣстіе я получилъ по телеграфу и сейчасъ-же послалъ поздравительную телеграмму. На другое утро получилъ опять телеграмму, что вслѣдствіе загрязненія ранъ произошло зараженіе крови и Старынкевичъ скончался.

Около того-же времени на казанскаго вице-губернатора Кобеко, управлявшаго губерніей въ отсутствіе губернатора, было тоже произведено покушеніе. Когда онъ проѣзжалъ близъ городской управы, какой-то человѣкъ бросилъ съ тротуара бомбу, послѣдовалъ взрывъ. Къ счастью, Кобеко отдѣлался лишь легкой ссадиной.

Выходило, что угрозы поволжскаго революціоннаго комитета не были пустыми словами и онъ находилъ, значитъ, фанатиковъ, ему слѣпо повиновавшихся и рисковавшихъ своей головой. А главное, что во многихъ случаяхъ эти убійцы ускользали изъ рукъ правосудія.

Все это, разумѣется, удручающе вліяло на общее настроеніе и безъ того не изъ радостныхъ. О самочувствіи губернаторовъ ужъ не приходится и говорить.

Получивъ согласіе Старынкевича, я приказалъ сотнѣ казаковъ ночью наканунѣ ближайшаго праздника окольными путями незамѣтно переправиться на тотъ берегъ, стать въ кустахъ и при производствѣ митинга разогнать его и арестовать ораторовъ.

Дѣйствительно, часовъ около 11 дня, многочисленныя лодки стали отваливать отъ Самары, подняли на серединѣ рѣки красные флаги, запѣли революціонныя пѣсни и стали высаживать публику на тотъ берегъ. Кто-то изъ первыхъ прибывшихъ случайно наткнулся на засаду казаковъ и съ крикомъ «казаки, казаки!» побѣжалъ къ берегу. Вся эта публика въ страхѣ бросилась въ лодки и поплыла обратно въ Самару. На серединѣ рѣки устроили совѣщаніе, на которомъ было рѣшено высадиться въ городѣ и отъ рѣки двинуться демонстраціей съ флагами и пѣніемъ. На берегъ мною

послана была рота резервнаго баталіона, а вслѣдъ за нею двинута туда и вторая сотня казаковъ.

Когда демонстранты высадились и стали образовывать колонну для шествія, они не обращали никакого вниманія на присутствіе поблизости роты и посылали по адресу ея ругательства, остававшіяся безъ всякаго отвѣта. Вѣроятно, взвинченная такой безнаказанностью, толпа не только не испугалась приближающихся казаковъ, а стала посылать и имъ сначала ругательства, а затѣмъ полетѣли и камни. Полиція поручила казакамъ—возстановить порядокъ и вотъ они понеслись на толпу маршъ-маршемъ съ поднятыми нагайками. Толпа съ воплемъ устремилась къ Струковскому саду, разгорѣвшіеся казаки за ней и преслѣдовали бѣгущихъ по аллеямъ, пока толпа не разсѣялась.

Убитыхъ и раненыхъ не оказалось, но многіе серьезно почувствовали удары казацкой нагайки.

На другой день были расклеены прокламаціи о присужденіи меня поволжскимъ комитетомъ къ смертной казни.

Не могу сказать, чтобы эти прокламаціи внесли въ мое существованіе еще больше горечи. Я былъ ко всему въ это время глубоко равнодушенъ и какъ-то спокойно сравнительно думалъ объ опасности, утѣшая себя лишь вѣрой въ предопредѣленіе.

Конечно, нѣкоторыя мѣры предосторожности были приняты. Такъ по пути моихъ выѣздовъ, о которыхъ я давалъ знать черезъ полиціймейстера, жандармами ставилось наблюденіе переодѣтыхъ агентовъ. Но вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что эта мѣра имѣла значеніе лишь въ смыслѣ психологическомъ, что-ли. Революціонеры, зная о постановкѣ наблюденія не смѣли нахальничать. Но усыпить бдительность этого наблюденія рѣшительно ничего не стоило.

А убѣдился въ этомъ я вотъ какъ. Въ Самару былъ назначенъ земскимъ начальникомъ одинъ изъ исправниковъ Новгородской губерніи, котораго я немного зналъ и раньше. Въ пріемные часы онъ представлялся мнѣ въ кабинетѣ губернатора и я просилъ его ко мнѣ заходить. Черезъ нѣсколько времени послѣ его ухода вызываетъ меня телефонъ. Оказывается со мною говоритъ изъ квартиры мой сынъ—кадетъ, гостившій у меня въ это время. Вотъ что онъ передалъ: только, что былъ у насъ этотъ земскій начальникъ и разсказалъ сыну, не желая меня лично волновать, что сегодня утромъ, когда онъ ѣхалъ представляться въ губернаторскій домъ, извозчикъ говорилъ ему, что какіе-то трое людей, восточнаго типа, нанимали его слѣдовать не отставая за мной, какъ только я выйду изъ квартиры и поѣду на пріемъ.

Земскому начальнику показалось это по настоящему времени очень подозрительнымъ и онъ счелъ долгомъ предупредить. Я вызвалъ по телефону полиціймейстера и только что сталъ ему разсказывать объ этомъ случаѣ, какъ онъ меня перебилъ, говоря, что уже все знаетъ и принимаетъ надлежащія мѣры, но проситъ меня не выходить изъ губернаторскаго дома до его пріѣзда.

Примѣрно въ три часа полиціймейстеръ пріѣхалъ и доложилъ, что трое неизвѣстныхъ остановились въ одной изъ гостиницъ на площади, гдѣ памятникъ Александра II, что за ними поставлено

наблюденіе и каждый ихъ шагъ будетъ извѣстенъ и что я могу теперь ѣхать.

Сынъ мой былъ очень перепуганъ этимъ страннымъ случаемъ, но узнавъ объ установленіи наблюденія, успокоился.

Вечеромъ является полиціймейстеръ и сконфуженно докладываетъ, что эти три типа изъ гостиницы безслѣдно изчезли и наблюденіе ихъ прозѣвало.

Можно было предполагать, что эти господа, замѣтивъ, что за ними наблюдаютъ, поторопились убраться изъ Самары, хотя разумѣется, нельзя было поручиться и за то, что они не скрываются гдѣ-либо въ городѣ, выжидая подходящаго случая.

Какъ-бы то ни было, нѣсколько дней подрядъ, выходя изъ квартиры, я все тревожно искалъ глазами на улицахъ людей восточнаго типа и, когда попадались таковые, чувствовалъ себя отвратительно на краю серьезной опасности.

Возившій меня извозчикъ тоже должно быть былъ непокоенъ. Какъ молчаливый человѣкъ, онъ ничего не говорилъ, я самъ объ опасности не заводилъ разговора; но вотъ однажды, подвезя къ моей квартирѣ съ Саратовской улицы онъ спросилъ:

— Вы ничего не замѣтили, ваше превосходительство?

На отрицательный отвѣтъ мой, продолжалъ:

— Когда мы подъѣзжали къ Воскресенской улицѣ, я видѣлъ, какъ стоящій на углу молодой человѣкъ вдругъ сошелъ съ тротуара и наперерѣзъ, скоро направился на насъ. Я такъ и похолодѣлъ, думая, что вотъ онъ сейчасъ броситъ бомбу. Но, пропустивъ насъ мимо себя, онъ перешелъ на другую сторону и вошелъ въ одинъ изъ домовъ.

Очевидно, бѣдный извозчикъ еще былъ подъ впечатлѣніемъ способа убійства Блока и должно быть опасался участи губернаторскаго кучера. Я спросилъ его, можетъ быть, онъ боится меня возить, такъ я его отпущу, но онъ поспѣшно сталъ меня увѣрять въ противномъ и виновато извинялся, что не промолчалъ объ этомъ пустомъ случаѣ.

Изъ губерніи почти ежедневно получались извѣстія то о поджогѣ экономическихъ строеній, то объ увозѣ съ поля сжатаго хлѣба и другихъ насиліяхъ. Въ имѣніи графини Вѣры Львовны Толстой, въ одну ночь безнаказанно срубили молодой фруктовый садъ. Я теперь не увѣренъ, что это было именно въ ея усадьбѣ, но самый случай такого варварства помню точно.

Митинги прекратились въ городѣ и революціонеры собирались въ укромныхъ мѣстахъ далеко отъ города, постоянно мѣняя мѣсто сборища. Все-таки это былъ нѣкоторый успѣхъ администраціи, хотя и не очень блестящій.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Читатель, можетъ быть замѣтилъ, что говоря объ отдѣльныхъ революціонныхъ безпорядкахъ, я часто не упоминаю, что было сдѣлано съ виновниками ихъ возникновенія. Это потому, что въ то время находились виновники лишь въ видѣ исключенія, по своей личной опрометчивости, или по черезчуръ ужъ большой смѣлости сами дававшіеся въ руки властей. Остальные ускользали и тщательно укрывались не только единомышленниками, но и мирнымъ населеніемъ вплоть до ослабленія самого движенія и появленія во главѣ жандармской полиціи полковника Боброва. Послѣдній постепенно сталъ открывать эти преступленія и большинство ихъ удалось ему все-таки выяснить, хотя и поздно. Но это случилось уже тогда, когда я былъ въ Пензѣ, а потому я не быль въ курсѣ дѣла.

Недѣли черезъ двѣ послѣ убійства Блока, Самара была потрясена необычайно дерзкимъ покушеніемъ.

Какъ я уже говорилъ, по словамъ И. Л. Блока, жандармская полиція въ Самарѣ была поставлена тогда крайне неудовлетворительно. Она тратила большія деньги на розыскную часть, все вела надъ революціонерами такъ называемое наблюденіе, т. е. тайно за ними слѣдила, но матеріаловъ, сколько-нибудь достаточныхъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія не добывала.

Самые тяжкія преступленія оставались не только не открытыми, но жандармы даже не имѣли сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній, гдѣ слѣдовало искать виновныхъ.

Но тѣмъ не менѣе это была все-таки жандармская полиція, т. е. учрежденіе, особенно остро ненавидимое всѣми политическими заговорщиками и преступниками.

Самарское Губернское Жандармское Управленіе помѣщалось, тогда въ наемномъ двухэтажномъ домѣ на Саратовской улицѣ.

Въ нижнемъ этажѣ была квартира жандармскаго Генерала, Начальника Управленія, а самое Управленіе помѣщалось на верху.

Чтобы попасть туда со двора нужно было пройти два марша лѣстницы, повернуть въ длинный корридоръ и уже изъ середины этого коридора вела дверь въ Управленіе. Когда вы туда входите, то за прихожей помѣщалась канцелярія, гдѣ занимались 5 человѣкъ унтеръ-офицеровъ, и за канцеляріей—кабинетъ адъютанта.

Передъ Жандармскимъ Управленіемъ—постоянный полицейскій постъ.

Около 2 часовъ дня входитъ въ Управленіе какой-то молодой человѣкъ, направляется въ канцелярію и съ порога бросаетъ, что-то бѣлое съ дымящимся проводомъ. Пока пять человѣкъ унтеръ-офицеровъ приковались взглядомъ въ какомъ-то столбнякѣ къ этому ужасному предмету, молодой человѣкъ повернулся и скорымъ шагомъ вышелъ на дворъ и скрылся. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, ранѣе другихъ пришелъ въ себя, подскочилъ къ брошенному предмету и выдернулъ запалъ. Взрывъ былъ счастливо предотвращенъ.

Оказалось, что была брошена шашка динамита величиной и формой въ торецъ для деревянной мостовой, но только двойной толщины. Взрыва этой шашки было-бы достаточно для разрушенія всего дома до основанія.

Адъютантъ былъ на порогѣ канцеляріи, когда бросили динамитъ; онъ понялъ въ чемъ дѣло, отступилъ въ кабинетъ и хотѣлъ выпригнуть изъ окна, какъ раздался вздохъ облегченія вслѣдствіе вынутаго запала и остановилъ его отъ выполненія этого намѣренія.

Всѣ, опомнившись, бросились искать злодѣя. Но его слѣдъ простылъ, онъ перебрался черезъ заборъ, отдѣляющій Управленіе отъ сосѣдней усадьбы, перемѣнилъ тамъ шапку и тужурку, прежнія тутъ-же бросивъ, и скрылся. Въ послѣдствіи виновникъ этого до дерзости смѣлаго покушенія, какъ мнѣ говорили, былъ обнаруженъ.

Начальникъ Управленія только что передъ покушеніемъ уѣхалъ за городъ на дачу.

Черезъ полчаса я былъ уже въ Управленіи, пріѣхалъ и вызванный по телефону генералъ; всѣ мы душевно радовались, что это злодѣйство было такъ счастливо предупреждено, динамитную шашку тщательно уложили въ кладовую генерала и разъѣхались по своимъ дѣламъ, изумляясь смѣлости покушенія и безслѣдному исчезновенію преступника.

На другой день полицiймейстеръ принесъ мнѣ номеръ Самарской революціонной газеты, гдѣ красовалось слѣдующее объявленіе, помѣщенное жандармскимъ генераломъ (крупнымъ шрифтомъ): По случаю оставленія должности генерала такого-то (названо имя, отечество, фамилія Начальника Губернскаго Жандармскаго Управленія)—и съ новой строки—(мелкимъ шрифтомъ) продается корова. Адресъ.

Конечно, легко можно было себѣ представить испугъ бѣднаго, уставшаго генерала, испугъ тѣмъ болѣе сильный, что слѣдовало ожидать и дальнѣйшихъ покушеній. Но человѣку, стоящему во главѣ учрежденія, созданнаго спеціально для борьбы съ противугосударственными броженіями, было непозволительно, такъ малодушно пасовать передъ первымъ и къ тому-же счастливо предотвра-

щеннымъ покушеніемъ. Какой-же это примѣръ для всѣхъ подчиненныхъ?

Если-бы всѣ предержащія власти позволяли себѣ избирать подобный путь, то отъ русскаго государственнаго строя уже давно не осталось-бы ни малѣйшаго слѣда. Наконецъ, эта внѣшняя форма объявленія, его содержаніе—это былъ сплошной стыдъ, передъ которымъ каждому изъ насъ приходилось краснѣть.

Объявленіе я послалъ Министру и просилъ незамедлительно назначить генералу преемника.

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ въ Самару тогда еще подполковникъ Бобровъ и принялъ Управленіе.

Самарская тюрьма, какъ и всѣ тюрьмы того времени была свыше мѣры переполнена. Я уже мелькомъ говорилъ, что тамъ царствовалъ полный безпорядокъ, который я относилъ за счетъ слабости тюремнаго инспектора.

Когда я сталъ управлять губерніей, я въ этомъ окончательно убѣдился горькимъ опытомъ.

При самомъ пустяшномъ безпорядкѣ тюремный инспекторъ, вмѣсто того, чтобы самому принять мѣры, непремѣнно являлся ко мнѣ и спрашивалъ, что ему дѣлать. Истинныя побужденія его при этомъ были мнѣ совершенно ясны. Онъ, разумѣется, зналъ, какъ слѣдуетъ поступить, но боялся малѣйшей репрессіи, опасаясь ею вызвать неудовольствіе политическихъ арестантовъ, а какъ слѣдствіе этого неудовольствія—возможности противъ него какого-либо покушенія. Было гораздо проще и спокойнѣе принимать понудительныя мѣры, издавая при этомъ притворный вздохъ сожалѣнія по поводу примѣненія и ссылаясь на категорическое требованіе Управляющаго Губерніей. Къ этому возможно, примѣшивалось и мелкое злорадство поставить неопытнаго человѣка въ затруднительное положеніе и вынудить его на какое-либо ошибочное или незаконное распоряженіе.

Я понялъ эти намѣренія и рѣшилъ поставить вопросъ на чистоту.

— Послушайте, — сказалъ я инспектору чуть-ли уже не на второмъ докладѣ.—Вы, кажется, своеобразно понимаете свои обязанности и ищите инціативы управленія тюрьмой у губернатора, оставляя за собой лишь механическое исполненіе его распоряженій. Но вѣдь вы же не можете не понимать, что управлять учрежденіемъ человѣку, бывающему тамъ лишь нѣсколько разъ въ году, не знающему близко ни арестованныхъ, ни тюремной администраціи, незнакомому детально съ многочисленными спеціальными инструкціями и правилами, совершенно невозможно, да у него и времени для этого нѣтъ. Нѣтъ, ужъ я попрошу васъ самого исполнять свои обязанности, мнѣ лишь докладывать, что вами сдѣлано и испрашивая по выдающимся случаямъ указаній, прошу впередъ высказывать мнѣ ваше мнѣніе, принимая во вниманіе существующія по тюремному вѣдомству распоряженія.

Инспекторъ остался очень не доволенъ такимъ требованіемъ и пробовалъ съ нимъ не считаться. Но попалъ тоже не на очень уступчиваго человѣка и пополамъ съ грѣхомъ долженъ былъ подчиниться.

Дѣлалъ онъ это неохотно, кое-какъ, такъ что въ тюрьмѣ по прежнему стояло сплошное безобразіе, пока не произошелъ такой возмутительный случай. Въ день свиданій къ одному изъ серьезныхъ политическихъ арестантовъ явилась какая-то дама, пріѣхавшая къ тюрьмѣ въ своей парной коляскѣ. Свиданія, оказывается, производились не изъ за рѣшетки, отдѣляющей заключенныхъ отъ посѣтителей, а въ общей комнатѣ, якобы, подъ наблюденіемъ стоящихъ у дверей надзирателей и одного изъ помощниковъ начальника тюрьмы. Одновременно въ комнату свиданій было допущено столько народу, что тамъ стояла чуть-ли не сплошная толпа. никакого учета впущенныхъ и выпущенныхъ изъ комнаты арестантовъ и посѣтителей не производилось. При такой обстановкѣ, нисколько ни удивительно, что пріѣхавшая дама, оказавшаяся переодѣтымъ мужчиной, сняла съ себя женскій костюмъ, переодѣла въ него арестанта, который совершенно безпрепятственно прошелъ черезъ всю стражу, вышелъ изъ тюрьмы, сѣлъ въ коляску и безслѣдно скрылся.

Бывшая дама, теперь уже мужчина, также ушелъ, не обративъ на себя ни чьего вниманія.

Только черезъ часа два, кажется, хватились этого важнаго преступника, когда, разумѣется и слѣдъ его простылъ.

Я лично произвелъ по этому поводу разслѣдованіе, безъ всякаго участія тюремнаго инспектора и, установивъ такіе порядки, пришелъ прямо въ ужасъ. Ну, могла-ли быть хоть какая-нибудь увѣренность въ томъ, что завтра не бѣгутъ всѣ лица, участвовавшіе въ убійствѣ Блока?

Я велѣлъ ихъ держать въ отдѣльныхъ камерахъ совершенно изолированно. Но я совершенно увѣренъ, что это распоряженіе не исполнялось и, если ихъ держали подъ ключемъ, то сношеній съ арестантами, а слѣдовательно и съ внѣшнимъ міромъ, навѣрное не устраняли.

Я послалъ подробную шифрованную телеграмму Столыпину въ которой съ полной откровенностью обрисовалъ дѣятельность тюремнаго инспектора и безпорядки въ тюрьмѣ и высказалъ свои опасенія въ томъ, что такіе-же побѣги могутъ повторяться и далѣе.

Представьте мое изумленіе: черезъ нѣсколько времени въ нашей революціонной газетѣ появилась перепечатка изъ большой оппозиціонной петербургской газеты, кажется «Рѣчи», если она уже существовала, съ буквальнымъ воспроизведеніемъ моей шифрованной телеграммы. Такіе сюрпризы Петербургъ, мнѣ дѣлалъ нѣсколько разъ.

Конечно, я нисколько не скрывалъ своего мнѣнія о тюремномъ инспекторѣ и съ этой стороны такое воспроизведеніе меня мало озабочивало. Но вѣдь телеграфисты, изъ которыхъ многіе состояли въ «товарищахъ», могли передать революціонерамъ самую шифровку телеграммы и явилась возможность всякому открыть ключъ для прочтенія секретныхъ донесеній. Я принужденъ былъ телеграфировать департаменту полиціи и ключъ измѣнили.

По моей телеграммѣ главное тюремное управленіе прислало въ Самару помощника главнаго начальника Боровитинова, который установилъ всѣ эти безобразія, далъ инспектору указанія, какъ ихъ

исправить и предъявилъ ему, очевидно, достаточно внушительныя требованія, такъ что тюремные порядки стали болѣе или менѣе терпимы.

Еще долго приходилось бороться съ совершенно открытой организаціей сношеній арестантовъ съ внѣшнимъ міромъ. Я не буду здѣсь говорить о подкупѣ смотрителей, о проносѣ записокъ въ пирогахъ, булкахъ и т. п., о разныхъ удивительно хитро придуманныхъ кунштюкахъ—обо всемъ этомъ я скажу въ своихъ пензенскихъ воспоминаніяхъ, болѣе свѣжихъ въ моей памяти. Въ Самарѣ больше всего доставляла хлопотъ сигнализація. Арестанты подходили къ окнамъ верхнихъ этажей и переговаривались съ лицами, находящимися внѣ тюрьмы, гдѣ-нибудь на высокомъ хорошо видномъ изъ оконъ тюрьмы мѣстѣ при помощи разныхъ сигналовъ. Была, очевидно, установлена давно извѣстная система сигналовъ, заранѣе, внѣ тюрьмы изученная арестантами, подобно тому какъ по установленіи внутри тюрьмы законнаго режима одиночныя арестанты переговаривались между собою стуками, пользуясь для этого чаще всего телеграфной азбукой Морзе. Сколько ни отгоняли надзиратели арестантовъ отъ оконъ, ничто не помогало. А между тѣмъ, такія сношенія были чрезвычайно вредны какъ для предварительнаго слѣдствія, такъ и для обезпеченія тюрьмы отъ побѣговъ. Пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію военнаго караула, охранявшаго тюрьму часовыми какъ со двора, такъ и съ внѣшней стороны ограды. Часовымъ было приказано не допускать арестантовъ выглядывать изъ оконъ и дѣлать какіе-либо знаки, а въ неповинующихся стрѣлять. Арестанты были также оповѣщены о такомъ распоряженіи.

Были сдѣланы попытки не подчиниться, но при первомъ-же случаѣ стрѣльбы часового—ихъ какъ рукой сняло и арестанты должны были ломать голову надъ изобрѣтеніемъ другихъ болѣе хитрыхъ способовъ сношеній. Я не сомнѣваюсь, зная остроту мысли одиночнаго арестанта, устремленную на одну какую-либо несложную цѣль, что такіе способы были изобрѣтены, но во всякомъ случаѣ сношенія были значительно затруднены.

Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ арестантскихъ голодовкахъ.

Когда тюремный режимъ становился строгимъ, такимъ, какимъ онъ долженъ быть по существующимъ инструкціямъ, арестанты пытались, и часто не безъ успѣха, протестовать путемъ объявленія голодовки. Протестъ этотъ обыкновенно производилъ огромный эффектъ, доходилъ до газетъ и извѣстнаго направленія пресса поднимала истерическій гвалтъ, стараясь убѣдить публику, что въ тюрьмѣ происходятъ звѣрскія жестокости, вынуждающія арестантовъ на такую крайнюю мѣру. Объявляется голодовка и въ тюрьму летятъ тюремный инспекторъ, директоръ тюремнаго комитета, прокурорскій надзоръ, губернаторъ. Происходитъ такой шумный переполохъ, что этихъ голодовокъ тюремная администрація до главнаго тюремнаго управленія включительно боялась, какъ огня. Арестанты особенно политическіе, конечно, прекрасно это понимали и пытались этимъ пользоваться при всякомъ даже совершенно неосновательномъ неудовольствіи. Мало того, голодовки эти часто бывали

лишь показными, т. е. арестанты не ѣли казенной пищи, но зато потихоньку подкармливались товарищами за счетъ выписки, т. е. пріобрѣтенія съѣстныхъ припасовъ съ разрѣшенія тюремной администраціи за собственныя деньги. Словомъ, создалось такое положеніе, что, опасаясь объявленія голодовки, тюремный надзоръ не смѣлъ устанавливать законнаго режима и не смѣлъ накладывать на политическихъ арестантовъ никакихъ взысканій. Если считать, что голодовка представляетъ собою дѣйствительно нѣчто тревожное и недопустимое, то гдѣ-же средства для ихъ предупрежденія, не считая поблажекъ и противузаконнаго отступленія отъ установленнаго распорядка? Какъ вы можете заставить человѣка насильно ѣсть, если онъ не хочетъ? Практиковавшійся въ Англіи въ отношеніи суфражистокъ способъ насильственнаго кормленія въ сущности ничего не стоитъ, такъ какъ ужъ твердо рѣшившійся голодать человѣкъ можетъ въ любой моментъ выбросить пищу искуственно вызванной рвотой. Такъ гдѣ-же выходъ? Не говоря уже о томъ, что искуственное кормленіе, если-бъ кто-либо и вздумалъ къ нему прибѣгнуть при тогдашнемъ переполненіи тюремъ, было прямо неосуществимо при страшномъ переутомленіи надзора и крайней его недостаточности для исполненія насущныхъ нуждъ тюрьмы, но это кормленіе само по себѣ представляется мнѣ величайшимъ насиліемъ, прямо низводящимъ человѣка на степень животнаго, и никакія соображенія не могутъ оправдать такого насилія.

Въ Самарской тюрьмѣ при мнѣ была объявлена голодовка. Когда я убѣдился, что никакихъ злоупотребленій со стороны надзора по отношенію къ арестантамъ не было допущено, что она является лишь способомъ навязать свою волю начальству, я распорядился объявить голодающимъ, что, если они непремѣнно желаютъ голодать, то я этому мѣшать не буду, а уступокъ сдѣлать ни за что не позволю. Какъ и слѣдовало ожидать, голодовка какъ-то незамѣтно сама собой прекратилась и все ограничилось лишь враждебными мнѣ выпадами газетъ.

Знакомства мои и въ городѣ, и въ губерніи все болѣе и болѣе расширялись.

Между прочимъ, я какъ-то ближе сошелся съ бугульминскимъ помѣщикомъ К. Э. Гильхенъ, братомъ бессарабскаго губернатора. Я встрѣчалъ когда-то въ Тулѣ ихъ отца артиллерійскаго генерала. К. Э. Гильхенъ былъ очень общительный человѣкъ, любилъ весело пожить и съ этой спеціально цѣлью пріѣзжалъ въ Самару. Мы очень часто съ нимъ коротали вечера. Когда станетъ на душѣ особенно тоскливо, ѣдешь въ гостиницу къ Гильхену и всегда можно было быть увѣреннымъ, что онъ составитъ тебѣ компанію и поѣдетъ или въ кафе-шантанъ, тогда помѣщавшійся на Дворянской, или въ театръ, а то просто поужинать въ гостиницу Иванова, лучшій по тогдашнему времени ресторанъ.

Познакомился я также съ графомъ А. Н. Толстымъ, самарскимъ уѣзднымъ предводителемъ. Это былъ очень молодой человѣкъ, недавно оставившій службу въ Конномъ полку. Онъ былъ очень слабаго тогда здоровья, незадолго до того перенесъ серьезную операцію. Это не мѣшало ему быть компанейскимъ человѣкомъ. Меня онъ привлекалъ необыкновенной своей правдивостью; каждую свою

мысль излагалъ до конца, не запираясь въ недомолвки или намеки. Я много разъ въ этомъ убѣждался. Женатъ онъ былъ на дочери пензенскаго помощника А. П. Языкова, съ которымъ я позднѣе познакомился и бывалъ у него въ деревнѣ.

Графиня Е. А. Толстая была настоящей русской красавицей.

Взглянувъ на это лицо, такъ и представляешь себѣ, какъ бы ей шелъ костюмъ русской боярыни. Она была очень привѣтлива и всѣ у нихъ въ домѣ отлично себя чувствовали.

Бугурусланскимъ предводителямъ былъ тогда Мордвиновъ. Онъ очень часто пріѣзжалъ въ Самару и подолгу въ ней жилъ. Это былъ необычайно деликатный свѣтскій человѣкъ; когда-то велъ широкую, разсѣянную жизнь, теперь сталъ жить скромнѣе, но все-таки на барскую ногу. Принималъ онъ у себя, даже въ гостиницѣ, прямо шикарно. Если звалъ ужинать, то это было, какъ говорится, разливанное море. Онъ очень строго держался этикета и, напримѣръ, въ царскіе дни, считалъ своимъ долгомъ пріѣзжать къ губернатору поздравить съ торжественнымъ днемъ. Это было совсѣмъ не по современному. Мнѣ очень часто приходилось съ нимъ встрѣчаться и проводить время.

Старомодная куртуазность казалась Мордвинову стильной и дѣйствительно была таковой, а онъ какъ предводитель дворянства старался во всемъ держаться старо-дворянскаго тона.

За время моего управленія губерніей общественная жизнь какъ-то совсѣмъ не проявлялась. Это было лѣтомъ и осенью, такъ что многіе жили въ деревнѣ или на дачахъ. Да и время стояло такое тревожное, было не до собраній.

Купеческій кругъ Самары, несмотря на то, что считалъ среди себя десятки милліонеровъ, жилъ замкнуто, среди ближайшей родни. Богатые люди понастроили себѣ пышные особняки, съ преобладаніемъ стиля Модернъ, но пріемовъ у себя не дѣлали, такъ что рѣшительно неизвѣстно, для чего они завели такіе хоромы. Должно быть, изъ чувства подражанія.

Въ августѣ ко мнѣ пріѣхала семья и прожила тутъ недѣли три. Она кое съ кѣмъ познакомилась, но все-таки очень мало выѣзжала, развѣ только въ театръ или въ циркъ. Я избѣгалъ съ ними ѣздить вмѣстѣ и когда мы отправлялись куда-либо въ гости, то я ѣхалъ на отдѣльномъ извозчикѣ, въ саженяхъ ста отъ нихъ. Такъ было благоразумнѣе. У себя мы также почти не принимали, такъ какъ я держалъ маленькую квартиру въ 4 комнаты и все мое хозяйство велось на холстую ногу. Самара имъ не понравилась, за-то остались въ восторгѣ отъ путешествія на пароходѣ.

Изъ наиболѣе крупныхъ аграрныхъ безпорядковъ я разскажу о происшедшемъ въ имѣніи Чарыкова, бывшаго нашего Константинопольскаго посланника. Онъ, кажется, въ это время еще былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ старинной его очень запущенной усадьбѣ, съ большимъ почти немеблированнымъ домомъ, кажется, находившемся въ Самарскомъ уѣздѣ, жилъ только управляющій—староста, человѣкъ уже пожилой.

Бывшіе его крестьяне, имени деревни не помню, жившіе отъ усадьбы въ верстахъ 4, были очень распропагандированы и задались, видимо, цѣлью совсѣмъ уничтожить барскую усадьбу, а

тамъ, можетъ быть, и захватить экономическую землю. Для этого они стали постепенно поджигать одну за другой усадебныя постройки. Въ теченіе весьма короткаго времени было устроено 3 или 4 поджога и, конечно, виновные не обнаружены, хотя всѣмъ было извѣстно, что поджигатели именно изъ этой деревни. Наконецъ, однажды, ночью, былъ сожженъ домъ управляющаго и прилегающія къ нему службы, а самъ управляющій убитъ и тѣло брошено въ огонь. Нашли на пожарищѣ обуглившіяся его кости и около нихъ расплавленное серебро, вѣроятно, деньги, бывшія у него въ кошелькѣ.

Получивъ телеграмму объ этомъ происшествіи, я выѣхалъ на мѣсто вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ жандармскаго управленія подполковникомъ Бобровымъ. Послѣдній опросилъ всѣхъ служащихъ экономіи, въ томъ числѣ и садовника, молодого парня, очень державшаго себя подозрительно, и никакихъ опредѣленныхъ указаній не получилось, но въ одинъ голосъ всѣ опрошенные утверждали, что это дѣло рукъ мужиковъ изъ барской деревни. Произведенный у садовника обыскъ обнаружилъ у него ружье и нѣсколько революціонныхъ брошюръ. Садовникъ былъ арестованъ.

Я приказалъ собрать въ деревнѣ сельскій сходъ и поѣхалъ туда съ Бобровымъ, пославъ предварительно въ деревню отрядъ стражи. Данныхъ для обвиненія опредѣленныхъ лицъ у насъ не было, но не было также сомнѣній въ томъ, что дѣло это совершено мѣстными крестьянами съ вѣдома всего общества.

Были извѣстны вожделѣнія ихъ на барскую землю, а слѣдовательно и способы добыть эту землю обсуждались мужиками сообща и сообща все рѣшалось.

Значитъ задача стояла совершенно опредѣленная: надо было сельскій сходъ заставить выдать главныхъ виновниковъ.

Сдѣлать это можно было лишь очень рѣшительной угрозой.

Окруживъ себя участниками схода, я приказалъ имъ внимательно слушать каждое мое слово и твердо заявилъ, что все то, что я имъ скажу, будетъ обязательно исполнено и я ни за что ни отъ чего не отступлюсь.

Перечисливъ извѣстныя намъ данныя, изъ которыхъ было ясно, что поджигатели и убійцы изъ ихъ односельчанъ, указавъ, почему мы увѣрены, что преступники эти дѣйствовали съ вѣдома и согласія всего общества, я грозно потребовалъ немедленной ихъ выдачи и назначилъ имъ на размышленіе четверть часа. Если по истеченіи этого срока мое требованіе исполнено не будетъ, то я вызову сюда артиллерію и прикажу снарядами снести вотъ ту часть деревни, которая расположена на горкѣ передъ мѣстомъ созыва сельскаго схода.

Сказавъ это, я вынулъ часы, установилъ время и пошелъ вмѣстѣ съ лицами меня сопровождавшими въ избу.

Эти четверть часа показались мнѣ вѣчностью. Думалось, а если это требованіе не будетъ исполнено, что-же тогда придется стрѣлять? Но вѣдь за это не только отдадутъ подъ судъ и осудятъ, но меня затравитъ пресса, мое имя будетъ втоптано въ грязь, отъ меня отшатнется все общество. А если ограничиться только угрозой— это значитъ подорвать свой авторитетъ, преступники еще болѣе

осмѣлѣютъ и, конечно, свои планы сравнять усадьбу съ землей, приведутъ въ исполненіе и Богъ знаетъ, гдѣ остановятся съ насиліями. И вѣдь отвѣтственность за такую катастрофу должна будетъ упасть на мое неумѣніе справиться съ дѣломъ. Правительство основательно можетъ сказать: законъ уполномачиваетъ тебя въ случаѣ безпорядковъ принять любую мѣру для ихъ подавленія. Почему-же ты этихъ мѣръ не принялъ?

Такія мысли вихремъ неслись въ моей головѣ и я нервно ходилъ изъ угла въ уголъ, ни съ кѣмъ не разговаривая.

Вотъ истекли четверть часа и я выхожу къ сходу.

Мужики опустились на колѣни и одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ:

— Ваше превосходительство, мы не можемъ тебѣ выдать виновныхъ, они всѣ передъ твоимъ пріѣздомъ разбѣжались и мы не знаемъ, гдѣ ихъ найти теперь. Сдѣлай Божескую милость, продли срокъ хоть до завтра и мы тебѣ ихъ доставимъ сами въ Самару.

Я въ душѣ очень обрадовался. Во первыхъ, сходъ самъ призналъ, что знаетъ виновныхъ, а во вторыхъ, я ни минуты не сомнѣвался, что обѣщаніе будетъ исполнено.

Я согласился на такую отстрочку, мы уѣхали, а на другой день въ губернское жандармское управленіе было доставлено 8 или 9 человѣкъ.

Всякіе безпорядки тутъ болѣе не возобновлялись.

Я донесъ о всемъ подробно Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ самомъ концѣ августа или въ началѣ сентября состоялся приказъ о назначеніи самарскимъ губернаторомъ В. В. Якунина. Лицо это было всѣмъ не извѣстно, а потому къ этому назначенію мы относились съ особымъ любопытствомъ и пытались собрать о немъ какія - нибудь справки, но не знали, какъ за это взяться. Конечно, А. А. Павловъ, какъ служащій въ центральномъ управленіи министерства и какъ человѣкъ, бывавшій въ петербургскомъ обществѣ, долженъ былъ имѣть о немъ свѣдѣнія, но, какъ нарочно, онъ въ это время объѣзжалъ пострадавшія отъ неурожая губерніи и неизвѣстно было, гдѣ находится.

Назначеніе новаго губернатора всегда очень большое событіе въ губерніи, отъ него зависитъ слишкомъ много интересовъ и всякій старается возможно подробнѣе освѣдомиться, что за человѣкъ вновь назначенное лицо, каково его прошлое, какъ онъ относится къ дѣлу и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія какими-то никому невѣдомыми путями очень скоро становятся общимъ достояніемъ, обсуждаются на всѣ лады и къ моменту появленія губернатора въ губерніи его уже знаютъ въ общихъ чертахъ. При этомъ, если человѣкъ по своей природѣ принадлежитъ къ боевымъ натурамъ, оставляющій за собой горячихъ поклонниковъ и страстныхъ хулителей, это предварительное по слухамъ впечатлѣніе бываетъ всегда для него неблагопріятно, вѣроятно, вслѣдствіе печальной особенности человѣческой природы разносить хулу много энергичнѣе похвалы. Отдѣльные благопріятные отзывы въ этомъ случаѣ какъ-то пропускаются мимо ушей, какъ нѣчто пристрастное, не заслуживающее довѣрія.

Объ Якунинѣ мы скоро узнали, что онъ былъ предсѣдателемъ одесской уѣздной управы, а потомъ одесскимъ-же уѣзднымъ пред-

водителемъ дворянства; особымъ умомъ и знаніемъ дѣла, будто-бы, не отличался, имѣлъ хорошія средства, жилъ широко и состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гербелемъ, тогдашнимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и съ Д. Б. Нейдгартомъ, служившимъ одесскимъ градоначальникомъ.

Эти лица, будто-бы, и способствовали его назначенію.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, часто бывавшій въ Одессѣ и имѣвшій тамъ родственника, занимавшаго видное положеніе въ обществѣ, встрѣчался съ Якунинымъ и самъ написалъ мнѣ, давая характеристику новаго губернатора. Она была приблизительно такая-же, только нѣсколько рѣшительнѣе.

Съ назначеніемъ губернатора, конечно, совершенно измѣнилось мое положеніе. Я самъ, да и всѣ подчиненные мои это хорошо понимали и нѣкоторые изъ послѣднихъ сейчасъ-же дали мнѣ это почувствовать. До назначенія я былъ настоящимъ хозяиномъ губерніи, рѣшавшимъ всѣ вопросы исключительно по своему разумѣнію. Всѣ назначенія должностныхъ лицъ были окончательными и отмѣнѣ не подлежали. Теперь-же я сталъ калифомъ на часъ, обязаннымъ считаться съ видами и желаніями новаго губернатора. Если открывалась какая-либо вакансія по службѣ, я по чувству деликатности не считалъ себя въ правѣ ее замѣщать, а лишь командировалъ отдѣльныхъ лицъ для временнаго до пріѣзда губернатора ея исполненія. Мои распоряженія стали уже менѣе авторитетны, да и исполнялись полу-нехотя и хоть я и замѣчалъ такую небрежность, но было какъ-то неловко поднимать исторію. Конечно, ощущать такую перемѣну для самолюбиваго человѣка крайне непріятно и даже мучительно.

Но съ другой стороны я почувствовалъ огромное облегченіе отъ сознанія, что лежащая на мнѣ такая отвѣтственность за управленіе краемъ въ такое тревожное и опасное время доживаетъ уже послѣдніе дни и что скоро я отъ нея стану свободнымъ.

Обыкновенно всякій вице-губернаторъ при уходѣ губернатора начинаетъ мечтать и надѣяться на то, что авось именно его назначатъ замѣстителемъ. Эти ожиданія до такой степени общи, что имъ не чуждъ буквально ни одинъ изъ вице-губернаторовъ, сколько-бы онъ въ противномъ ни завѣрялъ. Я былъ совершенно въ иномъ положеніи и ни на одну секунду воображеніе не тянуло меня къ такимъ фантастическимъ мечтамъ: вѣдь, я вице-губернаторствовалъ только всего два мѣсяца, ни чѣмъ еще себя не заявилъ и полагалъ, что при особомъ счастіи могъ-бы получить губернаторство года черезъ 3, никакъ не ранѣе. Да такова была и обычная практика.

Назначеніе новаго губернатора рисуется обыкновенно катастрофой для правителя канцеляріи и полицiймейстера. Должности эти по самой своей природѣ наиболѣе близки губернатору. Занимающія ихъ лица бываютъ посвящены не только во всѣ служебныя тайны, что для остальныхъ должно быть совершенно недоступно, но и касаются часто личныхъ дѣлъ своего принципала. Поэтому совершенно естественно, что всякій губернаторъ старается замѣщать такія должности лицами ему извѣстными, внушающими ему довѣріе.

Новый губернаторъ обыкновенно начинаетъ свою дѣятельность съ того, что старается отдѣлаться отъ старыхъ правителя канцеляріи и полицiймейстера и замѣнить ихъ заранѣе имъ намѣченными своими кандидатами. Если прежніе были порядочные люди и добросовѣстно исполняли свое дѣло, то отдѣлаться отъ нихъ губернаторъ можетъ лишь путемъ повышенія по службѣ, гнать же прочь, не устроивъ прилично дальнѣйшую судьбу, сколько-нибудь совѣстливый и справедливый человѣкъ не рѣшится. А потому такія перемѣны происходятъ не сразу, а по истеченіи нѣкотораго времени. Но положеніе этихъ лицъ отъ этого не становится слаще.

Хотя чувство справедливости и присуще каждому человѣку, но его такъ легко заглушить, преувеличивъ, можетъ быть, и не вполнѣ сознательно, служебные промахи, отъ которыхъ никто не застрахованъ. Сознавать себя кому-либо въ тягость, особенно, начальству, всегда и мучительно, и оскорбительно. А тутъ еще примѣшивается и матеріальный вопросъ. Обѣ эти должности оплачиваются по штату довольно скромно. Но онѣ всегда соединяются съ какими-либо другими несложными, но оплачиваемыми обязанностями, или получаютъ дополнительное вознагражденіе отъ города подъ соусомъ разъѣздныхъ, квартирныхъ и т. п., Такъ что въ общемъ и правитель канцеляріи и полицiймейстеръ получаютъ обыкновенно много больше лицъ, стоящихъ выше ихъ по служебной лѣстницѣ.

Поэтому назначеніе правителя канцеляріи ну, напримѣръ, совѣтникомъ губернскаго правленія, хотя и было повышеніемъ по службѣ, но сопряжено съ чувствительнымъ матеріальнымъ ущербомъ.

Нашъ правитель канцеляріи Барковъ находился нѣсколько въ иныхъ условіяхъ. Онъ былъ раньше земскимъ начальникомъ и пошелъ къ Блоку въ правители канцеляріи лишь потому, что тотъ обѣщалъ его устроить при случаѣ непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія, такъ что онъ своимъ положеніемъ не только не дорожилъ, а скорѣе имъ тяготился. Барковъ былъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и серьезно занимался дѣломъ. Если Якунинъ намѣтилъ себѣ другое лицо въ правители канцеляріи, то, конечно, онъ долженъ будетъ устроить сначала Баркова непремѣннымъ членомъ, что тому и было нужно. Такъ оно вскорѣ и случилось и Барковъ былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ гродненскаго губернскаго присутствія.

Положеніе полицiймейстера было много хуже. Но онъ, вѣроятно, уповалъ на обаяніе своего прошлаго и умѣніе ладить съ людьми.

Съ огромнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я пріѣзда губернатора. Прошло болѣе мѣсяца со дня назначенія, какъ я получилъ, наконецъ, отъ Якунина телеграмму, что онъ будетъ завтра утромъ съ пароходомъ.

Облачившись въ мундиръ, я поѣхалъ на пристань, гдѣ уже собрались многіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ подходитъ и пароходъ и на балконѣ у каютъ перваго класса мы увидѣли господина средняго роста въ форменномъ пальто съ

красными отворотами, очевидно, губернатора. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, съ длинными сѣдыми баками, сѣрыми глазами, довольно представительный. Бросались въ глаза очень развитыя кости челюстей. Я вошелъ на пароходъ, представился и представилъ явившихся чиновниковъ. Якунинъ держалъ себя очень увѣренно, никакихъ слѣдовъ робости новичка. О положеніи губерніи онъ спросилъ вскользь, точно для приличія.

Съ парохода мы поѣхали съ нимъ въ губернаторскій домъ и по дорогѣ онъ мнѣ сказалъ, что ѣдетъ теперь изъ Петербурга, гдѣ представлялся по случаю назначенія, жена же его и сынъ пока въ Одессѣ и должны пріѣхать на этихъ дняхъ. У него другихъ дѣтей не было. Сынъ учился въ Москвѣ въ Катковскомъ лицеѣ и перешелъ на университетскій курсъ.

Домъ губернатора показался ему непривѣтливымъ, меблировка слабой, такъ что онъ рѣшилъ привезти свою мебель.

Дня черезъ два были посланы во всѣ управленія повѣстки о пріемѣ губернаторомъ должностныхъ лицъ на другой день въ 1 часъ дня.

По установленному церемоніалу въ общемъ залѣ губернаторскаго дома собираются въ мундирахъ старшіе служащіе всѣхъ вѣдомствъ, предводители дворянства, представители земства и города. Губернаторъ тоже въ мундирѣ выходитъ изъ внутреннихъ комнатъ, говоритъ обыкновенно краткую рѣчь и обходитъ по очереди всѣхъ собравшихся, которыхъ ему представляетъ вице-губернаторъ. Окончивъ обходъ, губернаторъ проситъ всѣхъ помочь ему въ трудномъ дѣлѣ управленія губерніей, кланяется и уходитъ къ себѣ, а собравшіеся разъѣзжаются.

Эта скучная церемонія, называемая губернскими насмѣшниками «большимъ выходомъ», должна видите-ли, познакомить губернатора съ его сотрудниками. Но такъ какъ на эти пріемы является человѣкъ 100, если не больше, людей вамъ незнакомыхъ, которыхъ вы видите впервые въ своей жизни, то, разумѣется, всѣ эти лица сливаются въ хаосѣ и вы до такой степени не получаете ни малѣйшаго отъ нихъ впечатлѣнія что, встрѣтясь черезъ часъ, никого навѣрное не узнаете. Къ этому надо еще прибавить естественное смущеніе новаго человѣка, непремѣнно обязаннаго сказать какую-либо банальную рѣчь этимъ незнакомымъ людямъ и все свое вниманіе устремляющаго на то, что онъ будетъ каждому говорить — какія ужъ тутъ впечатлѣнія, одна неразбериха.

Когда всѣ собрались, я пошелъ сказать о томъ Якунину. Онъ бѣгалъ по сосѣдней съ залой гостиной изъ угла въ уголъ въ придворномъ мундирѣ, ужасно волновался и робѣлъ.

Все, конечно, прошло, какъ это полагается, и съ этой минуты губернаторъ могъ считать себя окончательно вступившимъ въ должность.

Я очень часто завтракалъ и обѣдалъ у Якунина и вынесъ о немъ впечатлѣніе какъ объ очень миломъ, хотя не совсѣмъ сдержанномъ человѣкѣ. Онъ былъ, кажется, очень вспыльчивымъ по характеру, а къ тому прибавлялось еще желаніе дѣйствовать рѣшительно и полновластно, такъ что временами онъ былъ съ под-

чиненнымн довольно рѣзокъ и часто говорилъ такія вещи, какихъ говорить не слѣдовало. Въ отношеніи меня онъ держалъ себя совершенно корректно и если не чувствовалъ ко мнѣ симпатіи, то во всякомъ случаѣ внѣшнимъ обращеніемъ этого не проявлялъ.

Онъ былъ мало знакомъ со службой, не имѣлъ, видимо, административнаго опыта, а потому въ засѣданіяхъ вначалѣ часто дѣлалъ бросающіяся въ глаза ошибки, но или не замѣчалъ этого или покрывалъ ихъ дѣланно-самоувѣреннымъ тономъ.

Какъ показала его дальнѣйшая дѣятельность, онъ обладалъ умѣніемъ подбирать себѣ способныхъ сотрудниковъ, довѣрялъ имъ, а потому и дѣло управленія такой трудной губерніей наладилось у него превосходно и создало ему репутацію дѣльнаго губернатора.

Въ частной жизни это былъ любезный, добродушно насмѣшливый человѣкъ, широкій хлѣбосолъ. Когда пріѣхала его жена, очень симпатичная, привѣтливая и выдержанная женщина, у нихъ каждый вечеръ кто-нибудь былъ и играли въ карты. M-me Якунина въ отношеніи меня была особенно мила. Зная что я живу въ Самарѣ одинъ, безъ семьи, должно быть скучаю, она постоянно приглашала меня по вечерамъ. Я сохранилъ о ней самую благодарную память.

Появленіе новаго губернатора, какъ всегда въ провинціи, сдѣлало его общимъ предметомъ разговоровъ; всѣ дѣлились своими впечатлѣніями, комментировали на всѣ лады каждое его слово, каждый пустяшный поступокъ подчеркивался, словомъ началось обычное судаченье. Въ нашихъ разговорахъ за чаемъ въ губернскомъ правленіи новый губернаторъ сталъ также излюбленнымъ предметомъ бесѣдъ и я имѣлъ неосторожность дать себя увлечь этой темой и часто дѣлился съ собесѣдниками и своими впечатлѣніями, легкомысленно пускаясь въ откровенность, хваля то, осуждая это. Я ничего сквернаго не говорилъ объ Якунинѣ, да и не могъ этого дѣлать по той простой причинѣ, что онъ скверныхъ вещей не дѣлалъ.

Я просто иногда критиковалъ его, отдавалъ дань человѣческой слабости пройтись на счетъ ближняго.

Однако, оказалось, что всѣ эти ничего незначущіе разговоры ему были переданы, да, вѣроятно, къ тому же и съ солидными прикрасами.

Въ отношеніяхъ его ко мнѣ, попрежнему внѣшне корректныхъ, стала проглядывать холодность, сдержанность.

Я не знаю, кто былъ такимъ передатчикомъ, но подозрѣвалъ потомъ въ этомъ поступкѣ одного изъ своихъ ближайшихъ сослуживцевъ. Этотъ господинъ при одномъ изъ прежнихъ губернаторовъ былъ persona grata и пользовался въ губерніи большимъ вліяніемъ. Но потомъ это вліяніе совершенно утратилъ. Не была ли такая передача попыткой вернуть себѣ прежнее значеніе? Кое-какіе мелкіе штрихи говорятъ за это, но утверждать ничего не могу и возможно, что я ошибался.

Если такія попытки дѣлались, то онѣ во всякомъ случаѣ не увѣнчались успѣхомъ. Благородный Владиміръ Васильевичъ,

какъ бывшій офицеръ, презиралъ подхалимство и на этой почвѣ у него нельзя было сдѣлать карьеры.

Я слышалъ, что послѣ уже моего ухода этотъ господинъ совсѣмъ оставилъ службу и, кажется, не совсѣмъ по своей волѣ.

Вскорѣ, однако, наши отношенія въ конецъ испортились и на этотъ разъ вслѣдствіе довольно серьезнаго повода.

Я уже говорилъ, что съ августа, примѣрно, продовольственный хлѣбъ доставлялся въ губернію самимъ Министерствомъ. Онъ приходилъ съ воды и по желѣзной дорогѣ исключительно розсыпью, такъ что для выдачи населенію приходилось его пересыпать въ мѣшки и раздавать мѣшками. Завѣдываніе раздачей прибывающаго въ Самару хлѣба было возложено на одного изъ земскихъ начальниковъ, который къ опредѣленному сроку вызывалъ подводы прямо къ баржѣ или къ вагону. Волостной старшина насыпалъ хлѣбъ въ мѣшки, взвѣшивалъ каждый мѣшокъ на децимальныхъ вѣсахъ и выдавалъ, записывая выдачу въ списки селенія. Хотя прибывающій по желѣзной дорогѣ хлѣбъ взвѣшивался постановкой на вѣсы вагона съ грузомъ и чистый вѣсъ опредлялся исключеніемъ тары, но такое опредѣленіе было довольно неточно и дѣйствительно часто получался недовѣсъ, тогда какъ желѣзная дорога отбирала накладную, гдѣ значился вѣсъ полнымъ.

Это обстоятельство очень затрудняло пріемщиковъ, тѣмъ болѣе, что размѣръ недовѣса бывалъ различный и его впередъ предусмотрѣть нельзя. Практика установила для этого совершенно вѣрный пріемъ: записывался заемщику вѣсъ зерна съ мѣшкомъ, т. е. фунта на 3 больше дѣйствительнаго. Если недовѣса не было, то въ вагонѣ оставалось лишнее зерно, которое будучи выдано въ ссуду, въ конечномъ расчетѣ понижало стоимость самой ссуды.

Въ данномъ же случаѣ волостной старшина, съ вѣдома земскаго начальника, не ограничился такимъ пріемомъ и пустился прямо на некрасивую продѣлку: подвѣсилъ къ платформѣ вѣсовъ фунтовую гирю, что уменьшало дѣйствительный вѣсъ, якобы, четурехпудоваго мѣшка уже на 10 фунтовъ.

До Губернскаго Присутствія стали доходить слуха, что при пріемкѣ дѣлается что-то неладное. Это было еще до пріѣзда Якунина. Тогда я внесъ предложеніе поручить одному изъ непремѣнныхъ членовъ произвести внезапную провѣрку производства выдачи хлѣба и это предложеніе Присутствіе приняло. Разслѣдованіе установило еще и другія неправильности, но главное—эту подвѣску потихоньку фунтовой гири. Разсматривалось разслѣдованіе уже подъ предсѣдательствомъ Якунина.

Я отнесся къ этому случаю очень серьезно. Если даже предположить, что продѣлка не преслѣдовала корыстной цѣли, а лишь была неудачнымъ и крайне преувеличеннымъ способомъ предотвратить провѣсы при выдачѣ хлѣба, все-таки старшина употребилъ явно предосудительный пріемъ и самъ сознавалъ эту предосудительность, подвѣсивъ фунтовую гирю украдкой. Земскій начальникъ, вмѣсто того, чтобы прекратить сразу подобное безобразіе, санкціонировалъ его и допустилъ къ употребленію при дальнѣйшей выдачѣ. Конечно, вопросъ о томъ, куда-же дѣвался излишній хлѣбъ отъ такого пріема, былъ очень существеннымъ

и имъ опредѣлялось существо во всякомъ случаѣ совершоннаго преступленія, но точно установить это было возможно, по моему мнѣнію, лишь путемъ предварительнаго слѣдствія. Какъ бы ни вырѣшился этотъ вопросъ, наличность некрасиваго превышенія власти или по крайней мѣрѣ—бездѣйствія ея, была на-лицо.

Необходимость предварительнаго слѣдствія вытекала еще, по моему мнѣнію, изъ слѣдующихъ соображеній. Мы переживали такія времена, когда на голову властей взводились самыя чудовищныя обвиненія безъ всякихъ къ тому сколько-нибудь обоснованныхъ данныхъ. Такова была революціонная тактика. Зная это, властямъ надлежало быть сугубо осторожными и не давать врагамъ въ руки оружія. Если настоящій случай не повлечетъ за собой преданія суду виновныхъ, то, конечно, онъ будетъ широко использованъ и на начальство посыпятся обвиненія въ укрывательствѣ, обираніи голодающаго населенія, создастся крупный инцидентъ съ запросами въ Государственной Думѣ и т. п.

Конечно, и въ случаѣ преданія суду виновныхъ — шуму не избѣжать, но въ этомъ случаѣ Губернское Присутствіе совершенно надежно отмежуется отъ какой бы то ни было солидарности съ недопустимыми пріемами.

Губернаторъ не раздѣлялъ этого взгляда и горячо возражалъ. Добрѣйшій В. В. Якунинъ, вѣроятно, щадилъ земскаго начальника и хотѣлъ его спасти.

Я очень разгорячился и всячески отстаивалъ свое мнѣніе. Другіе члены Губернскаго Присутствія были, видимо, въ большомъ затрудненіи и не высказывались. Такъ что засѣданіе обратилось какъ бы въ поединокъ между губернаторомъ и вице-губернаторомъ, который велся, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны, можетъ быть, излишне страстно. Мое предложеніе было Присутствіемъ отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ. Со мною осталось лишь два члена, не считая меня.

Долженъ признаться, что своимъ проваломъ я былъ очень огорченъ и не удержался отъ открытаго осужденія роли губернатора. Это до него дошло и съ этой минуты Якунинъ сталъ видѣть во мнѣ врага, готоваго устроить ему всякую пакость. Онъ даже не удержался однажды и прямо мнѣ объявилъ, что я веду свою особую политику, совершенно ему вразрѣзъ. А такое обвиненіе вѣдь очень серьезно. Если вице-губернаторъ открыто идетъ противъ губернатора, имъ вмѣстѣ оставаться нельзя. Отъ такого антагонизма, конечно, всегда страдаетъ служба. Тѣмъ болѣе подобный разладъ былъ не допустимъ въ переживаемое время, когда всѣмъ надо было тѣсно сплотиться. Я это понималъ и заставилъ себя быть сдержаннѣе. Но уже было поздно и наладить довѣрчивыя отношенія не удалось. Я мало зналъ Якунина и былъ увѣренъ, что онъ сообщаетъ министерству о непріятныхъ треніяхъ, что, конечно, должно было мнѣ серьезно повредить.

Со времени вступленія въ должность Якунина и до моего отъѣзда изъ губерніи не было, кажется, крупныхъ безпорядковъ.

Мнѣ пришлось лишь разъ выѣхать въ Балаково, гдѣ нужно было какъ-нибудь упорядочить внутреннюю жизнь. Это была одна изъ крупнѣйшихъ поволжскихъ пристаней по торговлѣ хлѣ-

бомъ. Обороты ея достигали нѣсколькихъ десяковъ милліоновъ, населеніе было очень значительно и половина его состояла изъ чуждыхъ крестьянству элементовъ. Запутанность землепользованія, отсутствіе какого бы то ни было благоустройства, все это могло быть упорядочено лишь введеніемъ упрощеннаго городского самоуправленія. О такомъ рѣшеніи уже много разъ поднимался вопросъ, но всѣ усилія разбивались о нежеланіе крестьянъ уступить землю подъ городской выгонъ, улицы и т. д.

Якунинъ поручилъ мнѣ съѣздить туда и попытаться привести крестьянъ къ согласію на уступку земли.

Я пробылъ въ Балаково три дня и успѣлъ добиться такого согласія, которое крестьяне выразили приговоромъ. Но, кажется, Балаково и до сихъ поръ пребываетъ въ прежнемъ положеніи, такъ какъ министерство вырабатываетъ общій законопроектъ о введеніи городового положенія въ крупныхъ селеніяхъ, который однако, до сихъ поръ не получилъ еще силы закона.

Если не было крупныхъ безпорядковъ, то это еще не значитъ, что общее положеніе стало спокойнѣе. Агитація попрежнему дѣйствовала и предметомъ своимъ теперь избрала выборгское воззваніе, которое распространялось въ губерніи, какъ, вѣроятно, и повсюду въ неимовѣрномъ количествѣ. Однако результатовъ никакихъ не получалось. Подати поступали какъ и раньше, наборъ новобранцевъ прошелъ спокойно, если не считать обычнаго пьянства, всегда широкой волной разливающагося по Россіи во время призыва. Очевидно, открытымъ бунтомъ противъ государственности народъ было взять нельзя, его слѣдовало соблазнять землею, якобы, передаваемой самимъ Государемъ крестьянамъ, каковой передачѣ противятся господа и стоящее за нихъ мѣстное начальство. Кадеты видно совершенно не представляли себѣ психологіи мужика, а потому такъ и сѣли на мель.

Поволжскій революціонный комитетъ, хотя и не упразднялся но съ терроромъ сдѣлалъ какъ будто бы передышку. Онъ, видимо, былъ поглощенъ какими-то другими заботами.

Тѣмъ не менѣе однажды утромъ я получаю отъ одного изъ помощниковъ начальника жандармскаго управленія, замѣщавшаго уѣхавшаго въ Петербургъ полковника Боброва, слѣдующее письмо:

«Въ виду обнаруженія вблизи квартиры Вашего Превосходительства установки наблюденія за Вами со стороны революціонеровъ, покорнѣйше прошу Васъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходить изъ дому. Надлежащія мѣры охраны Васъ приняты. Когда минуетъ надобность въ такой предосторожности, я буду имѣть честь Вамъ сообщить».

Сначала, по неопытности, я ужасно возмутился этимъ письмомъ. Какъ? Вблизи моей квартиры затѣвается какая-то мерзость, извѣстная жандармской полиціи, и она вмѣсто того, чтобы захватить въ свои руки революціонное наблюденіе оставляетъ его на свободѣ, запирая меня подъ арестъ!

Но, успокоившись, я долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что иначе и дѣйствовать было, пожалуй, нельзя. Допустимъ, наблюденіе было бы захвачено. Что же съ нимъ дѣлать? Возбудить

судебное преслѣдованіе матеріала нѣтъ, административная высылка въ порядкѣ охраны—должна быть обоснована и одно нахожденіе субъекта вблизи моей квартиры не составляетъ такого обоснованія. Очевидно, приходилось ждать событій, принявъ возможныя предосторожности.

И вотъ я, какъ звѣрь въ клѣткѣ, принимаюсь бѣгать по кабинету, выходящему окнами на улицу, внимательно всматриваясь въ улицу, не замѣчу ли этого «наблюденія». Но тамъ все такъ же, какъ всегда. Проходятъ люди по своимъ дѣламъ, проѣетъ изрѣдка извозчикъ; при всемъ напряженіи вниманія—ничего подозрительнаго не улавливаешь. Заниматься чѣмъ либо невозможно, ходишь, ходишь до одуренія. Въ головѣ тѣснятся мысли: ради чего я переношу эту пытку? Все равно Якунинъ пожалуется и дѣло мое пропало. Не умнѣе ли все это бросить и уйти въ отставку, какъ совѣтуетъ моя жена, или перейти на болѣе спокойную службу. Вотъ меня знаетъ, напримѣръ, князь Б. А. Васильчиковъ, главноуправляющій землеустройствомъ, и думается, если его попросить, онъ меня возьметъ къ себѣ. Правда я дѣла не знаю, но вѣдь не боги же горшки обжигаютъ, присмотрюсь, пойму и не хуже другого справляюсь. Совѣстно, конечно, просить князя. Это будетъ похоже на бѣгство отъ опасности, такъ какъ онъ вѣрно помнитъ, какъ я добивался вице-губернаторства, а тутъ только что его получилъ и уже хлопочу о новомъ мѣстѣ. Но лучше перенести одинъ разъ этотъ стыдъ, чѣмъ терпѣть неопредѣленное время такую каторгу.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей сажусь за столъ и пишу князю письмо. И чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ, сейчасъ же письмо отправляю.

Князь Б. А. Васильчиковъ три трехлѣтія служилъ у насъ въ Новгородской губерніи губернскимъ предводителемъ дворянства. Мнѣ часто приходилось съ нимъ встрѣчаться и на собраніяхъ, и въ частныхъ домахъ, и изрѣдко бывать у него въ домѣ. Служба моя протекала на его глазахъ, онъ зналъ, на что я пригоденъ и, кажется, былъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія. Было у меня много случаевъ въ сношеніяхъ своихъ съ княземъ перейти границу почтительно-оффиціальныхъ отношеній и стать къ нему ближе. Я, напримѣръ, былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ П. П. Голицынымъ, свойкомъ князя Васильчикова и его близкимъ пріятелемъ. При посредствѣ князя Голицына очень легко можно было бы этого достигнуть. Но я какъ-то не могъ воспользоваться представлявшейся возможностью. Мнѣ все казалось, что это будетъ навязчиво, неделикатно. Гдѣ бы я ни встрѣчался съ княземъ Васильчиковымъ я чувствовалъ себя всегда связаннымъ по рукамъ и нотамъ, какъ-то моментально глупѣлъ, говорилъ вещи, за которыя потомъ краснѣлъ,—словомъ—держалъ себя въ его присутствіи какимъ-то болѣзненно конфузливымъ мальчикомъ. До сихъ поръ не могу понять причину такихъ странныхъ ощущеній. Князь вовсе не былъ высокомѣренъ или не любезенъ. Напротивъ того, мнѣ даже иногда казалось что онъ самъ удивляется такой моей манерѣ себя держать и можетъ быть объяснялъ ее совсѣмъ

не тѣми побужденіями, какія на самомъ дѣлѣ существовали. Но я никакъ не могъ себя предолѣть.

Подъ домашнимъ арестомъ я высидѣлъ двое сутокъ. На третье утро это стало не вмоготу и я рѣшилъ кончить съ этимъ глупымъ положеніемъ, позвалъ извозчика и поѣхалъ къ губернатору объявить, что я больше скрываться не буду и пусть онъ велитъ жандармскимъ властямъ принять какія угодно мѣры. Якунинъ очень удивился моему пріѣзду, но, вѣроятно, понявъ, что я не отступлю отъ своего рѣшенія, не сталъ меня уговаривать и обѣщалъ сказать полковнику Боброву. Не знаю, исполнилъ ли онъ это обѣщаніе, я не спрашивалъ.

Снова потекла та-же жизнь; часовъ въ 11 я уходилъ пѣшкомъ заниматься въ Губернское Правленіе, сидѣлъ тамъ часовъ до 3, если не было какихъ-либо засѣданій, а если были—ѣхалъ въ губернаторскій домъ, гдѣ они тогда происходили. Вечеромъ я уходилъ куда-либо въ гости. И такъ изо дня въ день. Въ концѣ октября мнѣ понадобилось съѣздить домой. Получивъ согласіе Якунина, я испросилъ телеграфомъ разрѣшеніе Министра и на другой день его получилъ.

Хотя пароходы еще не прекратили рейсовъ, я рѣшилъ ѣхать желѣзной дорогой, чтобы выиграть время. Не желая обращать вниманія революціонеровъ на свой отъѣздъ, я просилъ полицiймейстера распорядиться занять мнѣ купэ перваго класса, не говоря никому, для кого оно назначается и просилъ не освѣщать парадныхъ комнатъ на вокзалѣ, куда мы съ губернаторомъ обыкновенно пріѣзжали и гдѣ ждали отхода поѣзда. Пріѣзжаю на вокзалъ и вижу въ парадныхъ комнатахъ полное освѣщеніе. Это было ужасно досадно. Очевидно, полицiймейстеръ забылъ сказать. А разъ было освѣщеніе, слѣдовательно всѣ знали, что я ѣду. Минутъ за 15 до отхода я пошелъ садиться въ вагонъ, въ которомъ другихъ пассажировъ не было. Разложивъ вещи, я, стоя у окна, выходящаго на платформу, разговаривалъ съ полицiймейстеромъ. Мнѣ бросился въ глаза какой-то молодой человѣкъ въ черной рубахѣ и фетровой шляпѣ, который взадъ и впередъ ходилъ около моего вагона. Потомъ онъ на нѣкоторое время исчезъ и снова явился минутъ такъ за 5 до отхода поѣзда. Въ это время въ вагонъ вошелъ какой-то толстый типъ, очень небрежно одѣтый, безъ всякихъ дорожныхъ принадлежностей и усѣлся въ общемъ отдѣленіи рядомъ съ моимъ купе. Вслѣдъ за нимъ открывается дверь и входитъ замѣченный мною молодой человѣкъ и тоже садится. Оба они были такъ далеки отъ обычнаго облика пассажира перваго класса, что у меня сердце такъ и упало. Бывшій на платформѣ жандармскій вахмистръ сталъ тоже очень подозрительно засматривать въ вагонъ. Я сейчасъ же рѣшилъ, что все это не спроста и на меня напалъ такой животный ужасъ, не преувеличиваю выраженія, что я позвалъ перваго попавшагося носильщика, приказалъ взять свои вещи и отнести обратно въ парадныя комнаты. Полицiймейстеръ вытаращилъ глаза отъ изумленія. Выйдя изъ вагона, я разсказалъ ему о своемъ страхѣ и о рѣшеніи не ѣхать сегодня, а вернуться домой. Полицiймейстеръ передалъ объ этомъ жандармскому

вахмистру, приказавъ послѣдить за странными пассажирами, и отдалъ ему мой билетъ сдать въ кассу. Я сѣлъ на извозчика, дѣло было около часу ночи, и совершенно подавленный поѣхалъ, распростившись съ полиціймейстеромъ. Рука моя лежала все время на браунингѣ, я пугливо оглядывался, нѣтъ ли за мной погони. Когда я вернулся домой, со мной случился сильный нервный пароксизмъ: лихорадка меня до такой степени била, что я не могъ промолвить слова и не смогъ объяснить людямъ своего неожиданнаго возвращенія. Цѣлую ночь я почти не сомкнулъ глазъ. На утро лихорадка возобновилась съ прежней силой; я бѣгалъ изъ угла въ уголъ, обдумывая, какъ же слѣдуетъ поступить далѣе. Очевидно, на скромность полиціймейстера разсчитывать было нельзя. А потому я и рѣшилъ ему ничего не говорить о своихъ намѣреніяхъ и потихоньку послалъ своего человѣка взять мнѣ каюту на пароходѣ, отнюдь не говоря никому, что это для меня. Пароходъ уходилъ засвѣтло. Съ біеніемъ сердца доѣхалъ я до пристани задолго до отхода парохода. Сѣлъ въ каюту, заперъ двери, опустилъ на окнѣ жалюзи и сталъ смотрѣть сквозь щели жалюзи, нѣтъ ли кого-нибудь подозрительнаго на пристани. Вниманіе мое остановилось на какомъ-то человѣкѣ въ очкахъ съ наружностью полуинтеллигента. Онъ стоялъ одинъ у входного трапа и все кругомъ осматривался, точно кого ждалъ. Такъ онъ все время простоялъ и когда стали убирать трапъ, только тогда вошелъ на пароходъ. Я его нѣсколько разъ видѣлъ прогуливающимся вокругъ рубки съ каютами. Все время я только о томъ и думалъ, какъ бы обмануть бдительность этого субьекта и ускользнуть отъ его наблюденій. Я не сомнѣвался почему-то, что онъ именно за мной наблюдаетъ. Когда мы подъѣзжали къ Симбирску, вдругъ мнѣ пришла идея остановиться тутъ, поѣхать въ городъ, отыскать жену моего брата, съ которой онъ уже давно разошелся, и провести съ нею день. Оставалось узнать, когда будетъ слѣдующій пароходъ той же компаніи. Оказалось, что онъ приходитъ въ Симбирскъ ночью около 11—12 часовъ и что я могу прервать свое путешествіе съ тѣмъ же билетомъ. Такъ и сдѣлалъ. Когда пароходъ пришелъ и волна пассажировъ схлынула, я позвалъ матроса и приказалъ вынести свои вещи на извозчика. Сдѣлалъ я это, какъ мнѣ казалось, очень удачно, не натолкнувшись на тревожившаго меня господина.

Облегченно вздохнувъ, совершенно успокоившись, я приказалъ отвезти себя въ лучшую гостиницу и занялъ тамъ номеръ. Не помню, какъ называлась эта гостиница, но при ней въ одномъ зданіи находился городской театръ. Помѣщалась она недалеко отъ кадетскаго корпуса. Выпивъ кофе, помывшись, въ отличномъ бодромъ расположеніи духа я пошелъ побродить по городу, ходилъ къ губернаторскому дому, гдѣ такъ недавно погибъ бѣдный Старынкевичъ и все пытался представить себѣ мѣсто, гдѣ онъ упалъ сраженный бомбой. Видимыхъ слѣдовъ не было. Городъ показался мнѣ совершенно банальнымъ русскимъ, губернскимъ городомъ, ничего красиваго въ немъ не было. Единственная достопримѣчательность—длинный крутой подъемъ къ городу отъ Волги. Отсюда открывается по временамъ широкая очень красивая панорама.

Вернувшись въ гостиницу, пошелъ обѣдать въ ресторанъ при ней. Народу было тамъ очень немного. Сидя за столикомъ, я попытался разобраться, что же такое со мной случилось за эти два дня? Такого ужаса, какъ пришлось мнѣ пережить за это время, я никогда въ жизни не испытывалъ, хотя бывалъ въ положеніяхъ гораздо болѣе опасныхъ, хотя бы даже въ той самой Самарѣ. Очевидно, мнѣ грозила тогда въ вагонѣ серьезная бѣда и, какъ человѣкъ нервный, я постигъ ее предчувствіемъ. Предчувствіе это было такъ явственно, хотя и не выливалось въ опредѣленные образы, что оно меня глубоко потрясло и сдѣлало нервно нездоровымъ. Явныхъ признаковъ опасности тогда въ вагонѣ, въ сущности, не было. Ну, что же, въ вагонъ перваго класса, гдѣ не было пассажировъ, вошли типы съ видомъ неподходящимъ. Вѣдь это могли быть какіе-нибудь телеграфисты или другіе служащіе желѣзной дороги, ѣхавшіе до ближайшей станціи и вошедшіе въ тотъ вагонъ, гдѣ было много свободныхъ мѣстъ. Правда, мелкіе служащіе обыкновенно не смѣютъ занимать мѣстъ въ первомъ классѣ и устраиваются во второмъ. Но поѣздъ могъ быть очень переполненнымъ и во второмъ классѣ могло не быть свободныхъ мѣстъ. Соображенія эти скользнули въ мозгу, но были не въ силахъ побороть инстинкта и у меня не было тѣни сомнѣнія, что я ушелъ тогда отъ безспорной опасности. Другое дѣло съ господиномъ на пароходѣ. Онъ могъ быть самымъ заурядным пассажиромъ, вышедшимъ для разнообразія на пристань. Что же на пристани дѣлать? Очевидно, только и остается разсматривать подъѣзжающихъ новыхъ пассажировъ или что-либо въ этомъ родѣ. Будучи нездоровымъ, я своимъ воображеніемъ отыскалъ въ немъ что-то подозрительное, тогда какъ въ дѣйствительности все было заурядно, обыкновенно. Эти мысли меня настолько успокоили, что я совсѣмъ пересталъ думать объ этой встрѣчѣ.

Разумѣется въ такомъ остромъ переживаніи этого ужаса сыграла свою роль и вся совокупность моей тогдашней самарской жизни. Вѣчная тревога, унылое равнодушіе, весьма частыя сильныя встряски все это заставляло нервы усиленно работать почти безъ перерыва въ теченіе трехъ съ лишнимъ мѣсяцевъ. Какъ я ни былъ здоровъ, все таки-же я не двужильный. Вотъ, наконецъ, эти переживанія и вылились въ нервный пароксизмъ.

Я не зналъ адреса своей belle-soeur, которая жила въ Симбирскѣ съ теткой въ собственномъ домѣ. По послѣднему признаку я надѣялся ихъ разыскать. Оказалось, что лакеи ресторана тетку знали и сказали мнѣ ея адресъ.

Пріѣхавъ туда, я засталъ ихъ обѣихъ дома. Онѣ очень обрадовались моему пріѣзду, хотя мы были очень мало знакомы, и я довольно пріятно провелъ съ ними вечеръ. Belle-soeur съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 18, впослѣдствіи жившимъ у меня нѣкоторое время въ Пензѣ, вызвались проводить меня на пристань. Парохода пришлось ждать съ полчаса. На пристани кромѣ служащихъ, другихъ пассажировъ не было. На пароходѣ нашлась свободная каюта, я раздѣлся и послѣ столькихъ потря-

сеній сейчасъ же крѣпко уснулъ и проснулся только уже передъ Казанью.

Когда я выпилъ кофе, пароходъ подходилъ къ казанской пристани. Я вышелъ на балконъ погулять и смотрѣлъ на выходящихъ на берегъ пассажировъ. Вдругъ меня поразило, какъ громомъ: среди выходящихъ я увидѣлъ своего господина въ очкахъ. Какъ могъ онъ очутиться опять на одномъ пароходѣ со мной, когда я его оставилъ на прежнемъ, и въ Симбирскѣ его на пристани при посадкѣ на новый пароходъ не было и я не могъ его просмотрѣть? Это было совершенно непостижимо и доказывало съ безспорной очевидностью, что онъ слѣдуетъ за мной по-пятамъ и, конечно, съ недоброй цѣлью. Вѣроятно, за Симбирскомъ онъ обнаружилъ мое исчезновеніе, разспросилъ матросовъ, гдѣ я вышелъ и зная, что у меня билетъ взятъ до Нижняго, а это онъ могъ узнать отъ пароходной прислуги, которая, конечно, знала, самарскаго вице-губернатора, высадился на какой-нибудь промежуточной станціи и сталъ ждать слѣдующаго парохода въ Нижній. Какъ только онъ узналъ, что я ѣду именно на этомъ пароходѣ, а не остался въ Симбирскѣ ночевать? Пароходная прислуга едва ли могла ему сказать, такъ какъ я былъ въ штатскомъ, а наружность моя едва ли была всѣмъ извѣстна, очень ужъ я недолго жилъ въ Самарѣ, да и пароходъ шелъ снизу, а не изъ Самары. Шелъ онъ на авось что ли? Я прямо терялся въ догадкахъ. На душѣ было очень безпокойно, хотя не такъ ужасно, какъ въ прошлый рейсъ. Меня утѣшало еще предположеніе, что, можетъ быть, этотъ человѣкъ останется въ Казани и я поѣду далѣе спокойно. Я не сходилъ съ балкона, слѣдя за входящими на пароходъ пассажирами. Это было очень скучно, такъ какъ въ Казани мы стояли болѣе часа. Увы, послѣ перваго звонка показался мой незнакомецъ и вошелъ на пароходъ.

Въ непрерывной тревогѣ пріѣхалъ я, наконецъ, въ Нижній.

Все время разыскивая глазами своего незнакомца, я нигдѣ его не видѣлъ. На ту сторону Волги, чтобы попасть на Московскій вокзалъ, насъ перевозили на паромѣ. Тутъ всѣ были на виду, незнакомца не было. Пріѣхавъ на вокзалъ, я розыскивалъ начальника Жандармскаго Управленія и все ему разсказалъ, назвавъ себя. Онъ принялъ во мнѣ большое участіе, успокаивалъ, что вся эта исторія мнѣ, можетъ быть, показалась, и обѣщалъ во всякомъ случаѣ около моего купе въ вагонѣ помѣстить жандармскаго унтеръ-офицера, которому поручитъ охранять меня до самой Москвы.

Вспоминая теперь всю эту странную исторію, я иногда думаю, не былъ ли этотъ господинъ просто жандармскимъ агентомъ, приставленнымъ меня охранять полковникомъ Бобровымъ? Ему могло быть поручено сопровождать меня до Нижняго, а тамъ, гдѣ меня никто не знаетъ, вернуться назадъ. Я разсказывалъ Боброву эту исторію, но онъ ничего мнѣ не сказалъ да и не могъ, конечно, сказать, такъ какъ своихъ тайныхъ сотрудниковъ жандармы совершенно правильно ото всѣхъ тщательно скрываютъ, не забывая, что извѣстное двумъ не составляетъ уже ни для кого секрета.

Въ Новгородѣ у себя дома я пробылъ нѣсколько дней, пока устроилъ свои дѣла. За это время я совсѣмъ отдышался и отдѣлался отъ своего унылаго безразличія, снова сталъ радостно жить. Изъ Новгорода я рѣшилъ съѣздить въ Петербургъ поразузнать, жаловался ли на меня Якунинъ и если жаловался, то какое это произвело впечатлѣніе. Кстати, я рѣшилъ представиться П. А. Столыпину.

Столыпинъ въ это время жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, ближайшій подъѣздъ отъ Милліонной. Послѣ покушенія на Аптекарскомъ Островѣ доступъ къ нему былъ обставленъ нѣкоторыми предосторожностями. Надо было явиться въ канцелярію министра къ директору Кнолю, записаться у него и ждать особаго пригласительнаго письма съ указаніемъ времени пріема. Это письмо предъявлялось въ швейцарской при входѣ. Во время пріема Кноль все время находился въ пріемной и, конечно, видѣлъ, кто пріѣзжалъ. Казалось, что было сдѣлано все возможное для предупрежденія новаго покушенія.

Изъ швейцарской поднимаешься по безконечной лѣстницѣ въ одинъ маршъ во второй этажъ. Пріемная полутемная большая комната съ очень потрепанной, совсѣмъ не нарядной мебелью. Направо отъ входа въ пріемную—длинная комната, въ родѣ галлереи, куда выходила дверь изъ кабинета министра. Въ этой галлереи сидѣли чиновники особыхъ порученій, вводившіе представлявшихся къ министру. Отдѣлка комнатъ хотя и была когда-то хорошая, но теперь производила впечатлѣніе полной запущенности. Вообще—все было далеко не парадно и, конечно, много хуже, чѣмъ въ министерскомъ домѣ на Фонтанкѣ, хотя гораздо грандіознѣе.

Я получилъ пригласительное письмо на пріемъ чуть ли не на другой день послѣ своего пріѣзда, а потому не успѣлъ еще побывать въ министерствѣ и навести нужныя справки.

Я ждалъ своей очереди въ пріемной съ большимъ безпокойствомъ и былъ увѣренъ, что Столыпинъ будетъ говорить мнѣ непріятныя вещи вслѣдствіе жалобъ Якунина.

Наконецъ, моя очередь. Вхожу въ кабинетъ, большую свѣтлую залу, отлично обставленную. Письменный столъ стоитъ посрединѣ, нѣсколько ближе къ окнамъ.

Петръ Аркадьевичъ, по обыкновенію съ нахмуренными бровями, но съ привѣтливымъ выраженіемъ глазъ, пригласилъ меня сѣсть у стола и сказалъ:

— Я очень радъ, что не ошибся, назначивъ васъ вице-губернаторомъ. Вы отлично справлялись въ трудныхъ обстоятельствахъ и держали себя достойно. Всѣ ваши распоряженія были правильны продуманы безъ вредной горячности. Благодарю васъ очень.

Я такъ и расцвѣлъ. Вмѣсто ожидаемаго выговора получить благодарность, да еще въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, было тѣмъ болѣе пріятно, чѣмъ неожиданнѣе это случилось.

Министръ сталъ разспрашивать меня о подробностяхъ убійства Блока, объ общемъ положеніи въ губерніи. Между прочимъ, я ему разсказалъ о письмѣ жандармовъ, посадившихъ меня подъ домашній арестъ.

— Мнѣ это очень знакомо, — сказалъ Петръ Аркадьевичъ, — въ Саратовѣ начальникъ жандармскаго управленія изъ окна моего кабинета показывалъ мнѣ на противоположномъ тротуарѣ человѣка, который тамъ дежурилъ, чтобы меня убить. Не скажу, чтобы было очень пріятно на него глядѣть.

О новомъ губернаторѣ Столыпинъ ни слова не сказалъ и меня не спросилъ о впечатлѣніи.

Отпуская меня и подавая руку, министръ сказалъ:

— Еще разъ благодарю васъ. Я вамъ дамъ дальнѣйшее движеніе.

Конечно, я былъ очень счастливъ услышать такія слова и понялъ ихъ такъ, что если и впредь служба моя будетъ проходить благополучно, то годика черезъ 2—3 я буду назначенъ губернаторомъ. Ни одной минуты я не относилъ этого обѣщанія на ближайшее будущее.

Сіяющій вышелъ я изъ дворца и поѣхалъ домой переодѣваться. Значитъ, Якунинъ на меня не жаловался и всѣ мои опасенія за будущую карьеру оказались пока не основательными.

Въ Петербургѣ я задержался не долго, въ министерство не ходилъ и бодрымъ уѣхалъ въ Самару.

По возвращеніи я не преминулъ разсказать о своемъ представленіи Столыпину и о полученной благодарности.

Жизнь пошла попрежнему безъ особыхъ треволненій.

Губернскій предводитель А. Н. Наумовъ пріѣхалъ въ это время изъ-за границы и принималъ участіе и въ засѣданіяхъ, и въ общественной жизни, т. е. появлялся въ обществѣ и иногда звалъ и къ себѣ по-холостому, такъ какъ семья его продолжала жить во Франціи.

Какъ-то вечеромъ позвалъ онъ къ себѣ В. В. Якунина. Пригласилъ и меня. Тутъ я впервые увидѣлъ внутренность его дома. Ранѣе я далѣе кабинета не бывалъ. Прекрасныя большія комнаты, отлично отдѣланныя и хорошо обставленныя, большой залъ, кажется, въ два свѣта, прислуга выдержанная и многочисленная. Словомъ—вполнѣ барскій домъ. Мы сѣли играть въ карты, а Якунинъ въ карты не игралъ. По его словамъ, онъ прежде велъ большую игру. Но однажды, попавъ въ Монте-Карло на Французской ривьерѣ, проигралъ тамъ въ рулетку цѣлое состояніе, что-то болѣе ста тысячъ рублей. Занявъ у кого-то нѣсколько тысячъ рублей, онъ снова поѣхалъ туда играть и вернувъ значительную часть проиграннаго, далъ слово больше въ азартныя игры не играть, а также и бросить карты. При мнѣ онъ, дѣйствительно никогда не игралъ, но я слышалъ, что позднѣе онъ иногда отдавался этому развлеченію. Не знаю, насколько это вѣрно.

Пріемъ Наумовъ сдѣлалъ на славу, великолѣпный ужинъ, дорогія вина, прекрасная сервировка. Мы отлично провели вечеръ. Послѣ того, мнѣ больше у него бывать не пришлось. На праздники онъ уѣхалъ къ семьѣ.

6 Декабря былъ праздникъ въ жандармской командѣ. Послѣ собора всѣ поѣхали къ Боброву, поселившемуся вмѣстѣ съ Управленіемъ въ очень глухомъ мѣстѣ въ концѣ города. Я находилъ такой выборъ неосторожнымъ, но Бобровъ, кстати сказать, очень

мужественный человѣкъ, съ этой стороной не хотѣлъ считаться, находя такую изолированность очень удобной по роду своей службы. Я такъ мало былъ посвященъ въ жандармскіе распорядки, что конечно, не могъ оцѣнить этихъ удобствъ. Былъ очень людный завтракъ, а потомъ мы сѣли играть въ карты, а Якунинъ уѣхалъ домой.

Часовъ въ 8 вызываетъ меня къ телефону Якунинъ и поздравляетъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

По установившемуся обычаю губернатора и вице-губернатора принято величать превосходительствомъ, независимо отъ чина.

Мнѣ было все-таки пріятно стать настоящимъ превосходительствомъ, а не маргариновымъ. Кромѣ того, долженъ признаться, тѣшило право носить на пальто красную генеральскую подкладку, которой я не замедлилъ сейчасъ же и обзавестись.

Не думаю, чтобы въ этомъ случаѣ я проявилъ какую-либо исключительную пустоту. Увы, если впрочемъ есть основаніе этимъ огорчаться, человѣчество вообще падко на внѣшнія отличія и эта черта повсюду бываетъ широко использована. Я никогда не вѣрилъ людямъ, утверждавшимъ, что они вполнѣ равнодушны ко всякимъ отличіямъ, а если такое равнодушіе дѣйствительно иногда существуетъ, то въ общемъ оно такъ необычайно, что представляется чуть ли аномаліей. Мы, русскіе, считаемъ почему-то стыдомъ признаваться, что насъ радуютъ ордена, громкіе титулы, красивая форма. Тѣмъ не менѣе мы ими дорожимъ не менѣе другихъ народовъ и нашимъ къ нимъ пристрастіемъ широко питается благотворительность. Рождество прошло для меня очень грустно: впервые я проводилъ его одинъ, безъ семьи. Добрая М-me Якунина должно быть чутьемъ угадывала это состояніе и чуть не ежедневно звала къ себѣ играть въ винтъ. У нея въ это время гостила m-me Гирсъ, жена ревельскаго вице-губернатора А. Ѳ. Гирса, нынѣ Минскаго губернатора. М-me Гирсъ любила играть въ карты. Четвертымъ партнеромъ у насъ бывалъ обыкновенно А. А. Ушаковъ.

Самъ Гирсъ былъ командированъ наблюдать за продовольственнымъ дѣломъ въ нѣсколькихъ сосѣднихъ съ нами губерніяхъ. Но въ чемъ заключались его въ этой области обязанности— я не помню. Продовольственное дѣло отъ меня отошло и имъ вѣдалъ самъ губернаторъ. Гирсъ часто пріѣзжалъ въ Самару къ Якунинымъ, съ которыми жена его близко познакомилась въ Одессѣ у своихъ родственниковъ Нейдгартовъ. Гирсы были очень симпатичные и выдержанные люди.

Какъ-то въ самомъ концѣ Декабря или началѣ Января получилъ я отвѣтное письмо отъ князя Васильчикова. Онъ предлагалъ мнѣ должность Управляющаго Государственными Имуществами въ Туркестанѣ, прибавляя что теперь эта обязанность получаетъ особое государственное значеніе въ виду предстоящаго значительнаго развитія оросительныхъ работъ и расширенія культуры хлопка. Въ концѣ письма князь добавляетъ:

«Долженъ васъ однако, предупредить, что переходомъ вашимъ въ вѣдомство земледѣлія П. А. Столыпинъ будетъ очень недоволенъ, такъ какъ онъ предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ пред-

ложить вамъ мѣсто губернатора. Подумайте, и о своемъ рѣшеніи меня извѣстите».

Письмо это повергло меня въ большое волненіе. Съ одной стороны, я былъ глубоко благодаренъ князю за довѣріе и столь интересное предложеніе. Туркестанъ рисовался въ моемъ воображеніи какой-то обѣтованной землей съ его чуднымъ климатомъ, подтропической растительностью, дѣвственной ширью. Поработать у такого новаго дѣла, какъ оживленіе сожженной солнцемъ пустыни и культуры величайшей важности промышленнаго растенія-хлопка было очень заманчиво. Я не зналъ, конечно, этого дѣла, оно и вообще въ Россіи было еще новостью, но меня успокаивало то соображеніе, что въ распоряженіи Управленія будутъ даны достаточныя техническія силы, такъ что на мнѣ будетъ лежать главнымъ образомъ административная часть, съ которой при добросовѣстной работѣ, пристальной наблюдательности, нѣкоторой способности не упускать изъ вида заданіе, увлекаясь подробностями, всегда можно было справиться.

Я не зналъ на что рѣшиться; ни одно изъ изложенныхъ сообрабылъ увѣренъ, что оно обставлено порядочно. И дѣйствительно, по справкамъ, оказалось, что эта должность IV класса, какъ и губернатора, жалованья полагалось 6.000 рублей.

Съ другой стороны, возможность скоро получить постъ губернатора казалась еще привлекательнѣй. Разумѣется, по текущему времени эта обязанность сопряжена съ большой затратой нервной силы, исполненіе ея за совѣсть окружено серьезной опасностью, но все это искупается почетнымъ положеніемъ, самостоятельностью, хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Едва ли положеніе губернатора будетъ когда-либо болѣе тяжелымъ, чѣмъ это было со мною за послѣдніе мѣсяцы въ Самарской губерніи, а вѣрь пережилъ же я его и довольно благополучно, не расшатавъ здоровья. Въ то-же время въ головѣ роились мысли: «а вспомни, каково-то было переживать весь этотъ ужасъ. Къ чему почетъ и матеріальныя блага, когда нѣтъ желанія все это цѣнить, когда гнетущее уныніе самую жизнь дѣлаетъ сѣрой, безцвѣтной, безъ просвѣта? Не буду ли я тысячу разъ каяться, что предпочитаю спокойное существованіе, заполненное интереснымъ дѣломъ, какой-то неустанной грызущей борьбѣ, безъ всякой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ?»

Я не зналъ на что рѣшится; ни одно изъ изложенныхъ соображеній какъ-то не могло возабладать надъ другимъ.

Въ такомъ состояніи я пошелъ въ гости къ полковнику Боброву, съ которымъ у меня установились довѣрчивыя отношенія. Я откровенно разсказалъ ему о полученномъ письмѣ и о своихъ колебаніяхъ принять то или иное рѣшеніе. Бобровъ прямо на меня накинулся:

— Ну, развѣ можетъ быть вопросъ о томъ, что лучше?

Управляющій государственными имуществами, какимъ бы райономъ онъ ни вѣдалъ, все-таки чинъ второстепеннаго значенія, безъ виднаго общественнаго положенія, почти безъ всякой самостоятельности. Это органъ, по преимуществу, фискальный: не будете вы давать хорошихъ доходовъ, ваша дѣятельность цѣнится

не будетъ. А вѣдь быть хорошимъ хозяиномъ въ этомъ смыслѣ— не всякому дано. Тутъ всегда нужна, сказалъ бы я, извѣстная доля кулачества, безъ нея хозяйство будетъ хромать. Совсѣмъ другое губернаторство: вы первый человѣкъ въ губерніи, съ вами всѣ считаются, каждый дорожитъ вашимъ расположеніемъ. Пріѣзжаете вы, скажемъ, въ Петербургъ, вамъ всѣ двери открыты, къ вашему голосу прислушиваются. При этомъ чудная квартира, порядочное содержаніе. Разумѣется, теперь губернатору приходится туго: но вѣдь не вѣчно же будетъ такое положеніе. Все-таки смута идетъ на убыль. И, если принимать рѣшеніе на многіе годы впередъ, развѣ можно исходить изъ переживанія текущей минуты, нужно смотрѣть впередъ. Эти слова показались мнѣ вѣрными и я сказалъ, что еще о нихъ подумаю.

Вернувшись домой, я сейчасъ-же написалъ князю Васильчикову, благодаря его за доброе ко мнѣ участіе, но отъ должности управляющаго имуществами отказался. Я боялся, что князь поставитъ мнѣ въ вину, что я его напрасно утруждалъ; но меня утѣшало лишь то, что онъ самъ не нашелъ нужнымъ скрывать отъ меня о намѣреніяхъ П. А. Столыпина.

Получивъ такое компетентное извѣщеніе, что мнѣ будетъ предложено губернаторство въ недалекомъ будущемъ, я все-таки понималъ это «недалекое будущее» въ смыслѣ года, ну, въ лучшемъ случаѣ полугода. А потому не испытывалъ ни малѣйшей лихорадки ожиданія и при освобожденіи губернаторскихъ вакансій нисколько не считалъ себя однимъ изъ кандидатовъ, интересуясь ихъ замѣщеніями постольку же, какъ и всякій читающій газеты.

А въ январѣ освободились двѣ вакансіи: въ Нижнемъ ушелъ въ связи съ дѣломъ Лидваля баронъ Фредериксъ, а 21 января убили въ Пензѣ губернатора Александровскаго. Меня особенно интересовало, кѣмъ замѣстятъ нижегородскую вакансію, такъ какъ это Поволжская губернія, приходится черезъ нее проѣзжать, да и вообще она считается видной; за ярмарку губернаторъ получалъ тамъ добавочное, чуть-ли не 7 тысячъ рублей, содержаніе. Туда назначали обыкновенно одного изъ опытныхъ давно служившихъ губернаторовъ. Конечно, и Пенза меня нѣсколько интересовала, такъ какъ я тамъ работалъ и у меня было много знакомыхъ, но все-таки о ней я думалъ лишь мелькомъ. Во время теченія у насъ продовольственной кампаніи, послѣ пріѣзда Якунина, министерство присылало въ Самару нѣсколько разъ бессарабскаго вице-губернатора М. Н. Шрамченко, на котораго, насколько помню, была возложена забота о своевременномъ направленіи купленнаго правительствомъ хлѣба въ каждую изъ порученныхъ ему губерній. Я такъ неувѣренно говорю о роли Шрамченко потому, что стоялъ при Якунинѣ совершенно въ сторонѣ отъ продовольственнаго дѣла и принималъ въ немъ участіе лишь какъ членъ губернскаго присутствія, въ засѣданіяхъ. А потому я не видѣлъ, что именно онъ у насъ дѣлалъ, а засѣданія присутствія, вѣроятно, давали для сужденія о томъ мало матеріаловъ. Съ Шрамченко я встрѣчался нѣсколько разъ у Якунина и въ губернскомъ присутствіи. Это былъ очень красивый господинъ, еще молодой. Онъ мнѣ говорилъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ

непремѣннымъ членомъ Черниговскаго губернскаго присутствія и во время аграрныхъ безпорядковъ ѣздилъ по губерніи съ войсками для возстановленія спокойствія. Миссія эта была очень тяжелая и опасная. Революціонеры не легко мирились съ людьми, которые спутывали имъ карты, а потому на него очень охотились. Но, слава Богу, онъ уцѣлѣлъ и за эту работу былъ назначенъ въ Бессарабію. Знакомство съ нимъ и ограничилось этими мимолетными встрѣчами.

По воскресеньямъ Якунинъ часто уѣзжалъ на охоту передавая мнѣ наружное управленіе губерніей. Возвращался онъ обыкновенно поздно вечеромъ.

Въ одно изъ такихъ воскресеній, числа такъ 23 или 24 января, приносятъ мнѣ телеграмму, адресованную на мое имя. Открываю и оказывается, что она зашифрована. Открыта лишь послѣдняя фраза: «о своемъ согласіи телеграфируйте. Арбузовъ». Не подлежало сомнѣнію, что мнѣ предлагается губернаторство, такъ какъ директоръ общаго департамента запрашивалъ на что-то моего согласія, другихъ какихъ либо дѣлъ, требующихъ моего согласія не было. Я безконечно обрадовался, заволновался. Спрашиваю по телефону правителя канцеляріи и прошу его въ личное мнѣ одолженіе пріѣхать ко мнѣ съ шифромъ расшифровать телеграмму. Къ моему жестокому огорченію, правитель сообщилъ, что шифръ хранятся у самого Якунина въ столѣ и надо будетъ ждать его возвращенія съ охоты, что будетъ еще такъ не скоро. Нетерпѣніе меня сжигало. Куда меня назначаютъ въ Нижній или Пензу? По всей вѣроятности, въ Пензу, другихъ вакансій не было.

Вдругъ вспоминаю, что начальникъ губернскаго жандармскаго управленія никогда не просилъ расшифровывать ему телеграммъ, значитъ у него есть ключъ. Звоню къ Боброву. Я не ошибся. Бобровъ проситъ прислать ему телеграмму и онъ сейчасъ ее разберетъ. Я попросилъ его тотчасъ-же по прочтеніи по телефону сказать мнѣ только слово: Пенза или Нижній. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи я сталъ шагать. Бобровъ жилъ отъ меня не далеко. Минутъ черезъ двадцать раздается звонокъ телефона и Бобровъ говоритъ: «Пенза».

И такъ — черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ вице-губернаторства я Пензенскій губернаторъ! Успѣхъ прямо необычайный, если принять во вниманіе, что у меня не было никакой протекціи и что стояло время, когда въ выборѣ губернаторовъ нужно было быть особенно разборчивымъ; стало быть за мною дѣйствительно признаются нѣкоторыя заслуги, въ которыхъ я самъ, говорю это чистосердечно, безъ всякой напускной скромности, вовсе не былъ увѣренъ. Таково уже свойство моего характера: всегда и во всемъ въ себѣ сомнѣваешься и часто съ искреннимъ огорченіемъ упрекать себя въ банальной посредственности, въ неспособности стать выше самыхъ заурядныхъ людей. Я не скажу, чтобы успѣхъ поднималъ во мнѣ самомнѣніе, по крайней мѣрѣ въ мысленной бесѣдѣ съ самимъ собой, но онъ меня радовалъ тѣмъ, что въ глазахъ людей это все-таки патентъ на право стать выше средняго уровня. Въ душѣ я приписывалъ этотъ успѣхъ предопредѣленію, этому таинственному повелителю судебъ людей, уга-

дать рѣшенія котораго не дано слабому человѣческому предвидѣнію. Какъ иначе объяснить себѣ невѣроятныя по своей неожиданности глубокія перемѣны въ судьбѣ человѣка? Вы совершаете извѣстный поступокъ, попадаете въ такую обстановку, что считаете для себя все погибшимъ, а смотришь эта самая якобы катастрофа — лишь первый шагъ къ вашему благополучію и наоборотъ. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ осязательнѣе убѣждаешься, что самъ человѣкъ вовсе не авторъ своей судьбы, и что клубокъ жизни развертывается совсѣмъ не въ ту сторону, въ которую вы бы хотѣли и куда его пытались направлять. Представленіе о свободной, якобы, волѣ—это лишь горделивая иллюзія. Умные люди совершаютъ обдуманно изъ рукъ вонъ глупые по послѣдствіямъ поступки, имъ кажется на основаніи скуднаго человѣческаго опыта, что они уловили тайну, управляющую причиной и слѣдствіемъ, а жизнь на каждомъ шагу опрокидываетъ такое заблужденіе, нисколько, впрочемъ, не исцѣляя близорукаго самомнѣнія.

Эта твердая вѣра въ то, что судьба каждаго человѣка заранѣе до мельчайшихъ подробностей вырѣшена, никогда меня не оставляла съ самой ранней молодости. Думаю, что она во мнѣ укрѣпилась особенно твердо вотъ съ какого случая.—Я привожу его здѣсь, не боясь быть смѣшнымъ, потому что далъ себѣ слово быть искреннимъ до конца и говорить здѣсь съ полной откровенностью обо всемъ, что такъ или иначе меня волновало въ эти памятные годы.

Когда я былъ кадетомъ и перешелъ въ 5-й классъ, мнѣ не было еще тогда 15 лѣтъ, мы поѣхали лѣтомъ изъ Петербурга въ свое имѣніе въ Бобруйскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. По дорогѣ отецъ мой рѣшилъ заѣхать въ деревню къ своей старшей сестрѣ въ Могилевской губерній, Оршанскаго уѣзда, близъ Толочина, у которой жилъ его отецъ, мой дѣдъ, старикъ 105 лѣтъ. Пріѣхали мы къ теткѣ подъ вечеръ, когда дѣдъ уже легъ спать и его видѣть было нельзя. На другой день утромъ меня къ нему повели. Когда мы вошли, на встрѣчу къ намъ поднялся согбенный старецъ, не такъ давно потерявшій зрѣніе, съ розовымъ, довольно свѣжимъ хотя и морщинистымъ лицомъ, бѣлыми какъ лунь вполнѣ сохранившимися волосами, такой же не особенно длинной бородой. Онъ смотрѣлъ своими потухшими глазами кверху, нѣсколько приподнявъ голову, точно искалъ вдохновленія тамъ въ небѣ, подошелъ шаркающими шагами ко мнѣ и какимъ-то особо торжественнымъ голосомъ, положилъ свою руку мнѣ на голову, сказалъ: «я вижу, ты будешь со временемъ вторымъ графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ».

Болѣе онъ ничего не сказалъ, сѣлъ и, казалось, задремалъ. Мы вышли тихонько изъ комнаты.

Это предсказаніе, данное въ столь необычайной обстановкѣ, меня очень поразило и навсегда засѣло въ памяти. Какъ ни казалось оно невѣроятнымъ, мое самолюбіе ухватилось за эту мечту и всю жизнь ее лелѣяло, пытаясь въ событіяхъ своей жизни усматривать нѣкоторое къ ней приближеніе. Увы, до сихъ поръ, какъ мало было матеріала, который поддерживалъ бы во мнѣ сладкую вѣру въ осуществимость такого предсказанія! Особенно со времени

оставленія мною военной службы, когда я убѣдился, что у меня нѣтъ никакого пристрастія къ военному дѣлу, что оно меня не удовлетворяетъ и не даетъ ни тѣни энтузіазма, что я могу быть въ этой сферѣ дѣятельности лишь жалкимъ ремесленникомъ, болѣе или менѣе добросовѣстно зарабатывающимъ свой кусокъ хлѣба, мечта эта куда-то далеко отошла и если не оставила меня окончательно, то тамъ гдѣ-то въ тайникахъ души такъ притаилась, что долго о себѣ не напоминала. Когда меня назначали вице-губернаторомъ, она нѣсколько ожила, но не надолго, тяжелое самочувствіе не давало почвы для мечтательности. Но телеграмма о назначеніи меня Пензенскимъ губернаторомъ вновь зажгла ее яркимъ блескомъ и я сталъ радостно думать, что вотъ дѣйствительно нежданный успѣхъ, который сразу подвинулъ меня на пути къ осуществленію предсказанія.

Вѣдь, говорилъ я себѣ, слова дѣда не нужно понимать буквально. Онъ употребилъ очевидно имя Паскевича-Эриванскаго не только какъ символъ нежданной блестящей военной карьеры, а какъ вообще очень высокаго общественнаго положенія, достигнутаго человѣкомъ, предварительная жизнь котораго не давала ни малѣйшихъ основаній предвидѣть. что его судьба завершится позднѣе такъ блестяще.

Думаю, что такія мечты лучше всего обрисовываютъ, какъ я принялъ вѣсть о своемъ назначеніи.

Ближайшій номеръ «Новаго Времени» принесъ вѣсть о назначеніи меня въ Пензу, а Шрамченко—въ Нижній Новгородъ. Вѣсть эта сейчасъ же распространилась и я сталъ получать отовсюду поздравительныя телеграммы. Вотъ особенность крупнаго успѣха: я получалъ поздравленія и отъ такихъ людей, которые, казалось, совсѣмъ забыли о моемъ существованіи и съ которыми я давно уже разошелся.

Надо было ждать Высочайшаго приказа, а до его обнародованія продолжать исполнять обязанности вице-губернатора.

Долженъ признаться, что это было ужасно неинтересно и казалось чѣмъ-то чужимъ, не нужнымъ.

Помню, что было какъ-то назначено продовольственное засѣданіе губернскаго присутствія, къ которому пріѣхалъ и Шрамченко, тоже ожидавшій приказа и не оставлявшій пока прежнихъ обязанностей. Якунинъ сказалъ:

— Вотъ должно быть первый случай въ Россіи, когда въ засѣданіи губернскаго присутствія въ качествѣ членовъ участвуютъ три губернатора.

Это замѣчаніе всѣхъ очень разсмѣшило.

Мнѣ не пришлось пробыть въ Самарѣ до обнародованія приказа, послѣдовавшаго, кажется, въ первой половинѣ февраля. Директоръ департамента А. Д. Арбузовъ телеграфировалъ, что министръ приказалъ мнѣ сдать должность немедленно и возможно скорѣе ѣхать въ Пензу, гдѣ становилось все болѣе и болѣе безпокойно.

До сихъ поръ я какъ-то мало думалъ о томъ, что мнѣ предстоитъ и въ Пензѣ не очень-то спокойная жизнь. Александровскаго убили революціонеры, какъ это мы узнали изъ газетъ, въ

театрѣ, совершенно предательски, выстрѣливъ ему въ затылокъ при выходѣ изъ театра. Значитъ и тамъ также царствуетъ смута и придется съ ней бороться среди постоянной опасности и, Богъ знаетъ, будетъ ли эта борьба для меня счастлива. Но эти тревожныя мысли налетали только мимолетно и во всякомъ случаѣ почти не отравляли чувства глубокаго довольства, въ которомъ я постоянно въ это время пребывалъ.

Получивъ телеграмму Арбузова, я рѣшилъ сейчасъ же выѣхать въ Петербургъ, оставивъ въ Самарѣ всѣ вещи и своихъ людей и поручивъ имъ вещи отправить прямо въ Пензу, куда и самимъ выѣхать и ждать тамъ моего пріѣзда.

Сдѣлавъ наскоро прощальные визиты, я пріѣхалъ откланяться къ Якунину. Тутъ между нами произошелъ откровенный разговоръ. Онъ мнѣ сказалъ, что ему извѣстно было, что я осуждалъ его дѣятельность и бранилъ его самого. Я не сталъ этого отвергать, призналъ свою ошибку и просилъ на меня не сердиться и забыть наши взаимныя неудовольствія. Я признался, что былъ увѣренъ, что онъ на меня жаловался въ Петербургѣ и когда убѣдился въ противномъ, былъ очень тронутъ и горячо его за это благодарю.

Мы разстались совершенно мирно, разцѣловались и я унесъ о немъ воспоминаніе, какъ о горячемъ, но очень добромъ и хорошемъ человѣкѣ. Это впечатлѣніе не измѣнилось и тогда, когда я узналъ, что у Якунина неудовольствіе не изгладилось и что онъ меня поругиваетъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

По дорогѣ въ Петербургъ, я рѣшилъ заѣхать въ Пензу и посмотрѣть, что есть въ губернаторскомъ домѣ, чтобы опредѣлить, какую мебель нужно будетъ туда привезти. Такъ какъ я не былъ еще губернаторомъ, то я рѣшилъ заѣхать совершенно частнымъ образомъ. Около года тому назадъ туда былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія одинъ изъ Новгородскихъ земскихъ начальниковъ Д. Н. Качаловъ. Какъ непремѣнный членъ, я ревизовалъ его дѣятельность земскаго начальника, нашелъ ее образцовой и горячо рекомендовалъ его въ земскомъ отдѣлѣ и Павлову. Думаю, что эта рекомендація сыграла свою роль въ его назначеніи. Качаловъ былъ женатъ на Пензенской помѣщицѣ О. В. Козловой, очаровательной и очень образованной женщинѣ. Одинъ изъ ея братьевъ А. В. Козловъ, жившій поблизости съ ней въ своемъ имѣніи, служилъ тогда земскимъ начальникомъ и уже при мнѣ былъ избранъ въ Керенскіе предводители дворянства.

Я очень симпатизировалъ Качаловымъ и у меня съ ними еще въ Новгородѣ установились хорошія, почти дружескія отношенія.

Д. Н. Качаловъ служилъ прежде въ Преображенскомъ полку, а затѣмъ женившись и не имѣя достаточно средствъ продолжать служить въ этомъ дорогомъ полку, перешелъ на гражданскую службу у насъ въ губерніи. Это былъ милѣйшій, деликатнѣйшій человѣкъ, большой хлѣбосолъ. Хотя они жили въ с. Едровѣ, Валдайскаго уѣзда, но домъ ихъ былъ всегда полонъ гостями. Всѣхъ привлекалъ необыкновенно радушный тонъ, царствовавшій въ этой семьѣ. Въ Пензѣ все наладилось также: и тутъ нашлось много друзей.

Я написалъ Дмитрію Николаевичу Качалову, чтобы онъ мнѣ

разрѣшилъ у себя остановиться и просилъ пріѣздъ мой сохранить въ секретѣ. День пріѣзда я не указалъ, а потому и былъ спокоенъ, что все обойдется по-просту, безъ офиціальности.

Выйдя въ Пензѣ изъ вагона, я вдругъ натыкаюсь на цѣлую парадную встрѣчу. Тутъ былъ вице-губернаторъ Г. Б. Петкевичъ, полиціймейстеръ, правитель канцеляріи Д. Н. Качаловъ и другой непремѣнный членъ А. В. Циклинскій, съ которымъ я былъ не знакомъ. Полагая, что о моемъ пріѣздѣ сообщилъ всѣмъ Качаловъ, я сталъ его упрекать. Оказывается, что объ этомъ телеграфировалъ самарскій полиціймейстеръ пензенскому безъ моего о томъ вѣдома.

Перезнакомившись со всѣми, я поѣхалъ съ Качаловымъ къ нему на квартиру. Полиціймейстеръ озаботился даже приготовить мнѣ экипажъ. Мнѣ было очень совѣстно за такую встрѣчу, такъ какъ я не имѣлъ еще на нее права.

У Качаловыхъ меня ждали съ обѣдомъ, къ которому пригласили всѣхъ встрѣчавшихъ и нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, по первому пріѣзду въ Пензу. Какъ всегда было у Качаловыхъ, обѣдъ вышелъ на славу. Мы весело и непринужденно разговаривали, какъ вдругъ у окна, выходящаго во дворъ, раздался какой-то шумъ, кто-то точно лѣзъ въ окно, затѣмъ раздался дикій женскій крикъ. Мы всѣ переполошились, схватили браунинги и выбѣжали во дворъ и на улицу. Тишина стояла полная, никого не было видно. Чтобы понять нашъ переполохъ, нужно сказать, что вся Пенза еще трепетала при воспоминаніи о недавнемъ убійствѣ Александровскаго и всѣмъ казалось, хотя это и не говорилось, что такая же угроза виситъ и надъ новымъ губернаторомъ. Этотъ непонятный шумъ у окна и показался всѣмъ какимъ-то чуть ли не покушеніемъ на меня. На другое утро полиціймейстеръ выяснилъ, что это такое было. Оказывается въ домѣ узнали, что у Качаловыхъ обѣдаетъ новый губернаторъ. Любопытные, пользуясь тѣмъ, что квартира была въ нижнемъ этажѣ, а окно было закрыто только раздвигающимися шелковыми сторками въ половину высоты окна, влѣзали на цоколь и заглядывали въ столовую. Поставленный на улицѣ полиціймейстеромъ переодѣтый городовой, услышавъ съ улицы у окна шопотъ и какую-то возню, вошелъ во дворъ и захватилъ чью-то горничную, жадно глядѣвшую въ комнаты. Онъ такъ неожиданно схватилъ ее за платье и стащилъ внизъ, что та заорала благимъ матомъ. Городовой опять ушелъ на улицу и какъ стоящій на секретномъ посту, при нашемъ выходѣ куда-то укрылся.

Здѣсь мнѣ разсказали подробности убійства Александровскаго. Передаю ихъ кратко, такъ какъ говорю съ чужихъ словъ.

Н. В. Александровскій жилъ въ Пензѣ одинъ; жена его съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 15, учившимся, кажется, въ Тенишевскомъ училищѣ, оставалась въ Петербургѣ и пріѣзжала къ мужу на рождественскіе праздники. Какъ говорятъ, Александровскій очень тяготился своимъ одиночествомъ и ежедневно ѣздилъ коротать вечера въ театръ. Съ нимъ въ ложѣ всегда бывалъ кто-либо изъ знакомыхъ и чаще другихъ командиръ Новоархангельскаго уланскаго полка Колызанъ, присланный въ Пензу съ полкомъ на охрану по поводу революціонныхъ безпорядковъ.

Революціонеры охотились за Александровскимъ уже давно и не только, какъ за губернаторомъ, но и по при причинѣ той травли, которая была поднята всей прессой противъ него, какъ уполномоченнаго Краснаго Креста въ Японскую войну. Всѣмъ, конечно, памятны всѣ тѣ обвиненія, которыя на него возводились, какъ дѣятеля Краснаго Креста, и въ которыхъ по разслѣдованію оказалось такъ мало правды. Александровскій совершенно не считался съ этой охотой, никакихъ мѣръ предосторожности не принималъ и такъ бравировалъ съ очевидной опасностью, что въ Пензѣ потомъ говорили, что онъ умышленно искалъ смерти.

Самая главная его неосторожность заключалась именно въ этихъ регулярныхъ посѣщеніяхъ театра. Труппа была совершенно посредственна даже для провинціальнаго театра и онъ ѣздилъ туда, очевидно, лишь для того, чтобы куда нибудь бѣжать отъ своей скуки.

21 января онъ поѣхалъ туда по своему обыкновенію, въ ложѣ съ нимъ сидѣлъ полковникъ Колвзанъ. Полиціймейстера въ театрѣ не было, его губернаторъ послалъ въ циркъ, гдѣ давалъ представленія Дуровъ, позволявшій себѣ говорить съ арены разныя вещи, на злобу дня, не лишенныя нѣкоторой политической окраски.

Въ театрѣ сидѣлъ помощникъ полиціймейстера Зоринъ.

По окончаніи спектакля губернаторъ направился къ особому выходу, для публики недоступному, но выходящему въ общій вестибюль. Полковникъ Колвзанъ забылъ въ ложѣ фуражку и вернулся за ней.

Только что Александровскій вышелъ на подъѣздъ, къ нему изъ толпы въ театрѣ подбѣжалъ какой-то молодой человѣкъ и выстрѣлилъ въ голову, убивъ наповалъ, такъ что онъ не успѣлъ даже и вскрикнуть. Помощникъ полиціймейстера Зоринъ и старшій городовой бросились задержать преступника, онъ того и другого тутъ же поочередно застрѣлилъ и самъ устремился на сцену, ища тамъ выхода для артистовъ. Режиссеръ труппы, еще не зная объ убійствѣ и замѣтивъ бѣгущаго сюда посторонняго человѣка, вздумалъ преградить ему дорогу, преступникъ его застрѣлилъ, но видя приближающуюся за собой погоню, бросился въ первую попавшуюся уборную артистовъ и притаился за печкой. Когда преслѣдующіе его нашли и ворвались въ эту уборную, онъ выстрѣлилъ въ себя, но отъ выстрѣла не упалъ, а постепенно какъ-то сползъ на полъ. Считая по этому убійцу живымъ, полиціймейстеръ, пріѣхавшій почти къ самому выходу губернатора изъ театра, но уже послѣ его убійства, нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ преступника изъ браунинга и, если тотъ былъ еще дѣйствительно живымъ, конечно, его добилъ; это было совершенно необходимо сдѣлать, такъ какъ убійца, сползая, не выпускалъ изъ рукъ браунинга и могъ бы еще кому нибудь причинить смерть.

Убійца оказался сыномъ инженера Гитермана, судя по фамиліи — изъ евреевъ. Онъ еще за нѣсколько дней до этого происшествія пріѣхалъ въ Пензу и наканунѣ тоже былъ въ театрѣ, у него въ карманѣ нашли билетъ; но почему-то убійства тогда не совершилъ.

Это преступленіе выполнено по рѣшенію Поволжскаго революціоннаго комитета, о чемъ свидѣтельствовали на другой день расклеенныя прокламаціи. Я ихъ не видѣлъ, но мнѣ говорили, что «казнь» мотивировалась дѣятельностью покойнаго по Красному Кресту.

Бѣднаго Александровскаго отвезли мертваго въ губернаторскій домъ и телеграфировали семьѣ.

Пенза была терроризована этимъ убійствомъ. Оно открыло собою цѣлую серію самыхъ ужасныхъ революціонныхъ преступленій, потрясавшихъ губернію болѣе года. Революціонная волна, ослабѣвшая въ Саратовѣ и Самарѣ, точно перекинулась сюда и достигла здѣсь еще большей высоты.

На другой день съ утра я поѣхалъ въ губернаторскій домъ. Подъѣздъ расположенъ на дворѣ за желѣзными воротами, отдѣляющими губернаторскую усадьбу отъ Соборной площади. Передъ домомъ направо расположенъ цвѣтникъ, куда выходитъ изъ пріемной деревянный балконъ съ лѣстницей къ цвѣтнику. Мѣсто это обнесено низкой рѣшеткой. За цвѣтникомъ находится длинный каменный флигель со службами. Тутъ помѣщалась и очень большая кухня, такъ что кушанья нужно было носить черезъ дворъ. Не знаю, какъ мирились мои предшественники съ этимъ существеннымъ неудобствомъ. Я рѣшилъ поставить переносную плиту въ одной изъ комнатъ 3-го этажа и эту большую кухню оставить лишь на случай большихъ пріемовъ. За флигелемъ начинается второй большой дворъ съ конюшнями, сараями, дровяникомъ и домомъ для кучера. Дворъ этотъ окруженъ большимъ садомъ, отдѣляющимся отъ женской гимназіи каменной стѣной, а отъ лютеранской кирки и Дворянской улицы деревяннымъ заборомъ. Все мѣсто очень обширно, точно помѣщичья усадьба. Можно было завести полное хозяйство.

Едва я вошелъ въ домъ, какъ мнѣ припомнилось мое горячее желаніе, высказанное годъ тому назадъ, получить назначеніе въ Пензу. И вотъ это желаніе теперь исполнилось. То что казалось тогда совершенно неосуществимой мечтой — стало дѣйствительностью. Человѣческая судьба полна такими удивительными неожиданностями. Съ чувствомъ особаго волненія входилъ я въ прекрасную залу, очень изящно отдѣланную подъ мраморъ и въ обширный губернаторскій кабинетъ. До меня здѣсь въ теченіи какого нибудь года перемѣнилось два губернатора и оба погибли такъ трагически. Какая судьба ждетъ здѣсь меня? Весьма вѣроятно, что и я буду жертвой исполненія долга и что этотъ домъ будетъ послѣднимъ этапомъ въ моей жизни и выйду я изъ него, какъ и Александровскій, бездыханнымъ тѣломъ.

Ну, будь что будетъ! Судьбы не угадаешь. Это размышленіе отогнало мрачныя мысли и я цѣликомъ отдался интересу осмотра дома, который такъ неожиданно становится моимъ жильемъ, и мысленно сталъ распредѣлять, какъ мы въ немъ расположимся.

Испытавъ крайнее неудобство жить одному по холостому, я ни за что не согласился бы и въ Пензѣ продолжать такой образъ жизни. Къ тому же губернаторское положеніе налагало извѣстныя обязанности въ отношеніи общества, съ которыми одному спра-

виться никакъ нельзя. Дочь моя какъ разъ въ это время кончала гимназію и къ іюню станетъ свободной. Если она захочетъ пойти въ 8-й классъ, то это возможно будетъ сдѣлать и въ Пензѣ. Сынъ останется въ Петербургскомъ корпусѣ еще въ теченіе года. Мы будемъ его видѣть только на Рождество, Пасху и каникулы. Но что же дѣлать? Въ Петербургѣ у насъ было много родственниковъ, къ которымъ онъ будетъ ходить въ отпускъ, такъ что не будетъ одинокимъ.

Мебели въ домѣ было очень мало. Хотя въ гостиной и было кое-что, но мебель эта принадлежала Александровскимъ и была оставлена ими, какъ и экипажи, въ надеждѣ, что ихъ купитъ новый губернаторъ. Экипажъ я, конечно, готовъ купить, но на покупку мебели придется просить министерство ассигновать нѣкоторую сумму, такъ какъ покупать ее въ личную собственность я не хотѣлъ, у насъ было довольно своей мебели, да и вещи эти были громоздки и совсѣмъ не красивы.

Осмотрѣвъ домъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, я въ тотъ же день простился съ моими милыми Качаловыми и уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ нужно было представиться министрамъ, побывать въ разныхъ департаментахъ, чтобы познакомиться и съ положеніемъ губерніи, и съ предстоящими мнѣ тамъ ближайшими задачами. Если Столыпинъ не будетъ меня очень торопить, я бы очень желалъ представиться Государю. Если же этого нельзя будетъ сдѣлать теперь, то пріѣду осенью послѣ объѣзда губерніи. Такое рѣшеніе было бы даже лучше, такъ какъ я къ этому времени могъ бы уже быть въ курсѣ дѣла и въ состояніи былъ бы доложить Государю о губерніи по личнымъ наблюденіямъ.

П. А. Столыпинъ принялъ меня очень любезно и сказалъ, что положеніе Пензенской губерніи считаетъ очень серьезнымъ и надѣется, что я энергичными мѣрами водворю тамъ скоро порядокъ. По его словамъ, Пензенская губернія настоящее дворянское гнѣздо и тамъ придется очень считаться съ дворянствомъ, разумѣется, не въ ущербъ дѣлу и государственной пользѣ. Какъ только я побываю въ Петербургѣ, гдѣ нужно, онъ просилъ меня не задерживаться и ѣхать въ Пензу. На мой вопросъ, могу ли я теперь представиться Государю, Столыпинъ отвѣтилъ отрицательно; присутствіе губернатора на мѣстѣ, по его мнѣнію, было необходимо безотлагательно.

Мнѣ еще нужно было съѣздить въ Новгородъ къ семьѣ и распорядиться съ вещами.

Здѣсь кстати разскажу объ одномъ случаѣ, какъ я безъ всякаго умысла весьма существенно погрѣшилъ передъ Пензенской дворянской чопорностью.

Тамъ установился обычай, что на первый день Пасхи и въ Новый годъ Пензенское общество собирается въ Дворянскомъ собраніи для взаимнаго поздравленія, которое по идеи иниціаторовъ должно было освобождать явившихся въ собраніе отъ обязанности дѣлать визиты. И чтобы такое освобожденіе сдѣлать крѣпче, объявлялась заблаговременно съ платою не менѣе рубля съ персоны подписка на такой взаимный визитъ, при чемъ списки всѣхъ под-

писавшихся разсылались по домамъ участниковъ, а собранныя деньги рублей 600—800 поступали въ пользу дѣтскихъ пріютовъ.

Въ гостиной собранія и въ столовой устраивались при этомъ открытые буфеты, гдѣ собравшимся предлагался безплатно чай, фрукты, конфекты. Устройство этихъ буфетовъ брали обыкновенно на себя по просьбѣ распорядителя-губернатора кто-либо изъ содержателей ресторановъ, чаще всего владѣлецъ Татарскаго ресторана, наиболѣе фешенебельнаго въ городѣ. Кажется, на второй годъ моего губернаторства, Татарскій ресторанъ почему-то не захотѣлъ устроить буфеты и мнѣ пришлось пріискать кого либо другого. Я поручилъ это дѣло полиціймейстеру Власкову и дня за два до Пасхи послѣдній доложилъ мнѣ, что буфеты берется устроить Александра Михайловна Пушкина, каскадная пѣвица и содержательница шантана хотя и весьма опредѣленной репутаціи, но съ хорошимъ поваромъ и отборной провизіей. Полиціймейстеръ завѣрялъ, что Пушкина устроитъ все нарядно, не хуже татаръ, и я съ благодарностью принялъ это предложеніе, совсѣмъ не предполагая, что такое рѣшеніе повлечетъ за собой форменный скандалъ.

Г-жа Пушкина, уже нѣсколько перезрѣвшая красавица, была не лишена элегантности, носила умомрачительные туалеты, имѣла успѣхъ какъ довольно талантливая «diseuse» и по своему репертуару была предшественницей ставшей позднѣе знаменитой Плевицкой. Дѣла свои по шантану она вела хорошо, беря на себя обязанности одновременно и хозяйки, и артистки и даже соперничала съ пансіонерками своего пансіона безъ древнихъ языковъ по отношенію наиболѣе заманчивыхъ посѣтителей заведенія. Все это я, конечно, зналъ, но не считалъ нужнымъ къ устроителю буфета предъявлять требованія какой либо морали, тѣмъ болѣе, что профессія рестораннаго содержателя вообще въ этомъ отношеніи не позволяетъ быть разборчивымъ, да и лежащія на устроителѣ чисто кухонныя обязанности, казалось, не давали повода для проявленія свойствъ этого порядка.

Г-жа Пушкина, оказывается, беря на себя издержки по устройству буфетовъ, увидала въ этомъ блестящій случай рекламировать свое превосходное заведеніе передъ лучшимъ Пензенскимъ обществомъ.

Я самъ какъ разъ наканунѣ Пасхи заболѣлъ острымъ суставнымъ ревматизмомъ и принужденъ былъ лечь въ постель, такъ что не былъ ни у заутрени, ни на общемъ визитѣ въ Дворянскомъ собраніи. Жена же моя въ собраніе поѣхала. И случилось вотъ что: Г-жа Пушкина явилась въ собраніе въ нарядномъ бальномъ туалетѣ и привезла съ собою нѣсколько своихъ наиболѣе показныхъ пансіонерокъ, одѣтыхъ въ скромныя свѣтлыя платьица, подобающія дѣвической невинности, и размѣстила изъ за открытыми буфетами, строго наказавъ усиленно угощать визитеровъ и дамъ. Сама же она съ очаровательной улыбкой на устахъ вышла въ гостинную и стала разыгрывать роль любезной хозяйки, встрѣчающей своихъ гостей на порогѣ гостиной.

Можете себѣ представить сначала крайнее изумленіе, а затѣмъ вполнѣ понятное негодованіе дамъ и кавалеровъ нашего всегда нѣсколько требовательнаго общества, когда они увидали превраще

ніе Дворянскаго собранія въ, такъ сказать, филіальное отдѣленіе каскаднаго заведенія слишкомъ извѣстной въ городѣ г-жи Пушкиной.

Полиціймейстеръ, оказывается былъ занятъ летаніемъ по городу съ визитами и не далъ себѣ труда заѣхать въ собраніе, чтобы посмотрѣть, что и какъ устроила Пушкина, а потому и не предупредилъ этого скандала, о которомъ очень долго Пенза не могла забыть.

Наконецъ, все было покончено, и я могъ, въ первыхъ числахъ марта выѣхать. Семья моя должна была пріѣхать примѣрно въ концѣ мая.

Поѣздъ прибывалъ тогда въ Пензу часовъ въ 11 утра. Я телеграфировалъ о днѣ пріѣзда вице-губернатору, прося его никакихъ встрѣчъ мнѣ не устраивать, а лишь выслать экипажъ. Когда мы вступили въ предѣлы Пензенской губерніи, ко мнѣ въ купе стали являться исправники: Керенскій, Чембарскій, Ломовскій и, наконецъ, Пензенскій. Они уже знали, что я ѣду съ этимъ поѣздомъ. Съ каждымъ изъ нихъ я немного поговорилъ, разспрашивая о службѣ представлявшагося и о положеніи дѣлъ въ уѣздѣ. По общимъ отзывамъ всюду было крайне безпокойно: крестьяне волновались, не хотѣли брать у помѣщиковъ землю въ аренду въ томъ убѣжденіи, что земля экономіи должна скоро къ нимъ перейти безплатно въ собственность. Наблюдались случаи самовольнаго завладѣнія помѣщичьей землей. Революціонная пропаганда шла очень широко, поддерживаемая нѣкоторыми членами вновь избранной 2-й Государственной Думы.

Въ депутаты были избраны преимущественно революціонеры, между ними мнѣ особенно подчеркивали доктора Маркова.

Въ Пензѣ на вокзалѣ меня встрѣтилъ вице-губернаторъ и кое кто изъ чиновниковъ. Я пригласилъ съ собою ѣхать вице-губернатора и по дорогѣ поговорилъ съ нимъ о дѣлахъ. Я просилъ его не сдавать мнѣ управленіе губерніей еще дня 2—3, пока я хоть немножко устроюсь на новомъ мѣстѣ.

Вещи и люди уже пріѣхали изъ Самары и ожидали меня. Въ самый день пріѣзда меня позвалъ къ себѣ обѣдать вице-губернаторъ Георгій Болеславовичъ Петкевичъ, жившій вмѣстѣ со своей матерью. Петкевичъ былъ тогда холостымъ.

Къ этому обѣду были приглашены все знакомыя мнѣ люди, въ томъ числѣ и Д. Н. Качаловъ.

Хозяева были очень радушны и предупредительны.

Вице-губернаторъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ. По образованію онъ былъ лицеистъ, служилъ въ Ковенской губерніи, гдѣ у матери его было имѣніе, сначала уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а потомъ непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія. Служба эта протекала еще при Столыпинѣ, когда послѣдній былъ тамъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до меня состоялось назначеніе вице-губернаторомъ въ Пензу. Петкевичъ былъ порядочный человѣкъ, особенно коректный въ денежныхъ дѣлахъ. Будучи очень не глупымъ и работящимъ онъ совершенно былъ лишенъ дара слова. Когда начиналъ говорить, то такъ мямлилъ,

такъ уснащалъ свою рѣчь всякими «э.. э...», что просто было трудно схватить смыслъ его словъ, почему многіе оцѣнивали его способности много ниже, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ горячъ и очень нервенъ, что обусловливало извѣстную неровность обращенія и постоянную подозрительность, заставлявшую его видить злостныя намѣренія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Поэтому вице-губернаторская болѣзнь, какъ я называю такое состояніе, протекала у него остро.

Болѣзнь же эта заключалась вотъ въ чемъ.

Вице-губернаторъ офиціально подчиненъ губернатору и обязанъ исполнять всѣ его законныя распоряженія. Но эта подчиненность какая-то половинчатая: назначается онъ помимо губернатора, при чемъ не принято даже запрашивать, нѣтъ ли со стороны послѣдняго какихъ либо возраженій противъ предназначаемаго на эту вакансію, и, главное, всякія награды и поощренія назначаются ему самимъ министромъ безъ всякаго ходатайства или представленія отъ ближайшаго его начальника, не всегда даже требовались аттестаціи объ его службѣ. Получается весьма странное положеніе: человѣка награждаютъ за дѣятельность, который министръ хорошенько не знаетъ и не спрашиваетъ при этомъ мнѣнія того, кто эту дѣятельность видитъ, ею руководитъ, за нее отвѣчаетъ. Эта непослѣдовательность придаетъ отношеніямъ губернатора къ своему помощнику вице-губернатору особую чувствительность. Да, губернаторъ можетъ отдавать вице-губернатору приказанія по службѣ; но, Боже упаси, если они выльются именно въ форму приказанія, надо покорнѣйше просить, иначе вы нанесете смертельную обиду. Вы имѣете право требовать исполненія приказанія, но попробуйте это исполненіе не одобрить, раскритиковать—этимъ вы наживаете себѣ явнаго врага. Конечно, всякому подчиненному не можетъ нравиться такая критика, но явно фрондировать противъ нея смѣетъ только вице-губернаторъ. Поэтому ваше неодобреніе его дѣйствій надо облекать въ особо нѣжныя перчатки, притворно оговариваясь, что на это дѣло можно смотрѣть, конечно, двояко и т. п.

Когда губернаторъ уѣзжаетъ, а это бываетъ нерѣдко, управленіе губерніей переходитъ къ вице-губернатору, онъ становится первымъ лицомъ, его окружаютъ исключительнымъ вниманіемъ и предупредительностью. Но губернаторъ возвращается, надо отходить на задній планъ, а сладость первенства уже забыть нельзя и въ этомъ отхожденіи на задній планъ невольно начинаешь чувствовать обиду. Но такъ какъ все происходитъ по природѣ вещей и смѣшно было бы явно обижаться, поэтому обиженный въ душѣ человѣкъ становится особенно придирчивымъ на обхожденіе, малѣйшую, совершенно невольную оплошность старается обратить въ серьезную для себя обиду. Губернаторъ, положимъ, устраиваетъ обѣдъ какому либо пріѣзжему сановнику, которому надо приглашать въ собесѣдники лицъ, имѣющихъ отношеніе къ порученному ему дѣлу, а размѣры столовой или другіе хозяйственныя соображенія не позволяютъ увеличить числа приглашенныхъ—то не получившій на обѣдъ приглашенія, вице-губернаторъ несомнѣнно обидится, хотя ни за что этого и не покажетъ. Губернаторъ является

на многолюдное засѣданіе съ участіемъ вице-губернатора и здоровывается случайно не съ нимъ первымъ—вице-губернатора уже и покоробило.

Все это, конечно, вполнѣ естественно, а потому, можно сказать, что у губернаторовъ съ вице-губернаторами отношенія вообще преимущественно натянутыя и исключенія чрезвычайно рѣдки.

А разъ таковы отношенія, то всякое распоряженіе, всякій частный поступокъ губернатора не нравится вице-губернатору и, если послѣдній не обладаетъ совершенно исключительной выдержкой, открыто имъ осуждается, а милые сослуживцы, это осужденіе какъ будто бы проговорившись, сейчасъ же стараются довести до свѣдѣнія губернатора. Вотъ и пошла писать губернія.

Петкевичъ былъ по службѣ очень деликатенъ, онъ никогда не позволялъ себѣ узурпировать губернаторскую власть и, пользуясь временнымъ управленіемъ назначать на должности, не заручившись предварительно согласіемъ губернатора. А такія вещи дѣлаются очень и очень часто, и вы становитесь передъ совершившимся фактомъ, не рѣшаясь его отмѣнить, чтобы незаслуженно не обидѣть ни въ чемъ не повинное назначеное лицо.

Храбръ онъ былъ удивительно. Регулярно, въ однѣ и тѣ же часы ходилъ пѣшкомъ по глухимъ улицамъ въ самое опасное время, когда свирѣпствовала во всю мода убивать губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Онъ надѣлалъ мнѣ тутъ даже порядочно хлопотъ: взялъ и переѣхалъ на квартиру подъ гору, почти на краю города въ уединенно стоящій домъ, окруженный густымъ, большимъ садомъ. Я такъ и ахнулъ, когда впервые увидѣлъ, гдѣ онъ поселился. Тутъ можно было его убить съ полной безнаказанностью, такъ какъ безслѣдно скрыться не представляло ни малѣйшаго труда. Пришлось, конечно, устроить ему спеціальную негласную охрану, а это было крайне затруднительно, отвлекая людей отъ другихъ и безъ того многосложныхъ обязанностей.

Я съ нимъ прослужилъ болѣе трехъ лѣтъ и, не смотря на нѣкоторыя шероховатости, острое у него теченіе вице-губернаторской болѣзни, мы разстались въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Петкевичъ былъ переведенъ въ Казань, гдѣ у него не сложились отношенія съ покойнымъ губернаторомъ Стрижевскимъ. Я объ этомъ зналъ и когда умеръ замѣнившій Петкевича Тарсенко-Отрѣшковъ и снова очистилась въ Пензѣ вице-губернаторская вакансія я телеграфировалъ ему, чтобы просился обратно въ Пензу и былъ бы искренно радъ, если бы это удалось.

Но, кажется, у него отношенія съ губернаторомъ улучшились и не было крайней надобности безпокоить министра такой просьбой.

Я рѣшилъ не дѣлать традиціоннаго пріема должностныхъ лицъ, этого церемоннаго большого выхода. Сдѣлавъ визиты начальникамъ отдѣльныхъ частей, я условился съ ними, что въ опредѣленный день и часъ пріѣду къ нимъ въ управленіе и они тамъ представятъ мнѣ своихъ сослуживцевъ. Такимъ способомъ я вынесу болѣе точное впечатлѣніе о каждомъ учрежденіи и, не торопясь, смогу переговорить вездѣ о важнѣйшихъ дѣлахъ. Въ Пензѣ установить первое знакомство со служащими было для меня не трудно, такъ какъ наиболѣе видныхъ должностныхъ лицъ я

уже зналъ по своей командировкѣ прошлаго года. Съ тѣхъ поръ почти не произошло никакихъ перемѣнъ.

Правителемъ канцеляріи состоялъ бывшій земскій начальникъ Вологодской, кажется, губерніи, нѣкто г. Шумейко, приглашенный на эту должность покойнымъ Александровскимъ. У меня своего кандидата не было, и я предложилъ ему службу при мнѣ. Онъ, однако совершенно откровенно мнѣ признался, что не хочетъ оставаться въ Пензѣ, такъ какъ при Александровскомъ онъ принималъ активное участіе въ политической борьбѣ, возбудилъ противъ себя немилость революціонеровъ и тѣ, по его свѣдѣніямъ, готовятъ на него покушеніе. Жена его потому настаиваетъ покинуть здѣшнюю губернію и переселиться въ другое мѣсто. Дѣйствительно, скоро онъ былъ назначенъ земскимъ начальникомъ въ Вологодской губерніи и уѣхалъ.

Временное исполненіе должности правителя я поручилъ одному чиновнику своей канцеляріи и ранѣе того неоднократно исполнявшему съ успѣхомъ это дѣло. Но меня предупредили, что этотъ дѣйствительно способный человѣкъ, ведетъ крайне нетрезвую жизнь, а потому едва-ли можно на него полагаться. Я вызвалъ его къ себѣ, откровенно признался, что знаю объ его порокѣ и предупредилъ, что оставлю его на должности правителя, но лишь при условіи, что онъ перестанетъ пить. Тотъ далъ мнѣ торжественное обѣщаніе. Дѣйствительно, это былъ очень дѣльный, знающій работникъ, владѣлъ хорошо перомъ, былъ въ обращеніи скроменъ и симпатиченъ. Мнѣ казалось, что я сдѣлалъ удачный выборъ. Къ сожалѣнію, я скоро узналъ, что онъ продолжаетъ пьянствовать. Мнѣ никогда не приходилось видѣть его въ нетрезвомъ видѣ, замѣчать въ манкированіи службы. Онъ пьянствовалъ, очевидно, по ночамъ въ свободное время. Однажды онъ устроилъ цѣлый скандалъ на вокзалѣ и полиціймейстеръ доложилъ мнѣ о томъ при утреннемъ рапортѣ. Сдѣлавъ ему внушеніе, я предупредилъ, что повторенія чего либо подобнаго я уже не стерплю.

Вскорѣ, однако, я долженъ былъ отказаться отъ его услугъ по совершенно другому поводу. Пріѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ начальникъ губернскаго жандармскаго управленія и заявляетъ, что имъ получены свѣдѣнія, что мой правитель канцеляріи ведетъ переписку съ русскими революціонерами въ Женевѣ. Это было чрезвычайно неожиданно. Въ губерніи происходили въ это время аграрные безпорядки, велась политическая агитація, издавались чисто революціонныя газеты. Когда получались донесенія полиціи о такихъ происшествіяхъ, правитель очень сурово къ нимъ относился и совѣтывалъ мнѣ такія крутыя мѣры въ борьбѣ съ ними, что я почти никогда съ нимъ не соглашался. Словомъ, я составилъ себѣ о немъ представленіе, какъ о крайнемъ «черносотенцѣ», какъ стали тогда говорить, котораго надо было удерживать отъ неумѣстнаго пересаливанія. И вдругъ — переписка съ заграничными революціонерами! Какъ мнѣ говорили потомъ, и жандармы этого не отрицали, все это дѣлалось подъ пьяную руку. Какъ бы тамъ ни было, держать его у самаго источника всѣхъ секретныхъ распоряженій—было невозможно и я его удалилъ.

Секретныя зашифрованныя телеграммы онъ дешифрировалъ, а потому могъ овладѣть и ключемъ, а потому я сообщилъ объ этомъ случаѣ департаменту полиціи и просилъ прислать новый ключъ. Это было исполнено.

По рекомендаціи В. А. Бутлерова, городищенскаго предводителя дворянства и члена Государственнаго Совѣта отъ нашего губернскаго земства, я пригласилъ на должность правителя канцеляріи Д. С. Рыкунова, состоявшаго тогда зескимъ начальникомъ Городищенскаго уѣзда. Онъ все мое время въ Пензѣ оставался правителемъ и перешелъ къ Лиліенфельду-Тоаль, моему замѣстителю, вплоть до своей смерти.

Судьба Д. С. Рыкунова была полна неожиданностей.

Будучи человѣкомъ съ хорошими средствами, довольно крупнымъ помѣщикомъ Пензенской губерніи, онъ учился въ университетѣ въ Москвѣ и кончилъ курсъ медицинскаго факультета съ отличіемъ. Своей спеціальностью онъ избралъ акушерство и былъ ассистентомъ профессора Снѣгирева. Счастье ему улыбнулось, практика установилась огромная и онъ зарабатывалъ крупныя деньги и жилъ широко и невоздержанно. Въ одно прекрасное утро—бросаетъ все это и отправляется въ деревню хозяйничать. Хозяйство или не наладилось, или надоѣло, онъ продаетъ имѣніе и пускается въ разныя предпріятія, до содержанія извозчичьей биржи въ Одессѣ. Бросаетъ и это дѣло и поступаетъ на службу правителемъ канцеляріи пензенскаго губернатора графа Адлерберга. Съ графомъ вышло какое-то недоразумѣніе, Рыкуновъ ушелъ въ отставку и поступилъ врачемъ въ добровольный флотъ. Потомъ купилъ гдѣ-то въ Херсонской губерніи виноградники, поступилъ въ Пензенскую губернію земскимъ начальникомъ и, наконецъ, занялъ должность правителя моей канцеляріи.

Это былъ уже немолодой человѣкъ, лѣтъ 50, очень общительный, большой юмористъ. Всѣ его знали и въ кабинетѣ правителя съ самаго утра толпились люди, кто по службѣ, кто просто поболтать. Не могу сказать, чтобы онъ изнурялъ себя работой, но у чего было большое умѣнье поставить дѣло, подбирать работниковъ и заставлять ихъ работать, такъ что шло все очень исправно и, несмотря на мою требовательность и аккуратность, я былъ имъ совершенно доволенъ. Единственный его грѣхъ—онъ совсѣмъ не умѣлъ писать, такъ что всю важную министерскую переписку, а ее было тогда ужасно много, велъ я самъ до составленія черновиковъ включительно.

Рыкуновъ былъ вполнѣ порядочный человѣкъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Я въ немъ особенно цѣнилъ то, что никогда онъ не являлся ко мнѣ со сплетнями, никогда не сообщалъ, кто и что говоритъ на мой счетъ. Часто принято думать, что преданность правителя канцеляріи губернатору заключается въ томъ, что онъ указываетъ, кому не слѣдуетъ довѣрять, кого нужно опасаться, кто куетъ противъ васъ интриги и т. п. Къ сожалѣнію, такая преданность гроша ломанаго не стоитъ и является попросту подхалимствомъ. Не говоря уже о томъ, что такія свѣдѣнія могутъ быть преувеличены и искажены, но даже если они вѣрны, то пользы отъ нихъ нѣтъ никакой, а между тѣмъ такіе разговоры

человѣка ужасно нервируютъ, выводятъ его изъ равновѣсія и часто излишне возстановляютъ противъ вполнѣ безукоризненныхъ людей. Признаюсь, я отъ всего сердца презиралъ такую преданность и, насколько было можно, всегда съ мѣста-же ее пресѣкалъ.

Полиціймейстеромъ у меня остался прежній г. Ивановъ, но также сталъ хлопотать о переводѣ въ другую губернію, такъ какъ революціонеры его жестоко травили за то, что онъ стрѣлялъ, якобы, въ мертваго убійцу Александровскаго и въ этой стрѣльбѣ они усматривали глумленіе надъ прахомъ «мученика». Вскорѣ онъ переведенъ былъ полиціймейстеромъ въ Каменецъ-Подольскъ.

На его мѣсто я пригласилъ В. Е. Андреева, нынѣшняго помощника начальника московской сыскной полиціи. Его мнѣ рекомендовалъ мой братъ.

Распорядокъ моего дня былъ такой: съ 11 до 2 пріемъ просителей, съ 3 часовъ различныя засѣданія, а съ 8 часовъ вечера до поздней ночи разборка текущей переписки съ подробными резолюціями для исполненія.

Пріемъ просителей былъ двоякій: служащіе и лица, извѣстныя находящейся при домѣ охранѣ, приглашались въ пріемную рядомъ съ моимъ кабинетомъ и принимались мною по очереди въ кабинетѣ по докладу начальника домовой охраны старшаго стражника Зиберова. Остальныя лица направлялись внизъ въ канцелярію и я принималъ ихъ тамъ въ кабинетѣ старшаго чиновника особыхъ порученій.

Охрана дома состояла изъ 5 полицейскихъ стражниковъ съ Зиберовымъ во главѣ, ежедневно смѣнявшихся двухъ городовыхъ и старшаго городового Мажарова, состоявшаго при домѣ около 30 лѣтъ. Во время пріемовъ всѣ эти чины находились въ швейцарской внизу, а по окончаніи ихъ оставались на дежурствѣ 1 стражникъ и 1 городовой, остальные становились свободными.

Когда я спускался на пріемъ внизъ, всѣ стражники выстраивались у дверей кабинета и просители проходили черезъ этотъ строй. Сдѣлано это было для предотвращенія покушенія. Стражники обязаны были слѣдить черезъ открытыя двери за подозрительными движеніями просителей.

Конечно, съ теченіемъ времени они перестали это исполнять, но на просителя все-таки производилось впечатлѣніе бдительной охраны, отъ которой не уйдешь, что и требовалось. Никакихъ недоразумѣній на этой почвѣ не создавалось. Послѣдніе два года моего пребыванія этотъ парадъ былъ отмѣненъ, такъ какъ стало спокойно и надобности въ особой охранѣ не было.

Не помню, засталъ ли я такой порядокъ или его установилъ новый полиціймейстеръ; но охрана губернаторскаго дома была учреждена еще до меня. Кажется, она появилась со времени С. А. Хвостова.

Мнѣ было совѣстно вначалѣ принимать просителей въ такой необычайной обстановкѣ, но я долженъ былъ признать эту мѣру вполнѣ благоразумной предосторожностью и ей подчинился.

Никакихъ докладовъ правителя канцеляріи у меня не было. Въ началѣ вся почта лично мною распечатывалась и бумаги, не требовавшія вовсе исполненія или исполнявшіяся по шаблону я

отсылалъ въ канцелярію, остальное для подробнаго ознакомленія и резолюціи откладывалось на столъ, разсматривалось мною вечеромъ и съ моими резолюціями утромъ поступало къ правителю канцеляріи. Послѣдній приходилъ съ докладомъ лишь въ случаѣ надобности въ разъясненіяхъ или чего- либо въ этомъ родѣ.

Конечно, было бы проще выслушать краткій докладъ правителя, но тогда бы ускользали отъ васъ весьма существенныя подробности, обрисовывающія истинный характеръ дѣла, вы не были бы гарантированы отъ субъективнаго освѣщенія сообщеній, а главное исчезла бы всякая возможность слѣдить за работой отдѣльныхъ чиновъ, въ особенности полиціи, и составлять себѣ хотя бы сколько-нибудь точное представленіе о томъ, что каждый изъ нихъ стоитъ. А потому я всегда самъ читалъ отъ доски до доски всякое донесеніе, всякое дознаніе. Въ переживаемое время это являлось очень тяжелой работой, такъ какъ дознанія каждую почту поступали десятками, но для того, чтобы быть дѣйствительно въ курсѣ дѣла, работа такая являлась единственнымъ средствомъ.

Нѣсколько позднѣе я передалъ вице-губернатору всю шаблонную переписку: паспортное дѣло, справки о благонадежности, справки объ имущественномъ положеніи и т. п. Это хоть нѣсколько меня облегчило.

Очень утомляющей работой являлись также утренніе пріемы. Каждый день къ вамъ является нѣсколько десятковъ лицъ съ самыми разнообразными дѣлами. Каждаго надо выслушать, сообразить дѣло, дать указанія. Къ концу пріема прямо обалдѣешь.

Особенно трудны бывали пріемы крестьянъ. Всѣ они обращаются къ губернатору непремѣнно съ какимъ-либо казуснымъ случаемъ, который нельзя разрѣшить у мѣстныхъ властей. Объясненія ихъ всегда такъ длинны и сбивчивы, что понимать, о чемъ человѣкъ говоритъ и чего добивается, можетъ лишь лицо, хорошо знающее законодательство о крестьянахъ. Этого рода просители отнимали много времени и въ моихъ глазахъ были наиболѣе важными, или вѣрнѣе, требующими наибольшаго вниманія и участія. Я никогда не отдѣлывался отправкой просителей въ подлежащее крестьянское учрежденіе, а если безъ этого обойтись было нельзя, то снабжалъ ихъ записками отъ себя, долженствовавшими обратить на эти дѣла особое вниманіе. Правда, такой способъ былъ сопряженъ съ однимъ большимъ неудобствомъ: многіе крестьяне рѣшили по каждому дѣлу обращаться непремѣнно къ губернатору, а не къ тѣмъ властямъ, къ которымъ было нужно. Приходилось поэтому тратить время на выслушиваніе дѣла и кончать указаніемъ, что слѣдуетъ обратиться къ земскому начальнику или въ другое учрежденіе.

Но дѣлать было нечего и приходилось съ этимъ терпѣливо мириться.

Вотъ у этой-то работы я и увидѣлъ, какъ важно губернатору хорошо знать законы о крестьянахъ. Безъ этого знанія онъ не мо-

жетъ исполнять одной изъ весьма серьезныхъ обязанностей своей должности.

Разскажу здѣсь объ одномъ курьезномъ случаѣ, доказавшимъ, что раздѣленіе просителей на извѣстныхъ охранѣ и ей неизвѣстныхъ было очень цѣлесообразнымъ и представляло собою дѣйствительную гарантію безопасности.

Просители неизвѣстные по установившемуся распорядку опрашивались предварительно чиновникомъ особыхъ порученій очень часто въ присутствіи полиціймейстера для наведенія по каждому дѣлу до моего выхода предварительныхъ справокъ, если это было нужно.

Въ самый разгаръ у насъ террора, когда какихъ-нибудь 3 — 4 головорѣза, объявившихъ себя соціалъ-революціонерами, считали возможнымъ выносить и приводить въ исполненіе смертные приговоры, въ г. Нижнемъ Ломовѣ собралась тайная сходка такихъ революціонеровъ и постановила меня убить. Для совершенія убійства была назначена одна изъ земскихъ учительницъ, входившихъ въ этотъ кружокъ, и она должна была явиться ко мнѣ на пріемъ просить, якобы, отдѣльный отъ мужа видъ на жительство и въ это время совершить убійство. Мѣстный жандармскій надзоръ узналъ о такомъ рѣшеніи и извѣстилъ о томъ начальника губернскаго жандармскаго управленія. Мнѣ стало это извѣстнымъ.

Нѣсколько дней спустя какъ-то утромъ входитъ ко мнѣ въ кабинетъ очень взволнованный полиціймейстеръ и заявляетъ, что внизу ожидаетъ пріема молодая особа изъ Нижняго-Ломова, желающая получить отдѣльный отъ мужа видъ. По внѣшнему виду эта особа очень подозрительна, держитъ себя чрезвычайно развязно. Полиціймейстеръ пришелъ спросить, какъ тутъ быть въ виду сообщенія жандармскихъ властей. Мы рѣшили эту особу вѣжливо попросить въ полицію и тамъ ее обыскать.

Полиціймейстеръ, спустившись отъ меня въ канцелярію, подходитъ къ этой дамѣ и проситъ ее пожаловать въ городское полицейское управленіе.

— Это зачѣмъ еще? — спросила она. — Я тутъ не одна, со мной моя мать ожидаетъ на улицѣ.

Полиціймейстеръ сказалъ, что и мать пригласитъ вмѣстѣ съ нею.

Дѣйствительно, у крыльца стояла пожилая особа и что-то у нея подъ мантилькой оттопыривалось. Дѣло было лѣтомъ. Полиціймейстеръ быстро подошелъ къ ней, откинулъ полы мантильки и увидѣлъ въ рукахъ небольшой сакъ, съ чѣмъ-то круглымъ внутри. Выхвативъ сакъ и открывъ его, полиціймейстеръ нашелъ большой кошель съ мѣдными деньгами. Воображеніе ему рисовало бомбу. Это обстоятельство хотя и значительно его охладило, тѣмъ не менѣе онъ повелъ ихъ въ управленіе и черезъ приглашенную женщину обыскалъ обѣихъ, ничего не нашелъ и сейчасъ же сказалъ мнѣ о томъ по телефону.

Я приказалъ эту просительницу пригласить ко мнѣ, принялъ ее въ кабинетѣ и сталъ передъ ней очень извиняться за причиненное безпокойство, разсказавъ кратко, почему пришлось причинить ей эту непріятность.

Дама эта, оказавшаяся дѣйствительно замужней женщиной, держала себя какъ на обыскѣ, такъ и у меня въ кабинетѣ очень странно: никакихъ признаковъ волненія, ироническая улыбка не сходила съ устъ. Мои извиненія она еле слушала, какъ нѣчто совсѣмъ ей неинтересное и, пожалуй, надоѣдливое.

Дѣла своего, которое ее привело ко мнѣ, она не пожелала изложить и ушла даже не поклонившись. На мой все-таки достаточно опытный глазъ, не подлежало сомнѣнію, что особа эта уже искусилась въ политическихъ передрягахъ и приходила не спроста. Можетъ быть ей нужно было для чего-нибудь уяснить для себя обстановку, въ которой происходитъ пріемъ, т. е. она сдѣлала, такъ сказать, рекогносцировку. Во всякомъ случаѣ искать объясненія ея поведенія въ томъ, что она была подавлена случившейся непріятностью, никакъ не приходилось.

Полиціймейстеръ очень настаивалъ, чтобы я ѣздилъ по городу съ конвоемъ. Но я категорически отъ этого отказался. Такая серьезная предосторожность дѣлала бы революціонерамъ слишкомъ много чести и показывала бы, что ихъ ужъ черезчуръ опасаются. Напротивъ того, здѣсь еще чаще, чѣмъ въ Самарѣ, я выходилъ изъ дому пѣшкомъ, въ форменномъ платьѣ и гулялъ нарочно по виднымъ улицамъ. Конечно, я не могу сказать, чтобы во время этихъ прогулокъ я очень наслаждался моціономъ, но это нужно было и приносило мнѣ по возвращеніи домой полное успокоеніе. Смѣшно было наблюдать, какъ неохотно бесѣдовали со мной встрѣчавшіеся на прогулкѣ знакомые и какъ пристально они оглядывались по сторонамъ, торопясь поскорѣе уйти.

Губернскимъ предводителемъ дворянства во время моего губернаторства состоялъ все время, нынѣ покойный, Дмитрій Ксенофонтовичъ Гевличъ, праздновавшій въ 1911 году, когда я былъ губернаторомъ въ Перми, тридцатилѣтній юбилей предводительской службы. Пензенское дворянство любезно пригласило меня на этотъ юбилей и я съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовался приглашеніемъ. Оно давало мнѣ возможность засвидѣтельствовать Дмитрію Ксенофонтовичу искреннее мое уваженіе, да кстати было очень пріятно повидать многочисленныхъ друзей и добрыхъ знакомыхъ, мною оставленныхъ въ Пензѣ.

Д. К. Гевличъ былъ въ это время уже глубокимъ старикомъ семидесяти съ лишкомъ лѣтъ. Онъ аккуратно высиживалъ утомительныя губернскія земскія и дворянскія собранія, принималъ участіе въ преніяхъ, но другія засѣданія, гдѣ онъ состоялъ по должности своей членомъ, посѣщалъ уже очень рѣдко. Еще очень недавно онъ въ этомъ отношеніи былъ аккуратнѣе всѣхъ, но теперь силы уже ему измѣнили.

Это былъ человѣкъ нѣжно добраго сердца, но, Боже, какими колючками было оно покрыто снаружи! До рѣдкости отрывистый тонъ, постоянное перебиваніе собесѣдника прямо вызывающими «что-съ?», не изсякающая насмѣшливость, доходящая до грубости, все это васъ прямо огорошивало съ перваго свиданія съ нимъ и заставляло думать: «какой это непріятный человѣкъ». Но если вы обидитесь такимъ обращеніемъ и свою обиду выкажете, онъ такъ правдиво, не мѣняя впрочемъ своего арогантнаго тона, отри-

цалъ всякое намѣреніе нанести вамъ обиду, что у васъ и тѣни сомнѣнія не оставалось, что это именно такъ и что тутъ только чудаческая привычка. Тѣмъ не менѣе даже люди, давно знавшіе Дмитрія Ксенофонтовича, никакъ не могли освоиться съ этимъ тономъ и въ его присутствіи не умѣли отдѣлаться отъ непріятной принужденности.

Когда-то это былъ человѣкъ свѣтлаго ума, но теперь умъ этотъ явно утомился и блисталъ лишь изрѣдко ядовитымъ сарказмомъ. Къ правительству онъ относился какъ-то пренебрежительно, губернаторовъ явно третировалъ, но дѣлалъ это не потому, что держался оппозиціонныхъ воззрѣній, а изъ желанія, мнѣ кажется, подчеркнуть свою независимость. Напримѣръ, обращаясь съ губернаторами почти грубо, останавливаясь на той грани, одинъ шагъ за которую неминуемо долженъ былъ бы вызвать энергичный отпоръ, онъ считалъ своимъ долгомъ бывать у нихъ съ визитомъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ при звѣздахъ всякій разъ, когда пріѣзжалъ въ Пензу. Къ особѣ Государя онъ относился съ величайшимъ благоговѣніемъ и находилъ для этого глубоко почтительныя выраженія.

Участливъ къ нуждѣ былъ удивительно, помогалъ всѣмъ безъ разбора, но дѣлалъ это своимъ крайне удручающимъ тономъ. Управляющіе, говорятъ, обкрадывали его нагло. У него были, якобы, постоянные неурожаи, низкія цѣны на хлѣбъ, на которыя онъ постоянно жаловался.

Состояніе у Гевлича было очень хорошее, но на себя лично тратилъ онъ немного. Послѣдніе годы не держалъ даже въ Пензѣ квартиры, а жилъ во второстепенной гостиницѣ Треймана, гдѣ останавливались многіе дворяне и дворянки, когда онѣ пріѣзжали одинокими. Въ гостиницѣ этой было очень спокойно и прилично.

Вотъ образчикъ его отношеній къ губернатору. Мнѣ надо было какъ-то переговорить съ Гевличемъ по весьма непріятному дѣлу ареста секретаря дворянства, уличеннаго въ революціонныхъ шашняхъ. Секретаря этого онъ всячески отстаивалъ, вѣроятно, привыкнувъ къ нему за долгую свою службу, несмотря на то, что большинство дворянства было этимъ очень недовольно. Предчувствуя грозу и желая ее какъ-нибудь ослабить, я рѣшилъ поѣхать къ нему на домъ и спросилъ по телефону, можетъ ли онъ меня принять. Человѣкъ мнѣ на это отвѣчаетъ, самъ Гевличъ не могъ говорить по телефону:

— Дмитрій Ксенофонтовичъ не можетъ васъ принять, онъ сейчасъ уѣзжаетъ.

Меня взорвалъ такой отвѣтъ. Вѣдь я имѣю право по закону предложить ему явиться ко мнѣ по дѣламъ службы. Я дѣлаю любезность, намѣреваясь лично пріѣхать, и онъ отказывается меня принять! Это прямо дерзость и рѣшительно ничѣмъ къ тому же не вызванная. Я уже хотѣлъ звать правителя канцеляріи и приказать ему написать оффиціальную повѣстку съ вызовомъ къ опредѣленному времени къ себѣ въ домъ, какъ входитъ Зиберовъ съ докладомъ:

— Пріѣхали Дмитрій Ксенофонтовичъ Гевличъ и просятъ ихъ принять.

У меня отлегло отъ сердца, такъ какъ посылка повѣстки вызвала бы несомнѣнно бурю. Я забылъ сказать, что Гевличъ въ тоже время состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта по выбору дворянства. Получи онъ такую повѣстку, при его самолюбіи и высокомъ понятіи о своемъ званіи онъ сейчасъ же бы началъ разсылать телеграммы въ Петербургъ съ жалобами и, конечно, вышла бы цѣлая исторія.

Въ первую пасхальную заутреню, которую я проводилъ въ Пензѣ, въ соборъ пріѣхалъ и Гевличъ. Когда надо было подходить ко кресту, я, желая быть любезнымъ въ отношеніи почтеннаго члена Государственнаго Совѣта, уступилъ ему дорогу первому подойти. Гевличъ не хотѣлъ и нѣсколько секундъ мы другъ передъ другомъ щеголяли любезностью и уступчивостью.

— Да пойдете-ли вы, наконецъ,—во весь голосъ закричалъ грубо Гевличъ, точно его кто-то смертельно обидѣлъ.

Я переконфуженный поскорѣе направился ко кресту, давая зарокъ на будущее время никогда не пускаться въ авансы съ такимъ брюзжащимъ старцемъ.

Наши отношенія въ общемъ были совершенно приличны и когда я оставлялъ Пензу, Гевличъ выказалъ мнѣ много симпатіи и нарочно пріѣхалъ на мои проводы, хотя собирался уѣзжать за границу. Въ своей рѣчи на обѣдѣ въ мою честь онъ, между прочимъ, сказалъ, что за его продолжительное предводительское служеніе онъ зналъ въ Пензѣ двухъ хорошихъ губернаторовъ—князя Святополкъ-Мирскаго и меня.

Пензенскимъ уѣзднымъ предводителемъ состоялъ и нынѣ состоитъ Андрей Никифоровичъ Селивановъ. Онъ служилъ когда-то въ Л.-Гв. драгунскомъ полку у насъ въ Новгородскомъ уѣздѣ и былъ полковымъ адъютантомъ, но я его тогда не зналъ. Познакомился я съ нимъ у князя Кугушева въ первый мой пріѣздъ сюда, но это знакомство ограничилось лишь поклонами. Во время моего губернаторства я съ нимъ сошелся гораздо ближе и у насъ установились прекрасныя отношенія.

Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова хозяиномъ своего уѣзда и всѣ уѣздныя власти были у него въ безусловномъ подчиненіи. Онъ не допускалъ ничьего вмѣшательства въ дѣла уѣзда и разсматривалъ всякое распоряженіе, изданное безъ его вѣдома, или несогласное съ его мнѣніемъ, какъ личное для себя оскорбленіе и ужасно бурно на это реагировалъ.

— Ваше губернское присутствіе, Богъ знаетъ, что позволяетъ себѣ дѣлать,—часто говорилъ онъ мнѣ, вихремъ входя въ мой кабинетъ.

На повѣрку оказывается, что губернское присутствіе осмѣлилось кассировать какое-нибудь совершенно непринципіальное дѣло, утвержденное пензенскимъ съѣздомъ. И такъ во всемъ. Первое время, пока я къ нему не привыкъ и пока не убѣдился, что онъ дѣйствительно превосходно освѣдомленъ во всѣхъ уѣздныхъ дѣлахъ и ведетъ ихъ твердо и разумно, эти его невоздержанные протесты меня очень раздражали и стоило большого труда не отвѣтить ему какою-нибудь рѣзкостью. Потомъ такая кипучая горячность заставляла меня лишь улыбаться, тѣмъ болѣе, что такъ

было легко смягчить его негодованіе и привести къ спокойной милой бесѣдѣ добрѣйшаго Андрея Никифоровича.

Въ трудныя времена революціи это знаніе уѣзда и полная обо всемъ освѣдомленность была мнѣ очень полезна и его совѣты, всегда дѣльные и практичные, много мнѣ помогли и я съ благодарностью о нихъ вспоминаю.

Селивановъ былъ влюбленъ въ старо-дворянскіе обычаи и пышныя оффиціальныя церемоніи. И умѣлъ же онъ зато ихъ устраивать! Если онъ брался за устройство какого-либо торжества, то смѣло можно было поручиться, что все выйдетъ грандіозно и нарядно, все будетъ предусмотрѣно до порядка произнесенія тостовъ. Но Боже упаси, было не подчиниться установленной имъ программѣ: онъ негодовалъ, возмущался, и обязательно заставлялъ ей покориться.

У себя дома онъ любилъ хорошо принять. И въ день имянинъ его самого и своей добрѣйшей жены Маріи Александровны, урожденной Араповой, закатывалъ лукуловскіе пиры, на которые съѣзжалось все пензенское общество въ Оленевку, имѣніе его верстахъ въ 20 отъ Пензы, гдѣ онъ жилъ круглый годъ.

Въ самое ужасное время революціи, когда ежедневно горизонтъ обагрялся заревомъ загоравшихся помѣщичьихъ усадьбъ, когда кругомъ происходили убійства, самыя вопіющія насилія, усадьбы эти не пустѣли и даже одинокія женщины въ пучинѣ такой смертельной опасности не бѣжали въ города, гдѣ была все-таки какая нибудь защита, а сидѣли у себя дома, хотя многія изъ нихъ имѣли вполнѣ достаточныя средства не только жить въ городѣ, а уѣхать за границу. Въ Пензенской губерніи было много такихъ мужественныхъ помѣщицъ. Собственные мужики разсказывали имъ чудовищные ужасы, по ночамъ ждали, что вотъ-вотъ подпалятъ домъ, доброжелатели изъ деревни прямо указывали имъ время, когда усадьбы ихъ подожгутъ или разграбятъ, и онѣ все это терпѣли и не уѣзжали. Та самая слабонервная женщина, которая, казалось, упадетъ въ обморокъ отъ первой неожиданности, могла какой-то непонятной силой преодолѣвать весь этотъ ужасъ, передъ которымъ пасовали многіе мужчины. Когда опасность становилась уже очевидно неотвратимой, онѣ пріѣзжали въ Пензу и умоляли дать имъ какую-нибудь охрану. Гдѣ только было можно, я съ радостью исполнялъ эти просьбы, но часто принужденъ былъ отказывать, такъ какъ войскъ было мало и ихъ полагалось держать цѣлыми ротами, и я принужденъ былъ ограничиваться по необходимости посылкой одного, двухъ стражниковъ.

Помню ужасное происшествіе со старухой Обуховой въ Мокшанскомъ уѣздѣ. Она жила со своей уже пожилой дочерью. Окрестныя селенія были сильно распропагандированы и представляли собою настоящій революціонный очагъ, руководимый, повидимому, однимъ молодымъ батюшкой и сельскимъ учителемъ. Очагъ этотъ поддерживалъ дѣятельную связь съ Пензой и велосипедисты весьма подозрительной наружности то и дѣло тутъ сновали. Всѣ помѣщики объ этомъ знали, но уликъ преступности никакихъ добыть не удавалось а потому все оставалось безъ какого либо воздѣйствія.

Однажды вечеромъ, когда старуха Обухова сидѣла съ дочерью у лампы въ гостиной съ открытыми окнами, вдругъ черезъ эти окна вскакиваютъ къ нимъ нѣсколько замаскированныхъ людей и угрозами револьверами приковали ихъ къ мѣсту и запретили звать на помощь. Люди эти обшарили весь домъ, пристрастили горничную и захватили съ собой серебро, наличныя деньги, электрическіе ручные фонари и, приказавъ Обуховымъ не двигаться съ мѣста, стали съ награбленнымъ выскакивать изъ оконъ. Старуха Обухова въ догонку послала имъ укоры въ разбойничествѣ. Тогда одинъ изъ этихъ негодяевъ, уже стоя на окнѣ, выстрѣлилъ и убилъ дочь Обуховой, которая упала на плечо матери бездыханной.

Только послѣ этой ужасной катастрофы Обухова рѣшила бросить деревню и переѣхала въ Пензу. Когда она сидѣла въ поѣздѣ съ горничной, послѣдняя случайно выглянула въ окно и узнала на станціи одного изъ грабителей. Она такъ и затряслась отъ страха. Было сообщено жандарму, который и арестовалъ этого человѣка, оказавшагося учителемъ, кажется, Миловымъ по фамиліи.

Этотъ господинъ на слѣдствіи доказалъ, что во время убійства и грабежа былъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и не могъ принимать участія въ преступленіи. Было ли тутъ подстроенное заблаговременно alibi, или горничная дѣйствительно опозналась, сказать, конечно, трудно. Я склоняюсь къ послѣднему.

Бѣдная г-жа Обухова очень долго была подъ впечатлѣніемъ пережитаго ужаса, такъ что для ея успокоенія я велѣлъ поставить особый постъ городового противъ оконъ ея комнаты въ гостиницѣ Треймана, гдѣ она тогда временно поселилась.

Самые энергичные розыски полиціи какъ общей, такъ и жандармской, безчисленные обыски у возможныхъ участниковъ этого дѣла не дали ни малѣйшихъ указаній на причастность кого бы то ни было. Такимъ образомъ это возмутительное преступленіе осталось неотомщеннымъ, что, разумѣется, сдѣлало революціонеровъ еще болѣе увѣренными въ своихъ силахъ.

Оставалось лишь выслать изъ губерніи въ административномъ порядкѣ извѣстныхъ вожаковъ броженія, но они сами сейчасъ же послѣ убійства Обуховой скрылись и, какъ стало потомъ извѣстно, знаменитый батюшка уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ за нимъ было установлено наблюденіе.

Года два спустя въ бытность Мокшанскимъ исправникомъ г-на Соколовскаго стали получаться указанія на авторовъ убійства. Мѣстный волостной старшина, который, оказывается, былъ въ курсѣ всего дѣла, какъ и все остальное населеніе, понемногу сталъ давать указанія полиціи, но черезъ нѣсколько дней былъ найденъ мертвымъ въ своей клѣти, при чемъ былъ пущенъ слухъ, что онъ опился.

Когда же стало извѣстнымъ, что онъ давалъ кое какія свѣдѣнія, его тѣло было изъ могилы вырыто, подвергнуто химическому изслѣдованію и въ желудкѣ былъ найденъ мышьякъ въ дозѣ абсолютно смертельной.

Вотъ тогда то я разрѣшилъ исправнику въ этомъ селѣ установить постоянное секретное наблюденіе. Было взято на имя агента

свидѣтельство на пивную лавку, дано ему соотвѣтствующее оборудованіе и онъ самъ тамъ поселился въ качествѣ содержателя пивной. Этотъ агентъ понемногу сталъ добывать весьма цѣнныя свѣдѣнія, но дѣло завершилось уже послѣ моего ухода изъ Пензы и я не освѣдомленъ, какъ оно кончилось.

Другой примѣръ удивительнаго безстрашія помѣщицъ, хотя лишь отчасти касавшійся Пензы, запечатлѣлся особенно ярко въ моей памяти потому, что я встрѣчалъ мужа этой дамы въ Новгородѣ, гдѣ онъ командовалъ артиллерійской бригадой. Я говорю о м-me Ляховичъ. Она жила собственно въ Саратовской губерніи, но у границы съ Пензенской, и имѣла дѣла по продажѣ земли въ Пензенскомъ отдѣленіи крестьянскаго банка. Однажды, пріѣхавъ ко мнѣ просить содѣйствія къ ускоренію ея дѣла въ отдѣленіи банка, она кажется сама разсказала мнѣ о тѣхъ ужасахъ, которые ей пришлось пережить. У m-me Ляховичъ былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 13, тяжко больной туберкулезомъ. Онъ совсѣмъ не ходилъ, а былъ неподвижно прикованъ къ носилкамъ. Мать вмѣстѣ съ дѣтьми пріѣхала въ усадьбу одна, такъ какъ самъ г. Ляховичъ былъ въ это время назначенъ въ Петербургъ въ главное артиллерійское управленіе и оставить службы не могъ.

Недалеко отъ господскаго дома была сложена огромная скирда соломы. И вотъ въ одно прекрасное утро эту солому подожгли, очевидно, съ цѣлью, чтобы пожаръ перекинулся на домъ. Рабочіе, какъ это всегда бывало въ случаяхъ нападенія мужиковъ на усадьбы, куда то безъ слѣда скрылись и м-me Ляховичъ оказалась брошенной одна одинешенька передъ опасностью заживо сгорѣть. Кое-какъ съ помощью, кажется, привезенной изъ Петербурга горничной, она лично успѣла вынести носилки съ неподвижнымъ мальчикомъ въ безопасное мѣсто и, сгруппировавъ, около себя дѣтей, безпомощно стала смотрѣть, угодно будетъ судьбѣ зажечь домъ и уничтожить все имущество или она его пощадитъ. Можно себѣ представить, что должна была пережить эта семья въ такія минуты. Къ счастью, огонь на домъ не перекинулся и пожаръ ограничился одной соломой. Но вѣдь слѣдовало ожидать, что неудавшаяся попытка сжечь усадьбу будетъ возобновлена и, можетъ быть, это случится ночью во время сна, поэтому благоразуміе настоятельно требовало немедленно бросить усадьбу и вернуться, ну, хоть въ тотъ же Петербургъ. М-me Ляховичъ все-таки осталась, отдавшись подъ охрану полицейскихъ стражниковъ, призрачность которой не могла не быть для нея ясной.

Въ это время крестьяне потеряли вѣру въ изданіе закона о принудительномъ въ ихъ пользу отчужденіи помѣщичьей земли и обратились къ другой тактикѣ добиться той же цѣли. Разумѣется, такая тактика была внушена имъ пропагандой. Они стали систематически уничтожать огнемъ рѣшительно всѣ строенія въ усадьбахъ. Началось, конечно, съ дальнихъ сараевъ, скотныхъ дворовъ и т. п., но кольцо постепенно суживалось и доходило, наконецъ, до господскаго дома. Одна и та же усадьба притерпѣвала десятки поджоговъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Расчетъ тутъ былъ въ томъ, чтобы терроризовать помѣщиковъ, вынудить ихъ уйти изъ усадебъ, уничтоживъ жилье, дѣлавшее невозможнымъ дальнѣйшее

тамъ пребываніе, и съ отчаянія продать крестьянскому банку землю за безцѣнокъ, которая, конечно, послѣднимъ будетъ якобы продана мужикамъ, но Государственная Дума освободитъ покупщиковъ отъ платежей и земля въ концѣ концовъ достанется даромъ. Съ этого времени заемщики крестьянскаго банка перестаютъ вносить срочные платежи. Процедура устраненія неаккуратныхъ плательщиковъ, расчитанная на нормальное теченіе жизни, чрезвычайно длительна, а потому она на довольно продолжительный срокъ питала иллюзіи крестьянъ, что такой отказъ отъ срочныхъ платежей не будетъ имѣть гибельныхъ послѣдствій. Когда же стряслось надъ ними во многихъ мѣстахъ дѣйствительное отобраніе купленной земли и безслѣдная гибель ранѣе внесенныхъ денегъ, поднялся стонъ и плачъ, но было уже поздно.

Впрочемъ такое отбраніе явилось въ большинствѣ случаевъ вовсе ужъ не катастрофой для многихъ покупщиковъ. Вѣдь банкъ не могъ эти земли держать долго за собой и принужденъ былъ ихъ продать тѣмъ же прежнимъ покупщикамъ, исключивъ только наиболѣе неблагонадежные элементы, такъ что дѣло ограничилось утратой части уплаченныхъ взносовъ. Лишь основанія продажи нѣсколько измѣнились, такъ какъ банкъ совершенно устранилъ изъ своей практики товарищескія сдѣлки и перешелъ къ единоличнымъ продажамъ.

Перечислять здѣсь хотя бы наиболѣе видные поджоги нѣтъ никакой возможности: ихъ были тысячи. Скажу лишь о нѣкоторыхъ, которые по той или иной причинѣ особенно запечатлѣлись у меня въ памяти.

Въ Мокшанскомъ уѣздѣ было имѣніе г. Молоствова, потомка по женской линіи Суворова. Въ этомъ имѣніи было совершено около 8 поджоговъ, такъ что въ концѣ концовъ сгорѣли рѣшительно всѣ постройки до заборовъ включительно. Молоствовъ переѣхалъ жить въ Пензу, а приказчикъ долженъ былъ нанять квартиру въ деревнѣ, которую ему сначала до принятія мѣръ противъ главныхъ смутьяновъ ни за что мужики не хотѣли отдавать. Полиціи, путемъ подробнаго дознанія, удалось установить главнѣйшихъ виновниковъ поджоговъ, но возбудить судебное преслѣдованіе было рѣшительно невозможно: всѣ, давшіе полиціи показаніе, заявили совершенно категорически, что если ихъ слова получатъ огласку, то они отъ всего откажутся, не желая быть убитыми; таковъ былъ страхъ, наведенный на мирныхъ людей революціонерами или «забастовщиками», какъ ихъ величали крестьяне.

По этому дѣлу я самъ лично выѣзжалъ въ деревню, и это былъ мой первый выѣздъ на безпорядки въ Пензенской губерніи, оттого я его такъ хорошо помню.

Войскъ я туда не вызывалъ, а къ своему пріѣзду лишь послалъ человѣкъ 20 стражи. Дѣло было въ воскресенье. Когда я подъѣхалъ къ сельскому сходу, онъ былъ окруженъ тысячной толпой любопытныхъ, собравшихся изъ сосѣднихъ деревень посмотрѣть, какъ начальство будетъ кричать, а толку все-таки не добьется. Замѣтны были люди выпившіе. Нѣкоторые изъ нихъ, слишкомъ развязно выдвинувшіеся впередъ ко мнѣ на глаза, были съ мѣста

же мною выдернуты изъ толпы и отправлены къ отряду стражи, стоявшему всторонѣ. Я нарочно не объявилъ, какое имъ будетъ наказаніе, а потому, какъ это всегда бываетъ, воображеніе сразу присмирѣвшей и переставшей посмѣиваться толпы стало рисовать себѣ самыя страшныя картины экзекуціи.

Приказавъ окружить себя участникамъ схода, я объявилъ, что все дѣло нескончаемыхъ поджоговъ мнѣ уже извѣстно во всѣхъ подробностяхъ и если у нихъ есть хоть малѣйшее сознаніе своей виновности, они сами должны мнѣ указать главныхъ виновниковъ. Глубочайшее молчаніе. Повторивъ раза два это приглашеніе съ такимъ же успѣхомъ, я вынулъ заранѣе составленный списокъ, съ указаніемъ, въ чемъ именно заключалась вина каждаго, и сталъ вызывать внесенныхъ туда поочередно. Вызовъ каждаго лица и особенно подробное изложеніе того, въ чемъ онъ виновенъ, производило огромное на всѣхъ впечатлѣніе. Должно быть, всѣ участники этого гнуснаго злодѣянія были слишкомъ увѣрены, что власти не въ состояніи будутъ въ дѣлѣ разобраться и ихъ поступки останутся навсегда неизвѣстными, а потому и безнаказанными. Отобравъ такимъ образомъ человѣкъ 12, я объявилъ, что этихъ лицъ я арестую и деревня ихъ болѣе не увидитъ, такъ какъ они будутъ высланы въ отдаленныя губерніи. Но этимъ дѣло не ограничится, розыски будутъ продолжаться и всѣхъ виновныхъ, изобличенныхъ въ участіи въ этомъ преступленіи, сколько бы ихъ ни оказалось, постигнетъ та же участь. Требую, чтобы онѝ держали себя смирно, ибо малѣйшій проступокъ постигнетъ суровая кара.

Какъ ни велико было число арестованныхъ, черезъ мѣсяцъ примѣрно розыскъ полиціи установилъ еще 5 человѣкъ, у которыхъ при обыскѣ нашли революціонную литературу, запасы фитилей, свертки фосфору, много пороху, словомъ цѣлую лабораторію для поджоговъ. При этомъ выяснилась самая процедура поджоговъ. Кусокъ завернутаго въ плотную ткань фосфора или мѣшечекъ съ порохомъ соединялся съ довольно длиннымъ фитилемъ, обработаннымъ селитрой. Фосфоръ или порохъ укладывался на крышѣ или вообще на поджигаемомъ предметѣ, предварительно смоченномъ керосиномъ, и конецъ фитиля зажигался. Пока огонь дойдетъ до фосфора или пороха, поджигатель успѣетъ далеко отойти и умышленно броситься кое кому на глаза, создавъ себѣ alibi. Ходили слухи, что у революціонеровъ былъ изобрѣтенъ особый составъ, который отъ дѣйствія солнечныхъ лучей самъ собою загорался. Но доказательствъ правдивости этихъ слуховъ найдено тогда не было.

Въ Чембарскомъ уѣздѣ у помѣщика Мачинскаго, неладившаго давно съ своими крестьянами, было произведено 3 или 4 поджога, уничтожившихъ большую часть усадьбы. Слѣдствіе напало неожиданно на слѣды цѣлой шайки поджигателей, сорганизованной не болѣе не менѣе какъ мѣстнымъ священникомъ, очень уже пожилымъ человѣкомъ. Улики противъ священника были такъ велики, что прокурорскій надзоръ взялъ его подъ стражу и отправилъ въ Пензенскую тюрьму, какъ болѣе надежную. Жандармская полиція параллельно производила разслѣдованіе о дѣятельности этого священника и получила прямо изумительный матеріалъ. Онъ оказался

ярымъ революціонеромъ, имѣвшимъ связи чуть ли не съ центральными организаціями.

Вѣсть о заключеніи въ тюрьму священника получила громкую огласку и взволновала всѣ консисторскіе круги, воздѣйствовавшіе на мѣстнаго преосвященнаго, очень добраго и мягкаго человѣка. Очевидно, духовенство не было посвящено въ дѣло и считало, что арестъ произведенъ лишь по подозрѣнію. Преосвященный пріѣхалъ ко мнѣ и взволнованно сталъ говорить о томъ соблазнѣ, который вызвалъ арестъ духовнаго лица.

Я постарался ознакомить владыку со всѣми извѣстными мнѣ подробностями дѣла, доказывалъ, что оставленіе на свободѣ человѣка, уличаемаго въ столь чудовищномъ преступленіи, по нынѣшнему времени было бы гораздо большимъ соблазномъ, что арестъ произведенъ судебными властями, въ дѣйствія которыхъ я вмѣшиваться не имѣю права,—владыко ничего не хотѣлъ слушать и уѣзжая отъ меня, объявилъ, что сейчасъ же будетъ жаловаться оберъ-прокурору Синода по телеграфу.

Это неожиданное вмѣшательство преосвященнаго въ сферу уголовной компетенціи, какъ и вообще его необыкновенная мягкость по отношенію политиканствующихъ батюшекъ, грозила значительно усложнить борьбу со смутой, ибо у насъ, къ сожалѣнію, нѣкоторые чины духовенства слишкомъ горячо вмѣшивались въ область политики и будоражали своихъ и безъ того взвинченныхъ агитаціей прихожанъ. Я счелъ своимъ долгомъ подробно обо всемъ написать П. А. Столыпину и въ результатѣ въ Пензу былъ назначенъ болѣе энергичный архіерей, преосвященный Митрофанъ.

Это мое письмо, какъ потомъ оказалось, было широко использовано нѣкоторыми членами союза русскаго народа и на меня обрушилась травля, какъ на врага православной церкви.

Я просилъ министра передать это дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда. Заключенный въ тюрьму священникъ, вѣроятно, черезъ навѣщавшую его жену, всѣми мѣрами старался воздѣйствовать на свидѣтелей, которые на судѣ и отреклись отъ данныхъ на предварительномъ слѣдствіи показаній. Судъ священника оправдалъ.

По протесту военнаго прокурора этотъ приговоръ былъ отмѣненъ по формальнымъ основаніямъ, но и при вторичномъ разборѣ свидѣтели снова измѣнили свои первоначальныя показанія и судъ вторично его оправдалъ. Для священника все кончилось сравнительно благополучно и онъ былъ лишь переведенъ изъ прихода.

Другіе участники этого дѣла понесли наказаніе.

Вообще это памятное дѣло было сопряжено для меня съ большими непріятностями, о которыхъ когда нибудь я подробнѣе разскажу.

Въ Керенскомъ уѣздѣ совершенно сожгли усадьбу земскаго начальника, впослѣдствіи предсѣдателя мѣстной земской управы Волжинскаго и оставили его прямо подъ открытымъ небомъ, такъ что я вынужденъ былъ ходатайствовать о выдачѣ ему хоть какого нибудь пособія. Всѣмъ были извѣстны поджигатели, но доказательствъ получить было нельзя. Въ отношеніи, кажется, двухъ изъ нихъ пришлось примѣнить высылку изъ губерніи въ административномъ порядкѣ.

Кстати объ этой мѣрѣ. Существуетъ мнѣніе, что такая высылка представляется весьма нецѣлесообразнымъ наказаніемъ. Неспокойные элементы молъ изъ одного мѣста Имперіи перебрасываются въ другія и своими бреднями заражаютъ дотолѣ спокойное населеніе и только этимъ разносятъ смуту. До нѣкоторой степени это, конечно, вѣрно. Но на мой взглядъ тутъ кроется все-таки большое преувеличеніе въ особенности по примѣненію къ крестьянамъ. Дѣло въ томъ, что на крестьянскую массу можетъ имѣть вліяніе вовсе не первый встрѣчный. Если бы это было такъ, то извѣстное революціонное «хожденіе въ народъ» давно бы завершилось государственнымъ переворотомъ, а между тѣмъ, по признанію самихъ корефеевъ революціи, оно оказалось до смѣшного пустымъ вздоромъ. Разумѣется, когда народная масса уже переживаетъ острую лихорадку броженія, поднять которую до крайности трудно, для этого нужны какія-то стихійныя силы, въ родѣ неудачной войны, общаго пониженія государственныхъ инстинктовъ, тогда вызвать взрывъ можетъ всякій пустякъ, до глупѣйшихъ розсказней перваго мимо проходящаго пропойцы. Но когда нѣтъ такого возбужденія, рѣшающіе слои крестьянства крайне недовѣрчиво встрѣчаютъ чужого человѣка и совсѣмъ не вѣрятъ тому, что онъ имъ толкуетъ. Только бабы и отъ природы придурковатые развѣшиваютъ уши на такія розсказни, широко ихъ разносятъ съ невѣроятными прибавленіями, но это не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на самую жизнь. Пермская губернія, гдѣ я былъ губернаторомъ, представляетъ собою мѣсто сосредоточенія административно высылаемыхъ. Ужъ казалось бы здѣсь вліяніе такихъ людей должно было особенно пышно расцвѣсть и Чердынскій уѣздъ, напримѣръ, долженъ былъ бы уже исповѣдовать соціалъ-демократическую вѣру. Ничего подобнаго. Это наиболѣе спокойный край, гдѣ не было никакихъ безпорядковъ въ революціонные годы. Онъ страдаетъ очень отъ высылаемыхъ за порочное поведеніе, которыхъ здѣсь скапливается очень много, но это уже другое дѣло.

Представьте себѣ на минуту положеніе этого административно высланнаго со своей родины. Онъ долженъ объявить полиціи, куда намѣренъ выбыть и полиція снабжаетъ его проходнымъ свидѣтельствомъ до избраннаго пункта, которое и служитъ ему единственнымъ документомъ о личности. Съ проходнымъ свидѣтельствомъ онъ является мѣстной полиціи и состоитъ у нея на учетѣ, пока не уѣдетъ въ другое мѣсто по своему свободному выбору такимъ же точно порядкомъ. Прежде всего для высланнаго является роковой вопросъ, чѣмъ онъ будетъ существовать, казенный паекъ выдается обыкновенно только такимъ неимущимъ высланнымъ, которые бываютъ лишены права избирать мѣсто жительства и направляются для поселенія въ опредѣленные районы. Неимѣніе паспорта уже накладываетъ на человѣка извѣстное клеймо и ему, конечно, много труднѣе подыскать себѣ занятіе. Но вотъ, наконецъ, ему удается пристроиться къ какому-либо дѣлу. Разумѣется, онъ ухватится обѣими руками, станетъ держать себя особенно осторожно, чтобы не подать повода къ неудовольствію и не быть выброшеннымъ на улицу. До агитаціи ли тутъ въ такомъ положеніи.

Если онъ и попадетъ въ бурлящую среду, то его присутствіе нисколько не измѣняетъ положенія вещей, такъ что и здѣсь оно является въ сущности совершенно безразличнымъ. Утихнетъ въ силу той или иной причины волненіе, онъ, не имѣя авторитета, не можетъ его поджечь снова; волненіе станетъ расти — для этого нужны извѣстные поводы, находящіеся внѣ его личности и отъ него независящіе.

А между тѣмъ высылка изъ губерніи является дѣйствительно устрашающей мѣрой. Это такой душъ, который въ огромномъ большинствѣ случаевъ тушитъ сразу возбужденіе, доведенное даже до точки кипѣнія. Вотъ почему въ трудное время общаго шатанія, когда надо во что бы то ни стало отстоять существующій порядокъ, такая мѣра является наиболѣе дѣйствительной и по существу своему наименѣе гибельной, ибо не влечетъ за собой непоправимыхъ послѣдствій и, конечно, мѣра эта, будетъ широко практиковаться при всякомъ режимѣ. Весьма понятно, что элементы, воюющіе съ существующимъ государственнымъ строемъ, о такихъ мѣрахъ говорятъ какъ о вопіющемъ произволѣ, неслыханной жестокости, но вѣдь исторія учитъ, что расправа восторжествовавшей смуты по своей жестокости не идетъ ни въ какое сравненіе съ мѣрами предшествовавшаго порядка, такъ что эти вопли въ сущности лишь тактическій пріемъ борьбы, желаніе обмануть спокойную часть населенія и перетянуть ее на свою сторону, чтобы выбить успѣшнѣе изъ рукъ правительства сильное оружіе противъ себя.

Никто, конечно, не споритъ, что въ обычное спокойное теченіе государственной жизни не должно прибѣгать къ такой мѣрѣ воздѣйствія, хотя бы только потому, что всякое наказаніе, установленное внѣ судебныхъ гарантій, всегда рискуетъ оказаться и менѣе обоснованнымъ, и менѣе соотвѣтствующимъ винѣ содѣяннаго.

Пенза горделиво называла себя новыми Афинами по широкой постановкѣ всѣхъ видовъ народнаго образованія. Помимо 2 мужскихъ гимназій, 4 женскихъ и реальнаго училища тутъ существовали желѣзнодорожное техническое училище, землемѣрное училище, извѣстная въ Россіи школа садоводства, учительская семинарія, духовная семинарія и Селиверстовское художественное училище. Пять послѣднихъ заведеній, комплектовавшихся взрослыми учениками, были чуть-ли не поголовно революціонированы и изъ ихъ среды по преимуществу вышли тогдашніе террористы. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежала художественному училищу.

Школа эта основана, по горькой ироніи судьбы, жандармскимъ генераломъ Селиверстовымъ, очень богатымъ человѣкомъ, выстроившимъ великолѣпное зданіе съ массою свѣта, роскошно отдѣланное какъ внутри, такъ и снаружи. Селиверстовъ, трагически погибшій, кажется, въ Парижѣ, отъ руки революціонеровъ, завѣщалъ этому училищу большой капиталъ, процентами съ котораго при небольшой поддержкѣ академіи художествъ, не превышавшей 5 тысячъ рублей въ годъ, оно и содержалось. При училищѣ былъ устроенъ весьма цѣнный художественный музей, куда поступили художественныя коллекціи самого Селиверстова, а позднѣе и большая коллекція генерала Боголюбова. Вообще это была широко поставлен-

ная художественная школа, одна изъ лучшихъ въ Россіи. Во главѣ ея стояли довольно извѣстные уже своими работами художники, были таланты и среди преподавателей, напримѣръ Горюшкинъ-Сорокопудовъ, много выставлявшій свои произведенія на Петербургскихъ выставкахъ и имѣвшій тамъ успѣхъ. Среди учащихся было очень много молодыхъ людей, неудачно пробовавшихъ свои силы въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это были все люди неуравновѣшенные, бросавшіеся изъ стороны въ сторону, не имѣвшіе сколько нибудь прочныхъ нравственныхъ устоевъ, насмѣшливо и грубо относившіеся къ своимъ учителямъ. Директоръ допустилъ ихъ сорганизоваться въ кружки подъ предводительствомъ избранныхъ ими старостъ и эти старосты были почти поголовно замѣшаны въ революціонныхъ проискахъ и давали такой тонъ всему училищу.

По уставу пензенскій губернаторъ являлся почетнымъ попечителемъ рисовальнаго училища и вся жизнь послѣдняго протекала у него на глазахъ. Директоръ приходилъ еженедѣльно, а то и чаще, къ губернатору съ докладомъ. Когда убили Александровскаго, нѣкоторые ученики рисовальнаго училища во главѣ съ ученикомъ Н. Пашъ, не занимавшіеся политикой, собрали между собою небольшую сумму и купили на гробъ губернатору вѣнокъ съ лентами, на которыхъ было напечатано: «Отъ Селиверстовскаго художественнаго училища своему почетному попечителю». Когда это стало извѣстнымъ въ училищѣ, поднялся страшный гвалтъ, бѣднаго Паша чуть не убили, принудили директора заставить снять ленты, чтобы «не пятнать имени училища». Пашъ съ тремя другими учениками все таки положилъ вѣнокъ на гробъ и участвовалъ въ погребальной процессіи, за что все училище объявило ему бойкотъ, не стали пускать его въ классы, преслѣдовали на каждомъ шагу ругательствами и улюлюканьемъ, словомъ подвергли его самымъ жестокимъ гоненіямъ, на какія только способны учащіеся великовозрастные мальчишки. Училищное начальство, и въ спокойное-то время едва-едва справлявшееся съ этой недисциплинированной ордой, мало-того что окончательно выпустило изъ рукъ своихъ бразды управленія, а совсѣмъ даже перекинулось, вѣроятно, изъ чувства страха, на сторону бойкота и совершенно безцеремонно стало выживать изъ училища Паша съ 3 товарищами. Пашъ какъ-то явился ко мнѣ, жалуясь на такое несправедливое къ себѣ отношеніе и просилъ за него заступиться. Узнавъ, что Пашъ ходилъ жаловаться, директоръ училища, при поддержкѣ одного изъ преподавателей, совсѣмъ исключилъ его изъ числа штатныхъ учащихся, перечисливъ въ — вольнослушатели. Это равносильно было полному исключенію, такъ какъ состояніе вольнослушателемъ не давало права на отсрочку отбыванія воинской повинности и Пашъ, перешедшій призывной возрастъ, долженъ былъ-бы поступить на военную службу. Такая явная несправедливость, да еще на подобной подкладкѣ, меня прямо возмутила. Я вызвалъ къ себѣ директора и прямо объявилъ ему, что я ни въ какомъ случаѣ не допущу осуществиться такому постановленію училища и, зная подробно всю подкладку дѣла, предлагаю ему сейчасъ-же внести дѣло въ учительскій совѣтъ и настоять на отмѣнѣ этого рѣшенія. Если такое требованіе не будетъ исполнено, то я подниму все дѣло, и тогда прошу на меня не

пенять. Директоръ весьма рѣшительно заявилъ, что онъ внесетъ вопросъ на новое разсмотрѣніе учительскаго совѣта, но заранѣе увѣренъ въ томъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Я пригласилъ къ себѣ начальника губернскаго жандармскаго управленія, полковника Николаева, и поручилъ ему обо всемъ происходящемъ въ училищѣ произвести негласное разслѣдованіе. Оказалось, что все мною изложенное уже извѣстно и дознаніе производится однимъ изъ офицеровъ въ теченіе по крайней мѣрѣ недѣли, такъ что скоро будетъ окончено и мнѣ доложено.

Я потребовалъ къ себѣ черезъ секретаря училища всѣ экзаменаціонные листы, изъ которыхъ оказалось, что есть ученики, имѣвшіе такія-же отмѣтки и даже хуже, чѣмъ у Паша, однако они изъ штатныхъ слушателей исключены не были.

По уставу подъ моимъ предсѣдательствомъ состоялъ хозяйственный совѣтъ, который рзасматривалъ какъ вопросы хозяйственные, такъ и могъ имѣть сужденіе о выдающихся событіяхъ въ жизни училища. Совѣтъ состоялъ изъ городского головы, директора и одного изъ учителей по утвержденію, кажется, академіи. Я собралъ этотъ совѣтъ и доложилъ ему все дѣло Паша, дополнивъ вышеизложенное нѣкоторыми фактами жандармскаго дознанія, которое установило, что всѣ гоненія на правыхъ учениковъ организованы однимъ изъ учителей, имѣвшимъ большое вліяніе на директора и перетянувшаго послѣдняго на свою сторону. Я не говорилъ совѣту того, что учитель этотъ былъ дѣйствительной душой организаціи старостъ, уставомъ не предусмотрѣнной, что онъ лично сочувствовалъ революціонному движенію и, кажется, поощрялъ его и въ ученикахъ.

Учительскій совѣтъ, уже по настоянію директора, какъ говорило дознаніе, отказался измѣнить принятую въ отношеніи Паша мѣру.

Хозяйственный совѣтъ большинствомъ голосовъ призналъ, что не было достаточныхъ основаній исключать Паша изъ штатныхъ слушателей училища, а потому постановилъ представить академіи художествъ объ отмѣнѣ этого постановленія.

Чуть-ли не цѣлый годъ тянулся этотъ вопросъ, такъ какъ академія художествъ все отказывалась исполнить это ходатайство, будучи, вѣроятно, введена въ заблужденіе директоромъ и сказаннымъ учителемъ.

Но, благодаря настойчивости министерства внутреннихъ дѣлъ, которое было постановлено мною въ извѣстность относительно всѣхъ подробностей, директоръ училища былъ замѣненъ новымъ лицомъ, а учитель, истинный авторъ всей этой исторіи, оставилъ службу самъ и уѣхалъ изъ Пензы, послѣ того, какъ я ему сообщилъ о своемъ намѣреніи выслать его изъ губерніи въ административномъ порядкѣ.

При новой администраціи Пашъ былъ снова зачисленъ въ штатъ, отъ призыва-же въ войска до окончанія этого дѣла былъ освобожденъ по распоряженію министра.

Разреволюціонированные ученики рисовальнаго училища спеціализировались главнымъ образомъ на «экспропріаціяхъ» казенныхъ винныхъ лавокъ, т.-е. говоря по-русски, на ихъ ограбленіяхъ. Дѣлали они это съ удивительной дерзостью во всякое время дня

и ночи, и странное дѣло, всегда точно знали, что именно въ этотъ моментъ у сидѣльца имѣются на рукахъ вырученныя деньги, хотя знать это, казалось-бы, было довольно трудно, такъ какъ акцизное управленіе участило значительно наѣзды сборщиковъ денегъ, отбиравшихъ у сидѣльцевъ выручку. Было много случаевъ, что экспропріаторы бывали застигаемы на мѣстѣ то чинами сельской полиціи, то сбѣжавшимся народомъ. Въ этихъ случаяхъ они пускали въ ходъ револьверы и отстрѣливаясь, не торопясь, отступали въ ближайшій лѣсъ, гдѣ они лѣтомъ обыкновенно и проживали «на дачѣ». Передъ выстрѣлами преслѣдованіе обыкновенно останавливалось и деревенскія власти посылали лишь оповѣстить о нападеніи полицію, которая такимъ образомъ являлась на мѣсто, когда преступники уже были далеко. Преслѣдовать этихъ господъ было тѣмъ труднѣе, что въ большинствѣ случаевъ они не входили въ составъ революціонныхъ организацій, а дѣйствовали на свой личный страхъ, прикрываясь лишь для виду, какъ фиговымъ листомъ, якобы революціонными цѣлями ограбленія.

Въ одной изъ деревень, кажется, Городищенскаго уѣзда, грабители, захвативъ деньги изъ лавокъ, были энергично преслѣдуемы собравшимися жителями. Отстрѣливаясь, они убили одного изъ преслѣдовавшихъ крестьянъ и тѣмъ страшно озлобили остальныхъ. Двое преступниковъ спрятались въ гумнѣ въ соломѣ, но были найдены и приняты въ вилы. Одного тутъ-же убили, хотя онъ и ранилъ въ руку крестьянина, а другой бросился бѣжать, но видя, что погоня его настигаетъ и ему не уйти, самъ застрѣлился. Отбирая у сидѣльца деньги, когда преслѣдованіе имъ не угрожало, грабители оставляли обыкновенно записку, что деньги экспропріированы по распоряженію соціалъ-революціоннаго комитета на дѣло освобожденія народа.

Въ моей колекціи имѣется нѣсколько фотографій участниковъ такихъ ограбленій, въ томъ числѣ и застрѣлившагося при преслѣдованіи, о которомъ я говорилъ выше. Слѣдующей за рисовальнымъ училищемъ по количеству совершенныхъ учениками преступленій стояла духовная семинарія. Тамъ уже давно, еще при губернаторѣ Хвостовѣ, происходили очень серьезные безпорядки. Ученикамъ пензенской семинаріи принадлежитъ, кажется, иниціатива организаціи «семинарскаго союза». По велѣніямъ этого союза безпорядки возникали одновременно во многихъ семинаріяхъ и во имя однихъ и тѣхъ-же требованій. Главнымъ образомъ все вертѣлось около измѣненія программы преподаванія и ослабленія установленнаго режима. Этотъ союзъ такъ терроризировалъ начальство, что во многихъ семинаріяхъ оно окончательно оробѣло и хозяевами положенія стали семинаристы. Они, напримѣръ, почти перестали ходить въ церковь, считая религію предразсудкомъ, которымъ не можетъ быть одержимъ просвѣщенный умъ сознательнаго семинариста. Всѣ происходившіе въ городѣ или его окрестностяхъ митинги привлекали чуть не весь составъ старшихъ классовъ и многіе изъ нихъ выступали даже ораторами. Революціонная пресса въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ считала нѣкоторыхъ семинаристовъ и начальству это, кажется, было хорошо извѣстно, по крайней мѣрѣ была очень въ ходу угроза «пропечатать въ газетѣ». Сколько они

производили самыхъ невозможныхъ скандаловъ и столкновеній съ полиціей—и перечесть трудно. Назначенная ревизія семинаріи все это болѣе или менѣе выяснила и для приведенія ея въ порядокъ былъ назначенъ новый ректоръ, архимандритъ Николай, очень еще молодой, красивый и симпатичный человѣкъ. Онъ пріѣхалъ въ Пензу примѣрно черезъ мѣсяцъ послѣ меня.

Я не слышалъ, чтобы отецъ Николай очень круто повернулъ семинарскій укладъ, газеты его не бранили; но, видимо, онъ внесъ всетаки нѣкоторую струю порядка, которая, разумѣется, была не по вкусу мѣстнымъ хулиганамъ. Такъ, между прочимъ, провалившіеся на экзаменахъ дурного поведенія ученики старшихъ классовъ въ числѣ 15 были исключены изъ семинаріи, но это исключеніе, какъ слишкомъ обоснованное, не стало злобой дня и о немъ въ городѣ совсѣмъ не говорили. Семинарія помѣщалась въ прекрасномъ новомъ зданіи на горѣ, примыкавшей къ Дворянской улицѣ. Склонъ горы отъ зданія до улицы былъ обращенъ въ молодой садъ, еще неразросшійся, и отдѣленъ отъ улицы невысокимъ заборомъ. По этому-же склону проложенъ въѣздъ къ самому зданію. Если стоять на улицѣ, то видно рѣшительно все, что происходитъ въ саду. У подошвы южного склона, отдѣляясь отъ сада деревяннымъ заборомъ, былъ расположенъ дворикъ дома, въ которомъ жилъ ректоръ. Домъ этотъ однимъ фасадомъ выходилъ на Дворянскую, тутъ находился и парадный подъѣздъ, а другимъ кажется, на Покровскую улицу, названія точно не помню. Со двора вела калитка на эту улицу. Тутъ-же былъ и другой подъѣздъ, которымъ выходилъ ректоръ, направляясь черезъ дворъ и садъ въ зданіе семинаріи.

Вскорѣ послѣ окончанія экзаменовъ, когда ученики были уже распущены, слѣдовательно примѣрно въ началѣ іюня, о. ректоръ, покончивъ съ утренними занятіями, возвращался около часа дня къ себѣ домой. Когда онъ приблизился къ большому кусту сирени, расположенному почти у самой калитки къ нему на дворъ, изъ-за куста выскочили два молодыхъ человѣка въ черныхъ рубахахъ и дали по нему нѣсколько выстрѣловъ. Ректоръ тутъ-же упалъ мертвымъ. Убійцы побѣжали во дворъ, промчались мимо ожидавшаго ректора у подъѣзда швейцара, выскочили черезъ калитку на Покровскую улицу, гдѣ стоялъ на караулѣ 3-й участникъ, и безслѣдно куда-то скрылись.

Я въ это время пошелъ пѣшкомъ гулять и не успѣлъ еще выйти на Московскую, какъ меня догналъ городовой и доложилъ, что пріѣхалъ полиціймейстеръ по срочному дѣлу. Вернувшись, получаю докладъ объ этомъ гнусномъ убійствѣ.

Надо сказать, что за семинаріей расположенъ большой садъ, выходящій на окраину города. За нимъ начинается роща, сливающаяся съ казеннымъ лѣсомъ. Я приказалъ по телефону какъ можно скорѣе прибыть къ семинаріи 2 эскадронамъ уланъ, оцѣпить всю окрестность въ сторону лѣса, а заросли пройти цѣпью для поимки преступниковъ. Самъ я поѣхалъ на мѣсто убійства вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ. Судебныя власти еще не прибыли и трупъ лежалъ на томъ-же мѣстѣ. Около него собралась кучка великовоз-

растныхъ семинаристовъ, не успѣвшихъ еще уѣхать на каникулы. Не только не было замѣтно на лицахъ ихъ какого-либо волненія, а многіе даже пересмѣивались и покуривали папиросы. Меня такъ это возмутило, что я высказалъ имъ свое негодованіе, приказавъ узнать ихъ фамиліи на всякій случай. Семинаристы стали приличнѣе, побросали папиросы, но не уходили.

Видно было, что однимъ выстрѣломъ была прострѣлена голова: по лицу текла струйка крови. Я пріѣхалъ черезъ ½ часа, никакъ не позже, послѣ убійства и уже тѣло разительно измѣнилось. Особенно какъ-то разбухла голова, точно у трупа въ крайней степени разложенія. Это совсѣмъ измѣнило лицо и оно чрезвычайно подурнѣло. Пріѣхалъ слѣдователь, произвелъ осмотръ мѣста злодѣйства, а затѣмъ мы всѣ собравшіеся подняли трупъ, перенесли его на стеклянную галлерею, гдѣ долженъ былъ быть сдѣланъ медицинскій осмотръ. Къ этому времени пріѣхалъ взволнованный владыко и тутъ-же въ галлереѣ была отслужена первая панихида.

Конечно, слѣдствіе прежде всего принялось за швейцара, мимо котораго пробѣжали убійцы. Онъ служилъ уже давно и, вѣроятно, зналъ всѣхъ семинаристовъ если не по фамиліямъ, то по внѣшнему виду. Швейцаръ сталъ давать такія странно неопредѣленныя показанія, что мы всѣ прямо вознегодовали: очевидно, онъ не желаетъ говорить. Вѣроятно, имъ руководило малодушное чувство страха, какъ-бы не поплатиться за откровенное показаніе. А можетъ быть тутъ были и другія побужденія. Этого швейцара посадили въ тюрьму и онъ долго въ ней просидѣлъ, но всетаки къ своимъ первоначальнымъ показаніямъ ни слова не прибавилъ.

Убійство совершено было въ часъ дня. Дворянская улица у семинаріи очень малолюдна, по ней нѣтъ въ этомъ мѣстѣ почти никакого движенія. Однако на улицѣ, какъ разъ противъ семинаріи, играли дѣти и видѣли всю сцену убійства и бѣгства преступниковъ.

Уланы прискакали очень скоро вслѣдъ за мной и подъ руководствомъ чиновъ полиціи окружили ближайшій районъ и начались поиски. Преступники, судя по времени, должны были укрыться недалеко. Чуть-ли не до вечера происходила эта облава и обыски въ домахъ—и никакихъ результатовъ. Никто бѣжавшихъ преступниковъ не видѣлъ и не могъ дать указаній. Очевидно, населеніе не смѣло говорить правды и изъ трусости покрывало убійцъ. Принялись за исключенныхъ семинаристовъ, но и здѣсь не удалось раздобыть ни малѣйшихъ уликъ, а между тѣмъ это убійство безъ ихъ прямого или косвеннаго участія не могло имѣть смысла. Много позднѣе получились кое-какія данныя, что это убійство было организовано семинарскимъ союзомъ.

Впечатлѣніе отъ этого преступленія и отъ безплодности розысковъ было въ городѣ колоссальное. Среди города, днемъ, на глазахъ зрителей разстрѣливаютъ человѣка и виновные испаряются какъ дымъ. Всѣмъ стало очевиднымъ, что по текущему времени все возможно и не существуетъ ни малѣйшей увѣренности, что завтра-же васъ самихъ не постигнетъ такая-же участь.

Когда было назначено отпѣваніе и я пріѣхалъ въ биткомъ наби-

тую семинарскую церковь, при чемъ семинаристовъ было не очень много, во все время длинной службы меня не оставляла мысль, что весьма вѣроятно мнѣ не вернуться домой и что этой толкотней революціонеры воспользуются, чтобы и со мной прикончить. Я не испытывалъ мучительнаго чувства страха, а какъ-то резонерски разсуждалъ о шансахъ на успѣшное совершеніе этого новаго преступленія, при чемъ выводы мои не имѣли въ себѣ ничего утѣшительнаго. Мнѣ казалось, что покушеніе будетъ совершено непремѣнно въ моментъ выноса тѣла въ коридоры семинаріи: толпа семинаристовъ обступитъ меня сплошной стѣной, среди нея будетъ предполагаемый убійца; совершивъ свое дѣло, онъ бросится куда-либо въ садъ, при чемъ толпа семинаристовъ крѣпко сомкнувшись не допуститъ за нимъ погони и онъ благополучно скроется въ тотъ-же лѣсъ. Въ церкви, разумѣется, поставлена полиціймейстеромъ охрана изъ 2—3 человѣкъ, но что она можетъ сдѣлать въ такой толпѣ. Эта картина съ поразительной отчетностью рисовалась моимъ глазамъ и я созерцалъ ее спокойно, точно дѣло шло не обо мнѣ самомъ.

Передъ отпѣваніемъ вышелъ впередъ какой-то пріѣзжій молодой батюшка съ академическимъ крестомъ, какъ оказалось, одинъ изъ товарищей убитаго ректора, и сказалъ небольшое слово. Такого захватывающаго краснорѣчія я въ жизни своей не слыхалъ. Смыслъ рѣчи былъ совершенно заурядный, но какая музыка въ произнесеніи ея, какъ она гармонировала съ выраженіемъ лица, скорбными жестами, сколько было въ ней потрясающей вибраціи голоса! Вся церковь навзрыдъ плакала, плакалъ и я. Сколько въ этой музыкѣ рѣчи было умиляющаго, какъ-то особенно возвышающаго нашъ духъ—я выразить словами не въ силахъ. Пережилъ я такую минуту, о которой не забуду до конца жизни. Всѣ мои опасенія куда-то исчезли, душа была цѣликомъ захвачена этимъ волнующимъ краснорѣчіемъ и другимъ впечатлѣніямъ не осталось мѣста.

Выносъ произошелъ въ полномъ порядкѣ. Я проводилъ тѣло до поворота на кладбище и вернулся домой. Состоянія ликующаго блаженства, какое я испыталъ, напримѣръ, проводивъ тѣло Блока до вагона, и слѣда не было. Думалось: ну, на этотъ разъ обошлось благополучно, но что будетъ завтра? Вѣдь дѣйствительная опасность всегда приходитъ оттуда, откуда менѣе всего ее ждешь.

Во всѣхъ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ развѣ 1-й мужской гимназіи, тоже замѣчались волненія и революціонное броженіе, но они не выходили изъ стѣнъ заведеній, хотя и были извѣстны жандармскимъ властямъ.

Лишь школа садоводства заставила о себѣ говорить. Днемъ въ помѣщеніе казначея явились два молодыхъ человѣка, одинъ остался на караулѣ, а другой съ револьверомъ въ рукахъ потребовалъ выдачи денегъ, только что привезенныхъ казначеемъ изъ города. Захвативъ тысячу съ лишнимъ рублей, оба не торопясь скрылись. Эти разбойники скоро попались на другомъ дѣлѣ и отъ суда не ушли.

Съ наступленіемъ теплаго времени слѣдовало объѣхать уѣзды и познакомиться съ уѣздными властями, условіями мѣстной жизни,

а заодно заняться и тѣми до меня дошедшими дѣлами, которыя на мѣстѣ удобнѣе разрѣшить. Въ первую очередь я взялъ Керенскій уѣздъ главнымъ образомъ потому, что тамъ было не разрѣшено одно важное дѣло, съ которымъ ждать, по моему мнѣнію, было прямо не позволительно. Суть заключалась вотъ въ чемъ. Въ с. Лукѣ, при которомъ находилась суконная фабрика Казѣевыхъ, исполнялъ должность сельскаго старосты совершенно распропагандированный мужикъ, который не хотѣлъ исполнять требованій начальства и вовсе запустилъ податное дѣло. Прежній земскій начальникъ представилъ его къ удаленію отъ службы, что и было уважено съѣздомъ. Однако староста не захотѣлъ подчиниться такому распоряженію, должности своей не сдавалъ, а сельскій сходъ, по его наущенію, отказался избрать ему пріемника. Такое положеніе вещей тянулось уже чуть-ли не около года и новый земскій начальникъ не умѣлъ самъ положить конецъ такому беззаконью и лишь подробно мнѣ обо всемъ донесъ. Поручивъ полиціи произвести дознаніе, я на основаніи его приказалъ арестовать какъ самого старосту, такъ и 7 человѣкъ крестьянъ, наиболѣе рѣшительно сопротивлявшихся производству выборовъ. Къ величайшему изумленію, полиція не могла произвести ареста, такъ какъ всѣ эти 8 человѣкъ скрывались гдѣ-то, хотя, какъ это было дознано, изъ села не уходили; значитъ ихъ просто однодеревенцы куда-то прятали при появленіи полиціи. Выходило такимъ образомъ, что с. Луки не желаетъ признавать распоряженій начальства и вотъ уже цѣлый годъ надъ этими распоряженіями безнаказанно издѣвается. Необходимо было положить конецъ такому сопротивленію и я рѣшилъ сдѣлать это лично.

Мнѣ рисовалось это дѣло не особенно серьезнымъ. Главную вину я видѣлъ тутъ за земскимъ начальникомъ, который, очевидно, не имѣлъ ни надлежащей энергіи, ни заботливости, и своей неумѣлой халатностью довелъ дѣло до такого осложненія. Но, чтобы подавить всякія попытки къ непослушанію, я приказалъ къ своему пріѣзду выслать въ Луки роту солдатъ, стоявшую въ Керенскѣ. Луки отъ Керенска лежатъ въ 10—12 верстахъ. Изъ Пензы я просилъ дать мнѣ вагонъ до Башмакова, откуда я хотѣлъ заѣхать съ визитомъ къ О. В. Качаловой, проводившей лѣто у себя въ имѣніи. Со мной ѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій Н. Д. Колвзанъ, сынъ командира уланскаго полка, стоявшаго для охраны въ Пензѣ, и мой человѣкъ Матвѣй Шурыгинъ, георгіевскій кавалеръ, матросъ, служившій на кораблѣ «Адмиралъ Ушаковъ», доблестно потопленномъ въ Цусимѣ своимъ командиромъ Миклуха-Маклаемъ, погибшимъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Шурыгинъ пять часовъ плавалъ въ водѣ, ухватившись за матросскую койку, пока его не подобрали японцы.

У Качаловыхъ насъ встрѣтило цѣлое общество. Домъ въ Буртасѣ, такъ называлось это имѣніе, оказался очень помѣстительнымъ. Мнѣ отвели комнату, гдѣ я могъ освѣжиться и привести свой туалетъ въ порядокъ. Меблировка была, какъ это водится на дачахъ, сборная, и только гостиная была меблирована хорошей старинной мебелью. Рядомъ съ фруктовымъ садомъ начиналась прелестная дубовая роща, имѣвшая видъ настоящаго парка. Внутри этой

рощи находилась могилка дочери Качаловой, которую мать до сихъ поръ оплакивала, несмотря на то, что со времени ея смерти прошли уже годы.

Былъ приготовленъ ранній деревенскій обѣдъ, конечно, съ шампанскимъ, безъ котораго въ домѣ Качаловыхъ гостей не принимали. Общество было для меня знакомое, а милый непринужденный тонъ, который М-ме Качалова такъ умѣла брать, эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ у нихъ, сдѣлалъ очень пріятными.

Между прочимъ съ нами обѣдалъ А. В. Козловъ, братъ хозяйки. Онъ былъ тогда земскимъ начальникомъ и почти половина дороги до Керенска шла его участкомъ, такъ что онъ долженъ былъ меня сопровождать до с. Черкасскаго, гдѣ помѣщалось одно изъ его волостныхъ правленій.

А. В. Козловъ предложилъ мнѣ свой экипажъ и своихъ лошадей до Черкасскаго. Я просилъ его со мной ѣхать.

Дорогой мы между прочимъ разговорились о предстоящей мнѣ поѣздкѣ въ Луки. Когда онъ узналъ, что я не беру туда войска изъ Пензы, а хочу ограничиться керенской пѣхотной ротой, то сталъ меня увѣрять, что я дѣлаю большую неосторожность. Село Лука, по его словамъ, а онъ зналъ уѣздъ хорошо, было страшно распропагандировано, мужики тамошніе—распущенные фабричные рабочіе, среди нихъ есть люди, побывавшіе въ столицахъ и набравшіеся тамъ фабричнаго духу съ его безпокойными особенностями и склонностью ко всякимъ безпорядкамъ. Можно было тамъ ждать всякихъ сюрпризовъ, съ которыми пѣхотой не справиться. Онъ горячо мнѣ совѣтовалъ изъ Черкасскаго, гдѣ есть телеграфъ, вызвать телеграммой 2 эскадрона уланъ. Очень мнѣ этого не хотѣлось и казалось излишнимъ, но видя настойчивую горячность Козлова, я подумалъ, что не станетъ-же онъ безъ дѣйствительныхъ основаній рисовать мнѣ тревожной картины и рисковать прослыть человѣкомъ, преувеличивающимъ опасность. Я послушалъ его совѣта и вызвалъ изъ Пензы одинъ, а не два эскадрона.

Въ селѣ Черкасскомъ расположена дивная усадьба съ огромнымъ домомъ-дворцомъ, принадлежавшая разорившемуся помѣщику барону Штейнгелю, а теперь купленная семействомъ Андроновыхъ. Андроновъ отецъ, уже умершій, былъ очень богатый купецъ, давшій своимъ дѣтямъ и образованіе и воспитаніе. Два его сына были женаты на пензенскихъ помѣщицахъ, жили зимой въ Пензѣ очень открыто и принадлежали къ тамошнему обществу.

Одинъ изъ этихъ Андроновыхъ ожидалъ меня въ волостномъ правленіи и любезно пригласилъ къ себѣ обѣдать. Я очень благодарилъ, но такъ какъ мы уже обѣдали и мнѣ хотѣлось пріѣхать въ Керенскъ пораньше, отъ приглашенія отказался и просилъ разрѣшить мнѣ къ нимъ заѣхать на обратномъ пути.

Обревизовавъ въ общихъ чертахъ волостное правленіе, я простился съ Козловымъ и поѣхалъ дальше.

Отъ Башмакова до Керенска 50 верстъ, а съ заѣздомъ къ Качаловымъ верстъ 60.

Пріѣхали мы уже вечеромъ и остановились въ домѣ городского головы Барабанова, гдѣ мнѣ была приготовлена квартира. Сегодня

уже было поздно заниматься дѣлами, а потому я распорядился только, чтобы уланамъ приготовили помѣщеніе для людей и лошадей. Это не составило затрудненія и голова свелъ меня показать, гдѣ ихъ можно будетъ расквартировать. Часть лошадей придется поставить на коновязяхъ; можно было-бы и всѣхъ лошадей размѣстить по конюшнямъ, но тогда пришлось-бы эскадронъ разбить на части, что, конечно, очень нежелательно.

Городской голова сообщилъ мнѣ, что въ Лукѣ очень безпокойно и что городскіе революціонеры туда постоянно ѣздятъ, такъ что вызовъ эскадрона, вѣроятно, окажется не лишнимъ. На другой день утромъ былъ назначенъ пріемъ должностныхъ лицъ, которыхъ я принялъ по одиночкѣ въ кабинетѣ, желая каждаго разспросить по подробнѣе. Часа два продолжался этотъ пріемъ, а потомъ я поѣхалъ по учрежденіямъ. Поразила меня тюрьма. Это было небольшое каменное зданіе, обнесенное каменнымъ-же высокимъ заборомъ. Стояла она въ самомъ центрѣ города на базарной площади. Боже, что это была за руина! Заборъ во многихъ мѣстахъ держался только при помощи подпорокъ; казалось, стоитъ на него дунуть и все разсыпется. Внутренность зданія была крайне тѣсна, камеры сырыя, отхожія мѣста издавали невыносимое зловоніе, которымъ наполнялось все зданіе. Оно было очень древнее и годилось только на сломъ. Въ тюрьмѣ были широко поставлены арестантскія работы, режимъ установленъ правильный и сейчасъ было видно, что начальникъ тюрьмы старательный и разумный служака. Его очень хвалилъ и исправникъ.

Исправникъ показался мнѣ мягкимъ и нераспорядительнымъ человѣкомъ. Но я вскорѣ совершенно перемѣнилъ о немъ мнѣніе. Дѣло въ томъ, что борьба съ революціей, въ которой онъ показалъ себя смѣлымъ и усерднымъ борцомъ, страшно измочалила ему нервы и онъ одно время хотѣлъ оставить полицейскую службу. Но когда я убѣдился, что это честный, скромный, всѣми любимый и надежный человѣкъ, то отговорилъ его отъ этого намѣренія, сказалъ ему много лестныхъ вещей, и это такъ его подбодрило, что онъ сразу воспрялъ духомъ и служитъ, кажется, до сихъ поръ.

Предводителемъ дворянства оказался уже старый человѣкъ, мало занимавшійся дѣлами, съ весьма ограниченными средствами. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго авторитета и былъ выдвинутъ на этотъ постъ острой партійной борьбой въ уѣздѣ, въ которой онъ представлялъ изъ себя по своей безличности нѣчто пріемлемое для обѣихъ борющихся партій, словомъ—его выборъ являлся компромиссомъ. Такъ какъ средства ему не позволяли существовать безъ службы, поэтому съ должностью предводителя соединили и предсѣдательство въ уѣздной земской управѣ, оплачиваемое жалкими 2 тысячами. Керенское земство въ это время во всѣхъ отношеніяхъ было совершенно бездѣятельно: школы, дороги, врачебная помощь,—все это было изъ рукъ вонъ плохо. Управа видѣла лишь одну цѣль—не увеличивать обложенія и не дѣлать долговъ. И то и другое до извѣстной степени блага; но, когда эти блага покупаются цѣной мертвечины, полнаго во всемъ застоя, тогда, Богъ съ ними, съ эти-

кими благами. Выходило, что земство существовало для того, чтобы ничего не дѣлать.

Впослѣдствіи, послѣ смерти этого предводителя, когда въ предсѣдатели управы былъ избранъ Волжинскій, земскій начальникъ, котораго революція разорила поджогами, дѣло оживилось и преобразилось.

Съѣздъ и земскіе начальники, предоставленные самимъ себѣ, безъ всякаго руководства, оказались весьма слабыми и мало дѣятельными. Исключеніе составлялъ одинъ А. В. Козловъ, который имѣлъ прямо особый административный даръ и подбирать людей, и устанавливать въ дѣлахъ прямо образцовый порядокъ. Онъ былъ спокойно строгъ и являлся дѣйствительнымъ хозяиномъ своего участка. При этомъ самое удивительное было то, что онъ вовсе не усердно занимался службой. А такихъ упорядоченныхъ волостныхъ правленій, дѣльныхъ и знающихъ волостныхъ писарей, основательныхъ и очень самостоятельныхъ волостныхъ старшинъ не было нигдѣ во всей губерніи.

Самый городъ Керенскъ представлялъ собою полное захолустье. Внѣшній видъ имѣлъ, если исключить площадь, совершеннѣйшей деревни, хотя красиво расположенной. Жизни въ немъ, пожалуй, было не меньше, чѣмъ въ другихъ городахъ, кромѣ Саранска, но это объяснялось его значительнымъ удаленіемъ отъ желѣзной дороги, такъ что онъ поневолѣ являлся центромъ уѣздной жизни, куда все стремилось и для покупки и для продажи. Постоянной мечтой Керенска было выхлопотать себѣ какую-нибудь желѣзную дорогу. Край былъ черноземный, плодородный и для этого было достаточно данныхъ, но всѣ хлопоты пока ни къ чему не вели.

Среди многочисленныхъ помѣщиковъ уѣзда самой характерной фигурой былъ нынѣ покойный Н. Х. Логиновъ. Это была удивительно цѣльная и прямолинейная до сухости натура. Ни въ общественной, ни въ личности жизни онъ непризнавалъ никакихъ уступокъ и шелъ напрямикъ, несмотря ни на какія препятствія. По своимъ воззрѣніямъ это былъ страстный консерваторъ, считавшій революціонерами людей самаго умѣреннаго образа мыслей и открыто это высказывавшій. Онъ относился совершенно отрицательно къ заботамъ о народномъ образованіи и современную постановку его считалъ прямо преступной, развращающей народную массу и лишающей ее драгоцѣнныхъ качествъ русской души. Онъ проповѣдывалъ, что прежде всего надо сдѣлать мужика достаточнымъ матеріально, а пока это не достигнуто-преступно тратить народныя средства на что-либо другое.

Революцію онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души и открыто съ ней боролся всѣми средствами, часто даже хватая черезъ край и озлобляя противъ себя людей, нисколько не симпатизирующихъ смутѣ. Революціонеры его ненавидѣли и въ то же время боялись, какъ огня. Дѣлались попытки его сжечь, но онѣ разбивались о его бдительность и педантическій распорядокъ усадебной службы, имъ твердо организованной.

Логиновъ былъ очень богатый человѣкъ и отличный хозяинъ.

Имѣнія приносили ему хорошій доходъ, хотя онъ не былъ поклонникомъ новѣйшихъ усовершенствованій въ земледѣліи.

По внѣшности это былъ холодный, никогда не улыбавшійся старикъ, говорилъ стариннымъ языкомъ, «ломоносовскимъ штилемъ». У себя дома былъ очень гостепріименъ и церемоненъ. Разсказываютъ, что кто-то изъ земскихъ дѣятелей, пріѣхавшій къ нему въ усадьбу и явившійся къ обѣду въ пиджакѣ, получилъ откровенный и весьма ядовитый урокъ за такую небрежность.

Какъ губернскій гласный, онъ всегда ратовалъ противъ всякаго политиканства и либеральныхъ, по его мнѣнію, затѣй и говорилъ объ этомъ съ твердой, до рѣзкости доведенной опредѣленностью. Этой рѣзкости его побаивались. Въ уѣздномъ земствѣ онъ былъ силой, передъ которой все склонялось.

Одна изъ дочерей его была замужемъ за офицеромъ генеральнаго штаба барономъ Винекеномъ. Это были очень любезные и привѣтливые люди.

Въ этомъ-же уѣздѣ находилось огромное имѣніе графини Келлеръ, которая вышла замужъ за германскаго дипломата фонъ-Флотова. Графиня здѣсь не жила. Управляющій ея, какой-то нѣмецъ, фамилію котораго я забылъ, игралъ въ уѣздѣ тоже не малую роль. Я съ нимъ, кажется, не встрѣчался. Передъ свадьбой имѣніе это, какъ говорили, было заложено въ какой-то баснословной суммѣ, чуть-ли не въ милліонъ рублей, и эти деньги ушли будто-бы на устройство владѣлицы на родинѣ ея второго мужа.

Знавалъ я также въ этомъ уѣздѣ помѣщика Эспехо и его жену. Бывшій кавалергардъ, красавецъ даже въ старости, Эспехо часто появлялся въ Пензѣ. Губернаторъ Александровскій покупалъ на его конскомъ заводѣ лошадей для полицейской стражи. Эспехо былъ чрезвычайно симпатичный человѣкъ и я съ особымъ удовольствіемъ съ нимъ встрѣчался. Жена его, урожденная Дубенская, въ молодости славилась своей красотой и умомъ. Мнѣ пришлось съ этой дамой вести переговоры по поводу опеки надъ малолѣтнимъ барономъ Штейнгелемъ, мать котораго вышла замужъ за сына Эспехо. Опекуншею мальчика состояла его тетка г-жа Дуракова, которую мать хотѣла замѣнить собою и требовала моего въ томъ содѣйствія. До этого мать этимъ ребенкомъ очень мало занималась. Мальчику въ это время было лѣтъ 14, слѣдовательно онъ уже могъ сознательно разбираться въ своихъ привязанностяхъ. А потому, ранѣе чѣмъ стать на ту или другую сторону, я повидалъ маленькаго Штейнгеля и убѣдился, что онъ очень привязанъ къ теткѣ и умолялъ меня оставить ее опекуншей. Обязавъ г. Дуракову внести капиталъ мальчика въ Государственный Банкъ на его имя, я отказался содѣйствовать перемѣнѣ опеки и, кажется, М-me Эспехо осталась этимъ недовольна.

Къ вечеру стали подходить эшелонами и уланы.

Я приказалъ поэтому собрать сходъ въ Лукѣ на другой день къ 12 часамъ, а ротѣ и эскадрону выступить рано утромъ, чтобъ быть на мѣстѣ до моего пріѣзда.

Вслѣдъ за фабрикой Казѣева начинается и с. Луки. Оно очень

безпорядочно распланировано и образуетъ 3 или 4 улицы, выходящія на огромную площадь среди села у церкви.

Когда я пріѣхалъ на эту площадь, съ одной ея стороны была выстроена пѣхотная рота, а впереди ея стоялъ эскадронъ. Тутъ-же рядомъ выстроился отрядъ полицейской стражи человѣкъ въ 20.

Вся площадь была густо покрыта народомъ; на глазъ тутъ было по крайней мѣрѣ тысячи 3 человѣкъ. Всѣхъ домохозяевъ между тѣмъ числилось около 200, такъ что остальное составляли собою зрители изъ сосѣднихъ селеній.

Я приказалъ заранѣе приготовить себѣ списокъ домохозяевъ и чтобы сельскій сходъ изолировать отъ любопытныхъ, вызвалъ его на самую середину площади, воспретя сюда примѣшиваться постороннимъ. Чтобы быть увѣреннымъ въ исполненіи этого распоряженія я сталъ вызывать впередъ сходочныхъ—поименно и образовалъ уже изъ нихъ однихъ новую группу.

Я обратился къ нимъ съ рѣчью, указавъ, что противясь вошедшему въ силу рѣшенію съѣзда объ устраненіи старосты, отказываясь произвести новые выборы, они совершаютъ строго караемый проступокъ неповиновенія властямъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы прежде всего покончить съ этимъ неповиновеніемъ и требую, чтобы они сейчасъ въ моемъ присутствіи избрали въ старосты кого-либо изъ порядочныхъ, трезвыхъ домохозяевъ. Что-же касается главныхъ ослушниковъ, которыхъ я приказалъ арестовать и которые гдѣ-то скрываются, то рано или поздно они будутъ все равно задержаны, и за то, что скрывались, на нихъ будетъ наложено болѣе строгое взысканіе. Давъ имъ время посовѣтоваться между собою, кого избрать, я отошелъ въ сторону.

Въ это время урядникъ представилъ мнѣ 3 изъ тѣхъ 7 человѣкъ, которыхъ я приказалъ арестовать и которыхъ онъ нашелъ спрятавшимися у себя по домамъ. Я велѣлъ отвести ихъ къ пѣхотной ротѣ.

Сходъ совершенно, повидимому, спокойно посовѣтовавшись между собою, объявилъ мнѣ имя того домохозяина, котораго они избираютъ въ старосты. Этотъ крестьянинъ, по словамъ земскаго начальника и мѣстнаго урядника, былъ порядочнымъ человѣкомъ, такъ что противъ выбора его ничего нельзя было возразить. Опросивъ сходъ, нѣтъ-ли возраженій, и всѣ-ли на выборъ согласны, я получилъ утвердительный отвѣтъ.

Тогда я приказалъ волостному писарю тутъ-же написать приговоръ объ избраніи и хотѣлъ вызывать домохозяевъ по списку подписываться къ нему, какъ вдругъ съ разныхъ концовъ площади раздались душу раздирающіе крики нѣсколькихъ женщинъ.

Обстановка уже стала, повидимому, такой спокойной, все недоразумѣніе такъ мирно уладилось, что этотъ крикъ всѣхъ здѣсь находившихся заставилъ вздрогнуть и подумать, что случилось какое-то несчастіе. Отрядивъ полицейскихъ узнать въ чемъ дѣло, я въ ожиданіи разъясненія пріостановился оканчивать приговоръ. Сходъ стоялъ тихо, какъ-то мрачно насупившись. Кто-то изъ заднихъ рядовъ сказалъ, что это голосятъ жены только-что арестованныхъ. Полицейскіе это подтвердили, а неистовый крикъ все про-

должался. Точно эти бабы своими воплями хотѣли потрясти нервы толпы и заставить ее за нихъ вступиться. Я приказалъ и этихъ бабъ арестовать и отвести къ солдатамъ. Крикъ, если это возможно, сталъ еще напряженнѣе, когда стражники ихъ тащили.

Я былъ ужасно потрясенъ этой глупой сценой и съ большимъ усиліемъ сдерживался, чтобы не накинуться на этихъ бабъ съ бранью.

Еще этотъ крикъ продолжался, какъ раздается съ колокольни набатъ и стоящая близъ одной улицы толпа что-то заревѣла и побѣжала вдоль улицы.

Сходочные, какъ одинъ человѣкъ, повернулись и пустились бѣжать по тому-же направленію.

На площади остались я и мои спутники и вдалекѣ войска. Мы не понимали, въ чемъ дѣло, всѣ страшно поблѣднѣли, вынули браунинги. Ко мнѣ подбѣжали тоже съ браунингами чиновникъ особыхъ порученій Колвзанъ и мой человѣкъ Матвѣй и приготовились, видимо, меня защищать.

Вдругъ подбѣгаетъ урядникъ и заявляетъ, что вся эта исторія подстроена нарочно; мужики сговорились для вида на краю села поджечь развалившійся сарайчикъ, ударить въ набатъ и подъ крики «пожаръ» отъ меня убѣжать. Толпа была посвящена въ этотъ заговоръ и сыграла въ немъ свою роль. Всѣ эти подробности ему сейчасъ разсказали зрители, не принимавшіе участія въ заговорѣ.

Положеніе получилось архи-глупое: губернаторъ пріѣзжаетъ водворять порядокъ, уже почти достигаетъ этой цѣли и вдругъ остается, не солоно хлѣбавши, одинъ среди площади, а приговоръ не подписанъ, а слѣдовательно и не дѣйствителенъ. Неужели-же уѣхать ни съ чѣмъ, а потомъ опять начинать все снова? Но вѣдь если это сдѣлать, то пустая въ сущности исторія разростется въ огромный скандалъ, толпа преувеличитъ свои силы, пойдетъ на крайнее озорство и дѣло должно будетъ кончиться или экзекуціей, или разстрѣломъ. Эти мысли вихремъ пронеслись въ мозгу. Я овладѣлъ собою и поспѣшно предложилъ командиру эскадрона маршъ-маршемъ вынестись на окраину селенія, разсыпать вокругъ эскадронъ и ни подъ какимъ видомъ никого не выпускать изъ селенія. Это было сейчасъ-же сдѣлано и уланы понеслись карьеромъ.

Эта скачка, видимо, ошеломила мужиковъ и они, съ ужасомъ сторонясь и укрываясь въ дома, не понимали, что это такое будетъ и должно быть рисовали себѣ что-то ужасное.

Затѣмъ я приказалъ стражѣ ѣхать по улицѣ и объявить, чтобы сходочные немедленно явились ко мнѣ на площадь, а кто по списку не явится, съ тѣмъ будетъ поступлено, какъ съ бунтовщикомъ.

Между тѣмъ поднимавшійся вдалекѣ дымъ отъ горѣвшей сараюшки прекратился. Стояла удушающая жара и мужики испугались, что этотъ бутафорскій пожаръ можетъ обратиться въ настоящій и поспѣшно его залили.

Черезъ нѣсколько минутъ стали подбѣгать ко мнѣ выборные, лицемѣрно объясняя свое бѣгство испугомъ. Черезъ четверть часа,

положительно не больше, сходъ собрался полностью и я сталъ вызывать сходочныхъ подписываться. Большинство было неграмотно, но я не позволилъ ихъ записывать, какъ это всегда водится, не спросивъ согласія на подпись, а лично спрашивалъ, довѣряетъ-ли онъ за себя подписаться.

Процедура длилась довольно долго, но вотъ она, наконецъ, кончена.

Я было направился къ сходочнымъ, желая съ ними еще поговорить, какъ они всѣ опустились на колѣни и стали просить за тѣхъ 7 человѣкъ, о которыхъ я говорилъ выше.

На это я отвѣтилъ, что преступленіе ихъ слишкомъ велико и простить ихъ нельзя; но если они сегодня-же еще до моего отъѣзда явятся ко мнѣ на фабрику, то я не стану взыскивать съ нихъ въ высшей мѣрѣ.

Затѣмъ, обращаясь къ исправнику, сказалъ:

— Потрудитесь сейчасъ-же произвести подробное дознаніе о томъ, что тутъ случилось сегодня при мнѣ и установить, отчего произошелъ пожаръ. Хорошо-бы было успѣть окончить дознаніе до моего отъѣзда. Можетъ быть, нужно будетъ принять еще какія-нибудь мѣры. Улановъ отзовите и пусть они соберутся у фабрики. Роту отправьте вмѣстѣ съ арестованными мужиками въ Керенскъ, а женщинъ отпустите.

Старшина,—сказалъ я обращаясь къ волостному старшинѣ - завтра-же собрать волостной судъ и привлечь этихъ трехъ бабъ къ уголовной отвѣтственности за нарушеніе тишины и спокойствія.

Все это я говорилъ громко, чтобы сходочные слышали. Подозвавъ затѣмъ вновь избраннаго старосту, я объявилъ ему, что строжайше требую установить въ селѣ образцовый порядокъ, слѣдить за своевременнымъ поступленіемъ податей и о всякомъ самомъ малѣйшемъ безпорядкѣ или ослушаніи сообщать сейчасъ-же становому приставу.

Затѣмъ я распустилъ сходъ и вмѣстѣ со своими спутниками отправился къ Казѣевымъ на фабрику.

Боже, какъ я облегченно вздохнулъ, когда все это такъ благополучно кончилось и какъ я благодарилъ Козлова за то, что онъ уговорилъ меня вызвать эскадронъ. Разумѣется, и съ пѣхотной ротой, вѣроятно, удалось-бы добиться тѣхъ-же результатовъ. Но на это ушло-бы гораздо больше времени и возможны всетаки были разныя осложненія.

Вѣдь психологія волнующейся толпы такова, что только какая-либо необычайная, яркая мѣра производитъ на нее впечатлѣніе. Когда все идетъ спокойно, обычно, для толпы понятно, это ей не импонируетъ, и волненіе будетъ все болѣе и болѣе наростать и чѣмъ все разразится, не возможно предсказать. А вотъ видъ несущейся карьеромъ кавалеріи, могущей растоптать все попадающееся ей на встрѣчу, сразу нагоняетъ на сердце страхъ, человѣкъ ошалѣваетъ и не понимая, что эта несущая масса будетъ дѣлать, поддается жесточайшей паникѣ и старается забиться въ какую-нибудь щель. Напряженіе сломлено, и какъ велико было до того возбужденіе, такъ-же велика становится подавленность.

Не стану лгать и не буду утверждать, что именно такія психологическія разсужденія руководили мною, когда я отдавалъ приказъ о скорѣйшемъ окруженіи селенія. Нѣтъ, я просто хотѣлъ отразить исчезновеніе изъ деревни сходочныхъ, что дѣлало окончаніе поставленной мною задачи физически невозможнымъ. А достигъ за одно и полной такъ сказать ликвидаціи всего длившагося цѣлый годъ безобразія.

Придя къ Казѣевымъ, я съ наслажденіемъ помылся, переодѣлъ бѣлье и китель, предусмотрительно захваченные Матвѣемъ изъ Керенска, и вышелъ въ гостиную, гдѣ былъ уже приготовленъ накрытый столъ и мы всѣ сѣли обѣдать.

Еще до окончанія обѣда исправникъ доложилъ мнѣ, что и остальные 4 человѣка, подлежавшіе аресту, явились. Ну, и слава Богу!

Дознаніе не было окончено до моего отъѣзда. Но на другой день утромъ оно было мнѣ доставлено и установило, что все случившееся было дѣйствительно подстроено и режиссерами этого представленія явились одинъ керенскій учитель и почтовый чиновникъ керенскаго почтово-телеграфнаго отдѣленія. Оба были тутъ-же арестованы.

Изъ Керенска мы выѣхали послѣ завтрака и пріѣхали къ Андроновымъ въ Черкасское, довольно рано. Время до обѣда мы употребили на осмотръ дома, сада и плодоваго питомника. Домъ оказался дѣйствительно великолѣпнымъ, въ полномъ смыслѣ слова дворцомъ, при томъ современно оборудованнымъ. Огромный, высокій залъ, столовая, другія парадныя комнаты—все это было съ большимъ вкусомъ отдѣлано, безъ кричащей купеческой роскоши. Печки были разрисованы чрезвычайно оригинально очень извѣстнымъ художникомъ, гостившимъ тутъ у барона Штейнгеля. Жилыя комнаты были полны свѣта и комфорта. Уборныя—послѣднее слово прихотливыхъ англійскихъ потребностей. Стоило все это колоссальныхъ денегъ, если принять во вниманіе, что усадьба была въ верстахъ 30 отъ желѣзной дороги.

Принимали насъ два брата—Александръ и Василій Васильевичъ. Первый велъ большія торговыя операціи и жилъ зиму въ Пензѣ, второй—круглый годъ проводилъ сначала въ Черкасскомъ, а затѣмъ по требованію своей молодой, красивой жены, ужасно любившей наряжаться и выѣзжать, перебрался въ Пензу.

Обѣ эти семьи вели широкую жизнь, у нихъ постоянно бывали гости, шампанское лилось рѣкою. Я довольно часто бывалъ у нихъ въ Пензѣ и это отчасти создало мнѣ на нѣкоторое время репутацію человѣка, ведущаго нетрезвую жизнь. Какъ всегда бываетъ, такая слава широко распространилась, дошла до министерства и чуть не сдѣлала изъ меня пьяницы. Я всегда былъ болѣе чѣмъ умѣренъ въ этомъ отношеніи и такія сплетни меня очень раздражали. Впрочемъ, какъ эти слухи нежданно-негаданно возникли, также скоро и прекратились. Я слышалъ, что въ Петербургѣ такіе слухи пустилъ покойный Д. К. Гевличъ, который, разумѣется, самъ вѣрилъ въ правдивость ихъ и, кажется, вовсе не имѣлъ въ виду ими мнѣ повредить.

Когда собираешь у себя очень большое общество, состоящее изъ людей рѣдко между собою встрѣчающихся, совершенно неизбѣжна нѣкоторая натянутость, отъ которой люди снуютъ по комнатамъ не зная, что съ собою дѣлать и съ кѣмъ заговорить хотя-бы о никому не интересныхъ вещахъ. Тутъ необходимо принять особыя мѣры какъ можно скорѣе уничтожить эту натянутость, иначе у васъ водворится такая гнетущая скука, отъ которой будутъ жестоко страдать и хозяева, и гости. Послѣдніе при первой возможности постараются бѣжать. Лучшимъ средствомъ противъ такой натянутости является—вино. Поднимая нервы, оно заставляетъ самыхъ застѣнчивыхъ людей становиться смѣло общительными, незнакомые между собою сближаются, бесѣда становится оживленной и общей и вскорѣ устанавливается такой непринужденный тонъ, который даетъ возможность каждому насладиться общеніемъ съ людьми, и ваши гости уходятъ изъ вашего дома, сохраняя пріятное воспоминаніе о проведенномъ вечерѣ. Вотъ почему, устраивая людные вечера и балы, первою моею заботой было позаботиться объ открытыхъ буфетахъ съ шампанскимъ и крюшономъ. Послѣдній имѣетъ въ этихъ случаяхъ, конечно, первенствующее значеніе, такъ какъ крюшонъ не боятся пить и дамы, полагая, что онъ не такъ крѣпокъ, какъ шампанское. Разумѣется, обыкновеноо такъ оно и бываетъ. Но на одномъ моемъ балу въ Пензѣ на этой почвѣ вышло досадное недоразумѣніе, которое поставило меня въ ужасно глупое положеніе.

Когда приглашаешь нѣсколько сотъ гостей, очень трудно сколько-нибудь точно опредѣлить, какое количество угощенія надо приготовить и поэтому всегда нужно имѣть запасы, которые можно было-бы двинуть въ подкрѣпленіе, въ случаѣ надобности. Въ отношеніи крюшона такіе запасы дѣлаются въ видѣ нѣсколькихъ ведеръ влаги, въ которыхъ количество фруктовъ, коньяку и ликеровъ во много разъ больше, чѣмъ въ самомъ крюшонѣ. Если къ такой густой эссенціи прибавить бѣлаго вина и шампанскаго, то изъ каждаго ведра ея получится три-четыре ведра крюшона. Когда были готовы открытые буфеты, туда принесли всѣ ведра съ крюшонами, изъ которыхъ лакеи заполняли стоящія на буфетѣ вазы съ виномъ, по мѣрѣ ихъ опорожниванія; тутъ-же поставили и ведра съ запасной эссенціей, но на бѣду люди мои забыли предупредить лакеевъ, что изъ этихъ ведеръ не слѣдуетъ прямо доливать вазъ.

Я самъ лично старался и просилъ также помогавшихъ мнѣ принимать гостей моихъ ближайшихъ друзей приглашать всѣхъ возможно чаще къ открытымъ буфетамъ и усердно угощать виномъ и крюшономъ.

При этомъ съ каждымъ приходилось выпить хоть по глотку. Суетившіеся лакеи въ попыхахъ стали наливать въ крюшонницы и эссенцію, при чемъ никто этого не замѣтилъ. Можете себѣ вообразить, что сдѣлалось со мной послѣ нѣсколькихъ стакановъ влаги такой крѣпости. Я сталъ пьянѣть все сильнѣе и сильнѣе, и когда позвали ужинать, я почувствовалъ, что ноги мои отказываются служить, языкъ сталъ заплетаться. Сознаніе при этомъ нисколько

не помрачилось и я вполнѣ сознавалъ, что мнѣ необходимо какъ нибудь незамѣтно исчезнуть, авось въ толкотнѣ мое отсутствіе не очень бросится въ глаза, тѣмъ болѣе, что ужинъ былъ накрытъ на столикахъ въ нѣсколькихъ залахъ и вездѣ было по нѣсколько распорядителей.

Я ускользнулъ изъ пріемныхъ комнатъ наверхъ и отправился къ себѣ въ спальню.

Разумѣется, мое отсутствіе хотя и не сразу все таки было замѣчено и для всѣхъ была ясна причина такого бѣгства. Большинство гостей отнеслось къ этому случаю снисходительно и въ Пензѣ о немъ не очень злорадствовали: должно быть люди стали добрѣе подъ вліяніемъ пріятно проведеннаго вечера. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые люди изъ высокопоставленныхъ были очень шокированы и стали разсказывать объ этомъ казусѣ въ Петроградѣ, и усматривали въ немъ подтвержденіе ранѣе пущенной про меня славы, какъ о человѣкѣ пьющемъ.

Эти неопредѣленные слухи дошли и до П. А. Столыпина, и вотъ на одномъ пріемѣ онъ вдругъ обращается ко мнѣ съ такими словами:

— Извините, что я Вамъ задамъ одинъ щекотливый вопросъ, я считаю, что гораздо лучше о такихъ вещахъ говорить прямо, съ полной откровенностью. Правда-ли, что Вы стали пить? Должно быть трудная работа на Васъ такъ подѣйствовала?

Такой вопросъ меня прямо огорошилъ и я нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя. Голова моя стала искать такихъ фактовъ, которые могли-бы хоть сколько-нибудь объяснить появленіе подобной сплетни. Вышеприведенный инцидентъ у меня на балѣ совершенно испарился изъ моей памяти. Ужасный вопросъ Столыпина заставилъ меня мысленно перебрать всѣ случаи, когда мнѣ, съ юности трезвому человѣку, на людяхъ приходилось пить вино, и вдругъ я вспомнилъ этотъ случай и все мнѣ стало ясно.

Я чистосердечно, безъ всякой утайки разсказалъ о немъ Столыпину.

—Хорошо, что Вы мнѣ все это разсказали. Когда мнѣ говорили, что Вы ведете нетрезвый образъ жизни, я всегда возражалъ, что это какъ-то на васъ не похоже. Вотъ видите, какъ губернатору надо быть осторожнымъ.

Несмотря на эти успокоительныя слова, мнѣ была ужасно непріятна вся эта исторія и я долго не могъ отдѣлаться отъ тягостнаго сознанія, что вотъ такая явно лживая выдумка въ одно прекрасное утро можетъ вамъ совершенно испортить репутацію, а вы и подозрѣвать этого не будете.

Наиболѣе оживленнымъ городомъ въ губерніи былъ Саранскъ, расположенный на желѣзной дорогѣ; онъ велъ большую хлѣбную торговлю, наилучшимъ показателемъ чего служитъ то обстоятельство, что въ такомъ сравнительно небольшомъ уѣздномъ городѣ было 3—4 отдѣленія коммерческихъ банковъ, не считая городского. Городъ былъ довольно великъ и для уѣзднаго центра не дурно обстроенъ.

Саранскій уѣздъ, пожалуй, былъ наиболѣе дворянскимъ, хотя особо большихъ помѣстій, насколько помню, въ немъ не было. Граничилъ онъ съ Корсунскимъ уѣздомъ Симбирской губерніи, сдѣлавшимся прочнымъ гнѣздомъ революціи. Оттуда шла главнѣйшая волна агитаціи, очень отразившаяся и на Саранскомъ уѣздѣ. Одно время тутъ процвѣтала газета «Мужикъ» архи-революціоннаго содержанія. Она проповѣдывала крестовый походъ противъ помѣщиковъ. Редакторомъ ея былъ нѣкто Баженовъ, полу-интеллигентъ, полу-крестьянинъ; невѣжествененъ онъ былъ поразительно, но нахватался трафаретнаго митинговаго краснорѣчія и велъ свою газету прямо въ изступленномъ, истерическомъ тонѣ. Поддерживали его и давали средства на изданіе, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, кое-кто изъ саранскихъ землевладѣльцевъ и купцовъ. Одинъ изъ такихъ землевладѣльцевъ былъ пожалуй главнымъ центромъ всего саранскаго броженія и вскорѣ вмѣстѣ съ Баженовымъ былъ по моему распоряженію арестованъ. Содержась въ тюрьмѣ, Баженовъ писалъ мнѣ слезливыя письма, унижался до отвращенія. Разумѣется, эти письма не могли измѣнить его участи.

Поджоги усадебъ въ этомъ уѣздѣ свирѣпствовали съ особой силой. Подавляющее большинство ихъ не было раскрыто, но уничтоженіе усадьбы А. А. Королькова года 1½ спустя удалось выяснить во всей подробности и на скамью подсудимыхъ сѣло человѣкъ 15 крестьянъ сосѣдней деревни, которые почти всѣ и были осуждены.

Были въ уѣздѣ и случаи «экспропріацій», убійства урядниковъ и стражниковъ, но по тогдашнему времени все это было такъ обыкновенно, что подробности у меня совсѣмъ испарились изъ памяти.

Исправникомъ при моемъ вступленіи въ должность состоялъ нѣкто Кисель-Загорянскій. Насколько онъ былъ храбръ въ борьбѣ съ революціонерами, которыхъ переловилъ и изобличилъ порядочное количество, настолько боялся начальства. Въ этомъ отношеніи про него разсказывали цѣлые анекдоты. Вѣроятно, за нимъ водились грѣхи, которые заставляли трепетать за служебную карьеру, но указаній на такіе грѣхи не получалось. При одномъ изъ своихъ далекихъ на поимку преступниковъ выѣздовъ, которые всегда совершалъ въ лѣтнемъ пальто, онъ смертельно простудился и умеръ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Что было возможно, я постарался для семьи этой сдѣлать въ память заслугъ отца въ борьбѣ со смутой.

Предсѣдателемъ Саранской земской управы состоялъ Б. Н. Обуховъ. Онъ когда-то служилъ въ л.-гв. конно-гренадерскомъ полку и принадлежалъ къ старинной богатой дворянской семьѣ. Въ мое время денежныя дѣла его были не очень блестящи. Это былъ очень красивый, высокій, стройный господинъ, съ огромной окладистой бородой, изъ за которой его прозвали «Черноморомъ». Б. Н. Обуховъ былъ однимъ изъ учредителей общества взаимнаго кредита, въ которомъ участвовали главнымъ образомъ крестьяне. Это общество было отлично поставлено и въ самомъ непродолжительномъ времени сказочно развилось.

Саранское земство недурно работало. Широкую постановку получило дѣло снабженія уѣзда земледѣльческими орудіями и сѣменами. Земство не осталось также безучастно въ вопросѣ развитія у крестьянъ огнестойкихъ построекъ и саманные дома у крестьянъ многихъ районовъ уѣзда широко распространились. Когда началось землеустройство, оно уже нашло выработанные пріемы и типы построекъ и оставалось только далѣе развивать такое строительство.

За время моего губернаторства мнѣ часто приходилось бывать въ Саранскѣ по дѣлу расквартированія тамъ по новой дислокаціи войскъ.

Городъ отлично понялъ, какія преимущества для мѣстной торговли и вообще оживленія городской жизни вноситъ за собою квартированіе войсковыхъ частей и въ этомъ вопросѣ широко пошелъ на встрѣчу нуждамъ военнаго вѣдомства. Когда было рѣшено построить тамъ счетомъ казны казармы, городъ отвелъ безплатно мѣсто для широкаго размѣщенія казармъ и подъ военный лагерь; командующій войсками казанскаго военнаго округа г. Сандецкій лично пріѣзжалъ для этого въ Саранскъ и принималъ участіе вмѣстѣ со мной въ частныхъ засѣданіяхъ городской думы по этому дѣлу.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю свое знакомство съ генераломъ А. Г. Сандецкимъ. Это былъ стойкій человѣкъ, совершенно равнодушный къ угрозамъ революціи и совсѣмъ съ ними почти до неосторожности, не считавшійся.

Всѣ смертные приговоры военнаго суда за политическія убійства генералъ всегда утверждалъ, не такъ, какъ его предшественникъ, и, благодаря этому, на преступные элементы была наложена очень чувствительная узда, наиболѣе благопріятствовавшая наступленію успокоенія. Когда къ намъ пріѣзжалъ генералъ Сандецкій, мы старались принимать возможныя мѣры безопасности. Но какъ тутъ можно было быть сколько нибудь спокойнымъ, когда онъ носился по всему городу въ открытомъ экипажѣ и слышатѣ не хотѣлъ о какихъ-бы то ни было предосторожностяхъ.

А. Г. Сандецкій былъ чрезвычайно требователенъ по службѣ и ни въ какомъ случаѣ не поступался своими требованіями. Стоявшія въ Пензѣ войска, еще такъ недавно до безобразія распущенныя, принимавшія даже нѣкоторое участіе въ революціонныхъ безобразіяхъ, онъ привелъ удивительно скоро въ образцовый порядокъ. Заботливъ онъ былъ о нуждахъ солдата и офицеровъ чрезвычайно и своей въ этомъ отношеніи требовательностью, неуступчивостью причинялъ мнѣ и городскимъ управленіямъ много огорченій и хлопотъ. Я лично хорошо понималъ его благородныя заботы и старался всѣми мѣрами итти имъ на встрѣчу.

Среди войскъ многіе страшно боялись Сандецкаго и считали его какимъ-то звѣремъ. А между тѣмъ по натурѣ это былъ очень добрый человѣкъ, всегда готовый итти на встрѣчу всякой нуждѣ и всякому горю.

Какъ я уже говорилъ, среди депутатовъ 2-й Государственной Думы отъ Пензенской губерніи наиболѣе хлопотъ мнѣ доставилъ

докторъ Марковъ. Я его никогда не видѣлъ, онъ, конечно, не удостаивалъ меня своими посѣщеніями.

Мнѣ разсказывали, что Марковъ выросъ въ интеллигентной семьѣ, которая пріютила у себя бѣднаго крестьянскаго мальчика, дала ему образованіе. По спеціальности онъ былъ окулистъ, пользовался извѣстностью и имѣлъ хорошую практику. Говорятъ, онъ былъ до вступленія своего на арену политики, очень хорошимъ, мягкимъ человѣкомъ и всѣ знавшіе его или пользовавшіеся его помощью, очень его любили. Политика захватила его всего, онъ почти бросилъ практику и съ головой ушелъ въ революцію. Этотъ образованный, говорятъ, очень не глупый человѣкъ, сталъ совсѣмъ неузнаваемъ и совершалъ прямо нелѣпости, какъ взбаламученный пропагандой гимназистъ. Пріѣзжая во время думскихъ перерывовъ въ Пензу, онъ собиралъ за городомъ по укромнымъ мѣстамъ митинги изъ городскихъ мальчишекъ и крестьянскихъ парней, говорилъ тамъ страстныя рѣчи съ призывомъ къ возстанію, ѣздилъ по деревнямъ и стряпалъ наказы отъ крестьянъ и не стыдился объ этихъ наказахъ говорить въ Думѣ и писать въ газетахъ. Онъ не сторонился, должно быть, и террористовъ, по крайней мѣрѣ имъ былъ какъ-то остановленъ въ Пензѣ знакомый урядникъ, которому онъ совѣтовалъ бросить преслѣдованіе революціонеровъ, а то вѣдь можно получить и пулю въ лобъ.

Когда вторая Дума была распущена, Марковъ не угомонился и я принужденъ былъ выслать его изъ губерніи къ большому горю его бывшихъ, а отчасти и теперешнихъ паціентовъ. Я слышалъ, что эта революціонная страстность потомъ прошла и онъ серьезно отдался помощи страждующему человѣчеству.

Остальные наши депутаты этой Думы, хотя нѣкоторые и принадлежали къ революціоннымъ группамъ, ничѣмъ не выдѣлялись и не обращали на себя ни малѣйшаго вниманія. Одинъ лишь князь Волконскій иногда хлопоталъ по дѣламъ обращавшихся къ нему пензяковъ и мнѣ приходилось нѣсколько разъ получать отъ него письма. Конечно, онъ, какъ воспитанный человѣкъ, былъ всегда безукоризненно коректенъ.

Когда вторая Дума была распущена, всѣ эти депутаты совершенно стушевались и о нихъ ничего не было слышно. Самый роспускъ Думы не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія и о ней сейчасъ-же всѣ забыли.

Единственную роль сыграла эта Дума: она выдвинула во весь ростъ великолѣпную фигуру П. А. Столыпина. Популярность его стала необыкновенно велика, всѣ съ упованіемъ устремили на него взоры и только отъ него одного ждали избавленія отъ удручавшей всѣхъ смуты. Ореолъ мученичества, который его окружалъ со дня покушенія на Аптекарскомъ островѣ, еще ярче заблисталъ послѣ его талантливыхъ и сильныхъ рѣчей, которыя были у всѣхъ на устахъ. Я не помню за всю свою жизнь другого государственнаго человѣка, котораго-бы люди разныхъ положеній и разныхъ воззрѣній такъ единогласно цѣнили и такъ высоко превозносили. Самыя нападки его враговъ кадетовъ и революціонеровъ были неувѣренны и такъ блѣдны, что для всѣхъ было со-

вершенно ясно, что онѣ исходятъ только изъ тактическихъ соображеній и что обаяніе этой личности не миновало и ихъ.

Пенза особенно гордилась П. А. Столыпинымъ, такъ какъ онъ былъ нашъ помѣщикъ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ у него было имѣніе, полученное кажется, по наслѣдству отъ бабушки. Хотя онъ ни разу за время моего губернаторства не пріѣзжалъ въ свое имѣніе, но мнѣ самому нѣсколько разъ приходилось отъ него слышать, что онъ особенно близко принимаетъ къ сердцу интересы Пензенской губерніи. А что онъ къ намъ не пріѣзжалъ, это всѣ находили естественнымъ, зная, какъ онъ поглощенъ государственными дѣлами.

Братъ его, А. А. Столыпинъ, извѣстный сотрудникъ «Новаго Времени», два или три лѣта провелъ съ своей семьей въ имѣніи Грабовка Н. Н. Устиновой въ Пензенскомъ уѣздѣ.

Н. Н. Устинова принадлежала къ тѣмъ мужественнымъ женщинамъ, которыя пережили у себя въ деревнѣ всѣ ужасы революціи. Мужъ ея А. М. Устиновъ почти все время проводилъ заграницей, куда увезъ лечиться своего тяжко больного племянника. Устиновы обладали очень большими средствами и Наталія Николаевна значительную часть своей жизни провела за границей. Но послѣдніе годы она безвыѣздно жила въ Грабовкѣ, отлучаясь по дѣламъ на короткое время въ Петербургъ или Москву. У нея былъ свой конскій заводъ и бѣговая конюшня, и чаще всего, кажется, ея выѣзды совпадали съ бѣгами.

Жена А. А. Столыпина Ольга Николаевна приходилась ей родной сестрой.

Н. Н. Устинова была уже не молодая дама, величественной наружности. Слѣды ея прежней красоты сохранились и до сихъ поръ. Я нѣсколько разъ у нея бывалъ и всегда чувствовалъ себя въ ея домѣ какъ-то особенно хорошо. Наталія Николаевна, женщина большого ума, была чрезвычайно интересной собесѣдницей и держала себя просто и привѣтливо.

Грабовскій домъ и обширный, доходящій до рѣки Суры паркъ, прекрасно содержанный, были одно великолѣпіе. Домъ былъ новый, очень красивый съ внѣшняго фасада и богато обставленъ внутри.

У нея-же я раза два встрѣчалъ А. А. Столыпина. Онъ мало былъ похожъ на своего брата, хотя обладалъ такой-же высокой фигурой, держался очень скромно и, мнѣ показалось, былъ застѣнчивъ. Впрочемъ наши встрѣчи были такъ мимолетны, что осталось отъ нихъ лишь бѣглое впечатлѣніе.

Какъ-то разъ мы были приглашены всей семьей на имянины къ Наталіи Николаевнѣ. Собралось тамъ довольно многочисленное общество и между прочимъ ближайшіе сосѣди Устиновой князь и княгиня Шаховскіе съ своими дочерьми-подростками. Я не былъ еще съ ними знакомъ и впервые встрѣтился.

Князь лѣтъ 35—40 человѣкъ, очень красивый, служилъ въ кавалергардскомъ полку и состоялъ адъютантомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Военную службу онъ оставилъ по причинѣ припадковъ астмы. Но это нездоровье не отражалось на его

внѣшности. Шаховскіе жили зиму въ Петербургѣ и лишь на лѣто пріѣзжали въ свое пензенское имѣніе. Княгиня Марія Анатольевна, урожденная княжна Куракина, была еще молодая женщина; лицо ея казалось какъ-то особенно осмысленнымъ. Глаза смотрѣли спокойно-властно, черты лица правильныя, общее выраженіе нѣсколько гордое. Если увидѣть это лицо среди многихъ другихъ вамъ незнакомыхъ, вы непремѣнно его замѣтите и запомните.

Въ Пензѣ считали княгиню очень заносчивой, вѣроятно, потому, что она очень рѣдко бывала въ городѣ и почти была незнакома съ мѣстнымъ обществомъ.

Я очень много слышалъ объ ея выдающемся умѣ и, будучи ей представленнымъ, сразу убѣдился, что тутъ нѣтъ преувеличеній. Держала она себя очень просто, а въ отношеніи меня была настолько любезна, что я все дивился, на чемъ-же основана эта пугавшая меня репутація подавляющей ея надменности. Я чувствовалъ себя въ обществѣ княгини такъ свободно, разговоръ у насъ шелъ такой для меня интересный, точно я былъ уже давно знакомъ съ своей собесѣдницей. Это первое впечатлѣніе осталось неизмѣннымъ и при дальнѣйшихъ моихъ встрѣчахъ съ княгиней.

Послѣ парагнаго обѣда Н. Н. Устинова сдѣлала сюрпризъ своимъ гостямъ. А. А. Столыпинъ написалъ небольшую пьесу на злобу дня: «Гимназисты-анархисты». Онъ назвалъ эту шутку «вздоромъ въ 3 дѣйствіяхъ» и она была разыграна мѣстной молодежью на спеціально для этого устроенной сценѣ. Содержаніе было очень забавно и любители разыграли ее довольно недурно. Режиссировалъ самъ Александръ Аркадьевичъ.

Послѣ этого представленія устроились танцы, а когда стемнѣло въ паркѣ зажгли иллюминацію. Праздникъ вышелъ очень удачнымъ и оживленнымъ. Вернулись мы въ Пензу поздно ночью.

Я сказалъ выше, что вторая Думая не имѣла никакого вліянія на теченіе жизни, какъ новый порывъ вѣтра не измѣняетъ картины взбаломученнаго моря. Но, разумѣется, существованіе ея продлило и не давало ослабѣвать судорогамъ смуты.

Если въ предшествовавшее время дѣйствія революціи являлись все таки планомѣрными, управляемыми центральнымъ двигателемъ, то теперь этого управленія совсѣмъ уже не чувствовалось и все пошло въ разбродъ, предоставленное иниціативѣ отдѣльныхъ кружковъ и лицъ, безъ всякой связи между ними. Это можно было-бы сравнить съ партизанскими набѣгами, когда враждебныя дѣйствія объединяются лишь конечной ихъ цѣлью причинить непріятелю возможно больше вреда, оставаясь совершенно свободными въ выборѣ времени, мѣста и оружія.

Является человѣкъ смѣлый, которому воспитаніе или наслѣдственность не дали какихъ-либо внѣдренныхъ въ самую его природу нравственныхъ понятій, за то щедро снабдили неудержимыми аппетитами, стремленія котораго направлены на то, чтобы урвать отъ жизни всѣ тѣ наслажденія, которыя тѣшатъ грубые животные инстинкты человѣка, и вотъ онъ становится подъ знамя

революціи и дѣлается вожакомъ такихъ-же, какъ онъ самъ, въ корнѣ развращенныхъ людей, ищущихъ веселой, свободной отъ всякихъ ограниченій жизни. Знамя революціи ему нужно только для того, чтобы заглушить присущія даже душѣ негодяя, добрыя чувства, избавиться отъ угрызеній совѣсти красиво звучащей фразой, что онъ борется съ угнетателями народа и работаетъ у созданія счастья Россіи.

Неуравновѣшенная молодежь, еще не втянутая жизнью въ опредѣленныя житейскія рамки и для которой переступить границы дозволеннаго не мѣшаетъ ни выработанная жизнью привычка самоограниченія, ни способность предвидѣнія неизбѣжныхъ послѣдствій бунта противъ законовъ человѣческаго общежитія, стремительно наполняетъ кадры этихъ партизановъ-революціонеровъ. Вѣдь, какъ-же иначе объяснить себѣ, что подавляющее число революціонеровъ рѣдко, очень рѣдко переступаетъ возрастъ 20 лѣтъ. Апологеты революціи объясняютъ это свойственной молодости отзывчивостью на все доброе, способностью загораться неудержимымъ стремленіемъ къ идеалу. Это вѣрно, только по отношенію учащейся молодежи, которая настолько образована, что можетъ увлекаться отвлеченными идеями, можетъ гипнотизироваться кажущейся красотой и справедливостью разныхъ мечтательныхъ соціальныхъ построеній, не имѣя житейскаго опыта понять ихъ полную неосуществимость и противурѣчивость съ законами природы. Но приписывать такія стремленія какому-либо неучу, не прочитавшему въ жизни своей ни одной книжки, понятія не имѣющему объ отвлеченномъ мышленіи, это такой-же грубый подлогъ, какъ предъявленіе въ Государственной Думѣ крестьянскихъ наказовъ, съ требованіемъ амнистіи, всеобщей, полной, равной, прямой подачи голосовъ и пр., которыми революціонные малограмотные въ большинствѣ своемъ депутаты на весь свѣтъ издѣвались надъ здравымъ смысломъ.

Начинался въ сущности открытый грабежъ возникающими повсюду до самой глухой деревни включительно разбойничьими шайками, во главѣ которыхъ становились отъявленные головорѣзы. Всякихъ нападеній этихъ шаекъ было столько, что память моя не могла ихъ удержать въ подробностяхъ, и если кое-что изъ этой разбойничьей эпопеи я и помню, то развѣ факты особо кровавые, которыми была потрясена вся губернія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Нѣсколько человѣкъ грабителей винныхъ лавокъ попались въ руки властей и были заключены въ пензенскую тюрьму. Слѣдствіе производилось въ Городищенскомъ уѣздѣ, по мѣсту совершенія преступленія, куда нужно было отослать и подслѣдственныхъ арестантовъ. Ихъ было всего 3 или 4 человѣка, а потому для сопровожденія назначено было 4 конвойныхъ. Арестанты были закованы въ кандалы и въ наручники, а потому такое сопровожденіе казалось совершенно достаточнымъ. Когда эта партія оставила желѣзную дорогу и получила подводу для слѣдованія въ Городище, расположенный въ верстахъ 35 отъ станціи, надо думать, конвойные не удержались отъ соблазна и купили арестан-

тамъ водки и, разумѣется, братски ее съ ними раздѣлили. Послѣ такого угощенія всякія предосторожности, предписанныя инструкціями, были найдены излишними и конвойные уложили свои ружья на подводы, гдѣ сидѣли арестанты, и сами поочередно туда подсаживались. Только одинъ изъ нихъ слѣдовалъ за подводами, но несъ ружье не въ рукѣ, а на ремнѣ черезъ плечо. Шла дружеская бесѣда, курили цыгарки. Когда миновали ближайшее отъ станціи Мордовское село и поднялись верстахъ двухъ за нимъ на гору, слѣва которой начинается лѣсъ, на встрѣчу по дорогѣ показалось 3 человѣка, слѣдовавшіе по обѣимъ сторонамъ дороги.

Движеніе тутъ всегда значительное, и на встрѣчныхъ людей никто изъ конвойныхъ не обращалъ вниманія. Когда подводы поравнялись съ этими людьми, одинъ изъ нихъ выхватилъ револьверъ и убилъ наповалъ конвойнаго съ ружьемъ, сорвавъ съ него винтовку. Арестанты, сбросившіе подпиленные заранѣе наручники, овладѣли остальными ружьями и стали стрѣлять въ конвойныхъ, еще одного изъ нихъ убили, а другихъ тяжело ранили, но считали ихъ, видимо, убитыми. Затѣмъ совмѣстными силами освободились отъ кандаловъ и скрылись въ лѣсъ.

Вскорѣ проѣзжіе наткнулись на трупы убитыхъ и раненыхъ, доставили ихъ на станцію и о происшествіи телеграфировали мнѣ.

Я сейчасъ-же пригласилъ къ себѣ начальника охраннаго района командира Путивльскаго пѣхотнаго полка полковника Орлова и командира уланъ полковника Колвзанъ и условился съ ними сдѣлать облаву въ городищенскихъ лѣсахъ, гдѣ, какъ это было и ранѣе извѣстно, находилась главная квартира разбойниковъ. Задача эта была не изъ легкихъ, такъ какъ лѣса тамъ тянулись на очень большое разстояніе до Нижняго Шкафта, верстъ на 50.

Мы устроили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта съ командирами ротъ, чинами полиціи и командирами полковъ и выработали подробную, такъ сказать, диспозицію, гдѣ и какая задача ставилась каждой ротѣ и эскадрону. Для содѣйствія войскамъ была наряжена полицейская стража.

Весь лѣсъ и прилегающіе кусты были обшарены, но ничего не нашли.

Нѣсколько позднѣе жандармское тайное наблюденіе узнало, что это нападеніе на конвойныхъ, какъ и многіе другіе разбои, было организовано и ведено нѣкимъ сыномъ священника, Великопольскимъ, страшно смѣлымъ и изобрѣтательнымъ человѣкомъ, который ни передъ чѣмъ не останавливался. Вся тактика его заключалась лишь въ томъ, чтобы быть безумно смѣлымъ и совершенно не думать о продосторожностяхъ. Онъ постоянно толкался въ Пензѣ, когда не былъ занятъ разбоями, дѣятельно сносился со всѣми революціонерами, можетъ быть, даже игралъ роль главнаго руководителя революціонныхъ выступленій. Вотъ по этимъ своимъ сношеніямъ съ городскими революціонерами онъ и былъ выслѣженъ и однажды на главной улицѣ Пензы арестованъ. Когда его велъ въ часть помощникъ пристава Михайловъ, онъ попробовалъ было броситься бѣжать, но Михайловъ выстрѣлами

изъ револьвера остановилъ его и благополучно доставилъ въ полицію.

Къ этому Великопольскому мнѣ придется еще вернуться.

Кажется, въ этомъ-же нападеніи на конвойныхъ участвовалъ и 18-лѣтній мальчишка нѣкій Пчелинцевъ, сынъ мелкаго желѣзнодорожнаго чиновника, весьма почтеннаго человѣка. Фотографическія карточки Великопольскаго и этого Пчелинцева удалось получить отъ родственниковъ и онѣ были разосланы всѣмъ чинамъ полиціи общей и желѣзнодорожнымъ жандармамъ.

Однажды при подходѣ товарнаго поѣзда на станцію Симанщина, желѣзнодорожный жандармскій унтеръ-офицеръ замѣтилъ на площадкѣ одного изъ заднихъ вагоновъ какихъ-то двухъ подозрительныхъ молодыхъ людей и, не ожидая остановки поѣзда, отправился по направленію къ нимъ, чтобы посмотрѣть, что это за люди. Едва онъ поравнялся съ ними, какъ одинъ изъ этихъ людей выстрѣломъ изъ револьвера уложилъ унтеръ-офицера, схватилъ его винтовку и оба соскочили съ площадки вагона и пустились бѣжать къ кустамъ, скоро начинавшимся за желѣзной дорогой. За ними побѣжали ремонтные рабочіе съ разныхъ сторонъ, стараясь гнать ихъ полемъ и не допускать до кустовъ. Между тѣмъ начальникъ станціи телеграфировалъ мнѣ объ этомъ убійствѣ и я сейчасъ-же съ дежурнымъ паровозомъ выслалъ въ Симащину взводъ уланъ; къ счастью, все это удалось сдѣлать настолько скоро, что преслѣдуемые преступники не успѣли далеко уйти и засѣли въ небольшой рощицѣ, за которой наблюдали ремонтные рабочіе. Когда уланы пріѣхали, имъ указали направленіе, куда бѣжали преступники, и они туда поскакали. Рабочіе привели войска на мѣсто, гдѣ спрятались разбойники, уланы его окружили и съ ружьями на изготовку стали суживать кругъ. Преступники выбѣжали изъ лѣса и стали стрѣлять въ ближайшихъ уланъ, но, къ счастью, неудачно. Одинъ изъ разбойниковъ вскорѣ былъ раненъ въ ногу, упалъ, и передъ скакавшими къ нимъ солдатами оба побросали оружіе и стали кричать о сдачѣ.

Налетѣвшіе солдаты сгоряча исполосовали ихъ нагайками, пока не прискакалъ офицеръ, остановившій это избіеніе. Оба были доставлены въ Пензу и заключены въ тюрьму; одинъ изъ преступниковъ оказался Пчелинцевымъ. Дѣло это министромъ передалось военному суду и очень скоро было разобрано, при чемъ Пчелинцевъ вину въ убійствѣ жандарма принялъ на одного себя. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію, а другого въ каторгу. Это былъ первый случай назначенія въ Пензенской губерніи смертной казни, а потому онъ мнѣ особо памятенъ.

Мнѣ не приходилось до того времени имѣть дѣла со смертными приговорами, а потому я не былъ совершенно знакомъ съ правилами исполненія ихъ. Казнь производится секретно полиціей подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора въ присутствіи врача. Когда прокуроръ получилъ конфирмованный приговоръ, онъ просилъ поручить исполненіе полиціи и о томъ, кому это будетъ поручено, а равно о назначенномъ для казни времени его извѣстить. Тогдашній пензенскій исправникъ, служившій ранѣе

въ Московской губерніи, уже исполнялъ такія порученія, а потому я на него и возложилъ эту тяжелую обязанность. Нѣкоторые уголовные арестанты пензенской тюрьмы соглашались за плату совершить казнь. Исправникъ-же полагалъ возложить это на когонибудь изъ желающихъ полицейскихъ стражниковъ. Я воспротивился и тому и другому, такъ какъ не сомнѣвался, что исполнители приговора будутъ сейчасъ-же убиты революціонерами; а потому просилъ департаментъ полиціи выслать въ Пензу иногородняго палача. Таковой былъ присланъ изъ Москвы и о его пріѣздѣ и фамиліи былъ освѣдомленъ только начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, скрывавшій его до самаго момента казни и послѣ нея немедленно отправившій его загримированнымъ обратно въ Москву.

Надо было назначить врача. Врачебный инспекторъ возложилъ эту обязанность на городского врача, который, по убѣжденіямъ своимъ будучи кадетомъ, пытался отъ этого уклониться. Я пригрозилъ ему увольненіемъ отъ службы, и, дѣлать нечего, ему пришлось подчиниться.

Надо было казнь совершить такъ, чтобы о времени ея рѣшительно никто не зналъ. Исправникъ рѣшилъ исполнить приговоръ передъ разсвѣтомъ, верстахъ въ 8 отъ города, въ казенномъ лѣсу. Весь нарядъ стражи для конвоированія арестанта, нарядъ подводъ для перевозки на мѣсто эшафота, экипажи для властей и преступника все это было сдѣлано передъ самымъ выступленіемъ. Кучерами были стражники.

Пчелинцевъ спалъ, когда за нимъ пришли. Онъ очень поблѣднѣлъ, понявъ, для чего его разбудили, но не сталъ шумѣть и кричать, какъ всѣ этого ожидали. Онъ согласился принять священника и исповѣдывался. На всякій случай, преступникъ заранѣе былъ посаженъ въ совершенно отдѣльно расположенную камеру именно въ предвидѣніи, что ему вздумается поднять крикъ, чтобы переполошить остальныхъ арестантовъ и вызвать безпорядки.

Въ сопровожденіи священника и жандармскихъ унтеръ-офицеровъ повезли его подъ экспортомъ стражи на мѣсто казни.

При совершеніи казни, Пчелинцевъ былъ апатиченъ, и поставленный на эшафотъ хотѣлъ что-то говорить, но голосъ былъ заглушенъ барабанами.

Тѣло уложили въ заранѣе вырытую могилу, обсыпали известкой, закопали, сравнявъ съ землей, и обложили мѣсто дерномъ, такъ, что могилы совсѣмъ не было замѣтно. Эти предосторожности были приняты для того, чтобы мѣсто погребенія не было-бы использовано революціонерами для паломничества и всякихъ демонстрацій.

Бѣдный исправникъ, вынесшій на себѣ всю эту угнетающую процедуру, былъ нѣсколько дней прямо боленъ. Да и остальные свидѣтели казни чувствовали себя подавленными. Здоровый человѣкъ не можетъ спокойно лицезрѣть такихъ ужасовъ, какъ-бы они ни были обоснованы и необходимы.

Многіе разбойничьи дѣла, совершенныя за это время, носили въ себѣ пропасть сходныхъ чертъ: и пріемы были тѣ-же, и за-

писки, оставляемыя при грабежахъ винныхъ лавокъ, писались по одному и тому-же шаблону и, наконецъ, во многихъ преступленіяхъ примѣты преступниковъ часто совпадали. Невольно рождалась мысль, что если не всегда, то очень часто все это было дѣломъ однѣхъ и тѣхъ-же рукъ. А такъ какъ преступленія возникали въ разныхъ уѣздахъ, то каждое дѣло направлялось соотвѣтствующему слѣдователю и весь матеріалъ, часто весьма очень цѣнный, добытый однимъ слѣдователемъ, совершенно оставался неизвѣстнымъ и не использованнымъ другимъ, не позволяя поэтому установить картину преступленія во всѣхъ подробностяхъ. Разумѣется, это было очень на руку преступникамъ. и весьма часто дѣлало ихъ не уловимыми. Очевидно, интересы правосудія требовали положить конецъ такому искусственному расчлененію и сосредоточить всѣ разбойничьи дѣла въ рукахъ одного какого-нибудь слѣдователя, освободивъ его отъ участковой работы. Я написалъ по этому поводу подробное письмо П. А. Столыпину, прося его содѣйствія, и указалъ, что полезнѣе всего было-бы дать такое порученіе городищенскому слѣдователю г. Марочко, молодому и способному человѣку, имѣющему въ своемъ производствѣ уже много такихъ дѣлъ и успѣвшаго ознакомиться съ ними довольно подробно. Петръ Аркадьевичъ раздѣлилъ мою мысль и просилъ министра юстиціи ее осуществить.

Вскорѣ вслѣдъ за симъ министерство юстиціи извѣстило меня письмомъ, что мое ходатайство уважено и въ губернію назначается для этого новый добавочный слѣдователь, кажется, нѣкій баронъ Паленъ, который былъ у насъ совершенно никому не извѣстенъ.

Этотъ новый человѣкъ, только что назначенный, могъ пріѣхать въ губернію никакъ не раньше нѣсколькихъ недѣль. На принятіе должности и ознакомленіе съ дѣлами пройдетъ столько-же. Значитъ мѣсяца 1½ въ лучшемъ случаѣ пройдетъ, пока онъ примется за дѣло. А ежедневно совершаемыя самыя тяжкія преступленія повелительно требовали немедленной борьбы. Поэтому я опять написалъ письмо П. А. Столыпину съ изложеніемъ этихъ соображеній и повторилъ свою просьбу о порученіи этого дѣла г. Марочко.

Это ходатайство было также удовлетворено присылкой соотвѣтствующей телеграммы предсѣдателю суда. Я не ошибся въ своемъ предположеніи: г. Марочко отлично справился съ задачей, раскрылъ многія преступленія. И когда дѣла эти были переданы военному суду, послѣдній присудилъ къ смертной казни, кажется, 8 человѣкъ.

Чины мѣстнаго судебнаго вѣдомства къ такому обособленію дѣятельности г. Марочко отнеслись по меньшей мѣрѣ неодобрительно. Если противъ цѣлесообразности его трудно было возражать, то починъ такой не совсѣмъ обыкновенной мѣры, принадлежавшій губернатору, трактовался вѣдомственной щепетильностью, какъ извѣстное административное давленіе.

Г. Марочко пришлось на этой почвѣ пережить много непріят-

ныхъ минутъ и если дѣло не пошло далѣе, то лишь благодаря авторитету предсѣдателя совѣта министровъ.

Въ первое лѣто своего губернаторства, кромѣ перечисленныхъ выше уѣздовъ, я побывалъ еще въ Мокшанскомъ, Нижне-Ломовскомъ и Чембарскомъ.

Въ Мокшанскомъ уѣздѣ, гдѣ было много помѣщиковъ, постоянно живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, предводителемъ дворянства состоялъ при мнѣ недавно умершій князь А. Д. Друцкой-Соколинскій, избранный на эту должность послѣ своего отца, пользовавшагося въ губерніи особымъ обаяніемъ даже и въ либеральныхъ кругахъ.

Князь Арсеній Дмитріевичъ, служившій прежде въ кавалергардскомъ полку, былъ человѣкъ лѣтъ 35, огромнаго роста, съ энглизированной рѣчью, необыкновенно добродушный и гостепріимный. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Голицыной, дочери бывшаго саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, очень красивой, молодой, видной дамѣ. Княгиня на рѣдкость была проста, держалась съ сослуживцами мужа товарищескаго тона, всѣ ее чрезвычайно любили. Она часто бывала въ Пензѣ и появлялась на всѣхъ собраніяхъ и балахъ, привлекая къ своей величавой и нарядной фигурѣ общее вниманіе.

Домъ ихъ въ имѣніи служилъ оживленнымъ центромъ, около котораго группировались мѣстные дворяне. Самъ князь стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ всякой политики, добросовѣстно предсѣдательствовалъ тамъ, гдѣ это полагалось, но съ дѣлами былъ мало знакомъ и въ этомъ отношеніи своей иниціативы не имѣлъ.

Онъ былъ очень добрый человѣкъ и никому не отказывалъ въ своей помощи по службѣ. Ужъ по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, прося то за земскаго начальника, то за чиновъ полиціи, то стараясь устроить на какую-нибудь службу бѣдныхъ дворянъ своего уѣзда. Было такъ трудно отказать добрѣйшему князю, хотя онъ не всегда былъ строго разборчивъ въ своихъ ходатайствахъ.

Княгиня тоже политикой не занималась, но она была въ нее совершенно случайно вовлечена и на этой почвѣ намъ пришлось столкнуться, хотя это какъ будто-бы и не отразилось на нашихъ всегда добрыхъ отношеніяхъ. Дѣло было такъ.

Въ Мокшанѣ, всетаки довольно далеко лежавшемъ отъ желѣзной дороги, среди жителей возникла мысль открыть средне-учебное заведеніе смѣшаннаго типа, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Были собраны средства и въ расчетѣ скорѣйшаго осуществленія этого дѣла иниціаторы избрали почетной попечительницей будущей гимназіи княгиню Друцкую-Соколинскую. Княгиня стала усиленно хлопотать и, благодаря ея связямъ и обаянію, разрѣшеніе было скоро получено и осенью уже стали функціонировать младшіе классы. Дѣло было симпатичное и полезное, отъ учениковъ не было отбою. Какъ это всегда бываетъ, къ этому дѣлу примазались политиканствующіе элементы, изъ числа которыхъ стали особенно выдѣляться уѣздный членъ окружнаго суда и одинъ мокшанскій купецъ, отецъ котораго былъ, кажется,

управляющимъ у старика князя Друцкаго-Соколинскаго. Сынъ сохранилъ отношенія и съ молодымъ княземъ.

Уѣздный членъ суда, собственно говоря, былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ, но ему хотѣлось играть роль въ уѣздѣ, а потому онъ пристраивался къ разнымъ общественнымъ начинаніямъ, гдѣ нужно было согласоваться съ передовыми воззрѣніями. Онъ между прочимъ выстроилъ великолѣпный народный домъ въ Мокшанѣ на средства попечительства о народной трезвости, устроилъ тамъ чайную и библіотеку. Дѣятельность его, какъ уѣзднаго члена, нѣсколько позже была освѣщена съ такой стороны, которая очень не соотвѣтствовала не только передовымъ воззрѣніямъ, а , какъ-бы сказать помягче, была вообще неодобрительной и ему пришлось оставить службу. Это былъ уже сѣдой, какъ лунь, старикъ.

Купецъ, не помню теперь его фамиліи, былъ человѣкъ, можетъ быть, и не глупый, но только еле грамотный. И при такомъ, по крайней мѣрѣ, скудномъ образовательномъ цензѣ пустился въ высшую политику и до смерти любилъ парить въ области соціальныхъ наукъ и поражать своихъ слушателей въ городской думѣ и уѣздномъ земскомъ собраніи глубоко либеральными сужденіями, обоснованными на послѣднемъ выводѣ науки, въ которой онъ считалъ себя, повидимому, компетентнымъ. Выходилъ, конечно, трафаретъ, но по текущему времени это производило впечатлѣніе и составляло нѣкоторую репутацію.

Такъ вотъ эти оба господина при содѣйствіи, вѣроятно, опозиціонныхъ организацій, подыскали гимназіи соотвѣтствующій педагогическій персоналъ. Директоромъ былъ приглашенъ какой-то, кажется, по профессіи инженеръ, изъ крещенныхъ евреевъ, а этотъ послѣдній перетянулъ за собой разныхъ ярко либеральныхъ дамъ и кавалеровъ.

Съ первыхъ-же дней дѣйствій этого директора ко мнѣ стали поступать свѣдѣнія, что въ гимназіи не благополучно. Дисциплина тамъ отсутствовала и не потому, что не было умѣнія ее водворить, а изъ соображеній принципіальныхъ, послѣднихъ вѣяній педагогики. Учебный персоналъ старался завязать связи съ будирующими въ городѣ элементами и постепенно самая гимназія стала обращаться въ центръ, около котораго группировались враги существующаго порядка вещей. Я неоднократно говорилъ объ этомъ княгинѣ, но она, вѣроятно, была безсильна повліять на своихъ педагоговъ, явившихся сюда, повидимому, не столько съ цѣлями насаждать просвѣщеніе, сколько заниматься враждебной правительству политикой. День ото дня положеніе становилось хуже. Директоръ, какъ доносила полиція, открыто завелъ любовныя связи съ одной изъ учительницъ и считалъ, должно быть, предразсудкомъ скрывать такія отношенія.

Въ одно прекрасное утро полиція накрыла въ гимназіи незаконное сборище учителей гимназіи и земскихъ школъ уѣзда, при чемъ это сборище, какъ настоящіе заговорщики, выставило наружу караульщиковъ для наблюденія за безопасностью. Жандармская полиція получила свѣдѣніе, что это сборище имѣло

цѣлью образовать въ уѣздѣ филіальное отдѣленіе революціоннаго учительскаго союза. Я счелъ тогда необходимымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры къ водворенію въ гимназіи порядка.

Одну изъ учительницъ, о которой получились свѣдѣнія, что она не стѣсняется и дѣтей вовлекать въ агитацію и свою революціонность слишкомъ демонстративно подчеркиваетъ, я выслалъ изъ губерніи, а о директорѣ написалъ попечителю харьковскаго учебнаго округа, въ вѣдѣніи котораго состояла Пензенская губернія, прося его этого господина устранить отъ службы.

Попечителемъ округа состоялъ и тогда Г. Соколовскій, балтійскій помѣщикъ, несмотря на свою фамилію по происхожденію нѣмецъ, сохранившій даже въ своей рѣчи оттѣнокъ нѣмецкаго акцента. Это былъ еще молодой человѣкъ, очень ученый, читавшій лекціи въ московскомъ, кажется, университетѣ, гдѣ, однако, на него воздвигли гоненія кадетскіе заправилы и заставили перейти въ одинъ изъ германскихъ университетовъ. Министръ Кассо, питавшій къ Соколовскому личную дружбу, пригласилъ его на должность попечителя.

Попечитель былъ большой сторонникъ насажденія физическаго развитія учащихся и при немъ начинается во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Сокольской гимнастики.

Въ личныхъ отношеніяхъ Г. Соколовскій былъ симпатичный жизнерадостный собесѣдникъ, который очень мнѣ нравился.

Получивъ мое письмо съ просьбой устранить директора, попечитель лично пріѣхалъ въ Мокшанъ и произвелъ самъ дознаніе, опросивъ многихъ родителей. Объ этомъ пріѣздѣ я ничего не зналъ и меня не было въ губерніи, такъ какъ я уѣзжалъ въ Петербургъ. Полиція докладывала мнѣ, что по наущенію революціонной клики, къ попечителю являлись нѣкоторые родители безъ его вызова, а по своему личному побужденію, и дали ему восхитительный отзывъ, какъ о педагогическомъ персоналѣ, такъ и о порядкахъ школы. Все это привело Г. Соколовскаго къ убѣжденію, что я нападаю на директора безъ достаточныхъ основаній и что устранить его отъ службы нѣтъ поводовъ.

Получивъ такой отказъ, о которомъ узнали и въ гимназіи, я не счелъ себя въ правѣ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго движенія и сдѣлалъ это не изъ соображеній самолюбія, а потому, что для меня было ясно, что попечитель ловко введенъ въ заблужденіе, и ради такого обмана позволить этимъ господамъ безнаказанно портить дѣтей и заводить смуту среди учительскаго персонала всего уѣзда, было не допустимо.

Я написалъ подробно П. А. Столыпину и просилъ его вмѣшательства.

Г. Соколовскій въ свою очередь сообщилъ объ этомъ случаѣ министру Шварцу, который, разумѣется, не зная дѣла, не могъ сомнѣваться въ правильности сообщенія попечителя и не желалъ принять нужныхъ мѣръ.

Въ такихъ вѣдомственныхъ пререканіяхъ прошло около году, пока, наконецъ, я не явился лично къ Шварцу и не представилъ

ему имѣвшійся у меня матеріалъ. Тогда директору были даны извѣстныя указанія и онъ самъ подалъ въ отставку.

Вся эта исторія причинила мнѣ много хлопотъ и непріятностей. Я слышалъ позднѣе отъ покойнаго Л. А. Кассо, что его другъ Соколовскій также много волновался по этому дѣлу и что благодаря такому столкновенію я, видимо, потерялъ расположеніе попечителя округа, о чемъ очень сожалѣлъ.

Мокшанское земство было плохо организовано. Составъ управы всегда вызывалъ большія нареканія на свою безхозяйственность и, если память мнѣ не измѣняетъ, я принужденъ былъ назначить ревизію надъ ея дѣйствіями, пославъ туда непремѣннаго члена по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія Н. Н. Ягодинскаго. По закону земскія учрежденія ревизуются самимъ губернаторомъ, а потому посылка непремѣннаго члена производится подъ соусомъ якобы собиранія свѣдѣній.

Н. Н. Ягодинскій обнаружилъ, помнится, кой-какія неправильности, но не нашелъ злоупотребленій.

У меня было довольно много знакомыхъ помѣщиковъ въ Мокшанскомъ уѣздѣ, у которыхъ я иногда бывалъ. Но особенной близости съ ними не устанавливалось.

Должность Нижне-Ломовскаго предводителя занималъ В. Д. Бибиковъ, избранный послѣ смерти Гевлича въ губернскіе предводители. Онъ служилъ прежде въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, съ которымъ все время поддерживалъ самыя товарищескія отношенія и о своемъ полку говорилъ всегда какъ-то особенно тепло. Онъ былъ очень милый человѣкъ, всегда добродушно насмѣшливъ, любилъ у себя принимать. Жилъ круглый годъ въ богатѣйшемъ имѣніи своей жены, урожденной Араповой, занимался хозяйствомъ.

Жена его еще молодая женщина, была и въ мое время красива, а въ ранней молодости, судя по многочисленнымъ ея портретамъ на столѣ мужа, отличалась прямо идеальной красотой.

Дѣтей у нихъ не было, но Бибиковы взяли на воспитаніе пріемыша, ужасно къ нему привязались и когда потеряли ребенка отъ скарлатины, очень искренно и долго горевали.

Вообще оба они были чрезвычайно мягкіе и сердечные люди.

Мужики близкой отъ усадьбы Бибиковыхъ д. Андреевки были очень распропагандированы и пытались поджигать усадьбу, но къ счастью, сожгли лишь грунтовый сарай съ плодовыми деревьями.

Полиціи удалось выяснить главнѣйшихъ зачинщиковъ безпорядковъ, во главѣ которыхъ стоялъ мѣстный волостной старшина. Я ходатайствовалъ о высылкѣ всѣхъ ихъ въ отдаленныя губерніи, но министръ совершенно неожиданно на это не согласился и ограничился болѣе мягкимъ взысканіемъ. Я увѣренъ, что за виновныхъ хлопотали сами Бибиковы. А разъ хлопочетъ о смягченіи участи виновныхъ пострадавшій помѣщикъ—значитъ дѣло не такъ серьезно и въ крупныхъ мѣрахъ нѣтъ необходимости.

Служебныя свои обязанности В. Д. Бибиковъ исполнялъ аккуратно и пользовался въ уѣздѣ авторитетомъ.

Нижне-ломовскимъ помѣщикомъ былъ и князь Л. Н. Кугушевъ, который въ качествѣ непремѣннаго члена губернскаго присутствія, работалъ вмѣстѣ со мной по продовольственному дѣлу въ 1905 г. Во время моего губернаторства онъ былъ избранъ предсѣдателемъ губернск. земск. управы и являлся ставленникомъ консервативной партіи. Князь былъ честный, вполнѣ порядочный человѣкъ, очень мягкій, ровнаго, спокойнаго характера: никогда ни съ кѣмъ у него не выходило никакихъ недоразумѣній. Хотя онъ принадлежалъ къ консервативной партіи и, несомнѣнно, былъ сторонникомъ порядка, но политика его не интересовала и онъ нисколько ею не занимался.

Свои обязанности предсѣдателя князь исполнялъ вполнѣ добросовѣстно, но широкой иниціативой не отличался и въ земской жизни не игралъ выдающейся роли.

Болѣе видную или по крайней мѣрѣ болѣе шумную роль игралъ въ управѣ и на земскихъ собраніяхъ членъ губернской управы В. В. Вырубовъ. Онъ считался въ губерніи не только кадетомъ, а даже еще лѣвѣе. Я, шутя, величалъ его соціалъ-демократомъ. Несомнѣнно, Вырубовъ принадлежалъ къ либеральному лагерю, но не примыкалъ къ какой-нибудь опредѣленной политической партіи, оставаясь, какъ стали выражаться въ Государственной Думѣ, дикимъ. Это былъ вполнѣ воспитанный и, на мой взглядъ, симпатичный человѣкъ. Нѣкоторое его увлеченіе иногда излишне либеральнымъ теченіемъ мысли вполнѣ искупалось тѣмъ, что въ немъ не было совсѣмъ острой нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ. Онъ спорилъ, иногда даже очень горячо, но никогда не доходилъ до ненависти изъ за разницы воззрѣній и никогда не позволялъ себѣ презрительно третировать своего опонента.

У Вырубова была слабость подбирать служащихъ земства исключительно изъ людей, политически скомпрометированныхъ и за все свое губернаторство я неустанно съ ними боролся на этой почвѣ. Происходило это оттого, что онъ вращался по преимуществу въ кадетскихъ кругахъ, поддавался ихъ вліянію и цѣнилъ ихъ рекомендаціи. Лишь отчасти у него иногда не было выбора: это въ дѣлѣ статистическихъ работъ по выработкѣ земскихъ оцѣнокъ земель. Тутъ дѣйствительно, всѣ сколько-нибудь знающіе и опытные работники непремѣнно принадлежали къ завѣдомымъ врагамъ правительства и волей неволей приходилось ихъ допускать на службу, такъ что оцѣночное отдѣленіе губернской управы было вполнѣ революціоннымъ лагеремъ и состояло у насъ подъ особо бдительнымъ надзоромъ. Надо отдать справедливость В. В. Вырубову, что онъ держалъ всетаки эту республику въ рукахъ и она при исполненіи служебныхъ обязанностей не смѣла заниматься пропагандой и дѣйствительно ею не занималась.

Нижне-Ломовскій уѣздъ былъ сильно разреволюціонизированъ. Въ немъ образовалось даже нѣсколько центровъ, гдѣ были сосредоточены главари уѣздныхъ безобразій и откуда шла усиленная пропаганда. Такими центрами были, напримѣръ, заштатный городъ Верхній Ломовъ, станція Титово и др. Тутъ укрывались поджигатели, разбойники. Одно время проѣздъ отъ желѣзной до-

роги до Н. Ломова былъ крайне опасенъ и проѣзжающихъ грабили, пока, наконецъ, не удалось переловить разбойниковъ.

Были и массовые безпорядки, на усмиреніе которыхъ приходилось мнѣ выѣзжать и посылать вице-губернатора. Такъ одно село на краю уѣзда, не помню теперь названій и фамилій, расположенное рядомъ съ большой экономіей, принадлежавшей одному купцу, методически занималось уничтоженіемъ усадьбы поджогами; что ни ночь, то какое-нибудь строеніе поджигали и, главное, не позволяли его тушить, ни своимъ однодеревенцамъ, ни экономическимъ служащимъ. Владѣльцы въ экономіи не жили, а приказчикъ боялся жаловаться начальству. Когда, наконецъ, къ поджогамъ прибавились лѣсныя порубки, открыто производимыя цѣлымъ селомъ, онъ сообщилъ, наконецъ, исправнику, который и пріѣхалъ сюда съ отрядомъ стражи. При появленіи стражи на краю села, раздался набатъ, мужики собрались толпой и съ кольями на нее двинулись. Исправникъ находился въ это время въ усадьбѣ, верстахъ въ 2—3. Старшій изъ стражниковъ пытался толпу уговорить, но предводитель ея крикнулъ: «что вы его слушаете, бейте ихъ» и ударилъ коломъ одного изъ стражниковъ-лезгина. Тотъ схватилъ ружье и наповалъ убилъ этого предводителя. Толпа, конечно, бросилась въ разсыпную, стражники помчались за ней и стали бить нагайками. Когда пріѣхалъ исправникъ, порядокъ уже былъ водворенъ.

Получивъ телеграмму, я послалъ въ это село эскадронъ и самъ выѣхалъ..

Пріѣхалъ я въ усадьбу вечеромъ и такъ и ахнулъ, осмотрѣвъ сколько тутъ было поджоговъ. Половина очень обширной усадьбы представляла изъ себя обгорѣвшія развалины, точно послѣ вражескаго нашествія. Оказалось, что поджоги производились уже недѣли двѣ, а приказчикъ подъ угрозами мужиковъ убить его, если осмѣлится пожаловаться, все молчалъ.

Рѣшивъ выѣхать въ село утромъ, когда будетъ закончено полицейское дознаніе, мы, т. е. я и офицеры-уланы расположились на ночлегъ въ господскомъ домѣ.

Когда я ложился спать, мой человѣкъ предупредилъ меня, что слышалъ отъ служащихъ экономіи, что завтра, когда я поѣду въ деревню и буду проѣзжать черезъ мельницу, въ меня будетъ брошена бомба. Я почти не обратилъ вниманія на эти розсказни, такъ какъ онѣ, очевидно, исходили отъ смертельно перепуганныхъ экономическихъ служащихъ и, вѣроятно, были основаны на бахвальствѣ мужиковъ. Вѣдь если-бы дѣйствительно что-либо подобное замышлялось, то, конечно, объ этомъ не стали-бы болтать во всеуслышаніе.

И только когда на другой день мы ѣхали мельничной плотиной, я вспомнилъ эти слова и довольно тревожно посматривалъ по сторонамъ. Разумѣется, все оказалось вздоромъ.

На сельскомъ сходѣ эти бунтари-насильники держали себя ниже травы, тише воды. Полицейское дознаніе выяснило всѣхъ главнѣйшихъ зачинщиковъ. Я забылъ сказать, что село состояло въ Наровчатскомъ уѣздѣ, а экономія въ Нижне-Ломовскомъ. Прі-

ѣхавшій на сходъ земскій начальникъ Охлябининъ еще отъ себя указалъ нѣкоторыхъ крестьянъ, которые подбивали это село къ постояннымъ безпорядкамъ и неповиновенію начальству. Мужики, оказывается, никогда не платили тутъ добровольно повинностей, а всегда приходилось прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ понужденія. И всетаки, несмотря на эти мѣры, село оставалось однимъ изъ крупнѣйшихъ недоимщиковъ уѣзда.

Произведя аресты, я отдалъ земскому начальнику распоряженіе особенно внимательно слѣдить за выполненіемъ селеніемъ назначенныхъ ему частныхъ сроковъ уплаты податей и о всякомъ недоборѣ и недоимкѣ по истеченіи года сообщать губернскому присутствію. Старостѣ я приказалъ принять всѣ законныя мѣры къ тому, чтобы я больше не слышалъ жалобъ на его общество.

Въ другой части уѣзда, гдѣ расположены были имѣнія князя Кугушева и Н. Н. Ягодинскаго, во главѣ поджигателей стоялъ мѣстный діаконъ-пьяница. Доказательствъ его участія въ этихъ преступленіяхъ никакъ не удавалось получить, хотя при негласномъ разслѣдованіи оно подтверждалось весьма многими показаніями. Дьяконъ этотъ былъ высланъ въ отдаленныя губерніи.

Вообще участіе духовенства въ смутѣ въ Пензенской губерніи выплывало очень и очень нерѣдко. Съ перваго взгляда это кажется прямо необъяснимымъ. Но, если вдуматься въ ужасное положеніе сельскаго духовенства, его полную матеріальную необезпеченность и крѣпостную зависимость отъ прихожанъ-крестьянъ, едва-ли удивительно, что слабѣйшіе изъ нихъ подпѣвали въ тонъ смутьянамъ, изъ опасенія лишиться куска хлѣба. Къ этому надо добавить, что духовенство, помимо своей матеріальной зависимости, вообще стояло ближе къ крестьянамъ, чѣмъ къ помѣщикамъ. Среди крестьянъ духовенство являлось сословіемъ высшимъ, болѣе образованнымъ, пользующимся поэтому извѣстной атенціей; помѣщики-же, даже люди глубоко религіозные между ними, относились къ попу обидно-пренебрежительно. Въ барскомъ домѣ, если и сажали священника или діакона за столъ, то гдѣ нибудь на самомъ кончикѣ и эти бѣдные люди всегда чувствовали себя здѣсь какими-то паріями, допущенными въ господское общество какъ-бы изъ милости. Это, разумѣется, порождало отчужденность и враждебность, проявить которыя открыто при случаѣ такъ сладко натурамъ мстительнымъ.

Особенно ярко было участіе духовенства въ революціи до роспуска первой Государственной Думы, когда вся Россія, чуть-ли не до самаго правительства Витте включительно, ожидала полнаго торжества революціи. Только разгонъ первой Думы, не поддержанный страной, несмотря на выборгскія потуги, убѣдилъ всѣхъ, какъ были преувеличены эти опасенія и какъ глупо сѣли на мель, слишкомъ скоро повѣрившіе въ это торжество и ради него перекинувшіеся въ лагерь смуты.

Въ 1909 году, кажется, Пензенская губернія была постигнута холерой, въ общемъ довольно слабой, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ какъ въ самой Пензѣ, Наровчатскомъ и Нижне-Ломовскомъ уѣздахъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ вспышка была довольно сильная.

Началась она именно въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ, близкихъ отъ имѣній Офросимовой и Бибиковыхъ, куда была занесена вещами, оставшимися послѣ одного изъ крестьянъ, умершихъ въ Астрахани.

Губернское земство командировало туда санитарные отряды, устроило временныя больнички, но затушить заразу долго не удавалось.

Однажды я получилъ письмо отъ священника одного села Нижне-Ломовскаго уѣзда, не могу вспомнить его названія, гдѣ онъ мнѣ сообщаетъ, что холера нещадно коситъ народъ; уже умерло болѣе 100 человѣкъ, нѣкоторыя семьи перемерли до послѣдняго человѣка. Крестьяне перепуганы до смерти, боятся убирать покойниковъ и они валяются по избамъ безъ погребенія. Какъ кто заболѣетъ, такъ остальные домочадцы бросаютъ домъ и больного и убѣгаютъ, куда глаза глядятъ. Священникъ проситъ моей скорѣйшей помощи.

Я сейчасъ же выѣхалъ на мѣсто вмѣстѣ съ врачебнымъ инспекторомъ и предсѣдателемъ Губернской Земской Управы, вызвавъ по телеграфу и Предсѣдателя Ломовской Управы.

Губернская Управа командировала съ нами медика-студента и фельдшера на усиленіе уже работавшаго тамъ санитарнаго персонала.

Сообщенія священника оказались совершенно вѣрными. Временная больница, охраняемая полицейской стражей, была переполнена больными. Помѣщалась она въ двухъ избахъ, рядомъ стоящихъ. Паника была такъ велика, что населеніе наотрѣзъ отказалось какъ бы то ни было соприкасаться съ больными, а потому больныхъ доставлять въ больницу приходилось Полицейской Стражѣ, которая была и охраной, и исполняла роль санитаровъ. Изъ числа стражи, которой были объяснены мѣры предосторожности, къ счастью, больныхъ не было.

Никто точно не зналъ, есть ли и сколько именно больныхъ по избамъ, и если таковые дѣйствительно были, то, за отсутствіемъ всякаго за ними ухода, каждый больной являлся, очевидно, новымъ очагомъ заразы.

Крестьяне отказывались везти хоронить покойниковъ и вообще боялись всякаго соприкосновенія съ ними.

Тѣ дома, изъ которыхъ больные поступали въ больницу, Санитарнымъ Отрядомъ дезифецировались и отбросы ихъ засыпались хлорной известью.

Врачъ заявилъ, что никакъ не можетъ повліять на людей, чтобы они не пили сырой воды. Еще утромъ передъ нашимъ пріѣздомъ одинъ мальчикъ напился изъ пруда, и сейчасъ же почти заболѣлъ сильнѣйшимъ припадкомъ холеры и черезъ два часа умеръ.

Я приказалъ Старостѣ собрать Сельскій Сходъ, а пока мы обсудили сообща, что же надо дѣлать, чтобъ скорѣе потушить эпидемію.

Прежде всего надо было во чтобы то ни стало прекратить употребленіе сырой воды. Хоть въ каждой семьѣ имѣются самовары, а слѣдовательно въ любой избѣ можно запасти кипяченую воду, но

что вы подѣлаете съ человѣческою небрежностью: большинство и не подумаетъ этого сдѣлать. Оставалось, слѣдовательно, привезти въ деревню котлы, вскипятить въ нихъ воду, и кадки съ такой водой разставить вдоль улицы возможно чаще. Уѣздная Управа согласилась это немедленно сдѣлать. Слѣдующая мѣра — возможно тщательная дезинфекція жилищъ, гдѣ были больные, и немедленное обеззараживаніе изверженій. На мой взглядъ слѣдовало народу подробно объяснить, какъ слѣдуетъ это дѣлать, и также вдоль улицы разставить почаще кадки съ растворомъ сулемы и ящики съ хлорной известью для засыпки отхожихъ мѣстъ. Всѣ согласились съ цѣлесообразностью такого способа и было рѣшено сейчасъ же его осуществить.

Затѣмъ надо рекомендовать населенію не ѣсть и не пить въ одномъ помѣщеніи съ больными, имѣть для нихъ особую посуду и ухаживающимъ за больными возможно чаще обмывать руки, лицо, волоса растворомъ сулемы.

Я вспомнилъ о томъ способѣ, который практиковался крестьянами моего земскаго участка въ холеру 1894 года и благодаря которому многіе больные выздоровѣли и являлись потомъ меня благодарить за такую мѣру. Въ каждой деревнѣ, гдѣ появлялась болѣзнь, ежедневно общественнымъ счетомъ топилась баня, имѣлся всегда готовый запасъ кипятку и былъ приготовленъ большой чанъ или длинное корыто. Какъ только человѣкъ заболѣвалъ приступами холеры, его сейчасъ же несли въ баню, строго наблюдая, чтобы по дорогѣ не расбрасывать его изверженій, клали въ чанъ или корыто и наливали туда воду такой высокой температуры, какую только можно было терпѣть безъ ожоговъ. Человѣкъ сейчасъ же чувствовалъ значительное облегченіе и многіе, очень многіе такъ спаслись отъ смерти. Совѣщаніе наше признало полезнымъ и здѣсь рекомендовать такой способъ.

Когда собрался сходъ, мы всѣ туда пошли.

Я обратился къ крестьянамъ съ рѣчью:

— Вотъ я замѣчаю между вами нѣсколькихъ Георгіевскихъ кавалеровъ, которые должно быть видѣли передъ глазами смерть и не боялись ея. Какъ же это вы теперь такъ оплошали, что даже бросаете больныхъ безъ помощи и боитесь хоронить покойниковъ?

— Ахъ, Ваше Превосходительство, боязно, боязно!—загудѣла толпа и у насъ у всѣхъ по тѣлу пошли мурашки, такъ потрясающе вырвался у нея этотъ возгласъ.

Я сталъ людей успокаивать, говоря, что холера болѣзнь вовсе не такая опасная, если принимать надлежащія мѣры предосторожности.

— Посмотрите на меня, вотъ не далѣе какъ вчера я былъ въ Пензѣ, въ городской и земской больницахъ, обходилъ всѣхъ больныхъ, близко наклонялся къ нимъ, чтобы слышать отвѣты слабыхъ—и, слава Богу, здоровъ. Посмотрите, наконецъ, на стражниковъ здѣсь у васъ въ больницѣ: они постоянно у больныхъ, переносятъ ихъ, убираютъ изверженія и однако никто не заболѣлъ. А почему: да только потому, что ихъ научили, какъ нужно беречься и они строго, не небрежничая, исполняютъ эти совѣты.

В. Д. Бибиковъ ежедневно пріѣзжалъ въ село и навѣщалъ больныхъ. Я указалъ и на него.

Объяснивъ затѣмъ, какія предосторожности надо принимать и какъ мы облегчимъ имъ эту заботу, я вызвалъ желающихъ за плату ухаживать за больными, хоронить мертвыхъ, производить дезинфекцію.

Всѣ замялись, никто не выступалъ.

Тогда я разсердился, выбранилъ ихъ строго трусами и сказалъ:

— Что же, вы хотите меня заставить наряжать васъ насильно на эти работы? Я вѣдь не оставлю такъ такого безобразія, что люди бросаются умирать безъ помощи и покойники не хоронятся. Если все такъ оставить, такъ не только всѣ вы перемрете, но разнесете заразу и сосѣдямъ. Выходи же желающіе.

Нѣсколько человѣкъ вышло и мы имъ назначили плату по 2 рубля въ день. За ними пошли другіе и нужда стала вполнѣ удовлетворенной.

Понемногу все успокоилось, болѣзнь пошла на убыль, только привезенный нами студентъ заразился и на другой день умеръ. Онъ, бѣдняга, вѣроятно, заработался и отъ усталости пренебрегъ предосторожностями.

Очень дѣльный человѣкъ былъ чембарскій исправникъ Зоринъ. Выслужился онъ изъ урядниковъ, но отполировался и сталъ по внѣшности совершенно приличнымъ человѣкомъ. Онъ проявилъ много смѣлости и энергіи въ борьбѣ со смутой, которая въ уѣздѣ достигала большого напряженія. У меня не сохранилось въ памяти воспоминаній объ опредѣленныхъ преступленіяхъ, но, помню, что ихъ было много и Зорину пришлось порядочно поработать.

Братъ его былъ при Александровскомъ Помощникомъ Полиціймейстера и погибъ отъ выстрѣла убійцы Губернатора.

Въ Чембарскомъ уѣздѣ находится имѣніе Н. Н. Столыпина, Тарханы, въ которомъ въ особой часовнѣ покоится прахъ Лермонтова. Столыпинъ служилъ за границей въ одномъ изъ нашихъ посольствъ и при мнѣ въ Пензу ни разу не пріѣзжалъ. Я состоялъ съ нимъ въ перепискѣ по поводу нѣкоторыхъ его личныхъ дѣлъ.

Помѣщичій домъ въ Тарханахъ сгорѣлъ, кажется, на второй годъ моего губернаторства, но, сколько помню, причиной тому была неосторожность.

Мнѣ много разъ приходилось выѣзжать въ Чембарскій уѣздъ, но по дѣламъ обычнаго порядка, не имѣвшихъ ничего общаго съ революціей.

Пензенское общество, какъ это всегда бываетъ въ провинціи, разбивалось на нѣсколько кружковъ.

Мѣстные коренные дворяне составляли свой особый кругъ, совершенно обособившійся отъ остального общества. Всѣ члены его переплелись между собою тѣсными родственными связями, такъ что въ Пензѣ говорили, что въ отзывахъ своихъ о людяхъ этого круга слѣдовало быть особенно осторожнымъ, чтобы не попасть въ неловкое положеніе и не высказать чего либо нелестнаго въ глаза какому либо изъ родственниковъ. Большинство изъ нихъ жило въ своихъ имѣніяхъ круглый годъ, но нѣкоторые, особенно въ годы

послѣ революціи, зиму проводили въ городѣ. Со всѣми этими господами мы были знакомы и они бывали у насъ, но сравнительно рѣдко, большей частью въ торжественныхъ случаяхъ.

Кромѣ лицъ, о которыхъ я уже имѣлъ случай выше упомянуть, очень замѣчательными людьми была семья Араповыхъ. Она раздѣлялась на двѣ вѣтви: домъ гофмейстера Александра Александровича Арапова и генерала Ивана Андреевича Арапова. Когда-то предокъ ихъ генералъ Араповъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства и портретъ его въ кирасирской формѣ виситъ въ большой гостиной Дворянскаго Собранія. Это былъ колоссально богатый человѣкъ, имѣвшій громаднѣйшія имѣнія. У него было, кажется, четыре сына и каждому изъ нихъ онъ оставилъ большое состояніе.

Александръ Александровичъ, одинъ изъ его сыновей, былъ уже очень старый человѣкъ, лѣтъ подъ 70, я думаю. Жилъ онъ круглый годъ у себя въ имѣніи, не такъ далеко отъ Пензы, довольно часто пріѣзжалъ въ городъ и бывалъ у меня всегда въ формѣ Министерства Двора при звѣздахъ и орденахъ. Онъ былъ лично извѣстенъ Государю и, кажется, пользовался при Дворѣ милостями. Это былъ очень религіозный человѣкъ и дорожилъ особенно обрядовой стороной религіи. Покойный П. А. Столыпинъ мнѣ разсказывалъ, что когда убили Александровскаго, то А. А. Араповъ послалъ ему телеграмму, предлагая себя въ замѣстители убитаго, безъ содержанія. Старикъ былъ глубочайшій консерваторъ и о революціи говорилъ съ величайшимъ негодованіемъ. Всякій разъ, когда онъ приходилъ ко мнѣ, главной темой нашихъ бесѣдъ были разсказы его о всемъ томъ, что ему пришлось пережить въ годы смуты. Въ окрестностяхъ его имѣнія Проказны было дѣйствительно весьма безпокойно, даже мѣстный батюшка былъ прикосновененъ къ политикѣ и нисколько этого не скрывалъ, а его дѣти были ярыми революціонерами. При мнѣ тамъ уже все пришло въ норму, а за прежнее время экономія Арапова не пострадала благодаря лишь тому, что въ ней былъ расквартированъ отрядъ улановъ. Откланиваясь, старикъ имѣлъ смѣшную привычку подставлять свою щеку для поцѣлуя. Жена Александра Александровича Наталія Николаевна, говорятъ, была очень добрая женщина и пользовалась общимъ уваженіемъ.

Семья у нихъ была большая: 2 сына, изъ которыхъ я зналъ только старшаго Николая Александровича, служившаго сначала въ кавалергардахъ, а во время Японской войны перешедшаго въ казаки и теперь послѣ смерти князя Друцкого, избраннаго въ Мокшанскіе Предводители Дворянства, и 3 дочери. Старшая дочь Екатерина Александровна была замужемъ за Римскимъ-Корсаковымъ и почти всю молодость свою провела въ Парижѣ, гдѣ вела очень широкій образъ жизни. Про нее отецъ говорилъ, что она прожила тамъ милліонное состояніе. Это была очень умная женщина, принужденная обстоятельствами вернуться въ Россію и жить въ имѣніи отца, совершенно почти отказалась отъ свѣтской жизни и изъ деревни почти никогда не выѣзжала. Младшая дочь Марія Александровна вышла замужъ за Селиванова, Пензенскаго предводителя, и своей добротой пошла въ мать. Она вся отдалась дѣтямъ и изъ де-

ревни выѣзжала лишь тогда, когда къ этому обязывало ее положеніе мужа.

Николай Александровичъ Араповъ уже послѣ моего ухода изъ Пензы женился на разведенной женѣ Н. В. Оппель, урожденной Панчулидзевой. Наталію Владиміровну Оппель, прехорошенькую молодую женщину, я часто встрѣчалъ въ Пензѣ и очень любилъ ея общество: она была остроумна, бойка, не лишена ядовитаго сарказма. Ея мать, урожденная Королькова, была замужемъ вторымъ бракомъ за Пензенскимъ врачебнымъ инспекторомъ П. В. Ивановымъ, милѣйшимъ человѣкомъ и хорошимъ докторомъ, у котораго лѣчилась вся Пензенская знать.

Когда я бывалъ боленъ, то тоже обращался къ помощи П. В. Иванова и удивительное умѣніе успокоить больного, участливое вниманіе и заботливость Павла Валентиновича были для меня самыми главными лекарствами. Онъ часто подтрунивалъ, прописывая разныя лекарства, и говоря, что дѣлаетъ это для очистки совѣсти, такъ какъ ему извѣстно, что я ихъ все равно принимать не стану.

Имѣніе Ивана Андреевича Арапова было расположено далеко отъ Пензы, близъ станціи Арапово; бывалъ онъ у насъ очень рѣдко, такъ какъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ служилъ членомъ Совѣта Министра Финансовъ. Зналъ я его очень мало. Третья отрасль Араповыхъ Николаевичей имѣла только женскихъ представителей: M-mes Бибикову, о которой я уже говорилъ, Аненкову и Офросимову.

M-me Аненкову, по первому мужу княгиню Мелекову, я иногда встрѣчалъ, она бывала въ Пензѣ и появлялась въ мѣстномъ обществѣ. Мужъ ея Федоръ Ивановичъ Аненковъ служилъ земскимъ начальникомъ въ Мокшанскомъ уѣздѣ. Онъ былъ крайній консерваторъ и велъ неустанную борьбу съ третьимъ элементомъ губернскаго земства. Противъ него революціонеры были очень вооружены и старались всячески ему вредить, но онъ умѣлъ организовать у себя въ имѣніи, гдѣ пристально занимался хозяйствомъ, такой выдержанный порядокъ, что такія попытки не причиняли существеннаго вреда.

M-me Офросимову, мужъ которой служилъ въ Л.-Гв. Гусарскомъ полку, я видѣлъ только одинъ разъ, когда мы съ Бибиковымъ заѣзжали къ ней, возвращаясь съ холеры, о чемъ я писалъ выше. Мнѣ показалась M-me Офросимова очень интересной женщиной, еще совсѣмъ молодой. У нея была единственная дочь, дѣвочка лѣтъ 10—12, прямо очаровательная.

Наконецъ, четвертая вѣтвь Араповыхъ была представлена въ Пензѣ Варварой Павловной Дятковой. У нея былъ братъ, разбитый параличомъ, который съ семьей жилъ постоянно въ Италіи.

Мы были очень дружны съ Варварой Павловной. Отецъ ея служилъ нашимъ Посланникомъ въ Португаліи, а раньше состоялъ при посольствѣ въ Берлинѣ. Вся молодость Варвары Павловны прошла за границей, гдѣ она была принята при дворахъ Германскомъ и Португальскомъ и хорошо знала всѣхъ коронованныхъ особъ этихъ странъ. Варвара Павловна не была собственно красивой, но въ ней

было столько элегантности, ума, вкуса, что всякій, знавшій эту женщину, находился подъ обаяніемъ ея шарма. Жизнь сложилась для нея довольно неудачно. Первый разъ она была замужемъ за Есауловымъ, служившимъ прежде въ Л.-Гв. Казачьемъ полку, и любила его безумно. Женившись, онъ оставилъ военную службу и былъ выбранъ въ Пензѣ Городищенскимъ предводителемъ. Жили они въ великолѣпномъ имѣніи жены Безсоновкѣ, верстахъ въ 20 отъ Пензы. Жизнь вели очень широкую, такъ что состояніе Варвары Павловны скоро было очень серьезно разстроено. Бракъ этотъ былъ несчастливъ и Есауловы развелись. Варвара Павловна уже не могла вести прежней широкой жизни и до конца жизни это ее очень удручало. Привыкнувъ блистать въ обществѣ, играть въ немъ первую роль, она никакъ не могла примириться съ болѣе скромнымъ положеніемъ, а потому пыталась совсѣмъ уединиться въ деревнѣ, поддерживая лишь отношенія съ своими ближайшими сосѣдями Шаховскими и Устиновыми. Но вдругъ съ ней случилось что-то непонятное: она вторично вышла замужъ за бѣднаго Инсарскаго дворянина С. С. Дяткова, служившаго земскимъ начальникомъ. Это былъ очень порядочный человѣкъ, чрезвычайно скромный, выросшій, вѣроятно, въ обстановкѣ средняго дворянскаго круга, не блиставшій ни особеннымъ умомъ, ни образованіемъ, ни выдающимся характеромъ. На мой взглядъ, Варвара Павловна имъ никогда не была увлечена, такъ что, зачѣмъ она вступила въ этотъ бракъ— никто сказать не могъ. Искать объясненія въ томъ, что онъ выводилъ ее изъ матеріальныхъ затрудненій, было нельзя, такъ какъ у нея все-таки кое-что осталось отъ прежняго состоянія, а вѣдь содержаніе земскаго начальника или члена губернской земской управы, какимъ Дятковъ былъ избранъ послѣ, слишкомъ не велико, чтобы представлять собою хоть какое нибудь значеніе для человѣка съ такими вкусами и привычками, какъ у Варвары Павловны. Говорили, что она сдѣлала это на зло первому мужу, желая показать ему, что прежняя любовь окончательно забыта. Можетъ быть, тѣмъ болѣе, что до послѣдняго своего вздоха она Есаулова любила и не могла говорить о немъ безъ замѣтнаго волненія.

С. С. Дятковъ относился къ женѣ чрезвычайно внимательно, съ большимъ участіемъ. Когда Варвара Павловна заболѣла своей предсмертной мучительною болѣзнью и лежала въ Пензѣ въ лѣчебницѣ Краснаго Креста, Сергѣй Сергѣевичъ, не желая оставлять ее одну, отказался отъ должности предсѣдателя Инсарской земской управы и самъ переѣхалъ въ Пензу, что, конечно, ему было нелегко сдѣлать при его небольшихъ средствахъ.

Мое знакомство съ Дятковымъ, начавшееся еще въ пріѣздъ мой въ Пензу въ 1905 году, складывалось уже съ самаго начала какъ-то неудачно. Мы не шли далѣе поклоновъ. А тутъ еще случилась такая непріятность.

У Дяткова былъ пріемный сынъ, мальчикъ лѣтъ 9, которымъ Варвара Павловна принудила себя заниматься. У него была гувернанткой одна особа, замѣшанная въ революцію и довольно серьезно скомпрометированная. Въ связи съ разбоями, въ кото-

рыхъ участвовалъ братъ этой особы, пришлось у нея произвести внезапный обыскъ. И вотъ какъ-то ночью являются жандармы въ Безсоновку, куда какъ разъ пріѣхала погостить мать Варвары Павловны, стали производить обыскъ въ комнатѣ гувернантки. Весь домъ, конечно, переполошился, разволновался и Варвара Павловна усмотрѣла въ этомъ личное для себя оскорбленіе и неуваженіе къ своей матери, статсъ-дамѣ Великой Княгини.

На утро является ко мнѣ взволнованный Дятковъ и разсказываетъ объ этомъ съ его точки зрѣнія возмутительномъ случаѣ и требуетъ чуть-ли не удовлетворенія. Что я могъ ему сказать? Вѣдь революціонеры тогда проникали въ самыя высокопоставленныя семьи и это не могло, однако, создать имъ какой-то неприкосновенности. Это была, конечно, весьма непріятная обязанность, но исполнить ее всетаки было нужно. Сколько я его ни уговаривалъ, что такой обыскъ былъ прискорбной неизбѣжностью, отъ которой никто не застрахованъ, и что обижаться не приходится—ничто не дѣйствовало и онъ ушелъ отъ меня недовольный, что не встрѣтилъ защиты.

Вскорѣ Варвара Павловна тяжко заболѣла, у нея обнаружился, какъ говорили, ракъ на груди, и явилась необходимость въ операціи, которую произвели въ лѣчебницѣ Краснаго Креста. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она не появлялась въ обществѣ, хотя и поправилась. Какъ-то разъ Н. А. Иванова, жена врачебнаго инспектора, сказала мнѣ, что я смертельно обижаю Варвару Павловну, не бывая у нея и какъ-бы ее совершенно игнорируя. Она привыкла встрѣчать со стороны губернаторовъ особое къ себѣ вниманіе и такой контрастъ для нея, какъ выразилась Наталія Александровна, «цѣлая драма».

Я уже зналъ прошлое М-me Дятковой и, конечно, понялъ, въ чемъ тутъ драма и постарался скорѣе исправить свою невольную вину, что доставило мнѣ не мало удовольствія, такъ какъ Варвара Павловна оказалась интересной женщиной, много видѣвшей, тонко чувствующей, чрезвычайно остроумной и находчивой. Жена моя также очень полюбила Варвару Павловну и всегда пользовалась ея совѣтами и указаніями, такъ что постепенно она стала очень намъ близкимъ человѣкомъ, которому я и вся моя семья на перебой другъ передъ другомъ старались оказать особое вниманіе.

Близость эта дошла до тѣсной дружбы, когда послѣ уже моего ухода изъ Пензы мы провели съ нею два сезона въ Ниццѣ.

Какъ теперь помню первую нашу тамъ случайную встрѣчу. Я привезъ въ Ниццу тяжко больного сына, который не могъ совершенно ходить. Былъ великій постъ. Жена моя и дочь должны были пріѣхать скоро меня смѣнить, такъ какъ мнѣ нужно было по службѣ вернуться въ Россію. Я вообще былъ удрученъ этой болѣзнью, а когда мы пріѣхали за границу въ чужой городъ, гдѣ почти никого не было у меня знакомыхъ, мною овладѣла глубокая тоска. Вотъ въ одну изъ такихъ особенно тяжелыхъ минутъ я поѣхалъ къ обѣднѣ въ старую русскую церковь, новая еще не была готова.

Когда живешь за границей, посѣщеніе русской церкви дѣйствуетъ на душу какъ-то особенно умиляюще: вдругъ очутишься въ своей родной обстановкѣ, слышишь русскую рѣчь, чудное церковное пѣніе. Это страшно захватываетъ и трогаетъ. Надо думать, что такое приподнятое настроеніе присуще рѣшительно всѣмъ русскимъ и оно заражаетъ собою и духовенство, такъ какъ рѣдко гдѣ въ Россіи можно услышать такое благолѣпное служеніе, какъ здѣсь.

Нервы мои были ужасно напряжены, слезы подступали къ глазамъ. Передъ концомъ службы я какъ-то невольно оглянулся назадъ и встрѣтился глазами съ Варварой Павловной. Мы ужасно обрадовались этой встрѣчѣ. Жили мы въ разныхъ отеляхъ, но когда моя жена пріѣхала, то Варвара Павловна переѣхала въ нашъ отель и онѣ почти не разлучались.

Года черезъ два мы опять встрѣтились въ той-же Ниццѣ, но тогда по письмамъ мы знали, что Варвара Павловна пріѣдетъ. и условились жить въ томъ-же Rivoir'ѣ.

Ограничивъ себя во всемъ, Варвара Павловна не могла отказать себѣ въ удовольствіи хоть немного пожить за границей. Это напоминало ей прежнюю красивую жизнь, заставляло забывать хотя-бы не надолго теперешнія ея условія существованія, такъ часто имѣвшія въ себѣ столько для нея непріятныхъ ограниченій. Да и здоровье у нея становилось все слабѣе и слабѣе, пока, наконецъ, въ прошломъ 1914 году, она не умерла въ Пензѣ отъ мучительной болѣзни, рака спинного позвонка.

Чиновничій кругъ былъ самымъ многолюднымъ. Какъ вездѣ, онъ распадается на вѣдомственныя подраздѣленія, однако высшіе представители часто встрѣчались въ разныхъ домахъ и составляли собою какъ-бы одно общество. Вотъ въ этомъ-то обществѣ мы главнымъ образомъ и жили.

Тутъ были очень порядочные и образованные люди. Говорить о нихъ я затрудняюсь, такъ какъ всѣ они еще на службѣ, да и матеріала особенно интереснаго для этого я не нахожу.

Губернаторъ долженъ объединять собою все мѣстное общество: у него должны встрѣчаться круги дворянскій, земскій, чиновничій, представители городского самоуправленія и т. д. Теперь многіе думаютъ, что такая обязанность уже не лежитъ болѣе на губернаторѣ, что это пережитокъ добраго стараго времени, когда на эти должности назначались люди родовитые, съ хорошими личными средствами, имѣвшіе возможность жить открыто. Я совершенно не раздѣляю такого взгляда и напротивъ того думаю, что именно теперь эта сторона губернаторской службы пріобрѣла еще большее жизненное значеніе, чѣмъ прежде. Когда принимаешь часто у себя людей, узнаешь ихъ гораздо ближе, можешь вѣрнѣе оцѣнить способности каждаго.

Это близкое общеніе, особенно если губернаторъ способенъ завоевать себѣ симпатіи и уваженіе, страшно облегчаетъ управленіе губерніей. Возьмите вопросъ земскаго и городского самоуправленія. По закону губернатору тутъ отводится весьма широкая роль. Онъ слѣдитъ не только за закономѣрностью дѣятельности

самоуправленій, но и за ея цѣлесообразностью и соотвѣтствіемъ съ пользами населенія. При чемъ для достиженія такого контроля ему предоставляются закономъ только средства, такъ сказать, характера отрицательнаго: протестовать въ присутствіе по земскимъ и городскимъ дѣламъ, а иногда въ министерство. Эта мѣра носитъ характеръ боевой, т. е. совершена извѣстная неправильность или беззаконіе и вы вступаете съ ними въ борьбу, чтобы притти опять-же къ исходному положенію, а не съ цѣлью создать что-либо новое. А гдѣ такая борьба, тамъ непремѣнно доля страстности, потеря чувства мѣры, соперничество, самолюбіи и въ результатѣ непроизводительная потеря энергіи. Жизнь безъ компромиссовъ невозможна, а потому и управленіе въ рукахъ педанта есть скверное управленіе, страшно обостряющее теченіе жизни и возбуждающее къ себѣ всеобщую ненависть. Въ такихъ случаяхъ совершенно искажается основная цѣль всякаго управленія: вмѣсто благодѣтельнаго регулятора, при которомъ людямъ живется и безопаснѣе и покойнѣе, достигается напротивъ общая взвинченность и страстное желаніе разбить такой регуляторъ, мѣшающій жить.

Если губернаторъ вздумаетъ всякое не согласное съ закономъ и его толкованіемъ, постановленіе самоуправленія опротестовывать, независимо отъ значенія такого несогласія, онъ можетъ привести работу этихъ органовъ къ полной остановкѣ, подобно тому, какъ кассація судебнаго рѣшенія по любому неимѣющему значенія для дѣла кассаціонному поводу ведетъ къ отказу въ правосудіи.

Такимъ образомъ право протеста есть мѣра крайняя, къ которой надо прибѣгать обдуманно и осторожно и злоупотреблять которой для дѣла всегда вредно.

Какое-же другое средство регулировать эти отношенія?

Только личное воздѣйствіе. Если губернаторъ человѣкъ умный, доброжелательный, пользуется общимъ уваженіемъ, для него въ этой сферѣ безбрежныя возможности.

Какъ вездѣ, такъ и въ области отношеній къ самоуправленіямъ извѣстная чуткость и тактъ великое дѣло. Мы, русскіе люди, не блещемъ вообще твердостью характера, а потому ужасно ревниво оберегаемъ себя отъ упрековъ въ податливости къ стороннимъ вліяніямъ. Органы самоуправленія въ этомъ отношеніи особенно щепетильны. Вліяніе администраціи здѣсь всегда трактуется, какъ утрата независимости. Это надо всегда помнить и съ этимъ считаться, хотя такая щепетильность, казалось-бы основательна лишь въ случаѣ вліяній, основанныхъ не на велѣніяхъ разума и житейскаго опыта.

Если губернаторъ замкнется въ своемъ домѣ и не будетъ имѣть широкаго общенія съ обществомъ, онъ осужденъ на полную отъ всего отчужденность. Всѣ непремѣнно будутъ въ сношеніяхъ съ нимъ непроницаемо замкнуты и оффиціальны, а это повлечетъ за собою лишь внѣшнее управленіе событіями, не допуская васъ вліять на ихъ самую сущность.

Такъ называемыя вѣдомственныя тренія тормазятъ ходъ дѣла здѣсь на мѣстахъ нисколько не меньше, чѣмъ въ центральныхъ

учрежденіяхъ. Это вообще вопросъ огромнаго практическаго значенія. Ходячее мнѣніе видитъ въ такомъ явленіи нѣчто специфически русское, якобы отсутствующее въ другихъ государствахъ. Нѣтъ большаго, на мой взглядъ, заблужденія, исходящаго изъ свойственной намъ манеры осуждать все свое, видѣть у себя лишь стороны отрицательныя.

Вѣдомственныя тренія гнѣздятся въ сущности въ самой природѣ раздѣленія функцій управленія. Если человѣкъ стоитъ у опредѣленной отрасли дѣла, отдавая ей весь свой трудъ и вниманіе, онъ тѣмъ самымъ дѣлается одностороннимъ, какъ всякій спеціалистъ, и утрачиваетъ способность охватывать всю совокупность дѣла. Отсюда склонность свое, можетъ быть, маленькое дѣло считать центромъ вселенной и ревниво оберегать его отъ сторонняго, внѣвѣдомственнаго вмѣшательства и регулированія.

Губернаторъ по закону является представителемъ власти Его Императорскаго Величества. Эта краткая формула чрезвычайно содержательна. Она прежде всего указываетъ, что нѣтъ отрасли губернскаго управленія, которая стояла-бы внѣ надзора и вѣдѣнія губернатора. Но такъ какъ законъ не устанавливаетъ точныхъ нормъ, въ которыхъ долженъ выражаться такой надзоръ, близорукая чиновничья практика въ неимѣніи нормъ видитъ отсутствіе самаго права надзора. И что удивительно, такая близорукость не чужда даже центральнымъ учрежденіямъ и самимъ министрамъ. Если губернаторъ напишетъ, положимъ, министру юстиціи о несоотвѣтственной дѣятельности предсѣдателя суда или прокурора, и если такой отзывъ не подкрѣпленъ какими-либо особенно яркими фактами, а основанъ на ежечасно повторяющихся и тѣмъ именно и важныхъ упущеніяхъ, то можно смѣло сказать, что изъ 100 случаевъ въ 99 такое заявленіе не только не принесетъ результатовъ, а создастъ губернатору репутацію человѣка безпокойнаго, сующагося не въ свое дѣло. Если-бы вѣдомство и назначило по такому сообщенію разслѣдованіе, то это разслѣдованіе будетъ вдохновляться не столько желаніемъ выяснить правду, сколько стремленіемъ обѣлить своего чиновника. Кто близко знакомъ съ жизнью, тотъ не найдетъ преувеличеній въ моихъ словахъ.

А разъ это такъ, какъ-же въ дѣйствительности можетъ выразиться объединяющая роль губернатора?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: личнымъ воздѣйствіемъ.

Когда вы принимаете людей у себя дома, всѣ различія въ служебномъ положеніи падаютъ, и между вами устанавливаются отношенія просто знакомыхъ; а если вы умѣете еще скоро преодолѣвать обычную натянутось между мало знающими другъ друга людьми и заставить ихъ чувствовать себя непринужденно, то вашъ домъ становится желаннымъ для всѣхъ, о пребываніи въ которомъ вспоминается съ удовольствіемъ. Такъ возникаютъ постепенно простыя довѣрчивыя отношенія, при которыхъ можно высказываться полнѣе. Каждый изъ вашихъ знакомыхъ непремѣнно сочтетъ себя обязаннымъ, если не считаться во всемъ съ

вашими взглядами и пожеланіями, то по крайней мѣрѣ избѣгать безъ крайней необходимости рѣзкихъ съ ними столкновеній.

Мы принимали въ Пензѣ довольно много. Помимо того, что почти каждый день у насъ кто-нибудь обѣдалъ, или изъ пріѣзжающихъ изъ уѣздовъ, или такихъ лицъ, которыхъ по службѣ приходилось рѣдко видѣть, мы часто дѣлали небольшіе званные обѣды человѣкъ на 18 примѣрно, сколько могла вмѣстить безъ стѣсненія наша небольшая столовая. Приглашенія надо разсылать по нѣкоторому плану. Если вы пригласите сразу всѣхъ наиболѣе видныхъ людей, а потомъ въ слѣдующій разъ менѣе видныхъ, то обидъ не будетъ конца; всякій изъ второй очереди больно почувствуетъ эту разницу. Приходилось поэтому звать общество смѣшанное, разныхъ общественныхъ положеній. Вице-губернаторъ обязательно приглашался всякій разъ.

Мы старались такіе званные обѣды обставлять возможно красивѣе: лучшая сервировка, обиліе живыхъ цвѣтовъ и т. п. Но роскоши не допускали; вина были чаще всего порядочныя удѣльныя, а шампанское подавалось исключительно удѣльное Абрау-Дюрсо, превосходная дешевая марка, замороженное нисколько не уступающее французскимъ.

Въ Пензѣ вообще была распространена мода подавать при всякомъ случаѣ французское шампанское; эта привычка стариннаго барства. Я рѣшилъ бороться съ этой разорительной модой и совершенно открыто объявилъ, что кромѣ Абрау не признаю другихъ марокъ и не буду у себя ихъ допускать.

Поэтому обвертываніе бутылки салфеткой у меня не имѣло цѣлью скрыть этикетку. Скоро Абрау получило право гражданства и, если не совсѣмъ, то въ значительной мѣрѣ вытѣснило заграничное вино.

На такіе обѣды мы звали всѣхъ совершенно запросто, а потому мужчины являлись на нихъ въ сюртукахъ и лишь изрѣдка въ смокингахъ. Какъ говорили, у насъ бывало просто и весело.

Большіе пріемы пріурочивались или къ пріѣздамъ петербургскихъ сановниковъ или къ какимъ-либо выдающимся событіямъ, въ родѣ выборовъ.

Балы мы устраивали два раза. Въ Ольгинъ день, именины моей дочери, у насъ танцовала молодежь, приглашалось человѣкъ 150, такъ что это былъ скорѣе танцовальный вечеръ. А другой разъ мы дали настоящій балъ, на который посылалось 350 приглашеній. Часто устраивать такіе большіе пріемы, конечно, очень трудно, такъ какъ они стоятъ большихъ денегъ.

Губернаторскій балъ вообще событіе въ провинціи. Каждый хочетъ на немъ быть и вотъ забота о томъ, чтобы кого нибудь случайно не забыть и не обидѣть, пожалуй, наиболѣе хлопотливая сторона всего дѣла. Торговцы и портнихи особенно бываютъ рады, такъ какъ дѣла при этомъ очень оживляются.

Въ мое время пензенскимъ городскимъ головою былъ Владиміръ Ипполитовичъ Потуловъ, мѣстный помѣщикъ, котораго я засталъ въ 1905 году въ должности непремѣннаго члена губернскаго присутствія, стариной дворянской фамиліи. Его дѣдъ или

отецъ былъ, кажется, пензенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, самъ Потуловъ въ молодости служилъ въ Преображенскомъ полку, а во время губернаторства князя Святополкъ-Мирскаго перешелъ на должность непремѣннаго члена губернскаго присутствія. Это былъ очень дѣльный и умный человѣкъ, но самолюбивъ до крайности. Всякій городской голова старается сохранить свою независимость передъ губернаторомъ, а когда такую должность занимаетъ интеллигентный человѣкъ съ большимъ самолюбіемъ, положеніе становится особенно деликатнымъ. Первое время у насъ отношенія не то, чтобы не клеились, а установилась какъ-бы нѣкоторая натянутость.

Но потомъ, когда пришлось выполнить очень большую и отвѣтственную работу по постройкѣ казармъ для войскъ по новой дислокаціи и когда намъ пришлось чаще сталкиваться, эта натянутость прошла и замѣнилась вполнѣ порядочными отношеніями. Командующій войсками часто нападалъ на Потулова совершенно неосновательно и я его всегда горячо защищалъ, такъ какъ видѣлъ, что онъ дѣлалъ рѣшительно все, чтобы наилучшимъ образомъ разрѣшить задачу расквартированія.

Какихъ-либо столкновеній на почвѣ рѣшеній городской думы у насъ не было ни разу.

Потуловъ былъ человѣкъ небольшого роста, въ синихъ очкахъ, съ лицомъ, покрытымъ синеватыми пятнышками. Ему пришлось сдѣлаться жертвой несчастія: онъ проходилъ какъ-то по полотну желѣзной дороги мимо паровоза и вдругъ этотъ паровозъ взорвало, его обварило и испортило лицо. Такъ этотъ знакъ и остался у него на всю жизнь.

Генералъ Сандецкій всегда считалъ Потулова кадетомъ и полагалъ, что именно изъ-за своихъ политическихъ взглядовъ онъ, будто-бы, тормазитъ дѣло надлежащаго расквартированія войскъ. Это совершенно невѣрно: во-первыхъ городской голова къ этому вопросу относился очень внимательно и нисколько его не тормазилъ, а во-вторыхъ онъ вовсе не былъ кадетомъ.

По своимъ воззрѣніямъ, Владиміръ Ипполитовичъ примыкалъ скорѣе къ умѣренно-либеральному лагерю, былъ по нынѣшней терминологіи въ родѣ октябриста. Но, у насъ, въ Россіи, такъ ужъ всегда бываетъ: когда человѣкъ работаетъ на нивѣ земскаго или городского самоуправленія, его либерализмъ всегда становится ярче выраженнымъ и, пожалуй, иногда излишне подчеркивается. Отчасти это дѣлается, вѣроятно, для большей солидарности съ руководящимъ прогрессивнымъ кружкомъ гласныхъ, отчасти-же, какъ я уже упоминалъ, такимъ способомъ люди мнятъ лучше оградить свою независимость отъ администраціи. Можетъ быть, и Владиміръ Ипполитовичъ былъ не чуждъ такой утрировки, но, какъ очень умный и чуткій человѣкъ, онъ умѣлъ не переходить извѣстной грани, за которой такая утрировка становится смѣшной.

Потуловъ много работалъ для улучшенія городского хозяйства, но въ городской думѣ его мало цѣнили и многіе не любили. Я вижу тутъ разгадку лишь въ особенностяхъ характера головы: онъ былъ

очень властенъ и въ сношеніяхъ съ людьми рѣзокъ, а такія вещи обыкновенно не нравятся.

Обладая очень независимымъ состояніемъ, онъ въ службѣ не нуждался и потому никогда не унижался до того, чтобы подыгрываться къ гласнымъ ради вторичнаго избранія.

Я удивляюсь, почему онъ не былъ избранъ въ члены Государственной Думы, у него были всѣ данныя, чтобы съ пользою для Россіи занимать такой постъ. Вѣроятно, и тутъ онъ не хотѣлъ пускаться въ интригу и обезпечить себѣ избраніе.

Тюремное дѣло въ Пензѣ было поставлено вначалѣ очень плохо. Зданіе тюрьмы, помѣщавшееся за городомъ, близъ виннаго склада, было очень старое, насквозь прогнившее, лишенное всякихъ новѣйшихъ приспособленій для облегченія надзора. Тюремной Инспекціи не было, стража малочисленна и нищенски оплачивалась; младшій надзиратель, напримѣръ, получалъ жалованья 12 р. 50 к. При этомъ тюрьма была до того переполнена, что пришлось въ городѣ нанять частное помѣщеніе человѣкъ на 100 арестантовъ, несмотря на то, что такія помѣщенія крайне неудовлетворительны, какъ въ смыслѣ удобства размѣщенія, такъ и безопасности отъ побѣговъ. Въ этихъ видахъ наемное помѣщеніе заполнялось преимущественно срочными арестантами, отбывающими наказанія за маловажныя преступленія.

Политическихъ арестантовъ было много и всѣ они содержались въ главномъ зданіи.

Несмотря на то, что начальникъ тюрьмы Новгородцевъ поблажки арестантамъ не давалъ и установилъ тамъ законный строгій режимъ, сношенія политическихъ арестантовъ съ внѣшнимъ міромъ никогда не прекращались и въ тюрьму проносились разные воспрещенные предметы до оружія и взрывчатыхъ матеріаловъ включительно. Дѣлалось это, конечно, при участіи тюремнаго надзора, и лично проносившаго недозволенные предметы при смѣнахъ и закрывавшаго глаза при свиданіяхъ арестантовъ съ посѣтителями извнѣ. Сколько ни боролся начальникъ тюрьмы съ продажностью стражи, сколько онъ ни мѣнялъ надзирателей, все оказывалось безплоднымъ. И это совершенно естественно. На 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ человѣкъ семейный существовать не могъ, значитъ, надо было прирабатывать незаконными способами или бросать службу и искать лучше оплаченнаго дѣла. Классные чины были поставлены также крайне неудовлетворительно и порядочные люди сюда очень неохотно шли. Когда человѣка выгоняютъ отовсюду и ему дѣваться уже некуда, онъ поступаетъ въ тюрьму и, конечно, не исправляется. Надо только изумляться, что среди классныхъ чиновъ почти не было продажности. Они пьянствовали, небрежничали, можетъ быть, не совсѣмъ честно вели хозяйство тюрьмы, но измѣнниками не были. Это тѣмъ болѣе изумительно, что положеніе начальниковъ тюремъ и ихъ помощниковъ въ эти дни ни передъ чѣмъ не останавливающагося террора было крайне опасно. Если не погибнешь отъ руки арестанта, то тебя убьетъ кто либо изъ единомышленниковъ ихъ, находящихся на свободѣ. И случаевъ такихъ убійствъ и покушеній на нихъ было почти столько же, какъ и въ отношеніи чиновъ полиціи, если принять въ расчетъ сравнительную малочисленность тюрем-

ной стражи. Просто диву даешься, какъ дешево цѣнится у насъ человѣческая жизнь. Человѣкъ получаетъ какіе-то гроши, на которые существовать можно только въ проголодь, и идетъ въ пекло, гдѣ нѣтъ для него завтрашняго дня!

Изобрѣтательность арестантовъ для полученія и скрыванія отъ тюремнаго начальства всякихъ неразрѣшенныхъ предметовъ изощрилась до такой виртуозности, до которой только можетъ дойти человѣческая мысль, неустанно направленная на одинъ и тотъ же предметъ. Начальству за такой изобрѣтательностью прямо физически невозможно угнаться и какъ бы ни былъ бдителенъ надзоръ, сюрпризы ему подносились прямо невѣроятные.. Существовало одно лишь средство быть хорошо освѣдомленнымъ — это имѣть своихъ агентовъ среди арестантовъ. Но къ предателямъ изъ своей среды арестанты относятся съ никогда не устающей ненавистью; изобличенный предатель рѣдко, очень рѣдко, выживаетъ, хотя бы со дня такого изобличенія прошло много времени и совершенно перемѣнился составъ заключенныхъ; все равно—молва о предательствѣ передается точно самими тюремными стѣнами и слѣдомъ за нимъ идетъ повсюду. Нужно стеченіе какихъ либо особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы начальство могло заручиться услугами арестанта-соглядатая, такъ опасно это ремесло.

Вотъ, однажды такой соглядатай сообщилъ начальнику Пензенской тюрьмы, что въ такой-то камерѣ политическихъ арестантовъ имѣется револьверъ и большой запасъ патроновъ. Сейчасъ же былъ произведенъ обыскъ, подняты полы, перерыты всѣ вещи, ничего нѣтъ. Когда стали смотрѣть въ печкѣ, надзиратель обратилъ вниманіе, что въ подѣ печки одинъ изъ кирпичей нѣсколько отличается отъ другихъ, пазы его не такъ тщательно были смазаны. Взялись за этотъ кирпичъ, онъ свободно вынимался и прикрывалъ собою выдолбленную камеру, гдѣ лежалъ браунингъ. Но патроновъ не было и нигдѣ ихъ не находили. Стали снова перебирать всѣ вещи арестантовъ. Политическимъ, носящимъ свое платье, разрѣшается держать при себѣ чемоданы или корзины для бѣлья и другихъ вещей. И вотъ въ одной такой корзинѣ надзиратель при обыскѣ какъ-то случайно задѣлъ за одинъ изъ столбчиковъ, вокругъ которыхъ обвита лоза и замѣтилъ, что онъ двигается. Потянувъ, онъ его вытащилъ прочь и оказалось, что столбчикъ состоитъ изъ двухъ выдолбленныхъ внутри половинокъ и въ нихъ стеариномъ залиты патроны. Такъ хранился весьма порядочный запасъ, совершенно достаточный, чтобы перебить всю стражу. Въ обоихъ случаяхъ, какъ видите, запрещенное было найдено совершенно случайно, а сколько уже разъ обыскивали эту корзину и ничего до сихъ поръ не замѣчали.

Другой случай въ той же тюрьмѣ еще болѣе поразителенъ. Я прошу извиненія, что принужденъ говорить объ этомъ. Какъ извѣстно, для естественныхъ надобностей арестантовъ въ каждой камерѣ ставится кадка-параша. Когда производится тщательный обыскъ, тогда каждый предметъ, каждая щелка осматривается. И вотъ начальникъ тюрьмы, тотъ же Новгородцевъ, производя лично обыскъ, съ цѣлью найти имѣвшіяся по донесенію агентуры у аре-

стантовъ взрывчатыя вещества, заглянулъ въ парашу и ему бросились въ глаза твердыя человѣческія изверженія какого-то страннаго вида. Покончивъ безрезультатно обыскъ, онъ приказалъ отнести въ контору парашу, гдѣ послѣ осмотра оказалось, что твердыя изверженія были сдѣланы изъ мякиша чернаго хлѣба, а внутри ихъ находились небольшіе стеклянные цилиндрики съ различными веществами для выдѣлки взрывчатыхъ веществъ. Ну, скажите, кому придетъ въ голову что либо подобное?

Сколько было сдѣлано попытокъ къ побѣгу въ Пензенской тюрьмѣ—я не смогу пересчитать. Всѣ эти попытки были основаны на своеобразномъ устройствѣ этой тюрьмы. Между верхнимъ поломъ и накатникомъ оставался промежутокъ болѣе, чѣмъ въ ½ аршина высоты. Стоило туда забраться и можно было проникнуть до внѣшнихъ стѣнъ тюрьмы, выходящихъ на пустырь. Разобрать полуразваливающуюся стѣну не стоило ни малѣйшаго труда. Когда нѣсколько такихъ попытокъ было обнаружено и побѣги, благодаря бдительности Новгородцева, предупреждены, я долженъ былъ испросить у Главнаго Тюремнаго Управленія особый, довольно большой кредитъ, чтобы заполнить этотъ промежутокъ асфальтомъ. Очень долго производилась эта работа, такъ какъ въ силу переполненія тюрьмы можно было освобождать для производства работы не болѣе одной камеры сразу.

Когда полъ сталъ недосягаемъ для попытокъ къ побѣгу, тогда мысль арестантовъ устремилась къ чердаку подъ крышей. Проламывая печные дымоходы, они проникали на чердакъ, а оттуда уже было не такъ трудно найти выходъ. Было сдѣлано 3 или 4 такія попытки. Новгородцевъ тогда принялъ за правило при смѣнахъ надзирателей ежедневно подробно осматривать всѣ камеры.

Новгородцевъ исполнялъ свои обязанности съ выдающимся усердіемъ и мужествомъ. Революціонеры его ненавидѣли всѣми силами души, неоднократно пытались его заманить въ засаду и убить, но онъ былъ слишкомъ на сторожѣ и на эту удочку не попадался. Тогда былъ выработанъ такой планъ: у него былъ единственный сынъ, мальчикъ лѣтъ 6, котораго Новгородцевъ прямо обожалъ. Вотъ и было рѣшено этого ребенка похитить и угрозой его убить заставить Новгородцева бросить службу. Къ счастью, что этотъ планъ былъ своевременно обнаруженъ жандармами и приняты были мѣры къ его предупрежденію.

У него было правило, какъ можно чаще дѣлать внезапные обыски въ самые разнообразные часы, обыкновенно глубокой ночью. Онъ никому не говорилъ о своемъ намѣреніи, а внезапно являлся въ тюрьму и съ дежурной смѣной стражи производилъ обыски.

Несмотря на такія предосторожности, сношенія съ внѣшнимъ міромъ продолжались.

Въ началѣ 1908 года въ тюрьмѣ сидѣло много важныхъ преступниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже были осуждены къ смертной казни, другихъ эта кара ожидала. Между ними сидѣлъ и знаменитый Великопольскій, активный террористъ и, вѣроятно, главнѣйшій организаторъ террора въ Пензенской губерніи. Конечно, было бы наиболѣе безопасно держать такихъ важныхъ преступни-

ковъ въ одиночномъ заключеніи. Но одиночныхъ камеръ было мало и всѣ они были заняты. А потому ихъ пришлось размѣстить въ 2 или 3 сосѣднихъ небольшихъ камерахъ.

30 марта Новгородцевъ произвелъ внезапный обыскъ и въ одной изъ занятыхъ этими преступниками камеръ нашелъ подъ тюфякомъ самодѣльную бомбу изъ жестяной коробки.

Я въ это время былъ въ Петербургѣ.

Перваго апрѣля, когда по зову арестантовъ, стоящій въ коридорѣ надзиратель отперъ дверь, чтобы выпустить человѣка въ уборную, на него вдругъ набросились, повалили, обезоружили и убили. Второй надзиратель въ этомъ же коридорѣ былъ также убитъ. Пользуясь отсутствіемъ надзора арестанты выбѣжали въ коридоръ, открыли камеры другимъ преступникамъ и всѣ бросились черезъ проломъ въ потолкѣ на чердакъ, оттуда спустились на крышу сарая, примыкающаго къ внѣшней стѣнѣ. Близъ этого сарая стоялъ на часахъ стражникъ, въ него бросили бомбу, которая такъ счастливо разорвалась, что стражникъ остался невредимъ. Въ часового у стѣны внѣ тюрьмы также бросили вторую бомбу и тоже счастливо, не задѣвъ солдата. Пользуясь переполохомъ, арестанты стали спускаться на землю и устремились бѣжать прямо за запасные пути проходившей у тюрьмы желѣзной дороги, пытаясь скрыться среди вереницъ стоявшихъ тамъ вагоновъ. Уцѣлѣвшіе стражникъ и часовой стали стрѣлять, двухъ убили, нѣсколько человѣкъ заставили вернуться въ тюрьму, а 9 арестантовъ успѣли бѣжать. За ними по пятамъ погнались не стоящіе на часахъ стражники и эта погоня продолжалась очень долго, при чемъ 7 человѣкъ при преслѣдованіи были убиты, такъ что удалось бѣжать только двоимъ: Великопольскому и крестьянину Чембарскаго уѣзда Конышеву, пойманному на ограбленіи съ убійствомъ.

Изъ вернувшихся въ тюрьму двое оказались ранеными.

Въ помощь стражѣ вызвали для облавы войска, но всѣ поиски были напрасны. Очевидно, преступники заранѣе подготовили себѣ надежное убѣжище.

Обо всемъ случившемся вице-губернаторъ телеграфировалъ Министру и мнѣ.

Пріемъ у Столыпина былъ мнѣ назначенъ на другой день 2 апрѣля.

Едва я вошелъ въ кабинетъ, какъ Петръ Аркадьевичъ обратился ко мнѣ суровымъ тономъ;

— Вы знаете, что у васъ случилось вчера въ Пензѣ? Вы тамъ держите начальникомъ тюрьмы человѣка, котораго надо повѣсить. У него проникаютъ въ тюрьму оружіе, бомбы, устраиваются проломы тюрьмы, куда же еще далѣе идти?

Я спокойно выслушалъ эти слова и когда мнѣ была дана возможность говорить, подробно разсказалъ Петру Аркадьевичу все о порядкахъ Пензенской тюрьмы и о дѣятельности Новгородцева.

Столыпинъ выслушалъ внимательно, раздраженіе у него прошло и, отпуская меня, сказалъ:

— Поѣзжайте къ начальнику Главнаго Тюремнаго Управленія

Курлову и разскажите ему все также подробно, какъ мнѣ. Новгородцевъ вашъ, повидимому, не виноватъ.

П. Г. Курловъ, выслушавъ меня, сказалъ, что уже сдѣлано распоряженіе о командированіи въ Пензу особаго лица, которому поручено произвести по дѣлу подробное разслѣдованіе.

Какъ и слѣдовало ожидать, разслѣдованіе установило невиновность Новгородцева во всѣхъ тѣхъ безпорядкахъ, которые имѣли мѣсто въ тюрьмѣ, и истинная причина ихъ совершенно вѣрно была указана: неприспособленность зданія, малочисленность стражи и классного персонала и нищенское вознагражденіе. Новгородцевъ за свою дѣйствительно усердную службу получилъ даже выдающуяся награду. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ просить меня перевести его на службу въ полицію, слишкомъ ужъ у него изстрадались нервы. Какъ мнѣ ни жаль было лишиться такого надежнаго начальника тюрьмы, но я счелъ долгомъ справедливости уважить эту просьбу и вскорѣ назначилъ его помощникомъ Исправника.

Разслѣдованіе Главнаго Тюремнаго Управленія имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія для постановки всего тюремнаго дѣла въ губерніи. Прежде всего у насъ учредили тюремную инспекцію и инспекторомъ назначили Г. П. Сниткина, бывшаго до того Ковенскимъ инспекторомъ.

Г. Сниткинъ, несмотря на всю кажущуюся свою скромность, оказался человѣкомъ очень знающимъ и съ огромной настойчивостью и инициативой. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ совершенно реформировалъ тюрьму: были устроены прекрасные люфтъ-клозеты, совершенно уничтожившие дурной воздухъ, повсюду царствовала изумительная чистота, въ камерахъ устроены откидныя койки, такъ что всякіе подкопы стали невозможными уже потому, что вся площадь пола стала доступной для обозрѣнія изъ дверного очка, коридоры раздѣлились на части массивными металлическими перегородками, повсюду поставлены кипятильники съ горячей водой, увеличена втрое тюремная стража, содержаніе младшихъ надзирателей поднято до 18 руб. въ мѣсяцъ. Онъ убѣдилъ Главное Управленіе въ необходимости построить новое зданіе тюрьмы, которое и было закончено въ 1910 году. Самый режимъ сталъ еще болѣе урегулированнымъ. Днемъ и ночью Сниткинъ посѣщалъ тюрьму и довелъ тамъ службу до точности часового механизма.

Когда я пріѣхалъ въ тюрьму послѣ перерыва въ нѣсколько мѣсяцевъ, я не повѣрилъ своимъ глазамъ: такъ велика была перемѣна.

Остальныя тюрьмы губерніи тоже много улучшились, хотя и не въ такой степени. Но онѣ и имѣли сравнительно второстепенное значеніе.

Карточки бѣжавшихъ Великопольскаго и Конышева были повсюду разосланы и за поимку ихъ я назначилъ денежное вознагражденіе, о чемъ было объявлено въ газетахъ. И общая полиція, и жандармская напрягали всѣ силы, чтобы ихъ изловить. Получались постоянныя указанія о пребываніи обоихъ то въ одномъ, то въ другомъ концѣ губерніи. Въ указаніяхъ этихъ было цѣнно то, что пре-

ступники не оставили предѣловъ губерніи, а слѣдовательно, и не терялась надежда когда либо ихъ захватить.

Мѣсяца черезъ два послѣ бѣгства они объявились въ с. Владыкино, Чембарскаго уѣзда. Кажется, я не путаю названія; въ этомъ селѣ сейчасъ же за церковью находилась усадьба моей знакомой С. А. Владыкиной, у которой мнѣ приходилось какъ-то ночевать.

Конышевъ былъ крестьянинъ этого села и его родители тутъ проживали.

Однажды ночью Великопольскій и Конышевъ явились въ домъ къ родителямъ послѣдняго и поужинавъ, отправились спать на потолокъ сѣней между избой и скотнымъ дворомъ. Отецъ Конышева, зная, что сына разыскиваютъ, изъ опасенія ли отвѣтственности, а, можетъ быть, прельстившись обѣщанной денежной наградой за выдачу, послѣ продолжительныхъ колебаній явился тайкомъ къ уряднику и объявилъ, какіе гости у него въ домѣ. Дѣло было уже на разсвѣтѣ. Я допускаю, что вопросъ о вознагражденіи могъ играть тутъ свою роль, такъ какъ Конышевъ-сынъ былъ величайшій хулиганъ, отъ котораго много терпѣли его домашніе и, конечно, были бы рады отъ него избавиться, такъ что едва ли могло явиться хоть на минуту чувство къ нему жалости. Урядникъ, видимо обрадовавшійся возможности отличиться задержаніемъ такихъ важныхъ преступниковъ, въ чемъ былъ, побѣжалъ къ дому Конышевыхъ, стоящему на крайней улицѣ селенія, не захвативъ ни шашки, ни револьвера. Отъ дома урядника до Конышевыхъ было довольно далеко, а потому онъ успѣлъ позвать за собою цѣлую кучу народа, какъ мнѣ потомъ показали при моемъ дознаніи, чуть ли не 100 человѣкъ. Урядникъ вошелъ въ домъ, а народъ столпился кучей у крыльца.

Войдя въ сѣни, урядникъ сталъ противъ потолка, устроеннаго лишь надъ частью сѣней, и сказалъ:

— Ну, Конышевъ, выходи, братъ, съ своимъ товарищемъ и сдавайтесь, теперь вамъ ужъ не уйти, видишь, сколько народу собралось.

Какъ-бы убѣжденный этими словами, Конышевъ соскочилъ съ потолка и направился къ довѣрчиво стоящему уряднику яко-бы сдаваться. Подойдя къ нему близко и видя, что тотъ не вооруженъ, Конышевъ, какъ тигръ, бросился на урядника и облапилъ его такъ крѣпко, что тотъ не могъ двинуть ни рукой, ни ногой. Въ это время Великопольскій тоже соскочилъ съ потолка съ револьверомъ въ рукѣ, подскочилъ къ уряднику, приставилъ револьверъ къ виску и убилъ его наповалъ. Черезъ открытыя двери сѣней народъ видѣлъ всю эту сцену и подъ вліяніемъ такой неожиданной расправы стоялъ неподвижно, выпуча глаза. Захвативъ свои котомки, оба съ револьверами въ рукахъ, они выскочили на крыльцо и закричали:

— Сторонись, кому жизнь мила. Кто пошелохнется, получитъ пулю въ лобъ!

Съ поднятыми револьверами увѣренно они двинулись въ толпу, которая покорно передъ ними разступилась, не спѣша вышли

за деревню и пройдя саженей 200 у мостика подъ горой, присѣли и переобулись. а затѣмъ сошли съ дороги и скрылись въ кусты.

Вотъ что значитъ дерзкая смѣлость! Толпа въ 100 человѣкъ приросла къ мѣсту, пальцемъ никто не шевельнулъ.

Мнѣ прислали телеграмму и я сейчасъ-же выѣхалъ въ село Владыкино.

Волостной старшина, хотя и не былъ въ толпѣ съ урядникомъ, но, разумѣется, услышалъ отъ людей о присутствіи въ деревнѣ Конышева съ товарищемъ, вѣдь такія вѣсти разносятся съ быстротою молніи, не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ поимкѣ и хотя послалъ народъ, якобы имъ въ догонку, но сдѣлалъ это чуть ли не черезъ часъ, когда и слѣдъ преступниковъ простылъ.

Поиски полицейской стражи тоже не дали никакихъ результатовъ.

Впечатлѣніе отъ этого дерзкаго преступленія было колоссальное. Бѣдная Софья Александровна Владыкина боялась ѣхать къ себѣ въ имѣніе. Я чувствовалъ себя ужасно. Что-же я за губернаторъ, что не могу справиться съ такими наглыми преступниками, которые среди бѣлаго дня на глазахъ толпы убиваютъ людей и даже не торопятся скрываться, а, какъ-бы издѣваясь надъ безсиліемъ передъ ними власти, демонстративно усаживаются переобуваться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сотни свидѣтелей ихъ преступленія.

Съ этой минуты забота о поимкѣ этихъ негодяевъ не оставляетъ меня ни на секунду. Я могъ, разумѣется, только насѣдать на чиновъ полиціи, всячески тормошить ихъ, другихъ способовъ у меня не было. Но этотъ способъ, если пользоваться имъ неустанно, систематически, увѣряю васъ, не такъ плохъ и даетъ весьма существенные результаты.

Недѣли двѣ спустя послѣ этого убійства, Великопольскій съ Конышевымъ были опознаны въ вагонѣ жандармами, какъ разъ въ ту минуту, когда поѣздъ направился къ станціи Рамзай. Сейчасъ-же была подана телеграмма на эту станцію и жандармскій унтеръ-офицеръ при помощи станціонныхъ рабочихъ приготовился ихъ арестовать. Едва поѣздъ сталъ подходить къ Рамзаю, но еще не остановился, преступники выпрыгнули на полотно и направились къ кустамъ, лежащимъ вправо отъ дороги. Къ счастію, съ этимъ-же поѣздовъ возвращались въ Пензу конвойные солдаты при офицерѣ. Жандармъ доложилъ офицеру и просилъ помощи. Сейчасъ-же солдаты, схвативъ ружья, устремились въ догонку за преступниками, которыхъ уже не было видно. Послышались въ нѣсколькихъ мѣстахъ выстрѣлы. Когда солдаты вернулись, то принесли съ собой трупъ одного изъ преступниковъ, ими подстрѣленнаго, и брошенныя обоими котомки съ вещами. Второй-же безслѣдно пропалъ, точно сквозь землю провалился. Всѣ повторные поиски ни къ чему не привели.

У жандарма не было при себѣ карточекъ преступниковъ, а потому и неизвѣстно было, кто-же изъ нихъ убитъ. Получивъ телеграмму, что тѣло отправляется въ Пензу, я съ начальникомъ губерніи жандармскаго управленія, захватившему карточки, поѣхали

на вокзалъ. Тѣло принесли въ пріемный покой и сколько я въ него ни всматривался, не находилъ ни малѣйшаго сходства ни съ Конышевымъ, ни съ Великопольскимъ. Начальникъ жандармскаго отдѣленія приподнялъ голову трупа и посовѣтовалъ посмотрѣть на нее въ профиль. Только тогда я призналъ въ немъ Великопольскаго. Онъ прежде носилъ бороду и усы, а теперь ихъ совершенно сбрилъ и лицо стало прямо неузнаваемо.

Конышевъ исчезъ. Говорили, что онъ скитался долго за границей, куда его скрыли революціонеры, а потомъ появился въ Баку, былъ выслѣженъ, арестованъ и препровожденъ въ Пензу. Это случилось года черезъ два передъ самымъ оставленіемъ мною Пензы. Судъ приговорилъ его къ смертной казни и приговоръ былъ исполненъ.

Въ связи съ этой облавой на Великопольскаго и Конышева, кончившейся смертью перваго, въ моей памяти воскресаетъ одно событіе пензенской жизни совершенно другого порядка, случившееся около этого-же времени и стоившее мнѣ много волненій и хлопотъ.

Я уже говорилъ, что для охраны былъ присланъ въ Пензу Ново-Архангельскій уланскій полкъ, стоявшій постоянно по тогдашней дислокаціи на нашей западной границѣ во Влацлавскѣ.

Этотъ великолѣпный полкъ служилъ главнѣйшею опорою порядка и на всѣ безпорядки я выѣзжалъ съ отрядомъ отъ этого полка. Въ Пензѣ помѣщались лишь 4 эскадрона и штабъ полка, 2 же эскадрона стояли въ Симбирскѣ.

Командиры этихъ эскадроновъ часто пріѣзжали въ Пензу по разнымъ хозяйственнымъ дѣламъ и бывали у меня. Вотъ какъ-то пріѣхалъ сюда командиръ эскадрона ротмистръ Фемениди и вечеромъ зашелъ къ намъ въ ложу въ театрѣ поболтать. Это былъ высокій, очень упитанный человѣкъ, не старый, съ прекраснымъ здоровымъ цвѣтомъ лица. Онъ былъ очень оживленъ и изъ театра поѣхалъ съ нѣкоторыми офицерами ужинать въ ресторанъ той-же татарской гостиницы, гдѣ онъ остановился. За ужиномъ Фемениди условился съ однимъ товарищемъ, что тотъ заѣдетъ за нимъ въ 9 ч. утра на другой день, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ штабъ полка. Дѣйствительно офицеръ пріѣхалъ къ назначенному времени, но номеръ Фемениди оказался запертымъ и на стукъ никто не отозвался. Рѣшивъ, что, вѣроятно, какое нибудь спѣшное дѣло заставило Фемениди уѣхать ранѣе, офицеръ отправился въ штабъ. Однако Фемениди туда не пріѣзжалъ и не показывался тамъ до 1 часу дня, когда кончаются занятія. Это показалось всѣмъ очень страннымъ, такъ какъ Фемениди долженъ былъ, уладивъ дѣла, вернуться въ Симбирскъ въ этотъ-же вечеръ.

Командиръ полка и тотъ-же офицеръ поѣхали въ гостиницу, но номеръ опять оказался запертымъ и прислуга заявила, что она ротмистра сегодня не видѣла. Когда посмотрѣли внимательно въ замочную скважину, оказалось, комната заперта извнутри и ключъ находился въ ней. Очевидно, что-то случилось. Послали за полиціей, взломали дверь и нашли Фемениди на полу у кровати мерт-

вымъ. Признаковъ насильственной смерти не оказалось и всѣ рѣшили, что онъ внезапно умеръ отъ разрыва сердца.

Извѣстили сейчасъ-же родственниковъ, которые на третій день пріѣхали и въ тотъ-же день должно было состояться отпѣваніе въ нижней церкви собора.

Я пріѣхалъ въ соборъ къ назначенному времени. Около гроба все происходила какая-то суета, переговоры, а отпѣванія не начинають. Я нѣсколько этому удивился, но объяснялъ себѣ задержку какими-либо обычными причинами. Вдругъ отъ гроба подходитъ ко мнѣ одинъ изъ родственниковъ и говоритъ:

— Ваше превосходительство, будьте добры подойти къ тѣлу и посмотрите на него.

Я съ удивленіемъ подошелъ и сталъ всматриваться.—Въ гробу лежалъ живой Фемениди, съ румянцемъ во всю щеку, выраженіе лица—сладко спящаго человѣка. Я былъ пораженъ. Оказывается суета около гроба и вызвана была этимъ необыкновеннымъ видомъ, поразившимъ, какъ родственниковъ, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ.

Находившійся въ церкви врачебный инспекторъ П. В. Ивановъ, отвѣчая на мой вопрошающій взглядъ, подошелъ къ намъ и сталъ увѣрять, что по его изслѣдованію Фемениди безусловно мертвъ и что такой цвѣтущій видъ тѣла очень часто бываетъ у умершихъ внезапной смертью, у отравившихся ціанистымъ каліемъ или угарнымъ газомъ.

Конечно, мы не знали причины смерти ротмистра, но судя по его вчерашнему поведенію о самоубійствѣ какъ будто-бы и говорить нельзя было.

Видя, что мы всетаки колеблемся, докторъ предложилъ вскрыть на рукѣ кровеносный сосудъ и убѣдиться, что кровь уже свернулось.

Мы согласились сдѣлать это испытаніе. Сейчасъ-же объявили, что отпѣваніе откладывается, удалили публику изъ собора и П. В. Ивановъ, не теряя времени на посылку за инструментами, взялъ перочинный ножъ и открылъ жилу. Кровь не хлынула фонтаномъ, а немного лишь выступила, и была такого яркаго алаго цвѣта, какъ у живого человѣка. Самъ докторъ какъ будто-бы на минуту смутился, но сейчасъ-же сталъ настаивать на очевидности смерти.

Всѣмъ намъ профанамъ казалось иначе. Конечно, кровь не бьетъ; но какъ она можетъ съ силой вырываться наружу, когда эта сила—движеніе сердца—не работаетъ совсѣмъ или почти совсѣмъ. Наши сомнѣнія этимъ опытомъ еще болѣе увеличились. А потому я рѣшилъ ни подъ какимъ видомъ не допускать погребенія, пока признаки разложенія тѣла не станутъ очевидны. Это нужно было сдѣлать хотя-бы для того, чтобы убить всякія розсказни по этому поводу. Всѣ колебанія и шушуканія у гроба, отсрочка погребенія—все это уже стало общимъ достояніемъ, будетъ на всѣ лады передаваться, а людская фантазія разведетъ тутъ такіе узоры, съ которыми шутки плохи. А во вторыхъ, если есть хоть тѣнь сомнѣнія въ смерти, развѣ можно допустить хоронить человѣка, вѣдь это было бы величайшимъ преступленіемъ, которому нѣтъ оправданій.

Отъ излишней предосторожности, если она окажется излишней, возникали неудобства только для родственниковъ, которымъ приходилось нѣсколько дней сидѣть въ Пензѣ. Но они всей душой присоединились къ моему намѣренію.

На другой день освободительная газета меня продернула въ томъ смыслѣ, что губернаторская самоувѣренность не желаетъ молъ считаться съ данными науки и ставитъ себя выше такихъ «предразсудковъ». Но это меня мало задѣло, такъ какъ было совершенно очевидно, что разрѣши я похороны, газета обрушиласьбы на меня за легкомысліе, за пренебреженіе къ человѣческой жизни.

Было рѣшено перевезти тѣло въ военный госпиталь. Рядомъ съ мертвецкой имѣлась отапливаемая комната; я приказалъ ее жарко истопить и поставить тамъ кровать. Привезенное тѣло было раздѣто и уложено на кровати. При этомъ оно не казалось закостенѣлымъ, а члены свободно сгибались. На тѣлѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ разложенія, точно также полное отсутствіе трупнаго запаха.

Я несказанно былъ доволенъ, что рѣшился на эту мѣру, хотя и вопреки заключенія врачей.

Тѣло, конечно, стало предметомъ наблюденій и у него побывали многіе врачи города, которымъ былъ разрѣшенъ свободный доступъ.

Часовъ въ 11 вечера докладываютъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть молодой докторъ-окулистъ по срочному дѣлу. Приказываю принять. Въ кабинетъ вошелъ взволнованный докторъ и говоритъ:

— Я сейчасъ былъ у тѣла Фермениди и сдѣлалъ такой опытъ. Приподнявъ вѣки, впустилъ въ глазъ каплю атропина и, представьте себѣ, зрачекъ на это реагировалъ. А вѣдь реагировать можетъ только живая ткань.

Я приказалъ позвать извозчика и поѣхалъ съ докторомъ въ больницу и онъ при мнѣ повторилъ опытъ. Дѣйствительно зрачекъ измѣнился въ размѣрахъ.

Все время у тѣла дежурили неотступно фельдшеръ и служитель.

На другой день я опять былъ въ больницѣ: никакого разложенія и только при нажиманіи на животъ какъ будто-бы почувствовался легкій трупный запахъ.

Такъ тѣло пролежало, кажется, четыре дня, т. е всего недѣлю со дня смерти. И только тогда на спинѣ, на животѣ, кое гдѣ на ногахъ стали появляться черно-синія пятна. Лицо приняло синебагровый оттѣнокъ. Къ вечеру эти явленія очень увеличились и появился уже довольно сильный трупный запахъ. Тогда мы порѣшили отпѣвать тѣло завтра.

Перевезли покойника въ открытомъ гробу и такъ и поставили для отпѣванія. Запахъ былъ не слышенъ, но лицо уже явно стало разлагаться и изъ носа появилась сукровица.

На отпѣваніе собралась чуть-ли не вся Пенза и всѣ стремились хоть однимъ глазкомъ взглянуть на тѣло, такъ что для порядка пришлось поставить особый нарядъ полиціи.

Родственники и полковая семья очень меня благодарили за эти предосторожности, а въ городѣ много на мой счетъ острили.

Въ мое время Пенза уже стала важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ. Тутъ сходились Сызрано-Вяземская, Рязано-Уральская и Казанская желѣзныя дороги; первая была казенной, а обѣ остальныя частныя. Имѣлись и три вокзала, при чемъ главнымъ былъ вокзалъ Сызрано-Вяземскій, соединенный съ остальными вѣтками.

Близъ Сызрано-Вяземскаго вокзала находились довольно значительныя мастерскія этой дороги, въ которыхъ работало около 800 человѣкъ рабочихъ.

Сызрано-Вяземская дорога имѣла очень важное значеніе, такъ какъ она составляла часть единственнаго тогда соединенія съ Дальнимъ Востокомъ и Туркестаномъ. Станція была оборудована обширными пакгаузами, развитыми станціонными путями съ поворотными кругами, большими паровозными сараями.

Первое время моего управленія губерніей желѣзныя дороги въ революціонномъ движеніи почти не играли никакой роли. Ликвидація желѣзнодорожной забастовки и экспедиція генерала Меллеръ-Закомельскаго много этому способствовали. Разумѣется, нѣкоторое подпольное броженіе существовало и было извѣстнымъ жандармской полиціи, но далѣе весьма трусливой агитаціи оно не шло.

Когда начались партизанскія террористическія выступленія, агитаціи эта усилилась, значительно осмѣлѣла, и желѣзнодорожныя мастерскія перешли къ дѣйствію. Думается, что главнымъ двигателемъ такого перехода была полная безнаказанность тогдашнихъ террористическихъ выступленій и неуловимость ихъ дѣятелей.

Порядки въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ со времени ликвидаціи забастовки были установлены довольно строгіе; особенно энергично и настойчиво администрація боролась съ хищеніями металловъ и другихъ матеріаловъ, обычно сильно развитыми въ этихъ мастерскихъ и представлявшими своей цѣнностью большой соблазнъ для рабочихъ.

Безпорядки начались какъ-то разомъ и шли все crescendo, поощряемые полной невозможностью изловить виновныхъ.

Началось дѣло вотъ съ чего.

Значительная партія политическихъ арестантовъ отправлялась въ Сибирь. Время отправки, несмотря на то, что оно тщательно скрывалось, какъ-то дошло до свѣдѣнія революціонеровъ и послѣдніе воспользовались такимъ случаемъ для демонстраціи. На станціи было все спокойно и не замѣтно никакого особеннаго движенія. Но сейчасъ-же за тюрьмой обнаружилось что-то особенное: въ будній день туда непрерывной струей направлялись гуляющіе, къ которымъ передъ самымъ отправленіемъ поѣзда присоединились рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Образовалась значительная толпа, запрудившая всѣ пути и не сходившая съ нихъ при подходѣ поѣзда. Машинистъ долженъ былъ остановить поѣздъ. Политическіе арестанты стояли у оконъ вагоновъ и въ честь ихъ толпа устроила оваціи. Чѣмъ бы все это кончилось,—неизвѣ-

стно. Къ счастію, въ ожиданіи возможныхъ безпорядковъ въ тюрьмѣ и на желѣзной дорогѣ я просилъ начальника охраны въ ближайшихъ къ вокзалу казармахъ Оровайскаго полка держать подъ ружьемъ дежурную роту. Когда обратили вниманіе на странное обиліе гуляющихъ, рота уже изготовилась и при остановкѣ поѣзда сейчасъ-же туда двинулась. Замѣтивъ приближеніе войскъ, толпа сейчасъ-же разсыпалась, машинистъ далъ ходъ и все кончилось благополучно.

Въ эту же ночь кто-то въ паровозномъ сараѣ далъ ходъ стоявшему тамъ подъ парами паровозу и пустилъ его на переводный кругъ съ цѣлью вызвать крушеніе. Такое крушеніе угрожало весьма существенно затруднить движеніе, стала-бы невозможна на нѣкоторое время подача паровозовъ, ибо переводный кругъ былъ-бы разрушенъ равно какъ и облицованная кирпичемъ яма, въ которомъ кругъ движется.

Къ счастью, дежурный мастеръ чуть-ли ни у самаго круга успѣлъ вскочить на паровозъ и остановилъ его, давъ задній ходъ.

Виновный не былъ найденъ.

Во главѣ мастерскихъ стоялъ инженеръ Сафаревичъ, человѣкъ честный и строгій, по происхожденію татаринъ. Онъ особенно жестоко преслѣдовалъ воровство и безъ колебаній выбрасывалъ изъ мастерскихъ замѣченныхъ въ этомъ рабочихъ. Жилъ онъ на казенной квартирѣ, у самой почти пассажирской платформы.

Какъ-то вечеромъ, послѣ окончанія работъ, шелъ онъ изъ мастерскихъ къ себѣ домой, какъ у самой платформы подвергся нападенію неизвѣстныхъ людей и былъ тутъ-же буквально разстрѣлянъ. На тѣлѣ его въ разныхъ мѣстахъ было найдено 11 ранъ изъ браунинга. Когда привлеченные выстрѣлами люди прибѣжали изъ вокзала, они нашли у послѣдней стрѣлки бездыханный трупъ Сафоревича и кругомъ никого не было видно. Произведенные жандармами розыски не дали ни малѣйшихъ указаній.

Въ этотъ же день часа черезъ два послѣ убійства Сафаревича, еще въ самый разгаръ поисковъ убійцъ, какой-то Тамбовскій, кажется, торговецъ, пріѣхавшій въ Пензу за покупкой картофеля, пришелъ на вокзалъ задолго до отхода поѣзда и сталъ прогуливаться по платформѣ. У самыхъ парадныхъ комнатъ вокзала къ нему подошелъ кто-то сзади, набросилъ на голову мѣшокъ и предупредилъ, что при малѣйшемъ крикѣ убьетъ его на мѣстѣ револьверомъ. Торговца обшарили, вынули у него бумажникъ съ 2 тысячами рублей, связали ему руки, заткнули въ ротъ платокъ и сами куда-то моментально скрылись. Сколько было нападавшихъ, какія ихъ примѣты—торговецъ сказать не могъ, такъ какъ ничего не могъ видѣть изъ за наброшеннаго на голову мѣшка.

Виновные найдены не были.

Въ тотъ-же или на другой день—не помню, въ возвращавшагося со станціи домой жандармскаго унтеръ-офицера изъ за полѣнницы дровъ произведены выстрѣлы, къ счастью, неудачные.

Виновные найдены не были.

Всѣ эти происшествія, неизмѣнно остававшіяся не раскрытыми, вызвали цѣлую панику среди желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Ко мнѣ явилась депутація, прося вызвать желѣзнодорожный баталіонъ и возложить на него обязанности по обслуживанію дороги.

Еще послѣ покушенія на поворотный кругъ, мною было сдѣлано распоряженіе о постановкѣ въ главнѣйшихъ мѣстахъ станціи военнаго караула. Однако такая мѣра не остановила преступленій, совершавшихся съ столь неслыханной дерзостью. Мнѣ стоило не мало труда успокоить взволнованныхъ служащихъ, обѣщавъ имъ принять рѣшительныя мѣры къ подавленію преступности.

Надо было во чтобы то ни стало выполнить это обѣщаніе. Дальнѣйшая безнаказанность естественно благопріятствовало-бы возникновенію все новыхъ и новыхъ преступленій, которыя становились-бы все серьезнѣе и серьезнѣе.

Городскіе жители, конечно, тоже были крайне встревожены этой все растущей разнузданностью и опасались, что она перекинется на городъ.

Ни общая, ни жандармская полиція не могла напасть на слѣдъ преступниковъ. Слѣдовательно у меня не было данныхъ, за кого тутъ надо взяться. Было лишь извѣстно, что всѣ преступленія замышляются среди разреволюціонированной части рабочихъ мастерскихъ.

Получилось такое совершенно невыносимое положеніе: какая-то преступная кучка негодяевъ среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ держала въ паническомъ страхѣ всѣ обширныя службы дороги и даже жителей города. Губернатору это извѣстно и онъ взираетъ на совершаемыя этой кучкой преступленья и не принимаетъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ прекращенію.

Я не могъ этого долѣе терпѣть и рѣшился на крайнюю мѣру.

Я потребовалъ представленія мнѣ, какъ губернскимъ жандармскимъ управленіемъ, такъ и отдѣленіемъ желѣзнодорожнымъ, списка тѣхъ рабочихъ мастерскихъ, которыя замѣшаны въ революціонномъ броженіи.

Такихъ оказалось 67 человѣкъ. Въ эту-же ночь я приказалъ ихъ всѣхъ арестовать въ порядкѣ охраны и заключить въ тюрьму и поручилъ начальнику губернскаго жандармскаго правленія полковнику Николаеву, заняться разслѣдованіемъ, кто изъ этихъ людей съ полной достовѣрностью не могъ принимать участія въ послѣднихъ преступленіяхъ. Такое разслѣдованіе, разумѣется, нельзя было дѣлать, пока люди эти были на свободѣ, такъ какъ они были слишкомъ опытны и умѣлы въ созданіи себѣ разныхъ alibi. Ну, а будучи изолированы отъ міра, это сдѣлать ловко не такъ-то легко.

Разслѣдованіе указало, что человѣкъ 30 изъ числа арестованныхъ едва-ли могли принимать участіе въ преступленіяхъ по разнаго рода соображеніямъ. Я поѣхалъ въ тюрьму, приказалъ вызвать къ себѣ этихъ 30 человѣкъ и объявилъ, что теперь они будутъ освобождены, но что за ними будетъ учреждено особо пристальное наблюденіе и въ случаѣ малѣйшаго революціоннаго выступленія они сейчасъ-же будутъ снова арестованы.

Объ остальныхъ представилъ Министру, ходатайствуя о высылкѣ ихъ въ отдаленныя губерніи.

Эта рѣшительная мѣра дала блистательные результаты; болѣе преступленій не совершалось и негласное наблюденіе указало, что революціонное броженіе въ мастерскихъ замерло. Значитъ ударъ поразилъ того, кого было нужно, кто былъ дѣйствительно виновенъ.

Конечно, я понимаю, что эта мѣра по своему характеру является совершенно боевой и невозможна въ обыкновенное время. Но тогда мы переживали по существу время военное: въ осадѣ была власть, жизнь мирныхъ жителей и общественный порядокъ.

Мое ходатайство о высылкѣ было уважено, хотя Министръ и сдѣлалъ мнѣ указаніе, что производство такихъ массовыхъ арестовъ, изъ которыхъ по дальнѣйшему дознанію пришлось половину освободить, на будущее время допускать нельзя. Это мое распоряженіе разразилось, какъ ударъ грома. Оно проникло въ газеты, гдѣ меня, конечно, за него распинали. По городу были разбросаны прокламаціи противъ «сумасшедшаго сатрапа» и народъ призывался къ нещадной борьбѣ съ правительствомъ, имѣющимъ такихъ агентовъ. Образчикъ этой прокламаціи у меня хранится въ моихъ сувенирахъ.

Увы, эти прокламаціи написаны отъ руки печатными буквами и скопированы жалкимъ множительнымъ аппаратомъ, сдѣлавшимъ текстъ ихъ мало разборчивымъ. Самая внѣшность этихъ прокламацій краснорѣчиво говорила объ убожествѣ средствъ если не всей тогдашней «великой русской революціи», то по крайней мѣрѣ ея Пензенскаго отдѣленія. Нѣсколько позднѣе въ распространеніи прокламацій, и такого какъ разъ вида, былъ уличенъ гимназистъ 2-й мужской гимназіи еврей М., при арестѣ обѣщавшій сотрудничать у жандармской полиціи, но, кажется, обманувшій всѣхъ и скрывшійся изъ Пензенской губерніи безслѣдно. Не подлежало сомнѣнію, что и прокламаціи по моему адресу были имъ изготовлены и распространены черезъ товарищей гимназистовъ.

На другой день, послѣ производства этихъ арестовъ, на станціи Пенза Сызрано-Вяземской вспыхнулъ пожаръ, обнявшій одинъ изъ пакгаузовъ съ весьма цѣннымъ товаромъ. Былъ очень сильный вѣтеръ и являлась опасность, что огонь перекинется и на другіе пакгаузы, что грозило казнѣ милліонными убытками. Я приказалъ подать экипажъ, чтобы ѣхать на пожаръ. Предстояло, слѣдовательно, попасть въ безпорядочную толчею тѣхъ-же желѣзнодорожныхъ рабочихъ, среди которыхъ сдѣланы аресты. Полиціймейстеръ усиленно уговаривалъ меня не ѣхать, считая это очень рискованнымъ.

Но я счелъ недостойнымъ прятаться и поѣхалъ. Признаюсь, на сердцѣ у меня скребли кошки. Но когда я попалъ въ толпу, работающую у пожарныхъ машинъ и вытаскивающую тюки изъ горящаго пакгауза, мною овладѣло совершенное спокойствіе, все вниманіе сосредоточилось на борьбѣ съ огнемъ и я всюду ходилъ, часто ускользая даже отъ сопровождавшихъ меня полиціймейстера и жандармскаго офицера.

Тутъ-же какъ разъ получились доказательства, что пакгаузъ былъ подожженъ его смотрителемъ, совершившимъ, кажется, растрату и пытавшимся такимъ поджогомъ скрыть слѣды своего преступленія.

Молодецкой работой городскихъ пожарныхъ и прекрасно поставленной Пензенской вольной пожарной дружины удалось скоро локализировать огонь, а потомъ и совсѣмъ его прекратить.

Съ радостнымъ сердцемъ, что все обошлось благополучно и я ушелъ цѣлымъ и невредимымъ, казалось, изъ серьезно опаснаго положенія, вернулись мы съ полиціймейстеромъ домой. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ полковникъ Николаевъ и предложилъ присутствовать при ночномъ свиданіи офицера, вѣдавшаго охранное дѣло, съ негласными сотрудниками. Мы будемъ невидимы, а услышимъ каждое слово. Я съ особеннымъ интересомъ принялъ это предложеніе. Было очень любопытно узнать, какое впечатлѣніе произвели среди революціонеровъ послѣдніе аресты, а во-вторыхъ, представлялся случай познакомиться поближе съ организаціей жандармской службы. Вѣдь служба эта совершенно внѣ вѣдѣнія и отвѣтственности губернатора; это, такъ сказать, государство въ государствѣ. Какъ ни абсурдно съ точки зрѣнія логики выдѣлять часть полицейской службы изъ подъ контроля высшей мѣстной власти, отвѣчающей по закону за спокойствіе и порядокъ въ губерніи, это тѣмъ не менѣе сдѣлано и такая система существуетъ съ самаго возникновенія у насъ политической полиціи. Какія соображенія послужили къ такому противоестественному обособленію, мнѣ точно неизвѣстно; вѣроятно, однако причины эти казались центральной власти достаточно вѣскими, если до самаго послѣдняго времени такая странная аномалія оставалась не поколебленной, несмотря на то, что практическая жизнь на каждомъ шагу противъ нея громко вопіяла. Скорѣе всего тутъ дѣло было въ томъ, чтобы, съ одной стороны имѣть органъ, наблюдавшій за самими губернаторами и другими членами правительства, какъ бы высоко они ни были поставлены въ служебной епархіи, а съ другой—стремленіе сдѣлать дѣятельность политической полиціи возможно конспиративнѣе, исходя изъ мудраго житейскаго правила, что тайна, извѣстная двумъ лицамъ, есть уже не болѣе, какъ секретъ Полишинеля.

Можетъ быть нѣкоторая доля основательности тутъ и имѣется, но значеніе ея раздуто до чрезмѣрности и, какъ всегда бываетъ, предвзятое мнѣніе скомпрометировало самую сущность учрежденія.

Но распространяться по этому поводу я не стану, такъ какъ для меня лично это область однихъ предположеній, очень возможно и ошибочныхъ.

Мы условились съ Николаевымъ, что я пріѣду къ нему ночью послѣ 12 часовъ и мы вмѣстѣ отправимся. Онъ жилъ въ это время въ бывшей квартирѣ вице-губернатора Петкевича подъ горой въ безлюдной глухой Гоголевской улицѣ, въ особнякѣ, окруженномъ большимъ садомъ. Жить въ такомъ глухомъ мѣстѣ вообще жутко, а въ такое разбойное время и подавну. Но Николаевъ былъ очень доволенъ квартирой и, можетъ быть, совершенно правильно считалъ эту опасность болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной, такъ

какъ отъ революціонныхъ покушеній, какъ указалъ опытъ, нисколько не гарантируетъ ни людность, ни центральность мѣста.

Пріѣхавъ къ нему, я впервые увидѣлъ полковника въ штатскомъ платьѣ, я былъ одѣтъ также. И вотъ въ глухую ночь, приподнявъ воротники пальто, мы, какъ заговорщики, пустились съ нимъ шагать по совершенно безлюднымъ, еле освѣщеннымъ улицамъ. Дойдя до какого-то небольшого домика съ плотно закрытыми ставнями, Николаевъ позвонилъ условнымъ способомъ—и намъ молча открылъ дверь какой то старикъ. Ни слова не говоря, мы вошли въ прихожую, изъ которой одна дверь вела въ гостиную, обставленную, какъ у мелкаго чиновника, а другая налѣво въ примыкающую къ гостиной комнату. Тутъ стояла отоманка, ломберный столъ, два-три стула. Близъ окна была дверь въ ту-же гостиную. Николаевъ, прикрылъ ее неплотно, такъ что мы могли свободно слышать, что говорилось въ гостиной. Мы тихо сняли пальто, сѣли на отоманку и стали ждать. Въ гостиной кто-то шуршалъ перелистываемыми страницами. Тамъ, оказывается, сидѣлъ офицеръ, ведущій политическій розыскъ. Мы его не видѣли. Раздается звонокъ; вошедшее лицо копается въ прихожей, вѣроятно, снимаетъ верхнее платье, а затѣмъ входитъ въ гостиную. Мы слышимъ какой-то молодой мужской голосъ, который начинаетъ офицеру разсказывать вещи, для меня лично мало понятныя: объ установленіи наружнаго наблюденія, пріѣздъ кого-то ожидается завтра или послѣ завтра, что онъ дастъ объ этомъ знать, придя въ эту-же квартиру. Сообщеніе продолжалось нѣсколько минутъ и человѣкъ этотъ уходитъ. Николаевъ сообщаетъ мнѣ почему-то шепотомъ, хотя агентъ уже ушелъ и за нимъ закрыли входную дверь, что тутъ былъ весьма опасный типъ, отъ котораго можно ожидать всякую минуту, что онъ всадитъ вамъ пулю въ лобъ. Чей пріѣздъ ожидается—онъ мнѣ не сказалъ, а я счелъ неудобнымъ спрашивать. Второй звонокъ—входитъ какая-то женщина и начинаетъ говорить о явочной квартирѣ, т. е. мѣстѣ, куда по рекомендаціямъ революціонеровъ пріѣзжаютъ и останавливаются «партійные работники», какъ ихъ называетъ политическій розыскъ со словъ революціонеровъ. Женщина уходитъ.

Третій звонокъ—опять мужской голосъ. Онъ начинаетъ говорить, что при послѣднихъ арестахъ захвачены очень важные «партійные работники», что аресты эти вызвали большое озлобленіе и въ отместку за нихъ рѣшено взорвать губернаторскій домъ и губернское жандармское управленіе. Пока еще неизвѣстно. когда и кѣмъ это будетъ произведено, но онъ надѣется это узнать.

Не могу сказать, чтобы, услышавъ этотъ докладъ, я остался спокоенъ. Воображеніе стало работать, отыскивая то мѣсто губернаторскаго дома, гдѣ удобнѣе всего произвести взрывъ, и почему-то передо мною все мелькалъ парадный подъѣздъ, надъ которымъ въ третьемъ этажѣ помѣщается моя спальня, хотя подъѣздъ этотъ выходилъ не на улицу, а былъ во дворѣ за воротами. Я мысленно уже видѣлъ, какъ разрушаются стѣны и я съ кроватью падаю въ пропасть, засыпаемый обломками.

Не знаю, продолжался-ли далѣе пріемъ агентовъ, но мы ждать болѣе не стали и ушли. По дорогѣ Николаевъ сказалъ мнѣ, что считаетъ эти угрозы бахвальствомъ,—но на всякій случай нужно будетъ принять нѣкоторыя предосторожности. Я не сталъ спрашивать, въ чемъ онѣ будутъ заключаться.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мною, нѣтъ, нѣтъ, да и овладѣетъ безпокойство и сердце на нѣсколько секундъ сожмется. Но угрозъ уже было столько и онѣ до сихъ поръ ни разу не осуществлялись, что скоро объ этомъ я совсѣмъ пересталъ думать.

Съ полковникомъ Николаевымъ у меня всегда были очень хорошія отношенія. Я въ немъ цѣнилъ очень большую неустрашимость, которая позволяла ему въ самое тревожное время открыто всюду показываться, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что изъ-за любого угла его могли подстрѣлить, какъ куропатку. Розыскъ у него былъ поставленъ очень порядочно, если судить о всѣхъ открытыхъ жандармами преступленіяхъ, отобранныхъ при обыскахъ бомбахъ и революціонной литературѣ. Единственно, кажется, чѣмъ онъ грѣшилъ — это излишней мягкостью къ подчиненнымъ, благодаря чему нѣкоторые изъ офицеровъ снискали себѣ въ Пензѣ дурную славу.

Въ частной жизни это былъ славный малый, весельчакъ, котораго въ обществѣ любили.

Какъ-то департаментъ полиціи командировалъ въ Пензу одного жандармскаго офицера для производства ревизіи. По окончаніи порученія офицеръ этотъ былъ у меня и сказалъ, что все имъ видѣнное онъ нашелъ въ порядкѣ.

И вдругъ, недѣли черезъ двѣ послѣ его отъѣзда, состоялся приказъ о смѣщеніи Николаева и причисленіи его къ петербургскому жандармскому управленію. Судите о моемъ изумленіи. Самъ Николаевъ, видимо, тоже былъ несказанно пораженъ и увѣрялъ меня самымъ торжественнымъ образомъ, что вины за собой не знаетъ и не понимаетъ, чѣмъ могла быть вызвана такая жестокая кара.

Я много разъ пытался разъяснить этотъ вопросъ, но мнѣ это не удавалось и на всѣ мои настоянія я всегда получалъ какія-то неопредѣленныя заявленія. Такъ и до сихъ поръ я не знаю, что послужило причиной этого устраненія.

Мнѣ пришлось провести въ Пензѣ выборы въ третью Государственную Думу.

Губернія такъ много выстрадала отъ революціонныхъ безпорядковъ, принявшихъ въ концѣ концовъ характеръ открытаго разбоя, отъ котораго одинаково страдали всѣ мирные люди, что заранѣе можно было быть увѣреннымъ, что будетъ избрано спокойное представительство. Крестьянскіе выборщики, куда по разъясненію Сената былъ закрытъ доступъ мнимымъ крестьянамъ, тоже не внушали особыхъ опасеній. Сюда должны были попасть наиболѣе вліятельные люди. Такъ оно и случилось: попали, главнымъ образомъ, волостные старшины и нѣкоторые деревенскіе ходатаи. Депутатомъ отъ крестьянъ былъ избранъ волостной старшина Пензенскаго уѣзда Акимовъ, человѣкъ спокойный и неглупый.

Моя роль по отношенію крестьянскихъ выборовъ заключалась лишь въ организаціи пристальнаго надзора за тѣмъ, чтобы въ выборщики не прошли люди, не имѣющіе по разъясненію Сената на это права. Надзоръ былъ учрежденъ при посредствѣ земскихъ начальниковъ и мѣстной полиціи. По моей иниціативѣ отмѣнялись уѣздными комиссіями выборы крестьянскихъ выборщиковъ лишь въ 2 или 3 случаяхъ на всю губернію.

Выборы по секціямъ крупныхъ землевладѣльцевъ прошли совершенно спокойно и дали контингентъ уѣздныхъ выборщиковъ вполнѣ уравновѣшенный. Тутъ моя роль была совершенно пассивная и ни прямо, ни косвенно я не могъ оказать давленія.

Возбуждала опасенія секція мелкихъ владѣльцевъ и духовенства, среди котораго было значительное количество политиканствующаго элемента. Хотя архіерей въ выборы и не вмѣшивался, но предшествовавшая справедливая и довольно суровая расправа съ батюшками краснаго направленія, когда это направленіе было установлено, образумило большинство духовенства, потерявшаго охоту позировать въ качествѣ народныхъ трибуновъ.

Выборы и по этой секціи дали вполнѣ благопріятные результаты.

Лишь въ городахъ и то покрупнѣе, какъ Пенза и Саранскъ, прошли въ выборщики частью кадеты, но не были все-таки въ большинствѣ. Отъ Пензы, напримѣръ, въ депутаты прошелъ купецъ Евстифѣевъ, примыкавшій къ октябристамъ. Окончательные выборы дали прекрасные результаты: въ депутаты были избраны люди уравновѣшенные, частью правые, частью октябристы и лишь 1 депутатъ былъ по позднѣйшей номенклатурѣ прогрессистомъ.

Особой выборной борьбы не наблюдалось. Было, кажется, два предвыборныхъ собранія, но они прошли дѣловито, безъ подъема и зажигательныхъ рѣчей. Даже кадетскія выступленія были совершенно спокойны.

Принято думать, что выборы въ Государственную Думу производятся непремѣнно подъ давленіемъ губернатора. Но это совершенно не вѣрно или покрайней мѣрѣ такого давленія въ Пензенской губерніи я не оказывалъ. Разумѣется, я съ огромнымъ интересомъ слѣдилъ за выборами, стараясь устранить отъ нихъ всякое незаконное уловимое давленіе. Когда обсуждались достоинства того или иного кандидата, въ частной бесѣдѣ я высказывалъ свое мнѣніе, но едва-ли по совѣсти можно это назвать давленіемъ, такъ какъ каждый выборщикъ, даже желающій считаться съ мнѣніемъ губернатора, подаетъ свой голосъ закрыто и никакъ не можетъ быть уличенъ въ томъ или иномъ голосованіи.

По окончаніи выборовъ я устроилъ депутатамъ у себя обѣдъ и пригласилъ къ нему всѣхъ избранныхъ, въ томъ числѣ и крестьянина Акимова. За обѣдомъ я нарочно посадилъ его около себя, чтобы придти ему незамѣтно на помощь, въ случаѣ какихъ-либо у него затрудненій по части принятыхъ обычаевъ. Явился онъ къ обѣду въ отличной поддевкѣ, лакированныхъ сапогахъ, чрезвычайно благообразнымъ. За столомъ, какъ умный человѣкъ, незамѣтно слѣдилъ за манипуляціями сосѣдей и держалъ себя такъ превосходно,

точно онъ привыкъ уже находиться въ такой обстановкѣ. Рѣчь его была проста, всегда кстати, безъ тѣни какой-бы то ни было принужденности.

Этотъ депутатъ очень часто потомъ меня навѣщалъ и я всегда оставался въ восторгѣ отъ его такта. Депутаты наши въ Государственной Думѣ не выдѣлялись, между ними ораторовъ не оказалось.

Я уже въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній говорилъ, что въ Пензенской губерніи значительная часть крестьянъ получила ничтожные дарственные надѣлы и малоземелье здѣсь жестоко угнетало народную жизнь. А потому въ этой губерніи вопросы землеустройства имѣли чрезвычайно важное значеніе и я считалъ своимъ долгомъ особенно усердно потрудиться у ихъ разрѣшенія.

Къ моему пріѣзду въ губернію, уже почти во всѣхъ черноземныхъ уѣздахъ были назначены непремѣнные члены землеустроительныхъ комиссій, такъ что мною рекомендовано на эти должности только, кажется, три члена: въ Краснослободскомъ, Наровчатскомъ и Нижне-Ломовскомъ уѣздахъ.

Работа землеустройства въ первые два года распадалась на двѣ самостоятельныя задачи — съ одной стороны, крестьянскія учрежденія пропагандировали разрушеніе общиннаго землевладѣнія съ цѣлью перехода отдѣльныхъ домохозяевъ къ владѣнію землей на правѣ личной собственности, съ другой—чины землеустройства при посредствѣ купленныхъ Крестьянскимъ банкомъ земель боролись съ малоземельемъ.

Разрушеніе земельной общины было признано первымъ шагомъ въ работѣ переустройства экономическаго быта крестьянъ. Надо было Россію освободить отъ исторически сложившихся путъ, которые задерживали земледѣльческій прогрессъ и подчиняли предпріимчивыхъ, способныхъ на усовершенствованіе своего полевого хозяйства работниковъ нерадивому косному большинству. Правительство полагало такое освобожденіе совершенно необходимымъ, ибо только развязавъ отдѣльныхъ лицъ отъ зависимости отъ общины и давъ имъ возможность познать преимущества сравнительно свободнаго личнаго землевладѣнія, можно было разсчитывать, что эти освободившіеся люди сами пойдутъ на дальнѣйшія усовершенствованія и потребуютъ сведенія ихъ полосъ къ одному мѣсту, единственному рѣшенію, окончательно ставящему всю совокупность хозяйства въ исключительную зависимость отъ личной предпріимчивости.

Правительство переоцѣнило прочность общиннаго хозяйства, считая, что все рѣшительно крестьянство фанатически за него держится и безъ упорной борьбы отъ этой формы не отойдетъ. Такому заблужденію много способствовала обширная литература изслѣдованій нашихъ земельныхъ порядковъ, въ которыхъ земельная община всегда выставлялась какъ квинтъ-эссенція народной мудрости, какъ одинъ изъ тѣхъ китовъ, на которомъ зиждется счастіе и будущность Россіи на зависть ея враговъ, такъ легкомысленно отказавшихся отъ благъ общиннаго пользованія землей и за такой отказъ наказанныхъ расцвѣтомъ пролетаріата.

И такова сила у насъ ходячихъ мнѣній! Люди, имѣвшіе самое близкое соприкосновеніе съ крестьянствомъ, ежедневно наблюдавшіе всѣ тяжелыя неудобства такого земельнаго строя, отъ глазъ которыхъ не ускользало прогрессирующее обѣдненіе мужиковъ, сведеніе инвентаря средняго хозяйства къ одной коровѣ и одной лошади, тревожное увеличеніе безлошадныхъ дворовъ и т. п., упорно продолжали гипнотизироваться пущенной въ оборотъ фразой, будто-бы община спасаетъ Россію отъ пролетаріата.

Если у насъ какъ будто-бы и дѣйствительно не было пролетаріата, такъ какъ милліоны фабричныхъ и отсутствующихъ на заработки крестьянъ все-таки владѣли землей, то это было лишь явленіемъ кажущимся. Потому что, что такое пролетаріатъ? Это такой классъ людей, у котораго есть только рабочія руки, но нѣтъ ни капитала, ни орудій обработки и существованіе котораго цѣликомъ зависитъ поэтому отъ чужой воли работодателя. Чѣмъ, спрашивается, лучше положеніе крестьянина, хотя и владѣющаго клочкомъ богатѣйшей черноземной земли, но не умѣющаго, а часто и не могущаго добыть на немъ себѣ и своей семьѣ даже нищенскаго пропитанія и принужденнаго уходить на сторонніе заработки? Если это еще не пролетаріатъ въ полномъ значеніи этого слова, то нѣчто очень къ нему приближающееся и отличающееся отъ него не столько по существу, сколько формально внѣшними второстепеннаго значенія признаками.

Стоило поставить борьбу съ общиной сколько-нибудь рѣшительно, какъ она, къ глубочайшему общему изумленію, разсыпалась въ прахъ и въ настоящее время продолжаетъ существовать лишь по инерціи и за неимѣніемъ достаточнаго количества работниковъ, для проведенія въ жизнь новыхъ основаній землеустройства.

И такой результатъ достигнутъ такъ скоро, какъ творцы закона 9 ноября 1906 года не смѣли и мечтать, и почти безъ всякихъ потрясеній. И вотъ на нашихъ глазахъ Россія спокойно переживаетъ вторую глубочайшую земельную реформу, затрагивающую кровные народные интересы, которая-бы во всякой другой странѣ сопровождалась самыми тяжелыми осложненіями.

Предварительное укрѣпленіе земли въ частную собственность уже черезъ четыре года стало ненужной предосторожностью, лишь затрудняющей успѣшное проведеніе въ жизнь новаго закона о землеустройствѣ. Но первые годы, когда все это еще не выяснилось, насажденіе личной собственности преслѣдовалось правительствомъ съ особой энергіей и для насъ на мѣстахъ это была не легкая задача.

Нужно было преодолѣть вѣковую инертность, а главное—найти для такой цѣли подходящія дѣйствительныя средства, отнюдь не впадая въ принужденіе. Кто знаетъ жизнь, кто видѣлъ, какъ трудно подбить крестьянъ на всякое новшество, хотя-бы оно обѣщало великія блага, тотъ пойметъ, сколько на это пошло работы, сколько тутъ нужно было тонкой наблюдательности, изобрѣтательности, находчивости. Самое трудное, конечно, было начать дѣло въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ. Великую услугу тутъ оказалъ обычай такъ называемыхъ «скидокъ и накидокъ земли», зак-

лючающійся въ томъ, что въ случаѣ смерти въ крестьянской семьѣ одного изъ работниковъ, общество соотвѣтственно уменьшало надѣлъ земли на эту семью, передавая снятый излишекъ въ тѣ семьи, гдѣ число мужскихъ членовъ возросло. Такія скидки внѣобщихъ передѣловъ воспрещены закономъ, но жизнь ихъ широко практиковала и рѣдко кто рѣшался идти противъ велѣній «міра». Вотъ эти-то семьи, гдѣ ожидалось уменьшеніе земли, и явились первыми піонерами въ дѣлѣ насажденія личной собственности.

Боже, сколько негодованія вызвали первые случаи ускользанія отдѣльныхъ семей отъ такой мірской уравнительности! Міръ трактовалъ такихъ людей какъ мятежниковъ, не только не подчинявшихся авторитету схода, но еще своекорыстно урывавшихъ себѣ общественную землю вопреки волѣ «міра». Это былъ открытый бунтъ противъ дискредиціонной власти общества, никогда не видѣвшей доселѣ ослушниковъ. Противъ такихъ смѣльчаковъ стали примѣняться всякіе способы преслѣдованія до поджоговъ и убійства включительно. Для меня явилась задача строжайшими взысканіями отбить охоту къ такимъ преслѣдованіямъ и сразу-же ихъ прекратить. Я потребовалъ для этого содѣйствія полиціи, поставивъ вопросъ такъ, что самое допущеніе насилій уже говорило о томъ, что полиція не приняла мѣръ къ огражденію выдѣляющихся, а слѣдовательно была передо мной виновата. Систематическое и неумолимое проведеніе такого взгляда не замедлило дать результаты.

А разъ опытъ показалъ, что ослушаніе общества не представляетъ ничего изъ себя страшнаго, выдѣлять землю въ личную собственность бросились всѣ тѣ, которые находили въ томъ для себя какую-нибудь выгоду. Создалась могучая волна, которую остановить было-бы уже не такъ легко.

Вотъ краткая исторія хода этого дѣла у насъ въ Пензенской губерніи.

Вновь созданнымъ землеустроительнымъ органамъ предстояла задача еще болѣе трудная. Съ одной стороны имъ нужно было рѣшить, поскольку каждое изъ многочисленныхъ предложеній испуганныхъ революціей землевладѣльцевъ покупки ихъ имѣній Крестьянскимъ банкомъ соотвѣтствовало цѣлямъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, а съ другой—купленныя банкомъ земли распродать малоземельнымъ крестьянамъ, каждому отдѣльному крестьянину въ личную собственность и при томъ такъ, чтобы любой продаваемый участокъ заключалъ въ себѣ всѣ элементы, необходимые для веденія самостоятельнаго устойчиваго хозяйства, способнаго окупить существованіе покупателя и оплатить банку самую стоимость земли.

По условіямъ Пензенской губерніи всякое предложеніе продать землю банку было въ сущности пріемлемо, ибо, какъ я уже говорилъ, большая часть крестьянства сидѣла на ничтожныхъ надѣлахъ и существовала при помощи аренды помѣщичьей земли. Поэтому выполненіе первой задачи не встрѣчало никакихъ затрудненій. За мое время, такимъ образомъ, Пензенское отдѣленіе Крестьянскаго банка купило свыше 200 тысячъ десятинъ.

Революція въ конецъ потрясла дворянское землевладѣніе и до нея неуклонно стремившееся перейти въ руки крестьянъ. Всѣмъ казалось, что жизнь въ деревнѣ стала прямо невозможной, а потому всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ бросились продавать землю Банку. Какъ всегда бываетъ, когда предложеніе превышаетъ спросъ, такое массовое желаніе избавиться отъ земли повлекло за собой пониженіе цѣны на нее. Это пониженіе создали прежде всего сами продавцы, назначая очень низкую цѣну для того, какъ имъ казалось, чтобы предложеніе показалось Банку заманчивымъ. А стоило двумъ, тремъ помѣщикамъ назвать извѣстную низкую цифру, это уже создавало уѣздную норму, выше которой Крестьянскій Банкъ идти не могъ хотя бы потому, чтобы будущіе покупатели крестьяне не могли бы потомъ упрекать его въ искусственномъ взвинчиваніи цѣны.

Управляющимъ Пензенскимъ отдѣленіемъ Банка былъ въ то время г. Богословскій. Дворянство имъ было чрезвычайно недовольно за низкія разцѣнки и постановленіемъ губернскаго земскаго собранія принесло на него министру жалобу. Разумѣется, изъ этой жалобы толку не вышло, но отношенія между дворянствомъ и Богословскимъ обострились до нескрываемой враждебности. Дворяне обвиняли его въ революціонности и въ покрываніи нечестнаго поведенія оцѣнщиковъ—непремѣнныхъ членовъ. Основаній для такихъ обвиненій, повидимому, не было, да они оффиціально и не предъявлялись, а распространялись подъ сурдинку въ частныхъ бесѣдахъ, однако такъ настойчиво, что ни для кого не были секретомъ до самого Богословскаго включительно. Послѣдній такими розсказнями глубоко раздражался и, будучи человѣкомъ нервнымъ, не могъ скрывать своего раздраженія и вызывалъ со стороны кліентовъ Банка жалобы на свою крайнюю грубость. Ко мнѣ нѣсколько разъ являлись весьма почтенныя дамы въ слезахъ съ жалобами на невозможное обращеніе въ Банкѣ и требовали моего вмѣшательства. Я старался, по возможности, улаживать эти шереховатости, но это плохо удавалось.

Богословскій былъ очень дѣльный и работоспособный человѣкъ. Онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Ригу и я очень былъ за него радъ, что судьба вынесла его изъ создавшагося кипѣнія страстей.

На этой почвѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ глубоко мнѣ симпатичной Н. М. Рихтеръ, по первому мужу Скрипицыной. Эта почтенная старушка жила постоянно въ своемъ имѣніи Саратовской губерніи, но тяготѣла къ Пензѣ, отъ которой имѣніе ея было не далеко. Въ Пензенской губерніи у нея были также земли, которыя она продала своимъ крестьянамъ при содѣйствіи Крестьянскаго Банка. M-me Рихтеръ всю революцію прожила въ имѣніи безотлучно, своими глазами видѣла по сосѣдству всѣ ужасы крестьянскаго «играбнаго» движенія, но лично отъ этого движенія не пострадала, должно быть, вслѣдствіе своего необычайно участливаго и разумнаго отношенія къ нуждамъ народа. Крестьянскія банды грабителей появились было въ ея усадьбѣ, но когда къ нимъ безстрашно вышла сама Надежда Михайловна и вступила съ ними въ бесѣду, мужики переконфузились и ушли, не причинивъ вреда, и

выдумали какое-то благовидное объясненіе своему нежданному появленію. M-me Рихтеръ всю свою жизнь прожила въ деревнѣ, отлично изучила народъ и его психологію и, будучи очень умной женщиной, никогда не становилась въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ на дорожку слащавой филантропіи, въ которой мужики всегда усматриваютъ лишь проявленіе придурковатости, и язвительно ее высмѣиваютъ. Она много и щедро шла на встрѣчу дѣйствительной нуждѣ и горю, но не давала разжалобить себя слезами какого-нибудь пьянчуги или непутеваго разгильдяя. Не задолго, кажется, до моего пріѣзда въ Пензенскую губернію, Надежда Михайловна потеряла свою младшую дочь и эта потеря рѣзко измѣнила всю ея жизнь. Она вся ушла въ религію и все свое состояніе отдала на богоугодное дѣло: въ своей усадьбѣ устроила учительскую семинарію, въ которой подготовлялись учительницы для церковно-приходскихъ школъ. Заботы объ этомъ заведеніи наполнили весь ея досугъ и она, кажется, съ трудомъ находила время даже для поѣздокъ своихъ къ дочерямъ въ Петроградъ.

Н. М. Рихтеръ въ силу своей дѣятельности имѣла близкія и частыя сношенія съ преосвященнымъ саратовскимъ Гермогеномъ. Архіерей этотъ сталъ тогда приковывать общее вниманіе къ своей личности и вокругъ ея поднялся большой шумъ, гдѣ одни признавали въ ней чуль-ли ни праведника, тогда какъ другіе видѣли лишь ловкаго карьериста, не брезгающаго средствами для своего возвышенія. Послѣ знаменитой выходки преосвященнаго Гермогена, когда онъ всенародно въ соборѣ сталъ умолять чуть-ли не на колѣняхъ саратовскаго губернатора графа Татищева воспретить представленіе пьесы «Черные вороны», пастырь этотъ и меня заинтересовалъ. Я сталъ себя спрашивать, не является-ли такая несуразная по своей обстановкѣ выходка, которая должна была неминуемо возстановить противъ губернатора вѣрующій народъ въ случаѣ неудовлетворенія просьбы владыки, простой саморекламой, не считающейся ни съ требованіями общественнаго порядка, ни съ тѣмъ, какъ она отзовется на судьбѣ другихъ. А что губернаторъ не могъ удовлетворить такой просьбы, это должно было быть архіерею хорошо извѣстнымъ, такъ какъ первое время до этой исторіи Святѣйшій Синодъ не возражалъ противъ постановки «Черныхъ Вороновъ» и она стала въ Петроградѣ ходовой пьесой. Не могъ-же губернаторъ въ вопросахъ религіознаго порядка идти далѣе самого Синода.

Надежда Михайловна считала преосвященнаго Гермогена глубоко искреннимъ чолевѣкомъ, восторженно-религіознымъ, совершенно не понимающимъ и не желающимъ понять уклада и требованій практической жизни, а потому своими поступками часто возбуждающимъ общее недоумѣніе среди насъ грѣшныхъ людей. И въ эту характеристику, исходящую отъ очень умной, житейски-спытной и чуткой женщины, я вполнѣ повѣрилъ, хотя и не имѣлъ случая убѣдиться въ ея правильности личнымъ наблюденіемъ.

Встрѣтивъ какъ-то у Столыпина графа С. С. Татищева, я спросилъ его, какого онъ мнѣнія о преосвященномъ Гермогенѣ.

— Это беззастѣнчивый фокусникъ — раздраженно сказалъ графъ.

Изложенная выходка архіерея въ соборѣ совершенно испортила отношенія владыки къ губернатору и Татищевъ совсѣмъ перестал у него бывать. Говорятъ, что это обстоятельство послужило поводомъ и къ отставкѣ графа. Когда Столыпинъ на пути въ Сибирь пріѣхалъ въ Саратовъ, онъ отправился навѣстить преосвященнаго Гермогена, занимавшаго саратовскую каѳедру и въ его губернаторство. Губернаторъ, конечно, его сопровождалъ, но въ домъ архіерея не вошелъ, а вернулся домой, приказавъ себя извѣстить, когда Министръ станетъ собираться уѣзжать отъ архіерея. Столыпину это будто-бы не понравилось и онъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ объявилъ графу, что губернаторъ обязанъ всюду сопровождать Министра, не считаясь со своими личными вкусами.

Я не ручаюсь за вѣрность этихъ разсказовъ, но привожу ихъ потому, что о нихъ тогда много говорили какъ въ провинціи, такъ и въ Петроградѣ.

П. М. Рихтеръ, какъ я сказалъ, лично не пострадала отъ революціи, но принадлежащій ея дочери тутъ же по близости находившійся и отлично отдѣланный домъ былъ сожженъ работникомъ, крестьяниномъ Пензенской губерніи, оставшимся недовольнымъ или какимъ-то сдѣланнымъ ему замѣчаніемъ, или отказомъ отъ мѣста.

Вернувшись къ себѣ въ деревню, парень этотъ сталъ такъ открыто бахвалиться тѣмъ, что спалилъ господскую усадьбу, что похвальба эта стала извѣстной полиціи и мнѣ. Я приказалъ его арестовать въ порядкѣ предупрежденія уклоненія отъ суда и слѣдствія и велѣлъ произвести тщательное полицейское дознаніе о всемъ томъ, что онъ говорилъ. Когда это дознаніе было закончено, я препроводилъ его вмѣстѣ съ задержаннымъ парнемъ на распоряженіе саратовскаго губернатора.

Это мое участіе въ дѣлѣ послужило, оказывается, поводомъ къ пересудамъ, о чемъ я узналъ не совсѣмъ обычнымъ способомъ.

Какъ разъ около этого времени заболѣлъ въ Петроградѣ мой сынъ и былъ помѣщенъ въ хирургическую лѣчебницу доктора Домбровскаго на 19-й линіи Васильевскаго Острова. Пріѣхавъ изъ Пензы, я посѣщалъ сына ежедневно и ѣздилъ туда въ трамваѣ. Какъ-то однажды входитъ въ вагонъ трамвая какой-то господинъ, въ фуражкѣ судебнаго вѣдомства и сталъ около меня же спрашивать кондуктора, можетъ ли онъ съ этимъ номеромъ трамвая попасть на уголъ Большого проспекта и 19-й линіи. Я ему сказалъ, что тоже ѣду въ это мѣсто и господинъ сѣлъ около меня и мы разговорились. Это былъ очень словоохотливый человѣкъ и черезъ нѣсколько минутъ я узналъ, что онъ судебный слѣдователь Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи и пріѣхалъ въ столицу сдѣлать себѣ какую-то серьезную операцію, для чего направляется теперь въ лѣчебницу доктора Домбровскаго. Онъ сталъ меня допытывать, кто я такой и гдѣ служу, но я ограничился лишь неопредѣленнымъ заявленіемъ, что живу въ Пензѣ и служу въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Когда мы вышли на углу 17-й линіи, гдѣ была остановка, и направились къ лѣчебницѣ, мой спутникъ поразилъ меня такимъ вопросомъ:

— А что вы слышали, какъ вашъ губернаторъ разодрался съ нашимъ саратовскимъ?

Крайне заинтригованный, я просилъ разсказать мнѣ эту исторію и услышалъ слѣдующее:

— Въ Саратовской губерніи одинъ мужикъ сжегъ усадьбу помѣщицы Рихтеръ и бѣжалъ въ Пензенскую губернію. Тамъ его по приказанію губернатора арестовали, посадили въ тюрьму и стали производить дознаніе о поджогѣ. Саратовскій губернаторъ нѣсколько разъ требовалъ высылки этого преступника въ Саратовъ, гдѣ о немъ производилось слѣдствіе, но вашъ пензенскій помпадуръ не обращалъ на это требованіе никакого вниманія, точно онъ не довѣрялъ саратовскимъ властямъ и производилъ самъ дознаніе о преступленіи, совершенномъ въ Саратовской губерніи. Графъ Татищевъ, наконецъ, обидѣлся, написалъ вашему губернатору рѣзкое письмо и пригрозилъ жалобой Министру. Только тогда вашъ губернаторъ угомонился и отослалъ преступника, но не удержался и написалъ Татищеву очень дерзкую бумагу, которая и отослана послѣднимъ въ Министерство.

— Нѣкоторая доля правды въ этой версіи есть, — отвѣчалъ я, — но все ужасно искажено. Могу вамъ объ этомъ разсказать всѣ подробности съ полной достовѣрностью, такъ какъ я самъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, я пензенскій губернаторъ.

Мой собесѣдникъ ошалѣлъ, остановился, вытаращилъ глаза, потомъ порывисто снимая фуражку, могъ только проговорить:

— О, ваше превосходительство...

Нужно же было, чтобы саратовскій слѣдователь среди полутора милліоновъ петроградскихъ обывателей столкнулся въ трамваѣ съ случайно пріѣхавшимъ пензенскимъ губернаторомъ и сталъ повѣствовать ему о его-же служебныхъ похожденіяхъ.

Исполненіе второй задачи землеустроительныхъ органовъ — распродажа земельнаго фонда банка — сразу же натолкнулось, казалось, на непреоборимое препятствіе. Агитація и дѣятельность первыхъ двухъ Государственныхъ Думъ поселила въ крестьянскихъ умахъ твердую вѣру, что помѣщичьи земли перейдутъ къ нимъ даромъ и что въ виду такой перспективы глупо покупать землю у крестьянскаго банка и тратиться на внесеніе крупныхъ задатковъ. Хотя досрочный роспускъ этихъ двухъ Думъ нѣсколько поколебалъ такую вѣру, все-таки подавляющее большинство оставалось подъ упорнымъ гипнозомъ такихъ посуловъ.

Первое время отдѣльные смѣльчаки, рѣшавшіеся купить участки, насчитывались единицами. Это страшно тормозило работу и грозило даже полнымъ проваломъ земельной политикѣ правительства.

Какъ тутъ быть? Существовали два средства разбить такую обструкцію: первое—допустить до покупки земли крестьянъ другихъ губерній, особенно малороссовъ, которые уже давно сновали по губерніи, прицѣливаясь купить землю при посредствѣ банка,

и второе,—какъ можно больше облегчить доступъ къ покупкѣ, хотя бы отказавшись совсѣмъ отъ требованія задатковъ.

Первое средство встрѣчало больше всего возраженій. Дѣло стояло вѣдь такъ, что контингентъ покупщиковъ на каждое имѣніе опредѣлялся заранѣе: это были, конечно, крестьяне ближайшихъ къ экономіи деревень, обыкновенно уже издавна державшіе эту землю въ арендѣ. Рѣдко площадь имѣнія могла покрыть общую потребность въ землѣ всѣхъ домохозяевъ деревни, даже если исходить изъ наименьшихъ нормъ, опредѣляющихъ достаточную хозяйственную устойчивость участка. А при такихъ условіяхъ допущеніе каждаго отдѣльнаго пришлеца на такую землю уже существенно нарушало планомѣрность борьбы съ мѣстнымъ малоземельемъ и обрекало въ будущемъ крестьянъ данной деревни къ переселенію въ другія мѣста, гдѣ найдутся свободныя земли.

Да и положеніе чуждыхъ новоселовъ будетъ не изъ завидныхъ: они будутъ окружены атмосферой острой вражды, какъ захватчики, съ точки зрѣнія мѣстныхъ людей, предназначенныхъ данной деревнѣ земель. А кто живалъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какой это бичъ окружающая васъ общая ненависть; она ежечасно отравляетъ жизнь тысячами мелкихъ столкновеній, поступиться которыми представляется въ хозяйствѣ часто прямо невозможнымъ. Конечно, я могъ оградить ихъ почти всегда отъ явныхъ насилій, но въ области столкновеній, требующихъ обоюдныхъ уступокъ, власть уже совершенно безсильна.

Такимъ образомъ эта мѣра во всѣхъ отношеніяхъ являлась крайнимъ средствомъ, къ которому допустимо было прибѣгать лишь въ случаѣ полной безуспѣшности всякихъ другихъ пріемовъ.

Мнѣ, какъ пензенскому губернатору, обязанному ограждать, прежде всего, интересы пензенскихъ крестьянъ, такая мѣра всегда была глубоко несимпатична и я всячески стремился ограничить ея примѣненіе. Тѣмъ не менѣе попробовать ее пришлось.

Въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ находилось село Блиновка, сидѣвшее на дарственномъ надѣлѣ. При освобожденіи отъ крѣпостного права крестьянамъ этимъ предлагался полный надѣлъ, но у нихъ произошли на этой почвѣ серьезные безпорядки, требовавшіе, кажется, даже вмѣшательства военной силы, и мужики уперлись и такъ и не взяли полнаго надѣла. Сами они, убѣдившись потомъ горькимъ опытомъ, каково жить на сотнѣ саженей земли и сколько пришлось тратить денегъ на аренду господскихъ угодій, проклинали своихъ стариковъ и называли ихъ за отказъ отъ надѣла дураками. Село это было сильно распропагандировано и глубоко вѣрило, что теперь-то помѣщичья земля, со всѣхъ сторонъ окружавшая ихъ дарственный надѣлъ, наконецъ-то, достанется имъ даромъ, какъ бы въ награду за тѣ лишенія, которыя имъ пришлось переживать съ 1861 года. Разумѣется, никто не хотѣлъ вспоминать, что такое трудное положеніе они создали себѣ сами.

Земли экономіи были куплены крестьянскимъ банкомъ однѣ изъ первыхъ, а потому и къ распродажѣ ихъ приступили раньше,

чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Опытъ Блиновки становился потому показательнымъ для всей губерніи.

Въ самой экономіи поселился съ землемѣрами назначенный банкомъ ликвидаторъ, на обязанности котораго лежало какъ заключеніе сдѣлокъ по продажѣ участковъ, такъ еще больше разсѣять среди крестьянъ навѣянныя пропагандой иллюзіи и вернуть ихъ къ здравому смыслу. Увы, всѣ старанія были напрасны. Мужики толпами ходили къ ликвидатору, внимательно выслушивали условія продажи участковъ, очень интересовались, какъ участки будутъ спроектированы, но заключать условія не шли. Бился, бился несчастный ликвидаторъ, а потомъ съ разрѣшенія отдѣленія банка и съ моего вѣдома рѣшился продать нѣсколько участковъ тамбовскимъ крестьянамъ, явившимся въ губернію искать земли. Когда объ этомъ было объявлено блиновскимъ мужикамъ, тѣ не повѣрили возможности такой продажи и иронически слушали завѣренія ликвидатора, что это непремѣнно будетъ сдѣлано. Когда, однако, часть земли была дѣйствительно продана и покупщики стали приступать къ постройкѣ, крестьяне возмутились. Среди нихъ пошли пересуды, какъ бы вѣрнѣе не допустить на землю чужихъ поселенцевъ, какъ бы ихъ устрашить и отбить охоту селиться, дѣлались и попытки насилій, но, благодаря принятымъ мѣрамъ, эти насилія не принесли существеннаго вреда и почти всегда предупреждались. Кое-кого изъ агитаторовъ пришлось изъять и насилія прекратились. Но возбужденіе не утихало, а на покупку все-таки не шли.

Я счелъ необходимымъ лично пріѣхать на сходъ, подробно объяснялъ имъ сущность и преимущества владѣнія землей цѣльнымъ кускомъ, указалъ, какъ уже въ 1861 году предки ихъ пострадали отъ нежеланія слушать увѣщанія разума и какъ тѣмъ обрекли ихъ на безысходную нищету, что земля не будетъ ждать, пока они образумятся и выкинутъ изъ головы бредни о безплатномъ полученіи этой земли, и будетъ продаваться желающимъ, что такихъ желающихъ много и они своимъ упорствомъ очень рискуютъ остаться при положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ это было до сихъ поръ, такъ какъ новоселы не отдадуютъ имъ свою землю въ аренду.

Я старался крестьянъ втянуть въ мирную бесѣду и своимъ словамъ подчеркнуто придавалъ значеніе только совѣта, а не какого-либо требованія. Эта бесѣда у насъ завязалась очень оживленная, много спрашивали у меня всякихъ разъясненій, которыя я охотно давалъ, тонъ былъ такой спокойный съ обѣихъ сторонъ, даже иногда шутливый, что я надѣялся, что мнѣ удалось мужиковъ разубѣдить. Но каково-же было мое разочарованіе, когда послѣ нѣсколькихъ часовъ такой милой бесѣды, при моемъ отъѣздѣ крестьяне съ улыбкой на устахъ заявили, что все-таки пока покупать землю не станутъ, а подождутъ, что скажетъ Государственная Дума.

Мнѣ стоило большого труда сдержаться при видѣ такой безплодности моихъ продолжительныхъ уговоровъ, но я себя осилилъ и сказалъ спокойно:

— Разумѣется, это ваше дѣло, дѣлайте какъ хотите. Но знайте, какъ я уже это вамъ сказалъ, что земля не будетъ ждать и станетъ продаваться.

И уѣхалъ.

Помимо вліянія политической агитаціи, дѣло землеустройства и само по себѣ имѣло много трудностей, рѣшиться преодолѣть которыя было пока не подъ силу среднему человѣку.

Возьмемъ, напримѣръ, окончательную форму новаго землеустройства—разселеніе по хуторамъ. Переносъ построекъ на новое мѣсто требовалъ и времени, и денегъ. Казна выдавала на это денежныя пособія, но они покрывали лишь часть расходовъ, остальное нужно было вынуть изъ кармана. Выселяться приходилось обыкновенно на невоздѣланную землю, требовавшую предварительной расчистки, распашки и въ огромномъ большинствѣ случаевъ удобренія. Какъ бы тщательно эти работы ни были произведены, первые годы надлежало ожидать пониженныхъ противъ средняго урожаевъ и соотвѣтственнаго, конечно, обостренія нужды. Такимъ образомъ, переходъ къ новымъ формамъ землевладѣнія непремѣнно представлялъ собою операцію весьма мучительную, въ корнѣ потрясавшую средній крестьянскій хозяйственный укладъ и рѣшиться на него подъ силу лишь выдающейся энергіи.

Кромѣ того, существовали еще и другія, хотя и менѣе важныя затрудненія, однако, очень и очень заставлявшія людей призадумываться.

Прежде всего подымался вопросъ о пастьбѣ скота. Какъ его разрѣшить, если владѣніе будетъ въ одномъ кускѣ земли? Устраивать спеціальный выгонъ — нельзя, на это уйдетъ значительная часть всего владѣнія; значитъ надо пасти скотину на привязи, или содержать ее въ стойлѣ. И то, и другое слишкомъ рѣзко отличалось отъ того, что обычно практиковалось, и крестьяне совершенно не представляли себѣ, что эти способы и удобны, и незатруднительны. Этотъ вопросъ о пастьбѣ въ крестьянскихъ глазахъ самое крупное возраженіе противъ единоличнаго владѣнія въ отдѣльномъ кускѣ.

Затѣмъ при хуторскомъ разселеніи возникалъ еще бабскій вопросъ. Женщины не могли представить себѣ, какъ это можно жить безъ сосѣдей; имъ казалась такая жизнь и страшной, и скучной, и бабы были всегда противъ перехода къ новой формѣ землевладѣнія, какія бы матеріальныя блага она ни сулила.

Въ вопросѣ облегченія доступа къ покупкѣ земли для людей, неимѣющихъ свободныхъ денегъ, крестьянскій банкъ пошелъ широко на встрѣчу. Была установлена предварительная аренда покупаемой земли, при чемъ, когда впослѣдствіи заключалась сдѣлка о покупкѣ, то арендныя уплаты засчитывались въ счетъ покупной суммы. Это было очень остроумное рѣшеніе: банкъ могъ убѣдиться въ годы аренды въ работоспособности своего будущаго покупщика, а послѣдній исподволь уплатою аренды отъ снятаго урожая накапливалъ тотъ задатокъ, который давалъ ему право землю оставить за собою на правахъ покупки.

Вообще крестьянскій банкъ сыгралъ рѣшающую роль въ земельной реформѣ. Высшіе его руководители вложили въ дѣло ликвидаціи своего земельнаго фонда столько продуманности и знанія жизни, надзоръ за правильнымъ теченіемъ этого дѣла былъ такъ близокъ, настойчивъ и талантливъ, что дѣло очень скоро наладилось, преодолѣлись всѣ съ перваго взгляда непреоборимыя преграды и оно потекло такой широкой волной, что 200-тысячный фондъ Пензенской губерніи былъ распроданъ полностью въ теченіе двухъ съ небольшимъ лѣтъ. Опытъ крестьянскаго банка значительно облегчилъ дальнѣйшую землеустроительную работу по внутри-надѣльнымъ землямъ, давъ для ней провѣренные опытомъ методы и окончательно разбивъ крестьянскую косность и враждебность къ новымъ принципамъ землеустройства.

Для руководства ликвидацій крестьянскій банкъ организовалъ временныя отдѣленія своего совѣта, изъ которыхъ каждому было поручено нѣсколько губерній. Пензенская губернія вѣдалась отдѣленіемъ подъ предсѣдательствомъ В. С. Кошко изъ членовъ С. С. Хрипунова и В. И. Бафталовскаго.

Первый разъ отдѣленіе пріѣхало къ намъ безъ своего предсѣдателя. Руководящая роль была у С. С. Хрипунова.

Всѣ ликвидаторы, состоявшіе изъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій и непремѣнныхъ членовъ отдѣленія банка, были вызваны въ Пензу и имъ предложено было доложить подробно о предположенной ликвидаціи каждаго отдѣльнаго имѣнія. Требовалось показать разбивку имѣнія на участки, вычисленіе стоимости каждаго участка, снабженіе водой и дорогами.

Всѣ эти предположенія подробно разсматривались временнымъ отдѣленіемъ совѣта, утверждались или отклонялись.

С. С. Хрипуновъ въ критикѣ предположеній былъ особенно безпощаденъ и, если проектъ не удовлетворялъ основнымъ требованіямъ, а требованія эти имѣли цѣлью изъ каждаго участка образовать нѣчто жизненное, способное къ самостоятельному существованію, то такой проектъ отвергался, какъ бы ни были значительны тѣ мѣстныя соображенія, которыя заставляли въ угоду покупщикамъ поступиться хотя бы частью основныхъ требованій. На первыхъ порахъ и такъ ужъ были сдѣланы нѣкоторыя уступки противъ окончательныхъ формъ новаго землеустройства. Такъ, напримѣръ, допускалось расположеніе усадьбъ близкихъ участковъ небольшими поселками. Тутъ получалось владѣніе отрубными участками. Но, такъ какъ хозяйственныя пользы все равно современемъ понудятъ покупщиковъ перенести постройки на свой участокъ и препятствій къ тому не будетъ, то такая уступка не компрометировала существа дѣла и была потому допущена. Допускалось также общее владѣніе нѣсколькими покупщиками отдѣльными участками земли, которые почему-либо не удобно было разверстать. Этимъ имѣлось въ виду обезпечить иногда поселкамъ общій выгонъ. Тутъ непоправимой бѣды также не было и общій участокъ всегда можно будетъ разверстать впослѣдствіи.

Надо сказать, что дѣло покупки все еще шло крайне туго, а потому ликвидаторы страшно дорожили каждымъ новымъ покупщикомъ, который подвигалъ все-таки къ рѣшенію поставленной ликвидатору задачи, а потому очень были склонны идти на всякія уступки иногда даже въ ущербъ самой основной идеи землеустройства.

С. С. Хрипуновъ рѣшительно положилъ этому конецъ. Онъ былъ человѣкъ твердый и зналъ, куда шелъ. А потому общая неудовлетворительность рѣшеній не заставила его понизить свои требованія, какъ бы сдѣлали многіе другіе, а еще болѣе укрѣпила его настойчивость.

Потому-то послѣ перваго такого доклада, на которомъ и я присутствовалъ, ликвидаторы были прямо терроризованы и многіе стали поговаривать объ уходѣ изъ вѣдомства. Но такъ какъ критика была строго обоснована, предъявленныя требованія не представляли собою боронскихъ фантазій, а вытекали изъ существа дѣла, то, конечно, никто не поддался своимъ первымъ впечатлѣніямъ отъ неудачи и всѣ продолжали работать, сдѣлавшись лишь болѣе непреклонными въ отношеніи не надлежащихъ желаній покупщиковъ. Для провѣрки ликвидаціи на мѣстахъ отдѣленія совѣта посылали своихъ уполномоченныхъ, среди которыхъ въ нашу губернію пріѣзжалъ А. А. Катенинъ. Онъ зналъ рѣшительно каждое дѣло, могъ судить о работѣ каждаго ликвидатора. Неудачники должны были оставить службу.

Вотъ одинъ изъ такихъ неудачныхъ ликвидаторовъ разразился въ «Вѣстникѣ Европы» статьею подъ очень претенціознымъ заголовкомъ «Новая крѣпь», въ которомъ все теченіе землеустройства рисовалось какъ сплошное насиліе надъ крестьянами, самое дѣло изображалось, какъ не имѣющее будущности, всѣхъ главнѣйшихъ работниковъ, какъ С. С. Хрипуновъ и А. А. Катенинъ разбранилъ, основывая эту ругань главнѣйшимъ образомъ на своихъ впечатлѣніяхъ, отъ ихъ наружности. Тонъ былъ въ высокой степени бойкій, но всякая правдивость въ изложеніи, разумѣется, отсутствовала.

Я упоминаю объ этой статьѣ, такъ какъ она у насъ очень обратила на себя вниманіе.

Ликвидація имѣній сопровождалась, конечно, отдѣльными безобразіями со стороны недовольнаго установленными порядками населенія: были поджоги экономическихъ построекъ и убраннаго банкомъ хлѣба, пробовали не допустить покупщиковъ къ пользованію землей, но все это случалось такъ рѣдко, что не являлось характернымъ, такъ что въ общемъ дѣло это развивалось вполнѣ благополучно и понемногу банкъ взялъ назадъ всѣ тѣ уступки въ планѣ ликвидаціи земельнаго фонда, которыя имъ были допущены въ видахъ скорѣйшаго привлеченія покупщиковъ.

Черезъ годъ примѣрно послѣ начала ликвидаціи банковскихъ земель, непремѣнные члены землеустроительныхъ комиссій были освобождены отъ обязанностей ликвидаторовъ и занялись внутринадѣльнымъ землеустройствомъ, т. е. сведеніемъ полосъ каждаго хозяйства къ одному мѣсту и образованіемъ, такимъ образомъ,

отрубного участка. Дѣло это было также очень труднымъ и встрѣчало много противодѣйствія со стороны крестьянскихъ обществъ, но понемногу случаи такого сведенія полосъ все учащались и учащались и принудили нѣкоторыя общества разверстаться цѣлой деревней. Побудительной причиной тутъ являлось опасеніе, что на долю остающихся въ общинѣ останется слишкомъ мало земли, такъ какъ выходившіе на отруба, получая кусокъ земли обыкновенно въ дальнихъ неудобряемыхъ поляхъ худшаго качества, чѣмъ оставляемыя полосы, за качество вознаграждались количествомъ, вмѣсто, скажемъ, 5 десятинъ получали 6—7, а то и болѣе.

Одновременно почти съ внутринадѣльнымъ разверстаніемъ пришлось заняться агрономической помощью единоличнымъ владѣльцамъ, а затѣмъ и огнестойкимъ строительствомъ.

Земство наше не пожелало взять въ свои руки постановку агрономической помощи. По всей Россіи, за весьма малыми исключеніями, былъ выставленъ въ оправданіе такого уклоненія отъ дѣла, по самому своему существу входящему въ кругъ обязанностей земства, одинъ и тотъ же аргументъ: земство молъ, какъ учрежденіе всесословное, не можетъ заниматься нуждами какой-нибудь одной части плательщиковъ земскихъ сборовъ, а агрономическая помощь только однимъ выдѣляющимся изъ общины есть именно такая обособленная помощь. Разумѣется, этимъ весьма слабымъ аргументомъ въ большинствѣ случаевъ прикрывалось лишь политиканство. Изобрѣтенъ онъ былъ, конечно, кадетами, которые, какъ партія опозиціонная, должны были обязательно критиковать и осуждать всякую мѣру, исходящую отъ правительства. Для людей этихъ воззрѣній сотрудничество съ правительствомъ въ принципѣ невозможно. Вотъ почему тѣ же кадеты, которые въ Виттовскихъ совѣщаніяхъ о подъемѣ сельско-хозяйственной промышленности въ 1904 году громили общину и видѣли въ ней тормазъ всякаго экономическаго подъема, въ 1906 году воспылали къ той же общинѣ чрезвычайной нѣжностью, такъ какъ правительство провело законъ 9 ноября 1906 года объ уничтоженіи общины. Разумѣется, совѣстливость не позволяла мотивировать уклоненіе отъ своихъ прямыхъ обязанностей соображеніями политической борьбы, а потому былъ брошенъ въ обращеніе вышеприведенный аргументъ, на первый взглядъ какъ будто бы небезосновательный. Но только на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что вообще агрономическія мѣры не могутъ быть общими. Сущность всякой агрономической помощи при нынѣшнемъ уровнѣ у насъ знаній заключается въ томъ, что то или другое улучшеніе испробывается или отдѣльными хозяйствами при содѣйствіи земства или особо для того созданными учрежденіями и уже достигнутые результаты объявляются во всеобщее свѣдѣніе. Чѣмъ больше такихъ опытовъ, тѣмъ выводы обоснованнѣе. Казалось бы поэтому, что всякое желаніе произвести ихъ земство должно привѣтствовать, нисколько не заботясь о томъ, поскольку желающіе равномѣрно распредѣляются между всѣми группами плательщиковъ. Тѣмъ болѣе были бы интересны и показательны для всего уѣзда опыты на участкахъ единоличниковъ, ну какъ, казалось бы, не ухватиться обѣими ру-

ками за такой случай? Но, увы, сознательное политиканство и непродуманная подражательность — явленіе не рѣдкое въ нашей земской жизни.

Моими ближайшими помощниками въ дѣлѣ землеустройства являлись непремѣнные члены губернской землеустроительной комиссіи А. А. Фокинъ и непремѣнный членъ губернскаго присутствія А. В. Цеклинскій. Фокинъ, помѣщикъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи, служилъ сначала земскимъ начальникомъ у себя въ уѣздѣ. Но потомъ, обидѣвшись за что-то на губернатора графа Татищева, бросилъ службу и сталъ присяжнымъ повѣреннымъ при саратовской судебной палатѣ. Дѣло это у него не пошло и онъ сталъ просить П. А. Столыпина, знавшаго его по своей службѣ въ губерніи, дать ему мѣсто. Столыпинъ назначилъ его для начала совѣтникомъ губернскаго правленія къ намъ въ Пензу. На эту вакансію у меня было представлено другое лицо, не имѣвшее высшаго образованія, но зарекомендовавшее себя своей продолжительной службой съ наилучшей стороны. Я былъ очень огорченъ, когда мой кандидатъ былъ отвергнутъ за неимѣніемъ высшаго образованія. Я понимаю, когда при выборѣ изъ двухъ кандидатовъ, одинаково честныхъ и дѣловитыхъ, отдаютъ предпочтеніе человѣку, имѣющему высшее образованіе, но дѣлать изъ одного только образованія какой-то рѣшающій по службѣ пропускъ, какъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, гдѣ самый маленькій чиновникъ непремѣнно универсантъ, мнѣ казалось просто нелѣпымъ. А. А. Фокинъ, разумѣется, зналъ, что онъ получаетъ назначеніе въ нашу губернію помимо желанія губернатора, а потому, должно быть, очень безпокоился о томъ, какъ я его приму и какія у насъ установятся отношенія. Онъ пріѣзжалъ въ Пензу еще до приказа о своемъ назначеніи и хотѣлъ меня видѣть, но я былъ въ отъѣздѣ.

Когда онъ явился ко мнѣ, я принялъ его какъ слѣдуетъ и объявилъ, что къ нему лично я не могу питать никакого неудовольствія и прошу его въ этомъ отношеніи быть совершенно спокойнымъ.

Я поручилъ ему привести въ порядокъ губернскую типографію, страшно запущенную его предшественникомъ.

Узнавши А. А. Фокина, я благодарилъ судьбу, пославшую мнѣ такого работника. Очень умный и образованный, Фокинъ обладалъ широкой инціативой, быстро схватывалъ вещи, такъ что въ незнакомомъ дѣлѣ скоро и основательно оріентировался; былъ чрезвычайно самолюбивъ и самый мягкій намекъ на то, что вы не совсѣмъ согласны съ его мнѣніемъ, приводилъ его въ крайнее волненіе, которое онъ тщетно старался скрывать. Какъ человѣкъ широкаго горизонта, онъ понималъ свои обязанности не узко формально, лишь бы ихъ сбыть съ рукъ, а въ отправленіе ихъ вкладывалъ всю свою добрую волю и глубокое пониманіе. Нервенъ онъ былъ до болѣзненности и эта черта объясняла собою неровность его характера и дѣлала для людей службу подъ его руководительствомъ очень безпокойной и иногда непріятной.

Когда я убѣдился въ высокихъ достоинствахъ Фокина, и освободилось мѣсто непремѣннаго члена губернской землеустроитель-

ной комиссіи, я написалъ П. А. Столыпину письмо, прося его содѣйствія къ опредѣленію его на эту вакансію. Я доложилъ Министру, что держать такого талантливаго человѣка на должности Совѣтника Губернскаго Правленія, съ которой можетъ справиться любой усердный и неглупый чиновникъ, является прямой расточительностью. Я полагалъ, что Фокину слѣдовало дать наиболѣе отвѣтственное и важное дѣло, такъ какъ у него имѣются всѣ данныя такое дѣло достойно одолѣть.

Ходатайство мое вскорѣ было уважено.

Пензенское землеустройство, а въ особенности постановка агрономической помощи и огнестойкаго строительства очень много обязаны А. А. Фокину.

Другой мой сотрудникъ А. В. Цеклинскій работалъ главнымъ образомъ надъ проведеніемъ въ жизнь закона 9 ноября 1906 года о выходѣ изъ общины. Это былъ прекрасный работникъ, хорошо поставившій это по тогдашнему взгляду важное дѣло. Мы съ нимъ были близко знакомы домами и часто другъ у друга бывали. Жена его, очень красивая высокая женщина, типа древне-германскихъ героинь, отличалась необыкновенною прямотой: она каждому говорила въ глаза то, что думала, и это выходило у нея какъ-то не очень рѣзко и никого не задѣвало. По убѣжденіямъ она была большая либералка, такъ что мы всѣ называли ее «кадеткой». Помню, на этой почвѣ я съ ней какъ-то даже поссорился. Когда судили убійцу полиціймейстера Кандаурова Васильева, его защищалъ московскій адвокатъ Мандельштамъ. Марія Ивановна Цеклинская пришла въ такой восторгъ отъ этой защиты, что готова была видѣть въ Васильевѣ жертву убитаго имъ полиціймейстера, а не наоборотъ. У себя дома это была милѣйшая радушная хозяйка. Въ трудные дни революціи я съ удовольствіемъ отводилъ у нихъ душу.

Центральныя учрежденія удѣляли много вниманія теченію земельной реформы и лѣтомъ къ намъ наѣзжали для ознакомленія съ постановкой дѣла товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. И. Лыкошинъ, сенаторъ Чаплинъ, Бафталовскій, Зноско-Боровскій и многіе другіе. Кажется, всѣ находили, что дѣло идетъ успѣшно.

Съ Городищенскимъ уѣздомъ я ознакомился послѣднимъ изъ всей губерніи.

Предводителемъ дворянства тамъ въ это время состоялъ В. А. Бутлеровъ. Такъ какъ онъ былъ въ тоже время членомъ Государственнаго Совѣта по выбору земства, то большую часть времени жилъ въ Петербургѣ или Москвѣ и уѣздомъ совсѣмъ не занимался. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, очень красивый и необыкновенно симпатичный. Кто только его ни знавалъ, всѣ его любили. Говорятъ, онъ пользовался всегда огромнымъ успѣхомъ у женщинъ и въ этомъ отношеніи его жизнь—сплошной романъ. Въ послѣдніе годы онъ занялся лѣснымъ дѣломъ и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ, такъ что нажилъ большія деньги.

По убѣжденіямъ своимъ В. А. Бутлеровъ являлся правымъ, но безъ всякаго партійнаго фанатизма и крайностей, такъ что въ

земскомъ собраніи онъ пользовался большимъ значеніемъ и вліяніемъ.

Семья его жила постоянно въ Москвѣ и во время революціонныхъ боевъ на московскихъ улицахъ, дочь Владиміра Александровича, выходившая изъ подъѣзда съ гувернанткой, была ранена въ ногу шальной пулей. Пораненіе это протекало какъ-то очень несчастливо, хотя кость и срослась, но неправильно и пришлось, кажется, опять ломать.

Городищенскій уѣздъ по почвѣ считается самымъ худшимъ въ губерніи, земля въ немъ супесчаная и суглинистая. У насъ въ Новгородской губерніи, напримѣръ, такія земли считаются превосходными и при удобреніи даютъ хорошіе урожаи. Но здѣсь, когда черноземы достигаютъ сплошь и рядомъ толщины въ 1½—2 аршина, конечно, такая земля не можетъ идти въ сравненіе съ черноземомъ.

По красотѣ видовъ Городищенскій уѣздъ прямо замѣчателенъ. Окрестности Шуваловскихъ имѣній Верхняго и Нижняго Шкафта такъ очаровательны, что въ Западной Европѣ навѣрное привлекали бы къ себѣ туристовъ. Въ этомъ уѣздѣ также сохранились великолѣпные лѣса.

Нынѣ Шкафтъ принадлежитъ младшему сыну Н. П. Балашову, который начинаетъ приводить въ порядокъ дивную усадьбу, крайне запущенную послѣднимъ графомъ Шуваловымъ.

Въ Городищенскомъ же уѣздѣ находится имѣніе Никольская Пестровка съ стариннымъ стекляннымъ заводомъ. Это имѣніе принадлежитъ князю Александру Дмитріевичу Оболенскому. Во время революціи на этомъ заводѣ было все сравнительно спокойно. Хотя тамъ и стояла рота пѣхотнаго полка, но князь помѣстилъ ее на одномъ изъ хуторовъ, но не въ самомъ заводѣ.

Господскій домъ въ Пестровкѣ довольно большой. Кажется, онъ расширенъ уже теперешнимъ владѣльцемъ. Мнѣ говорили, что большой залъ съ хорами построенъ уже княземъ.

Когда мы сюда пріѣхали, князь и княгиня были въ Петербургѣ, вызванные къ тяжко больному брату княгини Половцеву. Принимали насъ сыновья князя.

Старшаго изъ нихъ Д. А. Оболенскаго и его жену я уже встрѣчалъ, онъ состоялъ помощникомъ городищенскаго предводителя и фактически исполнялъ эту должность.

Съ другими же Алексѣемъ и Александромъ Александровичами встрѣтился впервые.

Князь Александръ Александровичъ служилъ въ кавалергардскомъ полку, а Алексѣй Александровичъ только что тогда окончилъ университетъ. Послѣдній очень хорошо игралъ на скрипкѣ.

Мы провели въ Пестровкѣ весь вечеръ чрезвычайно пріятно. Князья устроили примѣрную пожарную тревогу и показали намъ дѣйствія вольно-пожарной дружины, отлично сорганизованной и снабженной богатымъ пожарнымъ обозомъ.

Мастеровые завода дали намъ на хорахъ зала цѣлый концертъ. Заводскій обширный хоръ былъ должно быть въ очень умѣлыхъ рукахъ—и отлично исполнилъ многіе номера весьма раз-

нообразнаго репертуара. Послѣ хора много игралъ на скрипкѣ и пѣлъ князь Алексѣй Александровичъ, которому аккомпанировалъ одинъ изъ гостившихъ въ Пестровкѣ его товарищей. Разошлись мы спать очень поздно.

Утро слѣдующаго дня было посвящено осмотру завода и всѣхъ заводскихъ учрежденій: больницы, театра, музея, кредитнаго товарищества.

Заводъ выдѣлывалъ стеклянную посуду и производство было довольно значительное. Въ Пензѣ имѣлся особый магазинъ, гдѣ принимались заказы и производилась розничная продажа.

Очень интересенъ заводскій музей, въ которомъ собраны образцы производства чуть ли не съ самаго возникновенія завода, т. е. за сто лѣтъ.

Послѣ завтрака я хотѣлъ ѣхать на станцію Ночка Казанской дороги, близъ которой расположено имѣніе Бутлерова, къ которому я обѣщалъ заѣхать.

Князь Александръ Александровичъ, увлекавшійся автомобильнымъ спортомъ, предложилъ мнѣ довести насъ до Бутлерова въ своемъ автомобилѣ. Я усиленно отказывался. Дѣло въ томъ, что встрѣчныя подводы всегда такъ пугаются автомобилей, что сплошь и рядомъ происходятъ всякія катастрофы, а мнѣ не хотѣлось, чтобы населеніе могло обвинять въ такихъ катастрофахъ губернатора, обязаннаго прежде всего всячески ихъ предотвращать, а не создавать. Князь настаивалъ и торжественно обѣщалъ принимать всѣ мѣры осторожности: останавливаться, завидя встрѣчныя подводы, уменьшать по деревнямъ скорость и т. д. Дѣлать было нечего, я далъ себя уговорить.

Переѣздъ въ 23 версты до Ночки мы сдѣлали вполнѣ благополучно, при встрѣчахъ останавливались и пр. Отъ станціи до Бутлерова всего версты 3—4. Усадьба построена въ большомъ сосновомъ лѣсу на песчаномъ грунтѣ. Когда дорога подходитъ къ лѣсу, она поднимается на небольшой песчаный бугоръ. Нашъ автомобиль тутъ зарылся въ песокъ и не могъ преодолѣть подъема. Хорошо, что скоро за нами показались стражники и помогли поднять автомобиль.

Бутлеровъ насъ ждалъ съ обѣдомъ; послѣ него мы сейчасъ же поѣхали на станцію, такъ какъ приходилъ поѣздъ, съ которымъ мы уѣзжали.

Во время японской войны прославился очень одинъ изъ уроженцевъ Пензенской губерніи рядовой Василій Рябовъ.

Будучи развѣдчикомъ, Рябовъ попался переодѣтый японцамъ, былъ опознанъ и приговоренъ къ смертной казни. Онъ такъ красиво и мужественно отдалъ за Родину свою жизнь, что японцы были этимъ глубоко тронуты и сочли долгомъ о подвигѣ Рябова и его послѣднихъ минутахъ сообщить русскимъ властямъ, указавъ мѣсто, гдѣ было зарыто его тѣло.

По окончаніи войны военныя наши власти разыскали могилу Рябова, переложили тѣло въ металлическій гробъ и вызвали депутацію отъ стоявшаго въ Пензѣ Инсарскаго полка для передачи

ей тѣла героя и перевозки его въ Пензу для погребенія на мѣстѣ родины.

Подвигъ Рябова получилъ широкую извѣстность, организовалась общественная подписка для увѣковѣченія его памяти и Государь Императоръ отъ себя соизволилъ присоединить на это дѣло значительную сумму.

Для осуществленія этого дѣла и сбора пожертвованій образовался особый комитетъ подъ предсѣдательсвтомъ пензенскаго предводителя дворянства А. Н. Селиванова.

Помимо обезпеченія семьи Рябова, комитетъ рѣшилъ выстроить въ селѣ Лебедевкѣ, Пензенскаго уѣзда, гдѣ герой родился, прекрасную школу для крестьянскихъ дѣтей, присвоивъ ей названіе «въ память рядового Василія Рябова». Освященіе этой школы произошло очень торжественно, съ парадомъ отъ войскъ. Служилъ обѣдню и освящалъ зданіе преосвященный. Присутствовали на торжествѣ всѣ гражданскія и военныя власти. Село Лебедевка лежитъ въ верстахъ 12 отъ Пензы и когда я ѣхалъ туда къ началу обѣдни, по дорогѣ встрѣтилъ огромное количество народа, спѣшившаго на это торжество. Освященное зданіе оказалось очень обширнымъ, свѣтлымъ. Кругомъ него шелъ узорчатый заборъ, такъ что получалась совершенно отдѣльная школьная усадьба.

Перевезеніе тѣла Рябова въ Пензу состоялось вскорѣ послѣ освященія школы его имени.

Рѣшено было отпѣть тѣло въ соборѣ въ Пензѣ, а отсюда процессіей перевезти въ Лебедевку, и тамъ похоронить. Гдѣ же устроить могилу? Казалось бы, лучше всего у мѣстной церкви, въ которой Рябова крестили и вѣнчали. Но тутъ возникло затрудненіе, о которомъ придется сказать хотя бы кратко.

До призыва своего на военную службу по случаю японской войны, Василій Рябовъ велъ нетрезвый образъ жизни, который эту кипучую, несдержанную натуру привелъ на край пропасти. Мѣстный священникъ категорически отказался хоронить Рябова у церкви именно изъ-за дурной репутаціи его прежней жизни, а потому комитетъ рѣшилъ предать тѣло землѣ на усадьбѣ школы противъ оконъ, выходящихъ на улицу. Такъ и сдѣлали. Высокій подвигъ Рябова нисколько не долженъ умаляться его темнымъ прошлымъ. Примѣръ этотъ лишь свидѣтельствуетъ, что русскій человѣкъ, какъ бы низко онъ ни палъ подъ вліяніемъ злоупотребленія алкоголемъ, не теряетъ окончательно драгоцѣнныхъ качествъ своей души и вырвавшись складомъ обстоятельствъ изъ принижающаго его пьянаго тумана, способенъ на величайшее самопожертвованіе, глубокую вѣру и преданную любовь къ Родинѣ.

Передъ прибытіемъ тѣла въ Пензу, я приказалъ убрать путь слѣдованія отъ вокзала до собора траурными украшеніями: фонари были обвиты черной матеріей и хвоей, повсюду развѣшены на шестахъ орифламы, черезъ улицы перекинуты гирлянды съ траурными флагами, устроены три арки съ соотвѣтствующими надписями, убранныя также черной матеріей и хвоей.

Тѣло было встрѣчено преосвященнымъ на вокзалѣ и у прибывшаго траурнаго вагона отслужена владыкой краткая литія. За-

тѣмъ я и военныя власти вынесли тѣло изъ вагона и подъ пѣніе тысячнаго хора всѣхъ учебныхъ заведеній отнесли и установили на катафалкъ.

Было возложено на гробъ множество вѣнковъ. Тѣло сопровождалось хоромъ военной музыки и всѣмъ пензенскимъ гарнизономъ.

Десятки тысячъ народу запрудили весь путь слѣдованія. Вдоль тротуаровъ стояли шпалеры изъ учениковъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

Самое погребеніе въ Лебедевкѣ было очень торжественно: присутствовалъ весь Инсарскій полкъ и представители другихъ воинскихъ частей и всѣ гражданскія и военныя власти.

По мѣрѣ того, какъ революція все болѣе и болѣе вырождалась въ разбой, отъ нея отходили понемногу всѣ тѣ ея сторонники, которые не остались глухи къ голосу совѣсти и здраваго смысла. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого отчужденія явилось то, что совершаемыя разными экспропріаторами преступленія перестали покрываться мирнымъ населеніемъ и стали понемногу уловимыми для властей. Нѣсколько смертныхъ приговоровъ, приведенныхъ въ исполненіе, сразу рѣзко понизили разбои и изъ явленія повседневнаго сдѣлали ихъ чѣмъ-то уже исключительнымъ. Но все-таки время отъ времени они повторялись почти вплоть до моего оставленія Пензы и почти всегда виновники попадали въ руки правосудія.

Особенно твердо помню два случая разбоя въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ, имѣвшіе мѣсто въ 1910 году. Въ контору имѣнія А. А. Оппель явились какъ-то вечеромъ два субъекта и съ револьверами въ рукахъ потребовали у управляющаго выдачи имѣющихся у него денегъ. Всего на рукахъ оказалось 200 рублей которые управляющій и отдалъ разбойникамъ безъ всякаго сопротивленія. Тѣмъ не менѣе, уходя съ деньгами, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ и тяжко ранилъ въ животъ управляющаго, отчего последній на другой день скончался. Въ тотъ же день недалеко отъ имѣнія Оппель былъ убитъ на своей пасѣкѣ старикъ-крестьянинъ, о которомъ шла молва, что у него имѣлись порядочныя деньги.

Эти два убійства очень взволновали уѣздъ и о нихъ было донесено тотчасъ же. Хотя за послѣдніе мѣсяцы въ уѣздѣ убійства уже не повторялись, но никто, разумѣется, не могъ поручиться за то, что это было результатомъ достигнутаго общими условіями успокоенія. Напротивъ того, наглость совершенныхъ среди дня этихъ преступленій такъ соотвѣтствовала всему наблюдавшемуся въ разгаръ партизанскихъ выступленій революціи, что минувшіе спокойные мѣсяцы показались теперь каждому явленіемъ случайнымъ, лишь на время прервавшимъ бурное разбойное движеніе. Чѣмъ длиннѣе былъ спокойный промежутокъ, тѣмъ тревожнѣе стало общее настроеніе при этомъ новомъ взрывѣ. Поэтому явилась особо острая необходимость во что бы то ни стало изловить преступниковъ.

Нижне-ломовскимъ исправникомъ состоялъ нѣкто Г. А., очень много поработавшій въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ

въ Городищенскомъ уѣздѣ въ роли станового пристава. За эту его дѣятельность и проявленную неустрашимость я назначилъ его прямо нижне-ломовскимъ исправникомъ, что явилось совершенно незауряднымъ повышеніемъ. Я очень мало зналъ эту личность, но мѣстныя власти отзывались о немъ скорѣе несимпатично; особенно не взлюбили его въ роли исправника. Ему ставили въ вину рѣзкость, заносчивость, неумѣніе ладить съ людьми, однако, прямыхъ жалобъ на него никто мнѣ не приносилъ. Мнѣ казалось, что такіе отзывы обусловливались независимостью поведенія исправника, соединенной съ нѣкоторой рѣзкостью и, можетъ быть, не достаточной воспитанностью; но эти недостатки совершенно искупались его работоспособностью и отличнымъ знаніемъ полицейской службы, такъ что я не обращалъ вниманія на неблагопріятные отзывы.

Я предписалъ А. во что бы то ни стало обнаружить преступниковъ и задержать ихъ, поставивъ на ноги всю полицію.

Вскорѣ получаю донесеніе, что виновные обнаружены, задержаны и съ полицейскимъ дознаніемъ переданы судебному слѣдователю. Это были, сколько помню, два или три крестьянина изъ деревни по сосѣдству съ имѣніемъ Оппеля и пчельникомъ убитаго старика. Когда же слѣдователь сталъ производить слѣдствіе, то сейчасъ же послѣ первыхъ допросовъ обнаружилось, что полицейское дознаніе пошло по ложному слѣду и задержало этихъ людей по такимъ косвеннымъ уликамъ, которыя совершенно нельзя считать достаточными даже для возникновенія противъ задержанныхъ подозрѣнія. Улики эти далѣе совершенно разбились о показанія свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что заподозрѣнные во время совершенія преступленія находились совершенно въ другомъ мѣстѣ. А потому слѣдователь сейчасъ же освободилъ изъ-подъ стражи задержанныхъ людей и дѣло вернулось къ первоначальной своей стадіи.

Видя безуспѣшность розысковъ полиціи и зная по опыту, какъ трудно отдѣлаться отъ составленнаго ранѣе ошибочнаго предположенія о направленіи розысковъ, я счелъ необходимымъ командировать на мѣсто начальника пензенскаго сыскного отдѣленія съ подчиненными ему полицейскими надзирателями, поручивъ ему заняться этимъ дѣломъ. Общая полиція относится всегда недружелюбно къ работѣ сыскного отдѣленія въ своемъ районѣ, она видитъ въ немъ соперника, собирающагося похитить у нея лавры раскрытія дѣла, а потому тщательно скрываетъ отъ него наиболѣе цѣнныя данныя и ограничивается передачей ничего не значущихъ свѣдѣній, а часто даже старается направить сыскное отдѣленіе въ ложную сторону. Такимъ образомъ сотрудничество общей и сыскной полиціи одной и той же губерніи на дѣлѣ почти никогда не даетъ хорошихъ результатовъ, а лишь поселяетъ соперничество и стремленіе къ обособленной работѣ, что проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ способнѣе и самолюбивѣе представители той и другой.

Зная это, я особымъ предписаніемъ приказалъ исправнику оказать начальнику сыскного отдѣленія всякое содѣйствіе и стро-

жайше воспретилъ соперничество подъ страхомъ жестокаго наказанія.

Сыскное отдѣленіе вскорѣ напало на слѣды виновныхъ и постепенно нанизавъ цѣлый рядъ фактовъ, служившихъ уликой для изобличенія преступниковъ, арестовало послѣднихъ и направило къ слѣдователю.

Начальникъ сыскного отдѣленія, явившись въ Пензу, доложилъ мнѣ, что исправникъ не только ему не содѣйствовалъ въ раскрытіи этого преступленія, а напротивъ того, дѣлалъ все возможное, чтобы эта работа не удалась. Такъ онъ, между прочимъ, воспретилъ становымъ приставамъ давать сыскному отдѣленію получаемыя отъ урядниковъ свѣдѣнія по этому дѣлу; когда были изобличены виновные и арестованы, исправникъ подсылалъ, будто бы, къ нимъ людей, уговаривая взять свои показанія обратно.

Я былъ глубоко возмущенъ этими пріемами.

Вотъ уже четвертый годъ идетъ, какъ я всѣми силами борюсь съ разбойничествомъ, стремясь искоренить его въ губерніи и обезопасить жизнь и имущество населенія; эту борьбу считаю своею первѣйшей и серьезнѣйшей обязанностью. И вдругъ подчиненный мнѣ исправникъ, получившій по настоящему дѣлу спеціальныя отъ меня указанія, осмѣливается вставлять свои палки въ колеса да еще по побужденіямъ мелкаго самолюбія. Не умѣя справиться съ дѣломъ, онъ рѣшаетъ, что будетъ мѣшать и другимъ пролить на него свѣтъ. Что за бѣда, что благодаря такому образу дѣйствій, преступники ускользнуть изъ рукъ правосудія и будутъ продолжать свои преступленія въ другомъ мѣстѣ, а охватившая уѣздъ тревога не только не успокоится, а будетъ возрастать по мѣрѣ безуспѣшности розыска. Зато губернаторъ не въ состояніи будетъ его укорить, что онъ не сумѣлъ справиться съ дѣломъ, которое оказалось по плечу начальнику сыскного отдѣленія. Словомъ—пропадай весь свѣтъ, лишь бы не страдало мое самолюбіе. На мой взглядъ, нѣтъ болѣе серьезнаго служебнаго преступленія, чѣмъ подобное поведеніе, и его не могутъ искупить никакія прежнія заслуги. А потому покарать его такъ, чтобы другимъ было неповадно, требовалось и моимъ служебнымъ авторитетомъ, такъ дерзко попраннымъ исправникомъ, и нуждами общественной безопасности.

Прежде всего слѣдовало преступленія Г. А. установить формальнымъ разслѣдованіемъ. По важности вопроса производство такового слѣдовало бы поручить вице-губернатору; но, къ сожалѣнію, послѣдній въ это время мучился каменной болѣзнью и не могъ ѣздить на лошадяхъ. Старшему совѣтнику губернскаго правленія Г. Попову тоже нельзя было поручить этого дѣла, такъ какъ незадолго до того я получилъ отъ того же А. частное письмо, въ которомъ онъ горько мнѣ жаловался на несправедливое къ себѣ отношеніе совѣтника Попова. Жалоба эта, какъ мнѣ было извѣстно, не обосновывалась на вѣрныхъ фактахъ и была потому неосновательна; тѣмъ не менѣе я не призналъ возможнымъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ исправника передавать въ эти руки теперь, ужъ послѣ принесенія такой вздорной жалобы, едва ли безпри-

страстныя. Оставалось послать младшаго совѣтника Г. Ш. Это былъ еще молодой человѣкъ, по службѣ неопытный и до такой степени легкомысленный, что о немъ слагались цѣлыя легенды. Въ легендахъ этихъ было очень трудно разобраться и отличить правду отъ вымысла и преувеличеній, но во всякомъ случаѣ было безспорно, что поведеніе этого господина оставляло желать многаго. Давать Г. Ш. подобное серьезное порученіе было какъ будто бы опасно, но я рѣшился на это, такъ какъ всѣ факты и установившіе ихъ свидѣтели были уже извѣстны и оставалось только закрѣпить показанія ихъ на бумагѣ и, можетъ быть, добыть еще и новыя данныя опросомъ остальныхъ чиновъ нижне-ломовской полиціи. Если бы этихъ новыхъ данныхъ и не получилось, то все равно уже извѣстныхъ было совершенно достаточно, чтобы расправиться съ исправникомъ съ безпощадной суровостью.

Дознаніе Г. Ш., заключавшее въ себѣ, между прочимъ, показанія двухъ становыхъ приставовъ и двухъ, кажется, урядниковъ или полицейскихъ надзирателей, что А. строжайше воспретилъ имъ давать начальнику сыскного отдѣленія какія бы то ни было свѣдѣнія по дѣлу убійствъ, дали право принять слѣдующія мѣры.

Былъ отданъ приказъ по губернскому правленію, въ которомъ обрисовавъ подробно поведеніе исправника, я призналъ недопустимымъ дальнѣйшую его службу въ полиціи и приказалъ уволить его отъ должности, самое же дознаніе Г. Ш. передать судебному слѣдователю для производства о дѣйствіяхъ исправника предварительнаго слѣдствія.

Желая дать этому строгому распоряженію возможно большую огласку, чтобы чины полиціи знали, что грозитъ каждому полицейскому чиновнику, ставящему свое мелкое самолюбіе выше обязанностей службы, я приказалъ этотъ приказъ напечатать въ неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ былъ воспроизведенъ въ лѣвыхъ газетахъ съ краткими, но выразительными комментаріями по поводу полицейской службы у насъ въ Россіи вообще.

Слѣдовало ли печатать мой приказъ въ газетѣ и не являлось ли такое распоряженіе компрометирующимъ правительственную власть? Съ тѣхъ поръ вотъ ужъ прошло восемь лѣтъ, много воды утекло, но, если бы такой же случай произошелъ сегодня, я, кажется, поступилъ бы совершенно также. Вѣдь никто же не вображаетъ, что русскіе чиновники какіе-то ангелы, которымъ несвойственны человѣческія слабости и недостатки. Они такіе же грѣшные люди, какъ и мы всѣ, и было бы нелѣпостью отрицать это. Но правильно поставленная служба требуетъ лишь одного, чтобы обнаружившаяся служебная вина была тѣмъ серьезнѣе покарана, чѣмъ значительнѣе послѣдствія проступка. Если по этому общество будетъ узнавать, что правительственная власть не мирволитъ своимъ агентамъ, что преступленія ихъ караются, то вѣдь тѣмъ самымъ общество будетъ убѣждаться лишь въ достоинствѣ самой власти и правильномъ ея функціонированіи. Какъ же это можетъ власть компрометировать? Самъ П. А. Столыпинъ, отвѣчая Государственной Думѣ на запросъ по дѣлу Азефа,

открыто призналъ, что имѣли мѣсто два случая провокаціи политической полиціи, но наличность этихъ случаевъ вовсе не характеризуетъ дѣятельности всей полиціи и употребляемыхъ ею пріемовъ. Въ глазахъ благомыслящихъ людей такое признаніе могло лишь увеличить довѣріе къ его словамъ.

Департаментъ полиціи, или вѣрнѣе главнѣйшій въ немъ тогда воротило С. П. Бѣлецкій посмотрѣлъ на дѣло иначе. Дѣйствительно ли онъ считалъ, что оберегая достоинство правительства, слѣдуетъ возможно тщательнѣе скрывать прегрѣшенія отдѣльныхъ его агентовъ или онъ замаскировалъ такимъ ходячимъ и на первый взглядъ какъ будто бы основательнымъ соображеніемъ побужденія иного порядка — сказать, конечно, мудрено. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ лично показалось, что послѣднее какъ будто бы вѣроятнѣе, а почему—объ этомъ я скажу ниже.

Когда состоялось увольненіе Г. А. отъ должности, послѣдній не захотѣлъ такому распоряженію безпрекословно подчиниться и вотъ онъ начинаетъ борьбу и ведетъ ее, надо отдать справедливость, энергично и ловко. Увольненіе послѣдовало, опираясь на дознаніе Г. Ш. Слѣдовало, значитъ, прежде всего опорочить это дознаніе. Какъ это сдѣлать? Надо, очевидно, использовать репутацію этого легкомысленнаго совѣтника и его отдѣльнымъ поступкамъ придать такое освѣщеніе, которое подорвало бы вѣру въ установленные имъ факты. Этотъ маневръ производится съ большимъ искусствомъ. Поднимается шумъ о карточной игрѣ съ лицомъ, замѣстившимъ исправника А., таинственныхъ вызовахъ подъ пьяную, якобы, руку свидѣтелей обвиненія по одиночкѣ, инсценируются скандалы съ особами легкаго поведенія и пр. и пр. и главное — факты, къ сожалѣнію, не выдумываются, а они дѣйствительно имѣли мѣсто, но таково ли ихъ значеніе, какъ говоритъ Г. А., это вопросъ очень и очень спорный. Къ этому добавляется цѣлый рядъ свидѣтелей, все ставленниковъ самого Г. А., категорически отрицающихъ противодѣйствіе исправника сыскному отдѣленію и опорачивающихъ тѣ четыре показанія, которыя были даны за наличность такого противодѣйствія. Результатъ всего этого шума получился блестящій: показаніямъ свидѣтелей обвиненія вѣры дано не было и слѣдствіе за отсутствіемъ, якобы, уликъ было направлено на прекращеніе.

Я всегда считалъ г. А. очень способнымъ полицейскимъ чиновникомъ. Но въ настоящемъ дѣлѣ имъ проявлено такое искусство веденіе интриги, такъ тонко использованы всѣ обстоятельства, могущія создать въ окружающихъ впечатлѣніе, что просто диву даешься. Такая работа подъ силу лишь очень умному и тонкому человѣку, а между тѣмъ всѣмъ своимъ предшествовавшимъ и дальнѣйшимъ поведеніемъ г. А. вовсе не рисуется таковымъ. Я просто не зналъ, что и думать и остановился на томъ предположеніи, что все сдѣлалось само собой и случайно вышло такъ хитро и цѣлесообразно.

Лишь очень недавно бывшій при мнѣ пензенскимъ полиціймейстеромъ Власковъ при нашей случайной встрѣчѣ въ Старой Руссѣ разсказалъ мнѣ глубоко неожиданныя вещи. По его сло-

вамъ, во всемъ этомъ дѣлѣ г. А. помогалъ и руководилъ имъ совѣтами мой бывшій правитель канцеляріи Д. С. Рыкуновъ, который будто бы былъ моимъ заядлымъ врагомъ, старавшимся вредить мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вражда эта, по предположенію Власкова, объяснялась тѣмъ, что въ силу того, что все дѣло управленія губерніи я велъ вполнѣ самостоятельно, не спрашивая совѣтовъ и мнѣнія управляющаго канцеляріи, послѣдній исполнялъ лишь мои распоряженія и своей иниціативы проявлять не могъ; вотъ такая пассивная роль будто бы раздражала Рыкунова и настраивала его ко мнѣ враждебно. По словамъ Власкова, любимой темой Рыкунова при посѣщеніи его кабинета мѣстными дворянами, была злая критика всѣхъ моихъ распоряженій и всего моего поведенія. Несомнѣнно, что Власковъ передаетъ факты вѣрно. Д. С. Рыкуновъ уже умеръ, со времени описываемыхъ событій прошло пять лѣтъ, самого Власкова судьба перенесла вскорѣ послѣ моего ухода изъ Пензы въ Псковъ, такъ что выдумывать неправду не имѣетъ для него никакого смысла. Я теперь припоминаю, что дѣйствительно А. служилъ приставомъ въ Городищенскомъ уѣздѣ одновременно съ Рыкуновымъ и, кажется, участокъ Рыкунова состоялъ въ станѣ А., такъ что между ними существовали давнишнія связи. Возможно, что по чувству пріязни Рыкуновъ дѣйствительно давалъ совѣты, тѣмъ болѣе что онъ совершенно не выносилъ совѣтника Ш. и считалъ его гораздо хуже, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. А если это было такъ, тогда понятно, что весь богатый матеріалъ, который давало поведеніе Ш., былъ такъ удачно использованъ. Но я совершенно не вѣрю въ то, что Рыкуновъ былъ будто бы моимъ заядлымъ врагомъ. Прежде всего для этого не было основаній. Все, что я могъ, я всегда былъ готовъ сдѣлать и дѣлалъ для него: обставилъ его порядочно матеріально, обращался съ нимъ крайне деликатно; зная, что онъ страдаетъ астмой, никогда почти не требовалъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы ему не подниматься по лѣстницѣ. Когда я оставлялъ губернію, на тотъ случай, если у новаго губернатора будетъ свой правитель канцеляріи, я просилъ С. С. Хрипунова взять Рыкунова къ себѣ на службу, что и было обѣщано. За время нашей совмѣстной работы у насъ никогда не было сколько-нибудь замѣтныхъ столкновеній. Единственно, что могло раздражать Рыкунова, это мои сожалѣнія, что ни самъ онъ, ни чины канцеляріи совершенно не владѣли перомъ, такъ что всѣ министерскія донесенія, а ихъ было вѣдь не мало, приходилось мнѣ составлять самому. Но вѣдь это была правда и Рыкуновъ не могъ этого отвергать, такъ что такія сожалѣнія, конечно, очень непріятныя, едва ли могли породить вражду. Да, еще однажды мнѣ пришлось сдѣлать ему крайне щекотливое замѣчаніе. Въ Пензѣ завели моду требовать въ театрѣ безплатныя мѣста вице-губернатору, правителю канцеляріи и чиновникамъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Такъ какъ такое требованіе было ни на чемъ не основано и производило довольно гнусное впечатлѣніе какого-то вымогательства, то я строжайше запретилъ практировать такую моду. Рыкуновъ, говорятъ, на это обидѣлся. Я нисколько не сомнѣваюсь, что Д. С. Рыкуновъ при

случаѣ не прочь былъ пройтись на мой счетъ и блеснуть своимъ остроуміемъ, но вѣдь есть люди, которые «ради краснаго словца не пожалѣютъ ни мать, ни отца», и онъ былъ изъ числа ихъ.

Такъ что критику моихъ распоряженій среди пензенскаго дворянства я отношу не къ чувству вражды къ себѣ, а къ такому, въ сущности, довольно невинному, зубоскальству.

Когда судебное дѣло было направлено на прекращеніе, А. начинаетъ приносить жалобы: на г. Ш. мнѣ, на меня — Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Будучи въ Петербургѣ, я зашелъ какъ-то въ департаментъ полиціи переговорить съ Бѣлецкимъ о какомъ-то дѣлѣ. Оказывается, что жалоба г. А. Министру находится у него. Прекращенію слѣдствія Бѣлецкій придавалъ особое значеніе и полагалъ, что своимъ дознаніемъ Ш. ввелъ меня въ заблужденіе и что исправникъ пострадалъ напрасно. По словамъ Бѣлецкаго, Министръ предполагаетъ предложить мнѣ реабилитировать исправника. Очевидно, въ такомъ смыслѣ Бѣлецкій намѣренъ доложить Министру полученную жалобу. Указавъ ему на причины направленія слѣдствія на прекращеніе, подтвердивъ, что о виновности исправника мнѣ было извѣстно до производства дознанія Ш., я объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не отдамъ приказа о реабилитаціи исправника и пусть это сдѣлаетъ, если Министръ будетъ на томъ настаивать, мой преемникъ. На мои слова Бѣлецкій не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, считая ихъ, очевидно, пустымъ бахвальствомъ. Между прочимъ, онъ тутъ проговорился: оказывается, что къ нему по дѣлу исправника пріѣзжалъ генералъ Воейковъ, командиръ л.-гв. гусарскаго полка, у котораго въ Пензенской губерніи большое имѣніе. Воейковъ въ судьбѣ А., вѣроятно, принялъ участіе и должно быть просилъ Бѣлецкаго посодѣйствовать его оправданію. Въ Пензѣ много говорили, что Воейковъ узналъ исторію А. отъ своихъ экономическихъ служащихъ, которые ее узнали, конечно, въ передачѣ самого исправника.

Между тѣмъ какъ разъ въ это время П. А. Столыпинымъ вмѣстѣ съ А. В. Кривошеинымъ было предпринято большое путешествіе въ восточную часть Европейской Россіи и въ Сибирь. Министерскій поѣздъ слѣдовалъ черезъ Пензу до Самары, но въ Пензѣ останавливался лишь на 20 минутъ. Мнѣ очень хотѣлось удостоиться чести принять обоихъ министровъ въ своемъ домѣ и я просилъ Петра Аркадьевича по телеграфу принять у меня въ Пензѣ обѣдъ, на что получилъ, къ сожалѣнію, отказъ за неимѣніемъ времени. Поѣздъ шелъ довольно большое разстояніе по губерніи, начиная примѣрно сейчасъ-же за станціей Сосѣдка Тамбовской губерніи. Нужно было принять нѣкоторыя мѣры къ охранѣ поѣзда, такъ какъ революціонеры не оставляли своихъ покушеній на жизнь Столыпина.

Мнѣ слѣдовало встрѣтить поѣздъ на границѣ губерніи на станціи Сосѣдка, куда я и отправился наканунѣ, взявъ съ собой своего человѣка Матвѣя. Какъ разъ за два или за три дня до своего выѣзда я получилъ слѣдующее письмо за подписью Бѣлецкаго.

Милостивый Государь,

Иванъ Францевичъ.

26-го сентября 1909 года Вашимъ Превосходительствомъ былъ отданъ приказъ (помѣщенный въ Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ), объ увольненіи Нижне-Ломовскаго Уѣзднаго Исправника А. отъ означенной должности, съ причисленіемъ къ Губернскому Правленію, при чемъ, въ приказѣ этомъ, на основаніи данныхъ произведеннаго Совѣтникомъ Губернскаго Правленія Ш. разслѣдованія, указывалось, что Адикаевскій отдавалъ подвѣдомственнымъ ему полицейскимъ чинамъ распоряженія не оказывать содѣйствія командируемымъ въ уѣздъ для раскрытія убійствъ и разбойныхъ нападеній чинамъ сыскной полиціи, скрывать отъ нихъ добытыя общею полиціею свѣдѣнія, самовольно производилъ разслѣдованія о дѣйствіяхъ чиновъ полиціи. — «Прямымъ послѣдствіемъ такого возмутительнаго образа дѣйствій А.»,—говорится далѣе въ приказѣ—«явилось то, что Ломовскій уѣздъ сталъ ареною самыхъ тяжкихъ преступленій, слѣдствіе объ этихъ преступленіяхъ ставилось на ложный слѣдъ, задерживались и содержались продолжительное время въ тюрьмѣ люди къ дѣлу непричастные, терялись доказательства виновности преступниковъ».

Затѣмъ о дѣйствіяхъ А. производилось Судебнымъ Слѣдователемъ предварительное слѣдствіе, по разсмотрѣніи коего прокурорскій надзоръ, въ виду благопріятныхъ для А. свидѣтельскихъ показаній, высказался за прекращеніе возбужденнаго противъ него уголовнаго преслѣдованія и дѣло о немъ было прекращено Губернскимъ Правленіемъ по постановленію отъ 23-го марта сего года (отзывъ Вашего Превосходительства отъ 4 апрѣля за № 2394).

По сообщенію и. д. Пензенскаго Губернатора, Вице-Губернатора Толстого, отъ 17-го мая сего года за № 3484, А. уволенъ въ отставку 4-го того-же мая, съ зачетомъ въ государственную службу времени состоянія его подъ слѣдствіемъ и съ возбужденіемъ ходатайства о назначеніи ему усиленной пенсіи и о производствѣ его въ чинъ титулярнаго совѣтника. Изъ отношенія-же Вашего Превосходительства отъ 24-го минувшаго іюля за № 5181, видно, что увольненіе А. послѣдовало, хотя и согласно поданному имъ прошенію, но принудительно, въ виду обращенія его къ Вашему Превосходительству съ письмомъ, заключавшимъ неумѣстныя, въ насмѣшливомъ тонѣ, замѣчанія и угрозы разоблаченіями въ печати.

По докладѣ всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Его Превосходительство изволилъ признать, что А., послѣ допущенной имъ дерзкой выходки по отношенію къ Вашему Превосходительству, оставаться на дальнѣйшей службѣ въ Пензенской губерніи не можетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Г Министръ нашелъ, что категорическія указанія въ приказѣ Вашего Превосходительства на виновность А. въ тяжкихъ служебныхъ преступленіяхъ, наложили на служебную репутацію его незаслуженное пятно, такъ какъ слѣд-

ствіе не подтвердило обвиненія его въ означенныхъ преступленіяхъ, и, что такимъ образомъ А. пострадалъ въ мѣрѣ, несоотвѣтствующей его винѣ, даже если принять во вниманіе упомянутое выше дерзкое обращеніе его къ Вашему Превосходительству. По этимъ основаніямъ Его Превосходительство изволилъ высказать желаніе, чтобы Ваше Превосходительство соотвѣтственнымъ дополнительнымъ приказомъ реабилитировали служебную честь А., согласно результатамъ слѣдствія, тѣмъ болѣе, что предшествовавшая служебная дѣятельность его была безупречна и отмѣчена неоднократными поощреніями и быстрымъ повышеніемъ по службѣ.

Затѣмъ Его Высокопревосходительство Г. Министръ изволилъ признать желательнымъ, чтобы Ваше Превосходительство—въ случаѣ запроса объ А. со стороны какого либо Губернатора, который пожелалъ бы взять его на службу, не препятствовали — неодобрительнымъ о немъ отзывомъ—предоставленію ему соотвѣтственной должности.

Сообщая объ изложенномъ Вашему Превосходительству, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, для доклада Его Высокопревосходительству, о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ Вашихъ по настоящему дѣлу.

Примите, Ваше Превосходительство, увѣренія въ совершенномъ Вамъ почтеніи и преданности

покорнѣйшій слуга **С. Бѣлецкій.**

Письмо это было адресовано мнѣ въ собственныя руки, а потому о содержаніи его никто ничего не зналъ. Въ канцелярію я его не передавалъ.

Письмо это меня страшно огорошило. Я ни минуты не сомнѣвался, что оно явилось результатомъ доклада Бѣлецкаго и что Министръ, вѣроятно, не нашелъ времени лично познакомиться съ дѣломъ. Какъ-быть? Реабилитировать А. мнѣ не позволяло служебное достоинство и моя твердая увѣренность въ его виновности; съ другой стороны—я такъ много обязанъ былъ Петру Аркадьевичу Столыпину, столько видѣлъ къ себѣ съ его стороны довѣрія, что не подчиниться его требованію было для меня невозможно. Глубоко обдумавъ свое положеніе, я рѣшилъ лично доложить Министру при его проѣздѣ подробности этого дѣла въ той надеждѣ, что ознакомившись съ ними, Столыпинъ не будетъ настаивать на реабилитаціи.

Поѣздъ проходилъ по росписанію Сосѣдку часовъ въ 10 утра. Я переодѣлся въ мундиръ и сталъ ждать. Вотъ, наконецъ, онъ идетъ. Вхожу въ вагонъ перваго класса, куда меня направили, а за мной мой человѣкъ Матвѣй несетъ вещи. Его не пускаютъ, говорятъ, что Министръ воспретилъ допускъ постороннимъ. Стоило большого труда уговорить пропустить его, что, наконецъ, по распоряженію полковника Комисарова, вѣдавшаго охраною поѣзда, разрѣшается. Чиновникъ особыхъ порученій министра, кажется, г. Яблонскій сказалъ, что Столыпинъ меня приметъ сейчасъ-же по отходѣ поѣзда со станціи. Дѣйствительно вскорѣ меня пригласили въ вагонъ Столыпина, состоявшій изъ нѣсколькихъ купе и небольшого салона со

стеклянною заднею стѣнкой. Вагонъ шелъ послѣднимъ, а потому черезъ окна этой стѣнки открывался видъ на пройденный поѣздомъ путь.

Послѣ обычнаго привѣтствія, доклада моего о движеніи заболѣванія въ губерніи холерой, я перешелъ къ дѣлу исправника А. и началъ свое изложеніе съ того, что я до такой степени увѣренъ въ правильности своихъ распоряженій, что возникни такое дѣло вновь, поступилъ-бы буквально также. При этихъ словахъ Столыпинъ весь вспыхнулъ и рѣзко сказалъ: однако Вашъ приказъ объ устраненіи отъ должности исправника «верхъ безтактности». При этихъ словахъ я замолкъ и нѣсколько секундъ мы молча смотрѣли другъ на друга. Столыпинъ, какъ будто бы спохватившись, что выразился слишкомъ рѣшительно, въ дальнѣйшемъ разговорѣ старался быть мягкимъ и даже привѣтливымъ. Мы говорили о положеніи въ губерніи землеустройства, уплаты податей и платежей крестьянскому банку, но къ дѣлу А. Министръ не желалъ, очевидно, возвращаться. Аудіенція продолжалась, можетъ быть, съ полчаса. Отпуская, Столыпинъ пригласилъ меня завтракать, предупредивъ, что проситъ быть въ кителѣ.

Я былъ чрезвычайно обезкураженъ, какъ рѣзкою и, на мой взглядъ, совершенно неправильною оцѣнкою своихъ распоряженій, такъ еще больше тѣмъ, что Столыпинъ не пожелалъ меня выслушать, полагаясь цѣликомъ на докладъ Бѣлецкаго. Не имѣя времени спокойно обдумать, какъ-же мнѣ слѣдуетъ теперь дѣйствовать, я взялъ себя въ руки и рѣшилъ пока не подавать виду, что я совершенно разстроенъ и глубоко огорченъ такимъ къ себѣ отношеніемъ.

Отъ Столыпина я прошелъ въ вагонъ А. В. Кривошеина. Последнему мнѣ нужно было доложить о положеніи работъ по организаціи агрономической помощи единоличному крестьянскому хозяйству. Пензенское Губернское Земство устранилось отъ участія въ этомъ дѣлѣ подъ ходячимъ предлогомъ, что земство не можетъ молъ работать лишь для нѣкоторой части плательщиковъ земскихъ сборовъ.

Какія причины заставили наше земство остановиться на такомъ рѣшеніи, конечно, трудно сказать съ полной достовѣрностью, такъ какъ причины эти никѣмъ громко не высказывались. Все, что говорилось по этому поводу, очевидно, было ненастоящимъ, являлось лишь декораціей, прикрывающей невысказанныя соображенія. Я думаю, что главнѣйшей причиной являлось полное недовѣріе къ тому, что изъ этой затѣи можетъ выйти какой-либо толкъ, и что затраченныя на агрономію средства не будутъ выброшены непроизводительно за окно. Вѣдь попытки улучшать методы земледѣлія дѣлались уже не разъ и земствами и отдѣльными экономіями и каждый разъ эти опыты обращались въ нѣчто безсистемное, часто карикатурное. Во всякомъ случаѣ политиканство въ такомъ рѣшеніи нашего Губернскаго Земства роли не играло и элементы, способные стать въ этомъ дѣлѣ на почву оппозиціи, были тогда въ губерніи въ ничтожномъ меньшинствѣ.

Въ виду отказа земства пришлось агрономическую помощь взять въ руки землеутроительнымъ комиссіямъ. Самый планъ по-

становки и веденія дѣла былъ выработанъ особымъ совѣщаніемъ подъ моимъ предсѣдательствомъ. Мнѣ вотъ и надлежало доложить все это А. В. Кривошеину.

Выслушавъ меня, Александръ Васильевичъ одобрилъ все сдѣланное и спросилъ, докладывалъ-ли я объ этомъ Петру Аркадьевичу. Я отвѣтилъ отрицательно, ибо разговоръ объ этомъ Столыпинъ не заводилъ.

Поѣздъ состоялъ изъ двухъ министерскихъ вагоновъ, вагона—столовой, 2 вагоновъ для сопровождающихъ Министровъ лицъ и вагонъ для прислуги. Меня помѣстили въ одно изъ купэ вагона для свиты. Едва я переодѣлся въ китель, какъ стали звать завтракать.

Министровъ сопровождали все мнѣ знакомыя лица: Г. В. Глинка, Д. И. Пестржецкій, Яблонскій. Были еще 2 лица, которыхъ я не зналъ. Это, вѣроятно, были секретарь Кривошеина и второй чиновникъ Столыпина. Полковникъ Комиссаровъ, кажется, за завтракомъ не присутствовалъ.

Петръ Аркадьевичъ пригласилъ меня выпить рюмку водки. Со мной раздѣлилъ компанію лишь Г. В. Глинка, остальные были все люди непьющіе.

За завтракомъ по правую руку Петра Аркадьевича сидѣлъ А. В. Кривошеинъ, по лѣвую—посадили меня. Завтракъ былъ самый обыкновенный, вина подавались удѣльныя. Петръ Аркадьевичъ былъ очень разговорчивъ и все меня разспрашивалъ по поводу мелькавшихъ изъ оконъ видовъ губерніи.

Въ Пензу мы пріѣхали часа въ 2. Я пригласилъ прибыть на вокзалъ лишь начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ,—прося ихъ собраться въ парадныхъ комнатахъ. Начальникъ дивизіи генералъ И. Р. Гершельманъ хотѣлъ просить Петра Аркадьевича разрѣшить снять копію съ портрета его отца для отсылки въ Московскую гренадерскую дивизію, которой онъ когда-то командовалъ.

П. А. Столыпинъ, сопровождаемый мною, вышелъ изъ вагона, чтобы идти въ парадныя комнаты. На платформѣ онъ замѣтилъ моего чиновника особыхъ порученій Н. Д. Колвзана. Съ послѣднимъ незадолго до того приключилась такая исторія. Мѣстная революціонная газета помѣстила какъ-то пакостную статейку, въ которой Колвзанъ былъ выставленъ какимъ-то пьянымъ идіотомъ и скандалистомъ. Не долго думая, Колвзанъ поѣхалъ въ редакцію въ сопровожденіи свидѣтеля, вызвалъ редактора и порядочно его отколотилъ.

Когда я узналъ объ этомъ казусѣ, то рѣшилъ въ него не вмѣшиваться, предоставляя редактору искать удовлетворенія судомъ. Однако это происшествіе облетѣло всѣ лѣвыя газеты и изъ Петрограда меня о немъ запросили. Я написалъ, какъ дѣло было, приложилъ номеръ газеты съ этимъ пасквилемъ и пояснилъ, что не предполагаю въ эту исторію вмѣшиваться. Столыпинъ, однако, предложилъ мнѣ на Колвзанъ наложить дисциплинарное взысканіе и я его арестовалъ домашнимъ арестомъ на три, кажется, дня. Я напомнилъ Столыпину этотъ случай, онъ улыбнулся и нашелъ, что у Колвзана предобродушная наружность.

Принявъ представлявшихся, поговоривъ съ каждымъ немного, Столыпинъ вернулся въ вагонъ, такъ какъ подходило время отхода поѣзда. У вагона онъ со мною простился и просилъ далѣе его не сопровождать.

Вернувшись домой, я крѣпко призадумался, какъ-же быть дальше. Вѣдь, вотъ, на почвѣ совершенно правильныхъ распоряженій меня упрекаютъ въ какой-то безтактности, дѣйствія мои признаются подлежащими отмѣнѣ. Если всѣ эти недостатки были найдены въ данномъ распоряженіи, которое продолжаю и теперь считать совершенно отвѣчающимъ велѣніямъ справедливости и требованіямъ цѣлесообразности, то какая-же гарантія въ томъ, что такая-же оцѣнка не постигнетъ и всякое иное мое дѣйствіе. Получается такимъ образомъ положеніе, что распоряженія мои должны считаться не съ сущностью вызывающихъ ихъ обстоятельствъ, а съ тѣмъ, какое впечатлѣніе могутъ они произвести въ Петроградѣ. Такъ служить я не умѣю и не хочу.

Министръ не пожелалъ даже меня выслушать. Неужели-же Бѣлецкій полнѣе можетъ представить ему всѣ обстоятельства дѣла, чѣмъ я? Если мой докладъ отвергается, значитъ заранѣе уже рѣшено, что я не могу дѣла изложить достаточно правдиво и потому молъ не стоитъ и слушать такихъ пристрастныхъ измышленій. Но вѣдь это значитъ, что министръ мнѣ не довѣряетъ. Ну, а если губернаторъ не пользуется довѣріемъ своего министра, ему нельзя ни минуты продолжать службу. Если, конечно, не считаться съ дѣломъ и въ службѣ видѣть лишь сторону, устраивающую личную жизнь, тогда, разумѣется, недовѣріе министра тревожитъ лишь постолько, посколько оно можетъ прервать ваше благополучіе. Нѣтъ такой опасности и недовѣріе не страшно; оно лишь непріятно, но съ этимъ можно мириться. Но если вы дорожите своимъ дѣломъ, если вкладываете въ свою работу душу и напрягаете всѣ усилія для полученія заранѣе намѣченнаго результата, то вторженіе въ эту сферу ничѣмъ несвязанныхъ съ вашимъ дѣломъ вліяній составляетъ уже прямое несчастіе, парировать которое губернаторъ сможетъ только тогда, если министръ ему вѣритъ и цѣнитъ его работу. Нѣтъ довѣрія— надо уходить въ отставку. Какъ ни кинь, все приходишь къ тому-же выводу.

Изъ чувства благодарности къ П. А. Столыпину я, конечно, отдамъ приказъ о реабилитаціи А. Но каково это дѣлать, когда сознаешь, что кара была наложена правильно и что эта реабилитація результатъ сторонних, не ознакомленныхъ съ дѣломъ вліяній. Вѣдь такой приказъ будетъ равносиленъ признанію, что предшествовавшія мои дѣйствія были несправедливы, а между тѣмъ я глубоко убѣжденъ въ противномъ. Какъ-же примирить эти исключающія другъ друга положенія?

Очевидно, путемъ одновременной съ приказомъ подачей прошенія объ отставкѣ.

Я всю свою жизнь привыкъ много работать и остаться теперь безъ дѣла, когда силы еще имѣются, разумѣется страшно. Но, можетъ быть, я добуду себѣ какое-либо частное дѣло, которое заполнитъ мое время. Да вотъ хотя-бы заняться геніалогическими изы-

сканіями о прошломъ нашего стараго русскаго дворянскаго рода, по нашимъ фамильнымъ преданіямъ связаннаго съ царствующимъ домомъ Романовыхъ и многими другими русскими фамиліями. Вѣдь такія изысканія могутъ представить и общій историческій интересъ.

Кромѣ того—можно бы заняться составленіемъ воспоминаній о годахъ революціи, которые мнѣ пришлось прожить въ тяжелой борьбѣ съ нею. Событія эти имѣютъ слишкомъ большой интересъ, а потому успѣхъ такимъ воспоминаніямъ почти обезпеченъ.

Можно, наконецъ, устроиться у какого-нибудь коммерческаго дѣла. Не всѣ-же такія предпріятія въ рукахъ еврейства и не всѣ-же они преслѣдуютъ цѣли исключительно беззастѣнчивой наживы. Мнѣ не будетъ надобности бросаться въ первое представившееся дѣло, такъ какъ, выслуживъ всѣ 35 лѣтъ, я получу порядочную пенсію и вмѣстѣ съ тѣмъ, что у меня есть, буду совершенно независимъ матеріально, а слѣдовательно можно будетъ выжидать чего-либо по душѣ.

Всѣ эти соображенія привели меня къ слѣдующимъ рѣшеніямъ.

1. Отдаю Приказъ, что въ силу направленія на прекращеніе возбужденнаго противъ А. слѣдствія объ его преступленіяхъ по службѣ считать его уволеннымъ въ отставку по прошенію. Такое прошеніе имъ было мнѣ представлено при своей жалобѣ;

2. Посылаю въ Петроградъ прошеніе объ увольненіи меня по разстроенному здоровью отъ службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ пишу краткое письмо Петру Аркадьевичу, въ которомъ сообщаю ему о подачѣ прошенія объ отставкѣ, прошу разрѣшить мнѣ до приказа о моемъ увольненіи сдать должность вице-губернатору и уѣхать въ отпускъ. Письмо это я послалъ въ Челябинскъ и написалъ начальнику тамошней почтово-телеграфной конторы просьбу направить его по мѣсту нахожденія Столыпина.

Свой уходъ я рѣшилъ мотивировать въ Пензѣ тѣмъ, что, выслуживъ пенсію, хочу пожить свободнымъ человѣкомъ на деревенскомъ просторѣ. Истинные поводы отставки, можетъ быть, скажу лишь самымъ близкимъ людямъ и то попозже. При этомъ я ни въ какомъ случаѣ не позволю себѣ осуждать Столыпина, такъ какъ продолжалъ глубоко его уважать и свою исторію приписывалъ прежде всего недосугу лично ознакомиться съ дѣломъ и необходимости полагаться на доклады подчиненныхъ.

Разумѣется, вѣсть о моемъ уходѣ разлетѣлась со скоростью вѣтра. Меня стали посѣщать сослуживцы и знакомые съ изъявленіями соболѣзнованія и въ этихъ изъявленіяхъ чувствовалась искренность, очень меня трогавшая.

Я долженъ сказать, что у меня установились очень хорошія отношенія и съ обществомъ, и съ подчиненными. Разумѣется, были отдѣльныя лица, которыя относились, можетъ быть, ко мнѣ и не симпатично, но эти случаи не были характерными, а составляли въ общемъ исключеніе. И, право, это не самообольщеніе. Вѣдь всякій мало мальски чуткій человѣкъ всегда чувствуетъ, какъ люди къ нему относятся и отлично разбирается, гдѣ дѣлается видъ и гдѣ имѣется дѣйствительное расположеніе и симпатія.

Въ общемъ меня въ Пензѣ любили и дѣятельность мою одобряли, считая меня порядочнымъ и самостоятельнымъ губернаторомъ.

Мы сейчасъ-же приступили къ укладкѣ вещей, которыхъ было очень много, еще до полученія разрѣшенія сдать должность вицегубернатору.

Приблизительно черезъ недѣлю послѣ отсылки прошенія объ отставкѣ получаю слѣдующую телеграмму отъ товарища министра А. И. Лыкошина. «Пораженъ подачей прошенія отставкѣ; въ силу нашихъ добрыхъ отношеній сообщите дѣйствительную причину». Эта телеграмма меня очень удивила. А. И. Лыкошинъ пріѣзжалъ къ намъ въ губернію для ознакомленія съ теченіемъ дѣла землеустройства, держалъ онъ себя здѣсь очень просто, безъ всякаго слѣда олимпійства, со мною былъ очень любезенъ, о службѣ моей, кажется, хорошо отзывался, но чтобы у насъ устновились добрыя отношенія— я этого сказать не могу. Пріѣхавъ въ Петроградъ послѣ посѣщенія Лыкошина нашей губерніи, я заѣзжалъ къ нему съ визитомъ, но онъ этого визита мнѣ не отдалъ. Встрѣтившись съ нимъ на обѣдѣ у П. А. Столыпина, я былъ представленъ его женѣ, при чемъ Александръ Ивановичъ заявилъ о своемъ намѣреніи позвать меня какъ нибудь къ себѣ пообѣдать, но это такъ намѣреніемъ и ограничилось. Такъ, что наши сношенія не выходили въ сущности изъ сферы оффиціальной. И вдругъ такое участіе! Это мнѣ было непонятно. Я подумалъ было, не по порученію-ли Петра Аркадьевича онъ меня запрашиваетъ, но затѣмъ отвергнулъ такое предположеніе, ибо еслибы для Столыпина были дѣйствительно непонятны причины моего ухода, чего я ни на минуту не допускалъ, то слѣдовало-бы вызвать меня въ одинъ изъ городовъ имъ посѣщаемыхъ или въ Петроградъ и узнать эти причины лично отъ меня. Поэтому я рѣшилъ, что А. И. Лыкошинымъ руководитъ, вѣроятно, простое любопытство и на его телеграмму отвѣтилъ довольно неопредѣленно.

Въ Пензѣ было рѣшено устроить мнѣ проводы и распорядительство ими взяли на себя пензенскій предводитель А. Н. Селивановъ и вице-губернаторъ А. М. Толстой.

Конечно, мнѣ ничего пока объ этомъ не говорили, но слухъ о приготовленіяхъ до меня дошелъ. Такъ я узналъ, что чины полиціи производятъ между собою сборъ мнѣ на подарокъ. Я всегда былъ строгъ и требователенъ къ полиціи и едва-ли большинство ея чиновъ питало ко мнѣ особое расположеніе, такъ что этотъ сборъ, затѣянный или полиціймейстеромъ или кѣмъ-либо изъ исправниковъ, могъ приниматься полицейскими чиновниками, какъ неотвратимое зло, отъ котораго неловко уклониться. Я не знаю, такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ, но одна возможность такого навязыванія заставила меня пригласить къ себѣ полиціймейстера и просить его объявить своимъ товарищамъ, чтобы сборъ этотъ прекратили, такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не желаю, чтобы плохо оплаченные чины полиціи ради меня расходовались и никакого подарка не приму. Слава Богу, время еще не было упущено, подарокъ не былъ заказанъ, такъ что сборъ вернули подписавшимся.

Проводы были назначены въ дворянскомъ собраніи. Надо сказать, что губернскій предводитель дворянства Гевличъ все не со-

глашался освѣтить собраніе электричествомъ и оно по-старинному освѣщалось лампами и свѣчами въ люстрахъ. Прекрасное помѣщеніе собранія отъ этого ужасно теряло. Когда я бралъ его для устройства благотворительныхъ вечеровъ, то мы проводили электрическіе провода къ дуговымъ лампамъ черезъ форточки, по кронштейнамъ и т. п., не смѣя вбить въ стѣну ни одного гвоздика.

На этотъ разъ все помѣщеніе было залито электричествомъ. Меня со всей семьей пригласили къ 8 ч. вечера. Когда мы пріѣхали, насъ встрѣтили на лѣстницѣ Гевличъ съ распорядителями и поднесли мнѣ на память прекрасную серебряную вазу. Подъ звуки военнаго оркестра жену мою повелъ въ гостиную Гевличъ, дочь—Селивановъ, а я съ сыномъ—шли вмѣстѣ съ Толстымъ. Народу собралось очень много: предводители дворянства, земскіе начальники, многіе помѣщики, чиновники губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ учрежденій.

Обѣденный столъ былъ усыпанъ живыми цвѣтами, украшенъ букетами и серебромъ.

Очень долго пришлось мнѣ обходить собравшихся, здороваясь съ ними. Но вотъ мы обмѣнялись привѣтствіями и распорядители приглашаютъ къ обѣденному столу.

Обѣдъ былъ великолѣпенъ, какъ умѣетъ устраивать А. Н. Селивановъ. Шампанское стали подавать съ самаго начала обѣда, а передъ нашими мѣстами въ центрѣ стола поставили подаренную мнѣ вазу, наполненную шампанскимъ.

Первый тостъ провозгласилъ Д. А. Гевличъ. Указавъ на мои заслуги по успокоенію губерніи, онъ отмѣтилъ, что тяжелое время разстроило мое здоровье и я потому оставляю службу. Но онъ увѣренъ, что періодъ моего отдыха будетъ непродолжительнымъ и я скоро опять вернусь къ дѣлу. Говоря объ установившихся у меня съ дворянствомъ и населеніемъ губерніи отношеніяхъ, Гевличъ сказалъ много для меня лестнаго. Обращаясь-же къ себѣ лично, онъ меня очень тронулъ памятными мнѣ словами, что за его тридцатилѣтнее предводительство лучшими губернаторами были князь Святополкъ-Мирскій и я.

Разстроенный до глубины души, я сейчасъ-же провозгласилъ тостъ за пензенское дворянство и уважаемаго его предводителя Дмитрія Ксенафонтовича Гевлича. Затѣмъ сказалъ слово распорядитель обѣда вице-губернаторъ А. А. Толстой. Онъ упомянулъ о моихъ служебныхъ заслугахъ, выразилъ сожалѣніе, что служебная моя дѣятельность рано обрывается, пожелалъ мнѣ и моей семьѣ всякихъ благъ въ дальнѣйшей жизни.

Какъ видите, въ словахъ его не заключалось ничего особеннаго. А между тѣмъ въ Пензѣ распространился слухъ, кажется, и самъ А. А. Толстой объ этомъ мнѣ говорилъ, что министерство якобы поставило ему въ вину эту рѣчь, усмотрѣвъ въ ней какія-то оппозиціонныя тенденціи и вообще неодобреніе дѣйствій министра П. А. Столыпина.

Я не знаю, конечно, насколько это вѣрно и полагаю, что если что-либо подобное имѣло мѣсто въ Петроградѣ, то только въ департаментѣ полиціи. Думаю это потому, что содержаніе рѣчи Толстого

могло стать извѣстнымъ лишь изъ донесенія губернскаго жандармскаго управленія, начальникъ котораго, сколько помню, на обѣдѣ самъ не присутствовалъ, будучи въ отъѣздѣ, а слѣдовательно передача дѣлалась съ чужихъ словъ. Возможно, что въ департаментѣ повѣрили такой передачѣ, придали ей значеніе и, можетъ быть, даже доложили Столыпину. Если это и было, то я голову даю на отсѣченіе, что Петръ Аркадьевичъ могъ только улыбнуться такому докладу и, разумѣется, не придалъ ему никакого значенія, какъ-бы ни разукрасили такую сплетню.

Розсказни о неудовольствіи Столыпина, я глубоко увѣренъ въ томъ, дѣлались безъ его вѣдома.

Тостовъ было очень много. Между прочимъ чины губернскаго правленія поднесли мнѣ серебряную вазу-ведро съ чарками.

Я отвѣчалъ сейчасъ-же на каждый тостъ. Не знаю, удавались-ли мнѣ эти отвѣты, но я вкладывалъ въ нихъ искреннее чувство и глубокую признательность за оказываемое мнѣ и семьѣ моей вниманіе и сочувствіе.

Послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія въ Пензѣ это былъ сплошной фестивалъ. Каждый день насъ куда-либо звали, то къ обѣду, то вечеромъ.

Г.г. предводители дворянства и земскіе начальники устроили мнѣ завтракъ въ Татарскомъ ресторанѣ. Тутъ говорилось также много рѣчей и высказывались наилучшія пожеланія.

Наконецъ, вещи наши были отправлены, всѣ сборы кончены и на 26 августа мы назначили свой отъѣздъ.

Провожать насъ на вокзалъ пріѣхалъ весь городъ.

Подали шампанское и Д. К. Гевличъ у нашего вагона на платформѣ пожелалъ намъ отъ имени пензяковъ добраго пути.

Подъ звуки военнаго оркестра, поѣздъ нашъ отошелъ и съ глубокой грустью въ сердцѣ я разстался съ губерніей, въ которой поработалъ почти четыре года. Много тутъ было пережито тревогъ, волненій, но все это вспоминается теперь какъ-то особенно тепло, точно эти четыре года были сплошной радостью: такъ скрасили мнѣ это тяжелое время мои добрые друзья и знакомые своей сердечной привѣтливостью и расположеніемъ.

Изъ Пензы мы отправились въ нашу Новгородскую деревню, гдѣ я предполагалъ жить и зимой. Семья-же моя на зиму взяла квартиру въ Новгородѣ. Отъ деревни моей это было въ 27 верстахъ, въ разстояніи часа съ небольшимъ ѣзды по узкоколейной желѣзной дорогѣ, такъ что и я часто тамъ у нихъ проживалъ.

Первое время я былъ занятъ устройствомъ на новомъ мѣстѣ Но когда это все было приведено въ порядокъ, у меня становилось все болѣе и болѣе незаполненныхъ часовъ, съ которыми я не зналъ что дѣлать.

Отставка моя ужасно долго задержалась. Случилось это оттого, что Государь былъ въ это время заграницей въ Гессенъ-Дармштадтѣ, да и Столыпинъ отсутствовалъ изъ Петрограда.

Состоялась она только въ концѣ октября, т. е. черезъ 2½ мѣсяца послѣ подачи мною прошенія. Подавъ прошеніе объ отставкѣ, я просилъ о назначеніи мнѣ пенсіи. Мнѣ совсѣмъ ничего не было

извѣстно, въ какомъ положеніи находилось это мое ходатайство. А потому я рѣшилъ съѣздить въ Петроградъ, навести справки.

Слѣдовало-бы явиться къ Петру Аркадьевичу и поблагодарить его за то довѣріе, которое онъ мнѣ оказывалъ до послѣдняго времени. Но я очень стѣснялся тѣмъ, какъ-бы такое представленіе не было объяснено попыткой сыграть назадъ и не датъ ходу моему прошенію объ отставкѣ. А потому по зрѣломъ размышленіи я рѣшилъ сдѣлать это тогда, когда отставка состоится и будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ о пенсіи. Если Столыпинъ не пожелалъ-бы меня принять, я предполагалъ тогда написать ему подробное письмо.

Мнѣ нужно было также въ Петроградѣ повидать управляющаго дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ С. С. Хрипунова и попросить его за Д. С. Рыкунова, моего правителя канцеляріи, на тотъ случай, если-бы онъ не могъ остаться на своемъ мѣстѣ при новомъ губернаторѣ.

Вопросъ о моей пенсіи, оказалось, былъ уже въ ходу. Столыпинъ представилъ меня къ 5 тысячамъ пенсіи, а министръ финансовъ соглашался дать только 3½ тысячи. Вопросъ объ этомъ разногласіи предстояло рѣшить Совѣту Министровъ, куда дѣло скоро и будетъ направлено. Я никакъ не ожидалъ, что за 35 лѣтъ службы можетъ быть разговоръ о 3½ тысячахъ, когда я знаю примѣръ, что менѣе чѣмъ за 20 лѣтъ назначили 2½ тысячи. Но я очень мало зналъ Коковцова и не хотѣлъ его просить не обижать меня, расчитывая на заступничество Столыпина.

С. С. Хрипуновъ принялъ меня очень привѣтливо и просилъ разсказать ему причины моей отставки. Услышавъ отъ меня то, что я уже изложилъ на этихъ страницахъ, онъ отъ себя передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности полученія Столыпинымъ моего письма объ оставленіи службы. Дѣло происходило въ Перми, куда было переслано мое письмо. С. С. Хрипуновъ тутъ присутствовалъ, такъ какъ сопровождалъ министровъ. Выйдя въ столовую съ письмомъ моимъ въ рукахъ, Петръ Аркадьевичъ обратился къ А. В. Кривошеину и сказалъ:

— Сейчасъ мнѣ доставили письмо пензенскаго губернатора Кошко, гдѣ онъ пишетъ, что по болѣзни проситъ уволить его въ отставку. Мы еще такъ недавно его видѣли, онъ былъ веселъ и здоровъ и вдругъ такая перемѣна. Что бы это значило? Вы не знаете, Александръ Васильевичъ, какія причины такой отставки?

Степанъ Степановичъ говоритъ, что во всей фигурѣ Столыпина было столько неподдѣльнаго удивленія, что, несомнѣнно казалось причины эти были ему неизвѣстны и онъ объ нихъ даже не догадывается.

Вскорѣ затѣмъ я узналъ также, что телеграмма Лыкошина была прислана мнѣ по порученію Столыпина, который почему-то находилъ неудобнымъ запросить меня лично. Впослѣдствіи самъ А. И. Лыкошинъ это мнѣ подтвердилъ.

Эти два факта ужасно меня взволновали и доказали, что я какъ будто-бы слишкомъ преувеличилъ значеніе дѣла н.-ломов-

скаго исправника и поторопился съ выводами объ утратѣ мною довѣрія Петра Аркадьевича.

Въ самомъ дѣлѣ, если-бы министръ пересталъ считать меня хорошимъ губернаторомъ и порядочнымъ человѣкомъ, развѣ-бы онъ обратилъ вниманіе на мое прошеніе объ оставкѣ? Онъ былъ-бы только доволенъ такимъ исходомъ, разрѣшавшимъ безъ лишнихъ осложненій создавшееся положеніе и только. А то нѣтъ: онъ какъ будто встревоженъ, ищетъ и не находитъ объясненія моему поступку, тѣмъ самымъ безмолвно признавая, что онъ не видитъ въ моей службѣ поводовъ къ такому рѣшенію.

Казалось-бы, при такихъ условіяхъ проще всего было-бы прямо спросить меня, въ чемъ дѣло. Но Петръ Аркадьевичъ, видимо, считалъ, что его достоинство главы правительства не позволяетъ ему вступать въ такіе переговоры съ подчиненной ему, сравнительно, мелкой сошкой, хотя, очевидно, ему этого и хотѣлось. И вотъ онъ придумываетъ выходъ, удовлетворяющій и его желаніе и спасающій служебную щепетильность: поручаетъ запросить меня Лыкошину, якобы по собственной его, Лыкошина, инициативѣ.

Вотъ случай, чрезвычайно рельефно доказывающій, какъ излишнее человѣческое самолюбіе осложняетъ самое простое положеніе.

Узнавъ о томъ, что министръ финансовъ такъ значительно предполагаетъ уменьшить мнѣ пенсію, сравнительно съ представленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, С. С. Хрипуновъ обѣщалъ при ближайшемъ своемъ докладѣ Коковцову доложить ему о моихъ заслугахъ по дѣятельности крестьянскаго банка; можетъ быть это сдѣлаетъ Коковцова болѣе уступчивымъ.

Что-же касается Рыкунова, то Степанъ Степановичъ изъявилъ полное согласіе взять его къ себѣ на службу, если-бы это понадобилось. Но Рыкуновъ остался правителемъ канцеляріи и при моемъ замѣстителѣ А. П. Лименфельдъ-Тоаль и состоялъ на этой должности до самой своей смерти.

Вернувшись отъ Хрипунова я написалъ письмо В. Н. Коковцову, прося его не уменьшать мнѣ пенсіи, сравнительно съ представленіемъ Столыпина. Черезъ мѣсяцъ, примѣрно, Коковцовъ мнѣ отвѣтилъ, извѣщая о своемъ согласіи на 4 тысячи пенсіи, что является, по его словамъ, чѣмъ-то доселѣ небывалымъ и что свое согласіе на такой высокій размѣръ пенсіи имъ дано въ виду моихъ заслугъ по министерству финансовъ.

Изнывая все болѣе и болѣе въ бездѣйствіи и зная, что причиной такого бездѣйствія моя собственная ошибка, я пришелъ къ заключенію, что такую ошибку надо исправить. Разумѣется, самолюбіе протестовало противъ открытаго признанія, что я не правильно оцѣнилъ положеніе и приписалъ людямъ побужденія, которыхъ они, оказывается, не имѣли, но въ моемъ характерѣ все-таки есть черта, что я имѣю мужество признать себя неправымъ, если факты меня въ томъ убѣждаютъ. Такъ бываетъ со мною и въ отношеніи начальства, и въ отношеніи подчиненныхъ. Не скажу,

чтобы это дѣлалось легко, не безъ внутренней борьбы. А все-таки въ концѣ концовъ я обыкновенно приношу повинную.

Въ настоящемъ случаѣ я послѣ продолжительныхъ колебаній пишу письмо Петру Аркадьевичу, въ которомъ откровенно признаюсь, что безъ дѣла совершенно изныраю и прошу его взять меня обратно на службу. Такъ какъ въ то время была свободна вакансія саратовскаго губернатора, а эта губернія смежна съ Пензенской и по своимъ условіямъ напоминала послѣднюю, а слѣдовательно мнѣ не чужда, поэтому я просилъ, если это возможно, дать мнѣ мѣсто въ Саратовѣ. Здѣсь я ни слова не писалъ, ни о причинахъ своей отставки, ни о томъ, что созналъ свою ошибку. Я рѣшилъ это сдѣлать при личномъ свиданіи, если Петру Аркадьевичу будетъ угодно меня повидать.

Очень долго не получалось никакихъ извѣстій, такъ что я уже думалъ, что Столыпинъ не желаетъ меня знать и бросилъ письмо мое безъ отвѣта. Какъ вдругъ недѣли такъ черезъ 2—3 получаю письмо отъ директора департамента общихъ дѣлъ А. Д. Арбузова, въ которомъ онъ, по порученію министра, проситъ меня зайти къ нему въ департаментъ переговорить по дѣлу.

Являюсь. Алексѣй Дмитріевичъ встрѣчаетъ меня такими словами:

— Министръ поручилъ мнѣ передать вамъ, что, хотя онъ былъ глубоко возмущенъ вашей отставкой, но считая, что вы были отличнымъ губернаторомъ, готовъ вновь предоставить вамъ мѣсто въ одной изъ губерній, только не въ Саратовской, которая уже предложена другому лицу. Что вы на это скажете?

Я съ волненіемъ слушалъ эти слова. Нѣсколько успокоившись,—я просто отвѣтилъ:

— Приму такое предложеніе съ благодарностью.

— Хорошо, вашъ отвѣтъ я доложу министру,—сказалъ Арбузовъ.

Проживая въ Новгородской губерніи, я принималъ въ первыхъ числахъ декабря участіе въ очередномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи.

Нашъ губернскій предводитель дворянства и членъ Государственнаго Совѣта князь Павелъ Павловичъ Голицынъ, съ которымъ у меня были давнишнія хорошія отношенія съ тѣхъ еще временъ, когда онъ былъ нашимъ уѣзднымъ предводителемъ, сообщилъ мнѣ тутъ по секрету, что ему сказалъ П. А. Столыпинъ о переводѣ тогдашняго Новгородскаго губернатора П. П. Башилова въ другую губернію, а въ Новгородъ будетъ назначено такое лицо, назначеніемъ котораго, какъ выразился Петръ Аркадьевичъ: «вы будете очень довольны». Голицынъ полагалъ, что Столыпинъ намекалъ на меня, зная о моихъ добрыхъ съ княземъ Павломъ Павловичемъ отношеніяхъ.

Я тоже такъ подумалъ, тѣмъ болѣе, что еще за годъ какъ-то до своей отставки я просилъ Столыпина перевести меня въ Новгородскую губернію и онъ изъявилъ на то согласіе, если откроется вакансія.

Въ это время тяжко заболѣлъ мой сынъ и былъ помѣщенъ въ одну изъ лечебницъ Петрограда. Я переѣхалъ тоже въ Петроградъ, чтобы быть поближе къ больному, а одно время недѣли полторы даже прожилъ съ сыномъ въ лечебницѣ, взявъ себѣ тамъ рядомъ съ больнымъ комнату.

Времени свободнаго у меня было очень много и вотъ я съ особымъ рвенiемъ занялся архивными изысканiями о прошломъ своего рода.